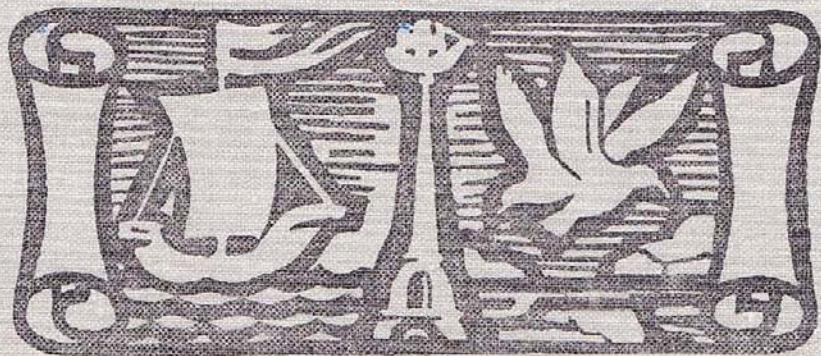
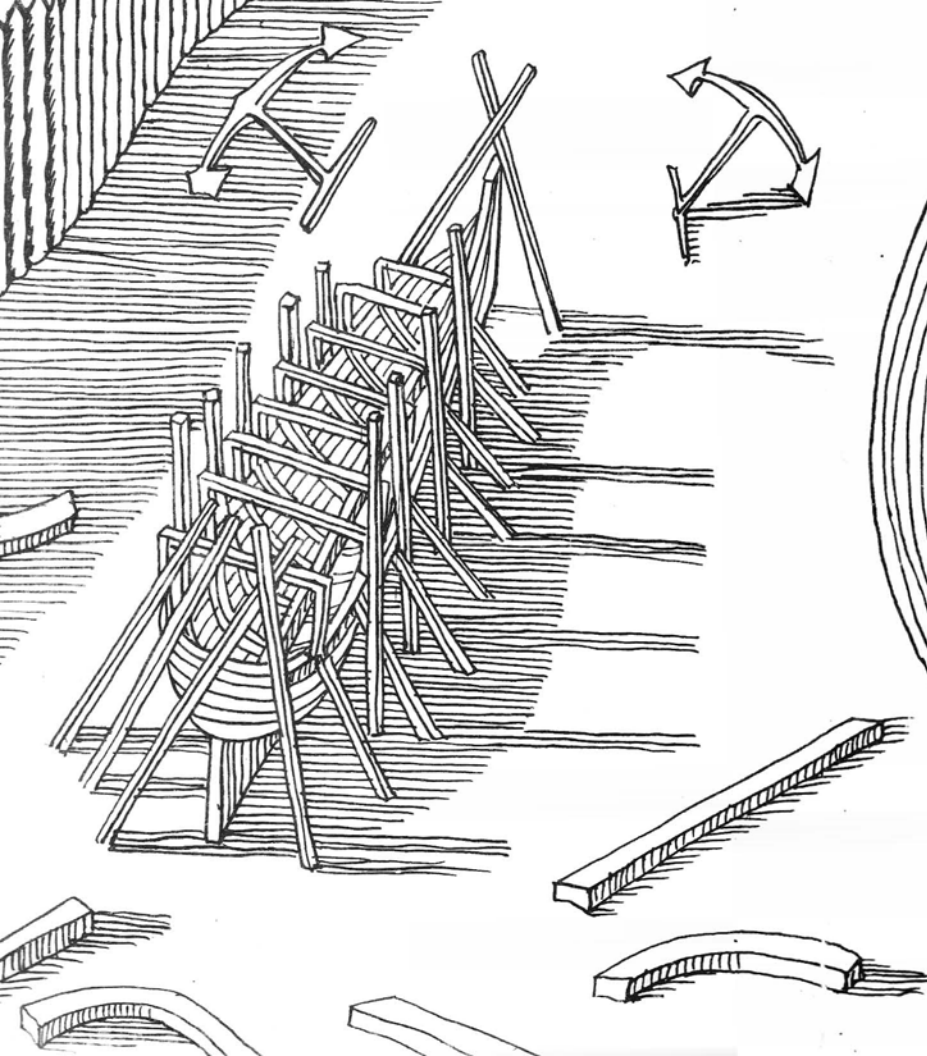

кр. 4890(2)
Г63

Л. А. ГОЛЬДЕНБЕРГ

МЕЖДУ ДВУМЯ
ЭКСПЕДИЦИЯМИ
БЕРИНГА

Кр. Д8902
Г63

Л. А. ГОЛЬДЕНБЕРГ

МЕЖДУ ДВУМЯ
ЭКСПЕДИЦИЯМИ БЕРИНГА

745599

Отдел
абонемента

МАГАДАНСКАЯ
Областная библиотека
им. А. С. ПУШКИНА

Магаданское
книжное
издательство
1984

~~ОТДЕЛ
АБОНЕМЕНТА~~

26.89 (2P55)

Г63

Рецензент

А. А. Преображенский, доктор исторических наук

Г 0503000000-008
М-149(03)-084 38-84

ОТ АВТОРА

Предлагаемая вниманию читателя книга была задумана как наиболее полная научно-популярная биография солдатского сына, воспитанника Морской академии Михаила Спиридоновича Гвоздева — картографа и мореплавателя, участника дальневосточных и камчатских экспедиций, главы морского похода к берегам Северо-Западной Америки, первооткрывателя Аляски со стороны Тихого океана. Но другой океан — безбрежный мир ранее неизвестных исторических документов заставил автора изменить первоначальный замысел и попытаться осветить деяния скромного геодезиста-труженика в тесной связи с некоторыми событиями великих русских географических открытий на Дальнем Востоке в первой половине XVIII в.

В истории России бурные события этого периода занимают особое место. Проведенные правительством Петра I решительные меры борьбы с отсталостью в различных областях государственного управления, хозяйства, военного и морского дела, культуры значительно укрепили Русское государство. Суровыми были расправы с антифеодальными движениями, с противниками вводимых новшеств. Преобразования сопровождались ломкой сложившегося уклада жизни всех слоев населения. Реформа государственного аппарата, создание регулярной армии и военно-морского флота, организация Академии наук, Морской академии, учебных заведений, развитие промышленности и торговли, победоносное завершение Северной войны и возвращение берегов Балтийского моря, успешное решение внешнеполитических задач — все это превратило Россию в могущественнейшую европейскую державу. В условиях ускоренного роста производительных сил реформы дали мощный толчок развитию мореплавания и наук, в особенности естествознания, математики, астрономии, географии.

В связи с государственными преобразованиями и активной внешней политикой по инициативе Петра I и его сподвижников стала на путь энергичного научного развития и русская картография. Первую государственную съемку России в 1717—1752 гг. проводили 282 специалиста, из которых 60 квалифицированных геодезистов и учеников трудились в Сибири и на Дальнем Востоке. Неповторимы их судьбы. Но полусухотливая поговорка «геодезист, не бесись, меряй прямо!», зафиксированная А. И. Богдановым в 1741 г., свидетельствует о том, что почти через четверть века после начала съемочных работ выпускниками Морской академии в памяти народной отложился став-

ший привычным для самых глухих уголков России образ трудолюбивого картографа¹.

По рекам и морям, по долам и весям составляли сибирские геодезисты уникальные географические описания и карты, «не взирая на приключившиеся невозможности, со всею прилежностью, и ездили на собаках, а инде и пеши, на лыжах... хотя и претерпев тогда немалую нужду и голод, что надлежит ко известию, описав тамошних народов нравы, состояние и промыслы».

Более всех, свыше 30 лет, служил в Сибири рядовой геодезист Гвоздев, выходец из народа, с трудом достигший офицерского звания. С его именем связано одно из выдающихся научных достижений в истории наук о Земле. Хотя М. С. Гвоздев и остался одной из центральных фигур настоящего исследования, ведущее место заняло рассмотрение хода и результатов освоения и изучения Северо-Востока Азии и Тихого океана анадырским, камчатским, охотским и морским отрядами Дальневосточной экспедиции якутского казачьего головы А. Ф. Шестакова и капитана Сибирского драгунского полка Д. И. Павлуцкого. Повествование отражает судьбы истинных творцов истории освоения края — русских служилых людей, солдат, матросов, мореходов, офицеров и командиров разных рангов. Среди них особенно выделялись казак Скурихин, солдат Змиев, гренадер Селиванов, матросы Петров, Сметанин и Турнаев, мореход Мошков, монах Козыревский, рудознатец Гардеболь, судостроитель Спешнев, сын боярский И. Шестаков, подпрапорщик Перевалов, переводчик Линденау, подштурман Федоров, штурман Генс, мичманы Ртищев и Шельтинг, ссыльный капитан-поручик Казанцев, майор Мерлин, командиры Охотского порта Скорняков-Писарев, Девьер и Зыбин, капитан Шпанберг и капитан-командор Беринг. При этом автор не стремится дать систематическое описание развития знаний о географических открытиях в Сибири, на Тихом океане и в Северо-Западной Америке. Это сделано в капитальных историко-географических исследованиях А. И. Андреева, Л. С. Берга, М. И. Белова, В. И. Грекова, А. В. Ефимова, Д. М. Лебедева, А. И. Алексеева и других ученых. Недаром современный американский ученый Р. Фишер заявил, что без изучения вклада советских авторов последующие исследования проблем открытий были бы неубедительными (Fisher, 1977, с. 6).

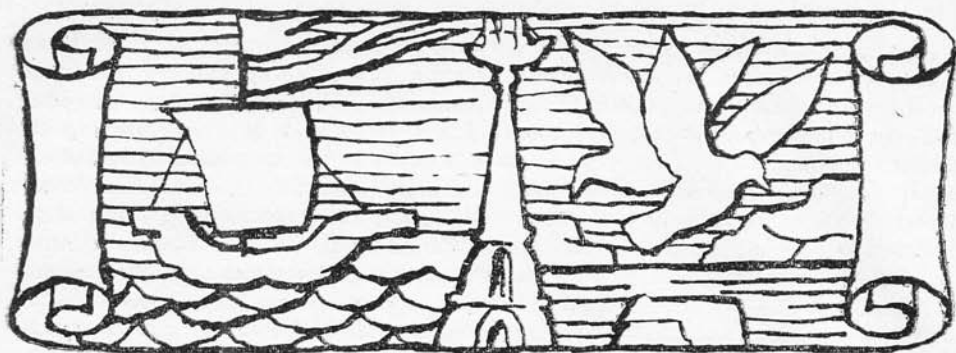
В отличие от «самоохотных» походов служилых людей в XVII в. — начале XVIII в. главной особенностью северо-восточных экспедиций первой половины XVIII в. стало тесное переплетение решаемых ими государственных задач социально-политического, экономического и научного характера. Экспедиционная активность в XVIII в. была предопределена развитием общеисторических процессов и явлений — потребностями всероссийского рынка, борьбой России за выходы к морям, практическими интересами чиновничье-дворянской монархии. Экспедиционную деятельность этого периода отличает единая стратегическая задача, обусловившая целеустремленность, логическую последовательность и известную преемственность проведения исследований. Символичны в связи с этим, с одной стороны, встреча руководителя возвращающейся Первой Камчатской экспедиции (1725—1729) В. Беринга с продвигающимся на восток отрядом Дальневосточной экспедиции (1727—1734), а с другой, — переход многих участников экспедиции Шестакова — Павлуцкого на службу во Вторую Камчатскую экспедицию (1733—1743).

¹ Пословицы, поговорки, загадки в рукописных собраниях XVIII—XIX вв. М.—Л., 1961, с. 75.

Увенчанный крупными географическими открытиями период, давший название книге «Между двумя экспедициями Беринга», изучен недостаточно. Лишь благодаря счастливой и удивительной находке в архиве (Гольденберг, 1980а) личного фонда штурмана Я. Генса и ранее неизвестных материалов Сената появилась реальная возможность детального исследования истории походов и плаваний отрядов и партий экспедиции Шестакова — Павлущего на значительной документированной и достоверной основе. Новые исторические источники разносторонне освещают общие вопросы организации и деятельности экспедиции, а также неоценимые для историка столкновения сильных и слабых человеческих характеров и страстей, жизненные серьезные и трагикомические ситуации, сложные взаимоотношения служилых людей и аборигенов, офицеров и их подчиненных, а также жизненный уклад, бытовые условия, проблемы снабжения, вооружения, питания, строительства судов и острогов. Освещаются вопросы организации морских путей (Охотск — Камчатка, Камчатка — Анадырь), поисков полезных ископаемых, сбора ясака, а также административного управления огромным краем. Материалы отражают ход восстания ительменов 1731 г., его подавление и работу следственной комиссии, в которой принимали участие члены экспедиции М. Гвоздев, И. Спешнев и С. Гардебольт. На основании подлинных документов во многом иначе, чем представлено до сих пор в историко-географической литературе, рисуются теперь отношения между главными героями морского плавания в Тихом океане к берегам Северо-Западной Америки летом 1732 г.

400-летие вхождения Сибири в состав Русского государства и 250-летие открытия Аляски со стороны России вызвали огромный интерес к истории их освоения и изучения. Расширение источниковой базы исследований необходимо для проведения обоснованной борьбы против буржуазной фальсификации истории освоения за восстановление русского приоритета ряда открытий в Тихом океане. Новые материалы позволяют показать также истоки и динамику влияния русской материальной и духовной культуры на изменение жизненного уклада, быта и хозяйства коренных народностей Северо-Востока Азии. Землепроходцы и мореплаватели, а вслед за ними русские крестьяне явились тем своеобразным катализатором, который способствовал прогрессивному характеру эволюции экономики сибирских народностей.

Автор надолго сохранит признательность академику А. П. Окладникову за выбор темы и советы по структуре книги, доктору исторических наук А. А. Преображенскому за ценные замечания и поддержку, заведующей читальным залом ЦГАДА Н. М. Васильевой за неизменную помощь.

Глава 1

ПРОЕКТ ЯКУТСКОГО КАЗАЧЬЕГО ГОЛОВЫ А. Ф. ШЕСТАКОВА

26 июля 1732 г. в далеком Сибирском приказе было рассмотрено и удовлетворено прошение недорослей Василия и Петра Афанасьевичей Шестаковых «о определении в Якуцк в дети боярские в первую статью по штату и о учинении им против таковых же жалованья за службы отца их, Афанасья Шестакова, которой был по городу Якуцку во дворянех и на баталии убит от неприятелей»¹. Так русское правительство отметило служебную деятельность незаурядного и самобытного человека, оставившего заметный след в организации освоения Восточной Сибири.

Голова конных и пеших казаков Якутского полка Афанасий Федотович Шестаков и его многочисленные родственники издавна несли военную службу в Сибири. Переписная книга по городу Якутску за 1720 г. отмечает живущих в одном доме братьев-близнецов Афанасия и Алексея (род. в 1677 г.), их сыновей — Василия Афанасьевича (1715 г.), Лаврентия Алексеевича (1706 г.), Петра Алексеевича (1718 г.), племянников — Петра Григорьевича (1710 г.), Ивана Григорьевича (1705 г.) и дальнего родственника Степана Герасимовича Парамонова (1707 г.)². Все они в разные годы были казаками, сборщиками ясака, участниками дальних «посылок» (Алексеев, 1970, с. 34). Сам же казачий голова играл не последнюю роль в военно-административном

¹ ЦГАДА, ф. 24, д. 14, ч. I, л. 56.

² «Роспись родственникам и согласникам» А. Ф. Шестакова 17 июля 1719 г. отмечает его племянников Петра и Ивана, родственника казака Дм. Писарева и «согласника» казака П. Шарапова (ЦГАДА, ф. 248, кн. 290, л. 837).

аппарате управления Сибирью. В его ведении находились казаки полка (в полном комплекте до 1500 человек), размещенные «для обережи» по различным опорным пунктам огромного края. Отсюда, из острогов и зимовий — Колымских, Алазейского, Анадырского, Охотского, Тауйского, Удинского, Зашиверского и других, — отправлялись партии служилых людей в далекие походы и экспедиции. *исторически*.

В историко-географической научной литературе по традиции, идущей от участника Второй Камчатской экспедиции профессора Петербургской Академии наук Г. Ф. Миллера, при описании деятельности А. Ф. Шестакова все внимание обычно сосредоточивается только на так называемой карте Шестакова и изложении военной стороны похода под его руководством (Миллер, 1758). Основными источниками изучения похода являются правительственные указы об организации экспедиции, опубликованные в «Полном собрании законов Российской империи», и статья сибирского историка А. Сгибнева без ссылок на источники, но основанная на материалах частично погибших сибирских архивов (Сгибнев, 1869а). Недаром А. А. Покровский, составитель ценного сборника о Камчатских экспедициях, справедливо указывал на отсутствие сведений о точном содержании рассказов («скасок») Шестакова о Северо-Востоке Азии (Экспедиция Беринга, с. 11). На необходимость изучения материалов, посвященных экспедиции Шестакова, из сенатских книг 664 и 666 указал в 1943 г. А. И. Андреев (1943а, с. 37). С тех пор многие исследователи охотно пользовались этим полезным советом, правда, почему-то без обязательных ссылок на ученого, впервые обнаружившего эти важные документы (Ефимов, 1948, с. 212—213; Греков, с. 45—48; Дивин, 1971, с. 71—77). Но более ценный и полный комплекс материалов по теме помимо документов из личного фонда Я. Я. Генса найден нами недавно в Центральном государственном архиве древних актов при изучении сенатских книг 290—297 и особенно 690. Привлечение ранее не изученных архивных документов, в том числе челобитных и доношений А. Ф. Шестакова, его «скасок» в Сенате, позволяет выяснить не только причину появления якутского казачьего головы в столице, но и определить уровень осведомленности русских людей в Сибири первой четверти XVIII в. о Северо-Востоке Азии и омывающих ее морях, а главное — понять те побудительные мотивы, которые развязывали местную инициативу при выполнении программы освоения и изучения новых восточно-сибирских и дальневосточных земель, встреченной в правительственных кругах с полным пониманием и одобрением. Предыстория и история экспедиции Шестакова — один из примеров и продвижения народа на северо-восток, и правительственной колонизации, столь характерной для Сибири XVII—XVIII вв. и сопровождающейся великими русскими географическими открытиями на Северо-Востоке Азии, Северном Ледовитом и Тихом океанах.

По специальному указанию сибирского губернатора А. Ф. Шестакову помимо исполнения основных обязанностей было «велено тамошних ясаших иноземцов смотреть и беречь накрепко, чтоб им обиды и разорения никто не чинил, и смотреть над городовыми толмачами, чтоб они

чинили сущую правду... А не о правости их объявлять комендантом, а по розыску указ чинить». Ему же приказано ведать в Якутске «подгородные волости Кангалайскую, Нерюптейскую, Никарскую, Малчагарскую, Ямконскую и меж ими росправа чинить, а в больших делах отсылать комендантом»¹. По рассказу якутского головы, «ясашные иноземцы, как приезжают из улусов для ясашого платежу и для своих нужд, и в делах их волочат многое число. И такие иноземцы приходят к нему и беспрестанно докучают о нуждах своих. И тех иноземцов, тако ж и лошадей их содержит он на своем корму и милостию е. и. в. обнадеживает, что обиды их возвращены будут»².

Во время следствия по делу губернатора Сибири князя М. П. Гагарина, казненного за взятки и казнокрадство, А. Ф. Шестаков в 1719 г. приехал в Санкт-Петербург, откуда послал губернатору А. М. Черкасскому доношение с просьбой освободить его от ведения судебных и других дел, связанных с местным ясачным населением — «и ни в чем их не ведать». Однако он ничего не добился, более того, якутскому воеводе М. П. Измайлову был послан указ, подтверждающий прежние распоряжения.

Вновь посетить столицу настойчивому казачьему голове удалось только в конце 1724 г. Видимо, болезнь и смерть Петра I, отправление экспедиции Беринга и другие обстоятельства помешали ему получить быструю поддержку — лишь через год Шестаков сумел подать в Кабинет е. и. в. свою новую челобитную. В этом документе отразились, неразрывно сочетаясь, чаяния его составителя и общегосударственные экономические и военно-политические интересы. В нем прежде всего описаны расследования о злоупотреблениях ландрата (советника) И. В. Ракитина и приказчиков в «пригородных волостях» Якутска, в Енисейске, по жалобам князцов Жиганского и Средневилюйского зимовий Оно и Докуя, якута Нятига Кочегорова и других, а также характер «обид и раззорений» местного ясачного населения. Специальная комиссия во главе с М. П. Измайловым проводила следствие по делу Ракитина. Среди огромного делопроизводства сохранились интересные материалы — взаимные обвинения ландрата и А. Ф. Шестакова³, 109 обвинительных пунктов содержит доношение Шестакова в июне 1720 г., по которому до 1724 г. проводились допросы и очные ставки⁴. В одном из своих бесконечных доносов Шестаков, например, обвинил Ракитина в выдаче из казны без договора и подряда иконописцу Ивану Новограбленному свыше 150 руб. «за письмо святых икон». Ответчик признал свою вину лишь в том, что велел иконы «писать на Камчатку без указа». Как оказалось, иконописец передал изготовленные иконы строителю Якутского Спасского монастыря И. Козыревскому⁵.

¹ По И. К. Кирилову, волости «вверх по Лене по правую сторону»: Кангалайская, Манжагарская, Нерюптейская, Ямконская, Нахарская (Кирилов, 1977, с. 293).

² ЦГАДА, ф. 248, кн. 690, л. 238—238 об.

³ Там же, кн. 290—299.

⁴ Там же, кн. 294, ч. III; кн. 297, ч. I и 5.

⁵ Там же, кн. 291, ч. II, л. 31 и об.; кн. 292, л. 97—100 об.

В челобитной 1724 г. вновь жалуется Шестаков на то, что «имел и имеет труд беспокойный», и настоятельно добивается того, «чтоб ему ясашных иноземцов не ведать, и нужд их не принимать, и над толмачами не смотреть, и судом их не ведать, и у розыскных дел ему не быть, понеже он, будучи у вышеписанных дел, быть опасен, и от того пришел в ненависть и в разорение, и объявляет нужды иноземческие и за них старатца опасен же». Но, отказываясь от возложенных на него «постылых» обязанностей, он просил оставить ему главную должность — быть «при полку и полковые дела отправлять». Вместе с тем «он же желает е. и. в. послужить на новых землях с якуцкими служилыми людьми и з братом своим и с племянники своими, понеже оные, брат ево и племянники, к тамошней службе заобычны, дабы их служба была явна, в Ковымску, и в Анадырску, и на Камчатке, на морских островах, и против Камчацкого устья итти на Карагинской остров, и на Удские острова, и в Анадырску, Олюторску острог построить, и изменников и немирные орды на новых землях примирить...»¹. В заключение приведена типичная для тех лет просьба о выдаче систематически неполучаемого в срок заслуженного денежного, хлебного и соляного жалованья за 1723—1725 гг. и о прибавке к прежнему окладу (36 руб., 5 ведер простого вина, 20 четвертей хлеба, 10 пудов соли в год), которым он «питается с великою нуждою».

Центральное место в челобитной занимают все же не личные притязания просителя, а жизненно необходимые проблемы государственного значения. К ним нужно отнести упорядочение сбора ясака и взаимоотношений с местным ясачным населением, «приискание новых земель», регламентацию деятельности служилых людей и укрепление русских острогов и других населенных пунктов. Отличное знание особенностей суровой жизни, местных условий обширной северо-восточной области Сибири, всех тонкостей организации службы русских гарнизонов с центром в Якутске («понеже Якуцк — город украинной и другим городам не в пример, и службы служат беспокойно») позволили А. Ф. Шестакову наметить и предложить ряд мер, направленных для «лучшего смотрения и отправления тамошних дел и иноземческих обид». К последним он, например, относил гужевую повинность для аборигенов Мечинской и Батулинской волостей, когда в проезде из Якутска до моря и на Камчатку и обратно с «государевой казной» «збираютца с них, иноземцов, подводы, лошади добрые, а у кого нет добрых, и те покупают дорогою ценою, отчего ясашные иноземцы пришли в разорение и з жилищ своих хотят сойти в дальнее разстояние, а нные и сошли». Проницательный якутский казачий голова последовательно выступает за сохранение и расширение ясачного населения, предлагая, в этом конкретном случае, служебные перевозки из Якутска осуществлять водным путем, «оные волости не хватая», и «земляным путем — нартами»: с Камчатки до Охотска — морем, далее до Юдомского креста зимним путем на нартах

¹ ЦГАДА, ф. 248, кн. 690, л. 240 об. — 241.

и до Якутска — реками. «И для такого вывозу казны в Охотку и у креста Юдомского надлежит быть 20 лошадей, которых бы кормили и берегли служилые люди».

Находясь в неприязненных отношениях с якутским воеводой и ланд-ратом, А. Ф. Шестаков серьезные надежды возлагал на присылку из Петербурга в Якутск «офицера, доброго человека, к тамошним делам заобычного», и даже назвал при этом возможного кандидата — капитана Шамордина или майора Лихарева, которые, «будучи в Тобольску, к ним, иноземцам, великую милость показали». Он полагал необходимым поручить офицеру объявить всем народам, чтоб «они жили на своих жилищах в покое, и обид и налог ни от кого им не было», возглавить отправление команд для «разведывания новых мест», осуществлять строгий контроль за соблюдением времени выступления (не позднее 1 августа) служилых людей в остроги и зимовья «для ясажного збору», а также прием и своевременную отправку (за одно лето) «ясажной казны» в Тобольск.

Один из офицеров — лейб-гвардии майор И. М. Лихарев хорошо известен в истории Сибири. Это ему Петр I поручил «розыскать о худых поступках» Гагарина и возглавить экспедицию по Иртышу и на озеро Зайсан. В 1720 г. он заложил Усть-Каменогорскую крепость. Вместе с Лихаревым в Сибирскую губернию отправились молодые петровские геодезисты И. Захаров и П. И. Чичагов, положившие начало полунструментальным съемкам и картографированию Западной Сибири (Троицкий, 1974, с. 134—140).

Чувством тревоги и озабоченности пронизаны страницы челобитной, рисующие картину бедственного положения, которое выявилось при попытках выполнения указа 16 июня 1720 г. о смотре в Тобольске, когда было велено якутским служилым людям явиться «в готовности при двух лошадех и при снаряде к воинскому делу». В первых десятилетиях XVIII в. русские служилые люди, казацкие дети, а также промышленники и «гулящие» люди, служившие без жалованья, «своею волею», по нарядам размещались в Анадырске — более 300 человек, в трех колымских зимовьях — более 200, в Алазейском — 50, в Зашиверском остроге и в Ундинском зимовье — более 100, в Охотском, Тауйском и Удском — более 200¹. В течение нескольких лет не восполнялись потери численного состава полка, убывающего с каждым годом (Сгибнев, 1869а, с. 1). А потери по разным причинам были велики: убитые в сражениях, замерзшие в походах, больные, раненые, получившие увечья, наконец, сбежавшие. В 1720 и 1722 гг. из посланных «по хлебные запасы для сплавки в Якуцк» сбежало 45 человек, «кои не сысканы». Из Якутского полка в разные остроги и зимовья «за оскудением против прежнего наряду» в 1721 г. отправлялись казаки уже со значительным «умалением». В самом Якутске караульную службу несли 20 человек, «за старостию и за увечья в службу негодные». Из расчетного наряда 1722 г. в 223 человека «недостало» служилых людей 102. В связи с «малолюдством»,

¹ ЦГАДА, ф. 248, кн. 690, л. 244.

отмечает Шестаков, куда нужно послать 100 человек, туда отправляют 20, а если нужно 50, посылают 15, а то «и меньше того». Воевода М. П. Измайлов, получив сведения о том, что под Удским острогом и «близ его по рекам промышляют Якутского города из острогов и зимовий ясачные иноземцы соболи, понеже в других местах опустело, и кроме того места соболей нет», в 1724 г. предложил казачьему голове «тот острог беречь накрепко». Однако, если «преж сего» в Удском остроге находилось более ста служилых и промышленников, то в 1724 г. «объявилось налицо» всего 9 человек и отправлено туда «в прибавок» только 6.

Но боеготовность полка определялась также и состоянием вооружения. «А преж сего» в Якутске, вспоминает Шестаков, было «в казне запасного ружья» по 200 и более фузей, винтовок и гладких пищалей. Но все это оружие по указам передано в камчатские остроги, где из казаков «многие побиты и ружье разграблено», в связи с чем «ныне в казне никакого ружья нет и служить не с чем».

Печальное описание завершается изложением других насущных вопросов, в том числе о сроках «посылок», жалованье и снаряжении служилых людей. Последних в остроги и зимовья обычно отправляли на 1—2 года, некоторых — на 5, 10 и более лет «с детьми своими, без перемены». К тяготам походной суровой жизни нужно отнести и ограничения в питании, которое они «имеют рыбою и травою, кореньем и сосною, а другога припасу хлебного нет и не родится»¹. И вместе с тем Шестаков считал, что закаленным якутским уроженцам в русских городах «быть не заобыкновенно» (т. е. непривычно), так как «русских рек воды и воздух и тамошний горизонт им не служит!». Якутские служилые «к здешним манирам обыкновенны» (Сгибнев, 1869а, л. 2). Не в пользу нововведений оказалась и система выдачи жалованья. Прежде наряд формировался к 1 августа и полное жалованье выдавалось «впредь» на два года. Служилые люди на службу «ходили на своих проторях» (расходах. — Л. Г.) и часть полученных денег употребляли на покупку лошадей, собак, нарт, лыж и «конной и нартеной завод и всякую одежду». Более позднее отправление (сентябрь) и выдача жалованья вперед только на один год лишали их возможности вовремя приобрести необходимое снаряжение, «а идучи пешком от великого морозу и от глубоких снегов многие мерзнут, а другие и з голоду помирают, а иные от голоду и снегу назад возвращаются»².

Все важнейшие события, так или иначе связанные с поисками сухопутных, речных и морских коммуникаций, рекогносцировочными походами, сбором ясака, строительством укрепленных форпостов, были в деталях хорошо знакомы казачьему голове. В особом приложении к челобитной, поданной в Кабинет е. и. в. и поступившей затем 24 декабря 1725 г. в Сенат, он рассказал о некоторых известных ему попытках инициаторов — казаков, мореходов и промышленников организовать

¹ ЦГАДА, ф. 248, кн. 690, л. 245.

² Там же, л. 245 и об.

«проведывание новых земель». В этом его «объявлении» отражены основные направления поисков, соответствующие не всегда безошибочным географическим представлениям якутских служилых людей, которые сложились к середине 20-х гг. XVIII в.¹ Некоторые из проектов оказались неосуществленными. Так, не получило поддержки в Якутке челобитье, поступившее из Анадырского острога от морехода Прокопия Нагибина, который пытался осуществить в 1720 г. поход 200 служилых людей к «новой земле, которая лежит против Анадырского носу». Таковую же команду в 1722 г. безуспешно требовал от Якутской воеводской канцелярии «на Камчатские острова и для взыскания немирных иноземцев» опытный архангельский мореход Кондратий Мошков, участник многих экспедиций, в том числе пятидесятника К. Соколова, морехода Н. Трески и А. Буша через Охотское море в 1716 г., Я. А. Ельчина и петровских геодезистов И. М. Евреннова и Ф. Ф. Лужина.

Красочно изложил Шестаков показания служилых людей и мореходов во главе с Иваном Бурнатовым, посланных из Якутска на «Удское море новых земель и островов изыскивать», и результаты морского похода к Медвежьим островам промышленника Ивана Вилегина². В заключение казачий голова кратко изложил содержание письма из Якутска, полученного им в столице 17 сентября 1725 г. от монаха Игнатия Козыревского.

Иван Петрович Козыревский, замечательный русский землепроходец неукротимый старец Игнатий, постоянно конфликтовал с церковными и светскими властями. К сожалению, до сих пор в научной литературе отсутствует сводное современное исследование, посвященное его жизни и неутомимой деятельности на Дальнем Востоке, особенно на Камчатке и Курилах. Но и довольно разрозненные опубликованные и найденные архивные материалы о нем свидетельствуют об исключительной энергии и любознательности есаула восставших камчатских казаков, который стал в 1711—1713 гг. руководителем походов на Курильские острова и составителем первого в мире их описания. Большой научный интерес представляют составленные Козыревским в 1715—1716 гг. берестяные камчатские ясачные книги и проекты 20-х гг. плаваний к Японии, Курильской гряде и островам у северного побережья Азии.

Несмотря на частный и доверительный характер письма к Шестакову, наполненного жалобами на архимандрита Феофана, Козыревский просил объявить его содержание «вышним судьям», то есть в высших правительственных органах (Кабинете е. и. в., Сенате, Синоде). В нем выражено настойчивое желание явиться в Москву «на своем коште» (за свой счет) и лично доложить о том, «каким путем поступать и в каких судах» для достижения морских островов, на одном из которых «Матмай город стоит, за Матмайским островом Большая земля Нифонская». Якутские власти не осмелились отпустить Козыревского в Москву, боясь

¹ ЦГАДА, ф. 248, кн. 690, л. 247—248 об.

² Результаты посылок из Удского острога в 1718—1721 гг. приказчика П. Филькеева, С. Тарасова и И. Бурнатова подробно изложены в рапорте А. Черкасского 11 июля 1722 г. (ЦГАДА, ф. 248, кн. 56, л. 41—43 об.).

неминуемых осложнений во взаимоотношениях с архимандритом, ксоторый, по словам беглого монаха, «многократно своими руками бил его плетью на смерть и вымучил весь его келейный скерб». Запрошенный по этому поводу сибирский губернатор М. В. Долгорукий подтвердил 14 ноября 1725 г., что, по сообщению из Якутской воеводской канцелярии, туда «с доношением о показании иностранного государства и островов» явился Козыревский. Вместе с тем, подчеркнул губернатор, архимандрит настойчиво требует высылки монаха Игнатия в Якутский Спасский монастырь, откуда тот «бежал из караулу», обвиненный в краже архиерейских «всяких зборных денег». Поэтому М. В. Долгорукий послал указ капитану В. Берингу, в котором рекомендовал начальнику Первой Камчатской экспедиции расспросить и, если целесообразно, привлечь Козыревского к делам экспедиции, в противном же случае — отослать в монастырь. Встреча состоялась в 1726 г., и Козыревский вручил Берингу уникальное детальное описание с чертежом Камчатки и Курильских островов и доношение (6 июня), в копиях дошедшие до наших дней среди «портфелей» Г. Ф. Миллера¹.

В челобитье описана, безусловно, лишь небольшая часть попыток изучения различных районов Восточной Сибири и Дальнего Востока в 20-е гг. XVIII в. Число подобных «самоохотных» походов в действительности было более значительным, и многие из них подробно рассматриваются в специальной литературе (Памятники Сибирской истории, 1882—1885; Белов, 1956; Лебедев, 1950; и др.). Важно для нас другое. А. Ф. Шестаков совершенно четко наметил главнейшие направления дальнейших поисков — Охотское море, острова у северных берегов Азии, земли «против Анадырского носу», Курильские острова и Япония.

В отличие от целей Первой Камчатской экспедиции, отправленной из Санкт-Петербурга в начале 1725 г., А. Ф. Шестаков придавал первостепенное значение совершенно иному характеру планируемой им экспедиции. Призванный 11 октября 1726 г. в Сенат для участия в обсуждении его предложений, он четко сформулировал основную стратегию поиска новых земель, увязанную с приведением в русское подданство «иноземцов, которые уже были в ясажном платеже и изменили, по-прежнему, также и вновь, кои еще не были»². Замыслы якутского казачьего головы нашли благодатную почву, совпав с общеполитическими чаяниями окружения Петра I и Екатерины I, что отчетливо выразил елиятельный сенатский обер-секретарь И. К. Кирилов, который «видев от отправления Берингова, что только одно известие, соединяется или не соединяется Америка, привезет, а о интересе настоящим от него ожидать нечего, то искал случая, каким бы образом туда для сыскания новых земель и иных полезных дел кого возбудить». Приезд Шестакова ска-

¹ Чертеж с описанием.— ЦГАДА, ф. 199, портф. 533, № 8, л. 1—12 об. Впервые опубликованы в 1949 г., затем более точно в 1953 г. (Баскин, 1949; Огрызко, 1953; РТЭ, с. 447—456). Доношение.— ЦГАДА, ф. 199, портф. 533, № 1, л. 1—4 об. и статья К. Е. Черевко (1975, с. 137—142). См. также: Ефимов, 1958, с. 88; Атлас..., № 60; Полевой, 1982, с. 41—43.

² ЦГАДА, ф. 248, кн. 690, л. 249.

зался очень своевременным. Кирилов у него «довольно наведася о тамошних местах, приложил стараться о исполнении действом» и активно поддержал требование «итти с партией на Камчатку для усмирения и покорения тамошних народов и сыскания в подданство новых земель и островов» (Андреев, 1943а, с. 35). Впрочем, не меньший интерес к рассказам «приезжего» из Якутска проявили и другие видные сановники государственного аппарата управления, в том числе сенатор, бывший губернатор Сибири А. М. Черкасский, чрезвычайный посланник и полномочный министр С. Л. Владиславич-Рагузинский, вице-адмирал П. И. Сиверс, наконец, всеильный А. Д. Меншиков. Историк морского флота В. Н. Берх, характеризуя Шестакова, писал, что «отличная ловкость в изъяснении и совершенное познание описываемых им мест и предметов приобрели ему всеобщую доверенность» (Берх, 1819, с. 5). П. И. Сиверс 20 июля 1725 г. отправил из Кронштадта в Петербург А. Д. Меншикову письмо, сообщив, что ранее «по отшествию отсюда е. и. в. государя явился из Сибири казачей голова Шестаков, который в разговорах мне объявил про тамошние дела многие неисправления. Того для я рассудил одного до в. с. рекомендовать... Еще оной Шестаков имеет в. с. донести о состоянии тамошних земель... также о Камчатке и о Японских островах, понеже, как я от него слышал, те места довольно знает и об них имеет карту особливую, а об экспедиции, которая приказана капитану Берингу, может он объявить нечто к лучшему исполнению оной экспедиции» (Белов, 1956, с. 258). Пока затруднительно точно сказать, осуществилась ли встреча Меншикова и Шестакова. По-видимому, все же она состоялась, ибо иначе трудно объяснить удивительно скорую апробацию проекта Верховным Тайным Советом, во главе которого стоял любимец Петра I.

При обсуждении проекта в Сенате свое выступление А. Ф. Шестаков посвятил обоснованию общего тактического плана и конкретным организационным мерам по снаряжению будущей экспедиции. Дополнения челобитной касались основных проблем: «О людях и какими путями итти», «О расходах», «О вооружении», «Людей прибавить»¹. Тактические разработки были самым тесным образом связаны со степенью географической осведомленности об огромном регионе Якутск — Колыма — Чукотка — Камчатка, с дислокацией оседлого, кочевого, ясачного и «немирного» населения, вооружением и численностью русских гарнизонов, состоянием водных и сухопутных дорог.

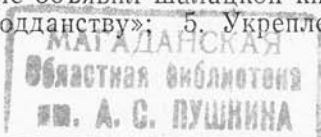
К Якутскому полку, в котором к 1726 г. «набралца может живых около 700 человек, да и те по дальным острогам и Камчатке», он предложил «приверстать» 300 человек из Томска, Енисейска, Красноярска и Иркутска. Затем из полка отобрать 300 человек «в поход и в прибавку в отдаленные остроги» таким образом, чтоб усилить ближние к «немирным» коренным жителям остроги служилыми людьми вдвое или более. Из Якутска экспедиции следует отправляться двумя партиями. Первой — по Лене до устья Алдана, далее по Мае и Юдоме до юдомских

¹ ЦГАДА, ф. 248, кн. 690, л. 249—254.

зимовий (10 недель). Затем после установления зимнего пути на собаках «чрез хребты пустым местом» до Охотска (7 недель). Второй — водою вниз по Лене, вверх по Алдану до речки Тукулон (2 недели), далее сухопутной дорогой на лошадях до Верхоянского зимовья (5 недель) и, «обменясь лошадьми», до Зашиверского (2 недели). Неделю занимает путь с Индигирки до Уяндина «на наемных оленях», а оттуда до Алазеи 2 недели. Доехав далее на оленях же до Ярмонги (Среднеколымское) за 3 недели, «надлежит согласитца Верхнего и Нижнего колымских зимовей с служилыми и с народом оленными юкагери в том, что оставить во оных зимовьях людей довольно для заготовления на корм рыбы, чем питаютца, а юкагерей ясашных пригласить с собою, которые поныне не в бзымене и могут итти на противников для вспоможения и пищу рыбу сухую вести на оленях. Токмо надобно князей их пожаловать малым награждением котлами, сукнами на кафтан и другим, чему они охотники, что б они были верны и охотнее других с собою подговаривали».

С Ярмонги вторая партия делится на два отряда. Главный из них, закупив собак и нарты, продолжает путь к Нижнеколымскому острогу (4 недели) и далее «пустым местом» до Анадырского (8—9 недель). В Анадырске также, «согласаясь служивыми людьми и с мирными коряцким и юкагирским народом и подаря их, как выше писано, итти на оленях к Пензинскому морю — на акланских и пенженских изменников и на немирных чандонских и паренских коряк» (2 недели). Второму отряду с Ярмонги «по тому ж итти на Пенжинское море, х которому месту первые согласятца, а ходу их недели полтретьи пустым местом». Таким образом, путь Якутск — Колыма — Анадырск — Пенжинская губа занимал 29—30 недель.

Первая партия, дошедшая до Охотска, разделяясь, выступает по трем дорогам. Одни направляются в поход на оленях, привлекая в партию оленных ламутов, к Чандонскому носу (мысу) Пенжинского залива. Другие — также к Пенжине, но морем «подле берега в ботах», по пути «лес осмотра» у Тауйского острога или по р. Яме и построив суда. Третья группа следует на Камчатку на судне, а с Большой реки — морем «подле земли для смирения изменников, взятыя аманатов и ясаку» также до Пенжинского моря. Одновременно из Нижнего и Верхнего камчатских острогов выступают в поход сухопутной дорогой через р. Таловку до Пенжины большеерецкие и камчатские служилые люди. Дальнейшие действия намечены Шестаковым в четкой последовательности: 1. Поход из района Пенжины на р. Олютор, постройка острога, «примирение» олюторских и островных аборигенов; 2. Изготовление в остроге судов, плавание вокруг Камчатского носа и на Карагинский остров, сбор ясака; 3. Плавание из Анадырского острога по р. Анадырь с целью призыва анадырских носовых чукчей к платежу ясака, затем с той же целью — на остров, лежащий против Анадырского носа, где «новая земля и новые народы»; 4. Проведывание из Колымского острога островов в Северном море, на которых живут шелаги, «а от них взять вожей и итти на Большую землю, о которой земле объявил шалацкой князь Копай... и призывать тамошний народ к подданству»; 5. Укрепление Удской

крепости, вокруг которой лучший соболиный промысел, посылка из острога на Шантарские острова до 30 человек и с ними ссыльных («оттуда уйти некуда») и «розвесть хлеб, потому что места теплые и лесу довольно».

Значительный интерес представляет рассказ Шестакова о возможных расходах. Вне сомнения, стоимость экспедиции явилась предметом самого настороженного внимания сенаторов, но относительно небольшие затраты на ее проведение при ожидаемой значительной «государственной пользе» сыграли большую роль при обсуждении.

За год якутский служилый человек получал по обыкновению жалование: пеший — 5 руб. с четвертью, 5 четей хлеба, 2 пуда соли, в конном строю — 7 руб., 7 четей хлеба, 2 пуда соли (Сафронов, 1978, с. 72—74). Для дальних походов жалование выдавалось на два года вперед. Но «на те деньги и хлеб должны они себя на месте и в походах в платье и пищею довольствоваться, нарты, собаки и лошади покупать, не требуя ничего». Определив продолжительность нового похода в три года, Шестаков предложил выдавать жалование на этот срок да «для заочинивания некоторую прибавку», составив содержательное описание цен и выработанных суровой жизненной практикой объемов «припасов». Перед выступлением каждый участник приобретал в Якутске самые необходимые предметы снаряжения и питание: нарты — 1 руб., лыжи — 50 коп., собака — 1 руб. 50 коп., шуба — 1 руб. 50 коп., «уледи на ноги» — 50 коп., шапка и 2 пары рукавиц — 1 руб., упряжь для оленей и лошадей — 1 руб. 50 коп., семена, крупы, толокно, масло, овсяная мука для собак, сухая рыба — 4 руб. На 4—5 руб. закупалась пряжа, тонкий холст, «крашенина» — на сети, пенька — на неводы, а также топоры, котлы. С собою брали для питания в пути и в юдомских зимовьях по 30 пудов ржаной муки, 5 пудов сухарей, 3 пуда соли. На дорогу от зимовий до Охотска, исключая неприкосновенный запас (по 5 пудов муки), у каждого должно было быть 3 пуда сухарей, по полпуда круп, семян, толокна, масла, 3 пуда овсяной муки и рыбы для собаки, а «кои побagateи, те больши». В Охотске и Тауйском остроге они меняли оставшиеся продукты на рыбу у тех, кто пойдет в Якутск со «зборной казной». Последние обычно из Охотска «весь путь питаютца рыбою, разве кои богатеи, те малую часть хлеба берут». Для каждого казака второй партии, идущей через речку Тукулон, обременительной статьей расходов была закупка амуниции (3 руб.) и двух лошадей (10 руб.), на которых добирались до Верхоянского острога. Стоимость же найма одной лошади для проезда этого участка — 2 руб. В Верхоянском оставляют уставших лошадей, а до Зашиверского нанимают двух свежих, платя по лисице за каждую. Далее — езда на оленях по найму: Зашиверское — Уяндин с платой по 2 лисицы, Уяндин — Алазея — по 3, Алазея — Ярмонга — по 4. В Среднеколымском, купив за 2 лисицы нарты, за одну — лыжи, за одну же — «щоточные тарбусы на ноги» (для лыж. — Л. Г.), за 2 — собаку и за 3 — «корму рыбы и на себя и на собаку», направляются в Нижнеколымское. На последнем участке до Анадырского острога служилый человек приобретает на 4 лисицы рыбу. Таков же «припас» и у казаков партии,

направляющейся в Удской острог на лошадях. Путь этот они проходят приблизительно за 9 недель.

И дальнейшие расчеты А. Ф. Шестакова весьма убедительны и четки. Затраты на трехгодичную экспедицию, исключая расходы на «обычные посылки» 300 человек, составят 2128 руб. 50 коп. Любопытны некоторые слагаемые этой суммы. Для укрепления острогов и оснащения судов нужны шесть четырех- или пятипудовых пушек и к ним 10 пудов пороха стоимостью в 30 руб. Для похода необходимы: 100 ручных гранат (по гривне за штуку) — 10 руб., 10 пудов ручного пороха (4 руб. пуд) — 40 руб., 10 пудов свинца — 10 руб., 50 топоров (по якутской цене за топор 5 алтын) — 7 руб. 50 коп., «напарей, скобелей, долот и железа» на 20 руб., пеньки в пряже на снасти и полотно на 50 руб., пряжа на сети для лова рыбы «на корм аманатов» 50 пудов, которая приобретает-ся около Иркутска и Илимска, — 25 руб., 30 ведер казенной смолы, 50 ведер вина для служилых людей — по илимской цене 20 руб., 10 пудов «шару китайского» — 100 руб., а также 100 руб. за подводы под снаряжение.

Почти половину сметной стоимости — 1000 рублей планировалось израсходовать на подарки «князцам и их подвластным», закупив с этой целью в Петербурге и Москве сукно, олово, медные котлы, корольки, иглы и другую мелочь.

Помимо казаков, назначаемых по наряду, требовалось еще 38 человек для выполнения различных специальных заданий. Список открывают 4 гренадера из сибиряков, находящихся в Петербурге, которых предполагалось обучить «делать земляные и верховые ракеты, потому что, когда иноземцы увидят такие ракеты, могут иметь наибольший страх». В числе «прибавочных» людей — 2 кузнеца, 10 опытных матросов, 20 солдат-сибиряков и 2 рудознатца, «понеже там руд и камня имеют-ца много, а пробовать некому».

Сенат доброжелательно принял к рассмотрению все доводы Шестакова, хотя отношение современников к личности автора проекта не было единодушным. Его, по словам И. К. Кирилова, «иные сказывали добрым, а другие называли плутом» (Андреев, 1943а, с. 35). Историк Г. Ф. Миллер отметил, что «велеречие» Шестакова, «с каким он чинил свои предложения высоким и нижним, также и вероятность, что сим предприятием много пользы произведено быть может, снискали ему похвалу» (Миллер, 1758, с. 401). Зато дипломат С. Л. Рагузинский в доношении из Селенгинска без обиняков писал коллегии иностранных дел, что хотя он, граф Владиславич, «оного Шестакова обхождения не знает, токмо тамо слышит между пограничными народы, что тот Шестаков человек мало доброго состояния и недалекого рассуждения». В связи с этим посланник высказал свои опасения и потребовал принятия необходимых мер для неуклонного соблюдения Шестаковым всех пунктов указов и инструкций, касающихся маршрутов экспедиции¹.

¹ ЦГАДА, ф. 248, кн. 702, л. 317—320; кн. 729, л. 128—130 об.; кн. 690, л. 318—319.

26 октября 1726 г. сенатский секретарь И. К. Кирилов пригласил на заседание Сената полковника Я. А. Ельчина, которому было предложено «надлежащее учинить мнение» о состоянии якутского гарнизона и других вопросах, затронутых проектом¹. Авторитетный оппонент, хорошо знавший А. Ф. Шестакова по совместной службе, в 1708—1715 гг. занимал должность коменданта Якутска, в 1716—1718 гг. имел поручение возглавить так называемый Большой Камчатский наряд — в основных чертах прообраз экспедиции Шестакова. В 1718 г. Ельчин был отозван в Петербург, и та, по его словам, «посылка за наступившим в Сибире розыском остановилась»². Однако Яков Агеевич скрыл истинную причину провала в целом неудавшейся экспедиции, которую за неимением надежных источников некоторые историки несправедливо называют «выдающейся» (Ефимов, 1950, с. 145). При оценке деятельности Ельчина и Большого Камчатского наряда исследователи обычно используют статью А. С. Сгибнева, «карту Ельчина», записку с расспросными «речами» о путях, которую А. В. Ефимов считает описанием этой карты, копии материалов со сведениями о морском путешествии И. Козыревского в 1713 г. и о «скаске» пленного японца Санима (Сани, Санэмона) (Сгибнев, 1868, с. 131—139). Нам удалось в 1979 г. обнаружить новые ценные документы, на основе которых стал возможен пересмотр некоторых устойчивых и традиционных взглядов. Среди находок наибольший интерес вызывает сохранившаяся неполностью частная переписка (1717—1718 гг.) сибирского губернатора с Я. А. Ельчиным и Иваном Васильевичем Ракитиным³. Доверительные письма, свободные от пут коллежского делопроизводства, колоритны и содержат множество таких фактов, которые невозможно отыскать в официальной переписке.

Несмотря на огромные по тем временам затраты сил и средств, успехи экспедиции были незначительными, а в неудачах большая часть вины, как выясняется теперь, падает на Ельчина. Главное — полковник не смог выполнить важную роль главы похода, упустил обусловленные сроки выступления, да и сам никуда не выезжал восточнее Якутска. Занятый «контрами и противностями» с Ракитиным, всю свою энергию он направлял на борьбу с этим приятелем и любимцем губернатора. Ельчин пренебрег увещаниями последнего, фактически не выполнил государственного поручения и в конце концов был отдан под суд. М. П. Гагарин в письмах из Тобольска в Якутск настойчиво добивался прекращения дряг между двумя своими ставленниками. Он то напоминал Ельчину: «зело удивляюсь, что ты ссорился с Иваном, ведаешь, что он такой же нам, что и ты», то просил: «а с ландратом Ракитиным отнюдь не ссорся ни в чем», наконец, угрожал: «и если услышу впредь такую твою шалость, то велю тебя от той посылки отставить. Ведаешь, что есть кому приказать указом государевым тое посылку и кроме тебя». Суть угрозы заключалась в том, что губернатор считал участие в походе

¹ ЦГАДА, ф. 248, кн. 690, л. 255—262.

² Там же, л. 275 об. Имеется в виду «дело» Гагарина.

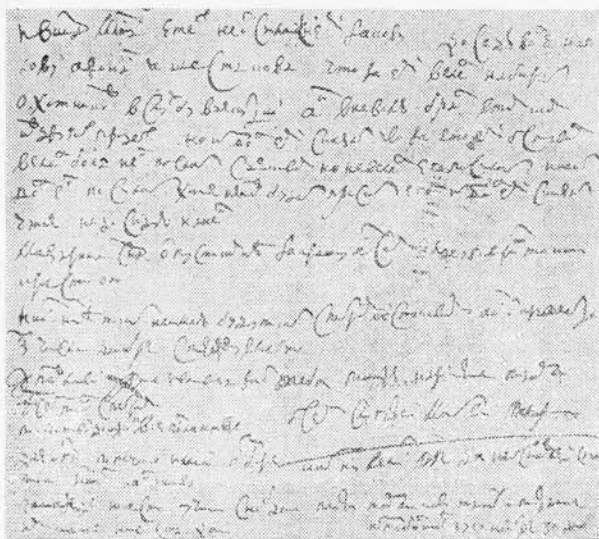
³ Там же, кн. 299, № 15, л. 223.

и почетным и очень доходным делом, подчеркивая в письме 3 января 1718 г., что «охотников ныне много на Камчатку и с Москвы охотников будет из нашей братии, но только я Вас, любя, послал в то место». Он правильно предугадал, что взаимные обиды, «досады» и ссоры руководителя похода и ландрата, ответственного за комплектование и снаряжение экспедиции, неминуемо приведут к «потере государева дела», поэтому сквозь массу бытовых подробностей, полезных советов и наставлений в его посланиях проступает нескрываемый страх: «Есть ли после сего моего письма будешь тако ж ему, Ракитину, досажать или медлить будешь в Якуцком, то на меня не досадуй, опасен я сам в том гнева от его царского величества». Уже из Петербурга губернатор писал 20 августа 1718 г. Ракитину: «Зело печально, что Ваша милость не пишет ко мне о камчатской посылке. Я мню, что по ссоре с Яковым не будет у вас промыслу»¹. Хитроумный князь Гагарин заранее донес Петру I о якобы предпринятых им энергичных мерах по отправлению Камчатской экспедиции во главе с Ельчиным и, естественно, страшился возмездия за неверное сообщение². Его озабоченность вызывалась и экономической стороной: «Ты смотри, чтоб подьем твой не в великие деньги стал». Лейт-мотив писем конца 1717 г.— примирение враждующих сторон и ускорение отправления экспедиции. В одном из них он отметил: «Пишешь ко мне, что збирается скоро, а три года не чаю тебе подиятца из Якуцка, что мне не бес превеликой печали. Ведаешь ты и сам, что его царское величество требует от нас прибытку во всем и здешние службы всегда ставятца дешево, а бывают великие прибытки казне... О Вас я писал в 716-м году к царскому величеству, что послал для промыслу островов и для завоеванья достальных на Камчацком мысу, а (если) Вы и в 718-м году будете жить в Якуцком, то не чаю без гнева и не пробить от его царского величества. И ваша милость, спеша, как возможно, что б тебе к весне на Ламу выйти и промышлять». В другом письме более категорично требовал «не медлить дву дней, ехать на Ламу».

Письма губернатора содержат множество дополнительных сведений об организации и формировании Большого Камчатского наряда. Обращает на себя внимание настороженное отношение к иностранцам. Сообщив, что «ныне сыскан путь на Камчатку ближней», Гагарин приказал Ельчину «морские суды делать русским людям», ибо «морехотцы наши, ведаю, что суды будут делать не убытошны, тако ж и скоро, а иноземцы делом тебя замедлят», и велел отозвать в Тобольск шведского офицера А. Молика, ранее посланного на строительство судов, и моряка А. Буша. Из более общих указаний интересен план последовательности действий главы экспедиции, в том числе иметь основное «попечение» — «проведасть весь Камчатский мыс», осуществить там перепись населения и собрать ясак; отсюда «осмотреть» острова и прежде всего тот, с которого японцы «берут землю». Затем «и о других островах промышлять

¹ ЦГАДА, ф. 248, кн. 299, № 5.

² С именем М. П. Гагарина связаны и другие случаи обмана и фальсификаций, в частности связанных с поиском золота и экспедицией И. Бухгольца к городу Яркенду (Княжецкая, 1965, с. 57—67).

Фрагмент письма 30 ноября 1717 г. сибирского губернатора М. П. Гагарина ландрату И. В. Ракитину о выполнении служебных поручений якутским казачьим головой А. Ф. Шестаковым и полковником Я. А. Ельчиным.
ЦГАДА, ф. 248, кн. 299, № 233.

и велеть объехать водою Камчацкой мыс от Камчатки и до Большой реки», а в ее устье построить город. Несомненно, что рекомендации Гагарина, касающиеся Курильских островов, навеяны сообщениями И. Козыревского и других казаков. Далее М. П. Гагарин продолжал: «А по скаске камчацкого казака Алексея, что иноземцы сказывали, японские полоненники, что берут золотую руду для того, будто на том острову лесу нет и плавить де нечем. И, есть ли изволит бог, быть на том острову посланным от тебя, то той земли вели взять несколько». Предусматривались «посылки» русских людей с толмачами к Японии и на остров, «что против реки Уди». Наконец, в каждом письме напоминалось о необходимости «заводить хлеб», в особенности в бассейне рр. Ламы и Уды, а также о запрещении винокурения «для того, что хлеб сожгут весь в вине, и всякое будет нестроение». Рекомендовалось «сидение вина ягодного», предназначенного «про себя... и для дачи иноземцам».

На сенатском заседании Я. А. Ельчин прежде всего остановился на самых острых дальневосточных проблемах тех лет — путях от Якутска до Камчатки и снабжении гарнизонов. Описывая традиционные дороги, он подчеркнул, что перевоз пуда груза от Якутска до Камчатки обходится до 8 руб., «а хаживали до камчатских острогов в год, а возвращались по тому ж с утратою людей и с потеряннем немалого казенного интереса». Бывший якутский комендант ставил себе в заслугу отыскание нового безопасного и удобного маршрута, благодаря которому сокращался «сухой путь» на тысячу верст, а переход через Ламское (Охотское) море совершался за 4 суток. Правда, сетовал Ельчин, путь этот в его «бытность еще не окончан, а надлежало тою дорогу росचितь чрез хребты... и размерять верстами». Предлагаемая дорога на Камчатку еще долгие годы являлась для последующих камчатских экспедиций и си-

бирской администрации предметом самых серьезных забот (Гольденберг, 1979, с. 177—180). Схематический чертеж 1736 г. ссыльного капитан-поручика В. И. Казанцева «О тракте от Якуцкого города до Охоцкого острога, которым трактом ходят... выюшными в летнее время, тако ж де и водяным путем на судах до Юдомского креста...»¹ хорошо иллюстрирует взаиморасположение географических объектов района претворения в жизнь ельчинской идеи: рр. Леной, вверх Алданом, Маею, Юдомой до Юдомского креста, через волок лошадыми до р. Урак, Ураком до моря, далее до Охотска и через море на Камчатку.

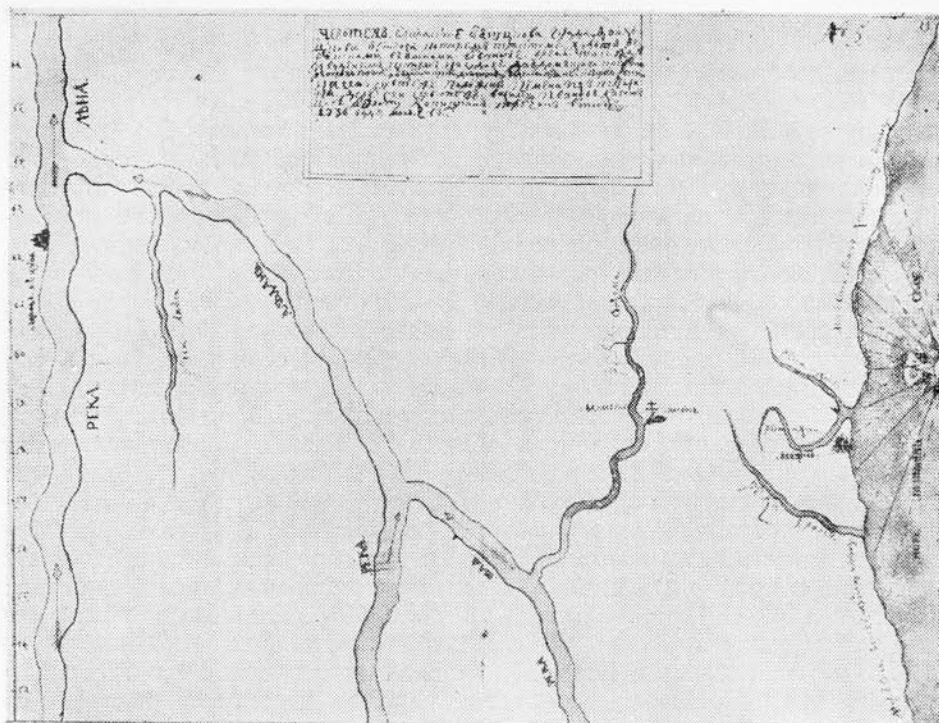
На другом более раннем чертеже, поступившем к Петру I и найденном в конце XIX в. среди бумаг 1719 г. Кабинета е. и. в., четко изображены дороги: «сухим путем на Камчатку» и «судовая на Ламу в Охоцкой»². Обстоятельства составления, автор и датирование этого чертежа, озаглавленного в оригинале как «Карта Якуцкая и Камчацкому мысу и прежнему пути на Камчатский мыс, тако ж и новой», до сих пор не выяснены достаточно определенно (Андреев, 1943 б, с. 38, 51). Интерпретацией чертежа на протяжении более 20 лет занимался А. В. Ефимов, основные выводы которого с 1948 г. не претерпевали существенных изменений и прочно утвердились в историко-географической литературе (Ефимов, 1948, с. 109; 1950, с. 123; 1971, с. 197). Главные из них: в основе карты лежит не «скаса» И. Енисейского, а карта И. Козыревского 1713 г.³; составлена в 1719 г. Я. А. Ельчиным или под его руководством; связана с Большим Камчатским нарядом и посылкой геодезистов И. М. Евреинова и Ф. Ф. Лукина в 1719 г. на Восточный океан (Атлас..., № 56). Заголовок схемы карты, приведенной Р. Фишером, значительно уже содержания чертежа (Fisher, 1977, с. 51).

По своему содержанию в целом карта отражает бытовавшие в Якутске географические представления о северо-востоке Сибири к началу второго десятилетия XVIII в. и отчасти соответствует рассказу в Сенате и предшествующим письменным донесениям Я. А. Ельчина. Карта иллюминирована, схематична, построена в духе древнерусских чертежей, не имеет математического обоснования. Ориентирована она на юг, почему нам, современным читателям, для привычного рассмотрения ее следует развернуть на 180°. На ней упрощенно изображена обширная территория от устья Лены до Амура, часть северного и северо-восточного побережья Азии, Чукотский полуостров, Охотское море с Пенжинской губой и островами, Камчатка, Курильские острова и часть «острова Нифан» (Япония). Несколько детальнее дана гидрография, но номенклатура речной сети имеет путанный характер. Помимо легенды и заголовка надписаны 70 географических объектов, в том числе реки, 13 населенных пунктов (остроги, зимовья), три дорожных маршрута, два мыса на Охотском побережье, острова к северу от Японии. Из особенностей карты нужно

¹ ЦГАДА, ф. 248, карты, № 1791.

² Там же, ф. 9, кн. 43, л. 374.

³ Карта Козыревского 1713 г. не найдена, представление о ней дает составленный С. У. Ремезовым «Чертеж вновь Камчадалские земли и моря» (Гольденберг, 1965, с. 189—193).

В. И. Казанцев. «Чертеж о тракте от Якуцкого города до Охотского острога...». Май 1736 г.

ЦГАДА, ф. 248, карты, № 1791.

отметить своеобразное начертание и расширение неограниченного полуострова Камчатка в юго-восточном направлении с надписью, поясняющей, что такое изображение перешейка дано в соответствии с показаниями камчатского казака Ивана Енисейского с товарищами. По сведениям же «иноземцов», эта земля лежит между «теплым и студеным морями», а пролива «из моря в море через тое землю» они не знают. Трудно объяснить очертания в виде равнобедренных треугольников пяти из 19 Курильских островов.

Служебное назначение карты несомненно: она демонстрирует преимущество более короткого пути из Якутска на Камчатку через Охотск (правда, на ней не изображено открытое морское сообщение из Охотска к Большой реке), отражает концепцию предполагаемого соединения Америки с Камчаткой и живучую, даже после 1713 г., идею непосредственной близости последней к Японии.

Еще в 1960 г. историк географии В. И. Греков провел серьезный анализ источниковедческого обоснования общепринятых выводов о карте, но критические замечания не были приняты А. В. Ефимовым во внимание при переработке своих трудов. Однако обращение к рукописному

оригиналу карты и сопутствующим архивным документам не позволяет безоговорочно принять ряд утверждений. Так, А. В. Ефимов считает, что ему удалось «точно» датировать карту — 1719 г., привлекая для этого записку к ней, подписанную и якобы датированную Я. А. Ельчиным. На самом же деле совершенно бездоказательно, что записка является описанием к карте. Направленность записки совсем иная, так как в ней помимо краткого сообщения о путях излагается «просительное письмо» И. Козыревского и якутских казаков о «заводе пашен и посеянии хлеба». К записке действительно «Яков Ельчин руку приложил», но никакой даты этот документ не имеет! Здесь же следует заметить, что комплекс материалов, среди которых найдена «карта Ельчина», несомненно, был подготовлен для доклада Петру I: на листах 370—371 об. запись «скаски» японца «города Кыкокуни именем Санни, а по-русски Иван», который, кстати, сказал о земляках, что «потребны им бобры камчацкие и зело их тамо любят» (это единственный документ с датой — 24 марта 1719 г.); листы 372—373 занимает описание («записка»), начинающееся словами «от Якуцка до моря сухим путем наскоро две недели, а с водами — три...»; л. 374 — чертеж; л. 375—376 — копия сообщения Я. А. Ельчина с изложением доезда Ивана и Петра Козыревских с товарищами по отписке Василия Колесова 1713 г.; л. 377—378 — вновь изложение «скаски» Сани с добавлениями и пометой «сей японец допрашиван в Петербурге 1719 года в мае месяце»¹.

А. И. Андреев полагал, что записка вместе с картой была отправлена царю в 1717 г. сразу же после установления морского сообщения с Камчаткой (Андреев, 1943б, с. 38). Но это неверно, ибо в тексте описания упомянута посылка служилых людей во главе с С. Харитоновым в 1718 г. на Камчатку и в Удский острог. С другой стороны, известно, что Я. А. Ельчин в 1718 г. выехал из Сибири, и, следовательно, эти документы не могли быть им отправлены позднее 1718 г. Наконец, если датировать карту 1719 годом и вместе с тем полагать, что она оказала какое-то влияние на отправление петровских геодезистов в том же году, то оба эти предположения окажутся невероятными, если принять во внимание неопровержимые факты откомандирования И. Евреннова и Ф. Лужина 31 мая 1718 г. по письму генерал-адмирала Ф. М. Апраксина из Адмиралтейской коллегии для посылки в Сибирскую губернию и подписания Петром I инструкции для них на следующий день после нового, 1719 г.² (Греков, 1960, с. 336—337; Евтеев, 1950, с. 42—44).

Таким образом, ни ранняя (1717), ни «точная» (1719) даты не являются достаточно убедительными. Более правдоподобно отнести время составления чертежа к 1718 г. Сам автор «точной» датировки не оказался последовательным — в публикациях А. В. Ефимова указан год 1719-й, но в «Атласе географических открытий...» (№ 56) вдруг обозначено «1718 или 1719»³.

¹ ЦГАДА, ф. 9, отл. II, № 43. Далее листы 379—380 повторяют текст листов 377—378, а листы 381—381 об. — 375—376-х.

² ЦГАВМФ СССР, ф. 212, № 29, л. 364.

³ В последнем издании книги указан то 1718, то 1719 г. (Ефимов, 1971, с. 160, 174).

Как оказалось, колебался А. В. Ефимов не только по поводу датирования, но и по поводу автора карты, называя ее то по заглавию оригинала, то «картой полковника Я. Елчина», то вовсе нелогично «Чертежом Ивана Енисейского — Якова Агеевича Ельчина» (Ефимов, 1948, с. 111; 1950, с. 123; 1971, с. 197). Последнее обозначение никак не увязывается с центральным выводом ученого, согласно которому в основу чертежа положены не показания Енисейского, а чертеж 1713 г. В последнем издании книги вопрос с определением автора «Карты Якуцкой к Камчацкому мысу...» окончательно запутан. При описании этого чертежа сделано удивительное и неожиданное заключение, приписывающее авторство безымянной карты... Козыревскому (Ефимов, 1971, с. 175). Конечно, нельзя полностью отрицать реальности предположения об участии (или причастности) Ельчина и Якутской воеводской канцелярии в создании чертежа 1718 г. Но никаких прямых свидетельств пока не найдено, косвенные доказательства шаткие, а поэтому, на наш взгляд, правильнее использовать оригинальное заглавие чертежа, а не называть его «картой Ельчина»¹.

На заседании Сената Я. А. Ельчин уточнил дислокацию годового казачьего наряда Якутского полка в 1708—1715 гг., указав где находились из 1000 казаков 653 человека: в Анадырском 150, в двух колымских зимовьях 20, в Алазейском 10, в Индигирском 20, в Верхоянском 15, в Устьянском 7, в Жиганском 15, в Верхневилуйском 15, в Средневилуйском 10, в Устьвилуйском 7, в Черинском 7, в Олекминском 12, в Охотском и Тауйском 100, в Удском 30, в Учурском 12, в Майском 8, в Илимске и Иркутске «для хлебного приему» 100, «в подгородные волости в пять улусов» 70, до Тобольска и до Москвы по 10 человек три посылки, «з зборными казнами» 30, «у приему и у продажи хлеба и соли, и вина, и у канатов работы, и у судовых приемов» 15.

Далее он рассказал об организации тобольской и якутской администрации экспедиции «на Восточное и Северное море, и на Камчатку, и на морские острова для отыскания морского пути от Якуцка до Камчатской земли, и для приведения в подданство Российской империи немирных и самовластных иноземцев, и для проведения о торгах с японцами»². В состав Камчатского наряда были включены 4 офицера, 30 драгун и солдат, 400 енисейских, иркутских и якутских служилых людей, 2 пушкаря, 8 кузнецов, 8 плотников и 12 моряков, в том числе пленный швед-

¹ Дешифровка старинных надписей на карте в «Атласе» проведена далеко не образцово. Так, помимо мелких (Матачею вместо Машачею, Узкуратаи — Уяхкурпати, Воревка — Воровская, Шолоки — Шопаки, Тиса — Тила, Ундубуй — Ундибир) и крупных (Кувика — должно быть Ковыма, перебегают — переезжают, на Лену — на Ламу, Юдомское устье — Алданское устье) неточностей передачи текста вовсе пропущены рр. Алдан, Курумушир, Чирпу (Атлас..., с. 39—40). Во всех изданиях книги повторена досадная ошибка о впадении р. Юдомы в Лену (Ефимов, 1971, с. 174).

² ЦГАДА, ф. 248, кн. 690, л. 260 об. См. также наказ Я. А. Ельчину 12 июля 1716 г. (ЦГАДА, ф. 248, кн. 56, л. 44—51).

ский боцман Андрей Буш, который «и ныне при том море живет для чертежа ланткарты»¹.

Касаясь расселения коренных жителей, живущих «на Камчатской земле и на морских островах Восточного и Северного моря», Ельчин сослался на поданную им в Военную коллегию карту, на которой обозначены («имянно значит») «многие иноземцы... а имянно: 1. Землица Курильская в Камчацком мысу; 2. Алюторская; 3. Изменники юкагири живут подле Анадыря; 4. Шалашеская между Анадара и Калыми²; 5. В Чукоцком мысу; 6. В северной стране против Анадырского устья, а живут иноземцы ни под чьим владением; 7. От реки Ямы около Пенжинской морской губы и до Камчатки ясажных иноземцов живут народов множество: коряки оленные и других званий, а например жительства их тысяч на пять верст, а... в помянутых землях соболи и лисицы красные и черные и кости моржовой множество; 8. Острова от Камчацкой земли на восток промеж Японского государства например с семьдесят, а на тех островах обретается людей множество ни под чьим владением, а именуютца ярыги... у них лисицы красные да каланы и краски, а места угодные к хлебородию и лесов к строению судов довольно, а приезжают к ним для торгов японские народы; 9. Против Уцкого острогу острова Шантарския, на которых соболей и протчих зверей довольно и леса годные ж, земля большая».

Ряд показателей на этой не обнаруженной пока карте, как видно, не соответствует ни карте 1718 г., приписываемой Ельчину, ни содержанию так называемой пояснительной записки к ней. «Карта Якуцкая и Камчацкому мысу...» из этнографических сведений сообщает только об одном месте дислокации «немирных иноземцов» на Чукотке и о прямой зимней дороге Якутск — Охотск, которую аборигены «переезжают для промыслу за 16 дней».

«Мнение» Я. А. Ельчина, заслушанное Сенатом, содержит два существенных дополнения к рассказам Шестакова. Во-первых, бывший якутский комендант предложил селить ссыльных русских людей в районе устья Май и Юдомского волока «для пахоты хлебной, понеже хлебу тут мочно родитца, сенных покосов и всякого угоды довольно». Названы и другие к «хлебородию пристойные места» при Охотске, на Камчатке, вдоль р. Большой, на морских островах и подчеркнута необходимость «завести лошадей и рогатой скот», что «будет в житейском обхождении и проездах против (сообразно. — Л. Г.) русских обычаев». Во-вторых, вновь рисовалась заманчивая перспектива установления торговых отношений с Японией: «...зборное ясажное соболи и лисицы, которые ниской цены, кость моржевая, каланы, нерпы — с такими товары, — говорил Ель-

¹ ЦГАДА, ф. 248, кн. 690, л. 261. По данным А. Сгибнева, А. Буш, не получавший жалованья с 1712 г. и позднее уволенный по старости со службы, в 1736 г. прибыл в Якутск, где «ходил по миру» (Сгибнев, 1869в, с. 7).

² Здесь Ельчин делает примечательную вставку: «Которая от северной страны прилегли земли против устья рек Анадыря и Кавыми, и признаваю, то Новая земля промеж Архангельского города и Сибирской страной».

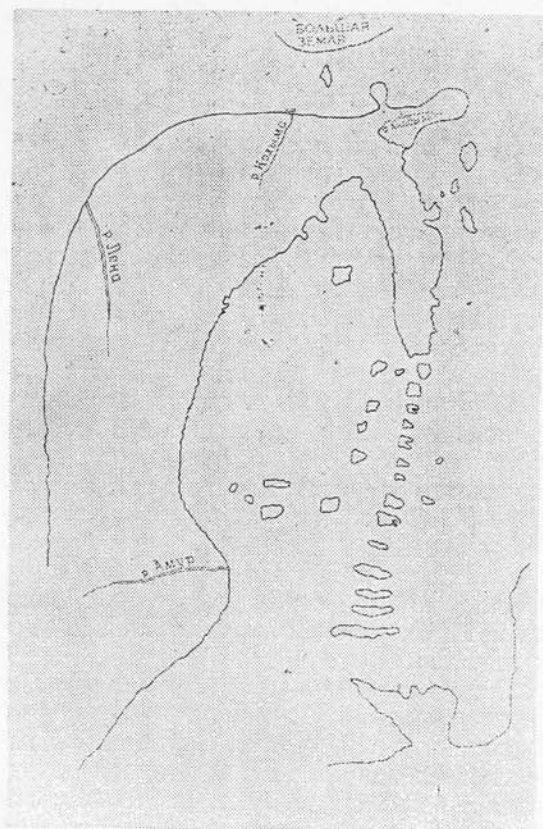

Схема карты Северо-Восточной Азии А. Ф. Шестакова 1724 г.

чин, — надлежит в торги зпущать в Япущкое государство и на их товары менять, на золото и прочее»¹.

7 декабря 1726 г. продолжалось слушанье выписки по доношению Шестакова. Сенатский протокол зафиксировал решение получить справки о рудознатцах, матросах и вооружении для экспедиции. 10 декабря были посланы запросы в Адмиралтейскую, Военную и Берг-коллегию. В тот же день контора генерал-кригскомиссара представила именной список 11 матросов из сибиряков, горное ведомство — список 46 рудоискателей и рудоразборщиков Сибирской и Казанской губернии, а Главная артиллерия сообщала о наличии в московском арсенале 9 мортир «старого манира»².

На заключительном заседании, рассмотрев также «учиненную ландкарту», Сенат принял «в рассуждение, что сибирския, хотя и отдален-

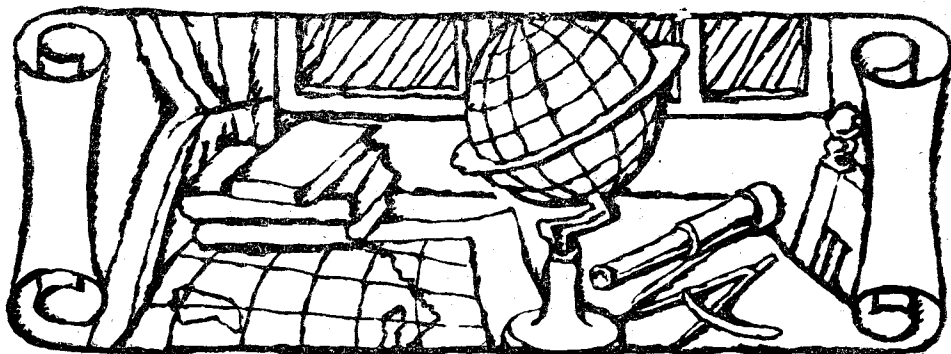
¹ ЦГАДА, ф. 248, кн. 690, л. 261 об.

² Там же, л. 269—274.

ные, места прежде признавались Якуцк, Иркутск, Нерчинск, Селенгинск и другие, однако ж оныя, когда умножились русскими людьми, то ныне за средину Сибири причестся могут. А дальняя, вновь не в давних временах сысканная за Якуцким земли, лежащая к морям Северному и Восточному, и Камчатка» — там, как показано на карте, — «многие остроги уже построены и иноземцы в подданство и платеж ясачной покорены» (Дивин, с. 71—72).

Представленная Сенату «учиненная ландкарта», по-видимому, тот же чертеж, что и упомянутая в письме адмирала П. Сиверса «особливая карта», которая всюду демонстрировалась Шестаковым в качестве наглядного графического подтверждения географического основания своих рассказов и предложений. Эта так называемая «карта Шестакова» сразу же получила широкое распространение, и ее многочисленные копии были изготовлены не только на русском, но и на иностранных языках. Их имели, например, И. К. Кирилов, профессор астрономии Петербургской Академии наук Ж. Н. Делиль, французский королевский географ Г. Делиль, Г. Ф. Миллер. В Географическом департаменте Академии наук одна из копий называлась: «13. Ландкарта новой области Камчатки по прожекту некоего человека, называемого Афанасья Шестакова, в сей области уроженца и около 50-ти лет в сей стране обитающего и над войском российским команду имеющего. Он жил в городе Якуцке и умел 7 языков разных в сей стране обитаемых народов. В Москве и Санкт-Петербурге он жил в 1724 году, где ему указом повелено было Камчатку завоевать. Она карта сочинена на латинском языке» и «14. Такая же на русском языке»¹. Внимательное изучение чертежа позволяет заметить, что своим содержанием он полностью отвечает рассказам Шестакова (Гольденберг, 19806).

¹ ААН, ф. 3, оп. 10, № 184, л. 93.

Глава 2

ПОДГОТОВКА ПОХОДА НА ДАЛЬНИЙ ВОСТОК

С начала нового, 1727 г. в Сенате закончилось рассмотрение донесений, рапортов, отписок, предложений, мнений, ландкарт и других различных сообщений о Северо-Востоке Азии. Сенаторам удалось четко сформулировать побудительные мотивы или причины, которыми можно было объяснить продолжение внешнеполитического курса на дальнейшее освоение новых земель и объяснение народов Восточной Сибири и Дальнего Востока. По «мнению сенатскому», поводами для формирования экспедиции нужно назвать: 1. Новые земли, «ни у кого не подвластные» и также, как во всей Сибири, «к содержанию и владению под российской державой не трудные», которые «прилегли» к территории России; 2. Прибыль государственную, ибо в тех местах соболь и «протчий зверь родитца и отуду вывозитца». При А. М. Черкасском только с Камчатки вывезено «мягкой рухляди», по якутской оценке, на 55 613 руб. и среди мехов 4 тысячи лисец и «383 сорока» соболей; 3. Открытие регулярного мореплавания по Охотскому морю, от которого могла «впредь возпоследовать коммерция» с Японией и Кореей, так как между Камчаткой и удскими и ламскими берегами море теплое, а не «ледовитое»; 4. Очевидное право первооткрытий: «пока ниhto... в те новоотысканные земли не вступили и никакой претензии не имеют» (РТЭ, с. 135). Нельзя, как это нередко делали буржуазные историки, объяснять только любознательностью и любовью к наукам Петра I и его преемников стремление к освоению и изучению новых территорий. Требования всестороннего изучения производительных сил страны основывались на общем подъеме экономики, развитии промышленности и внешней торговли России первой трети XVIII в.

Хотя положительное решение вопроса о создании и отправлении экспедиции определилось к концу 1726 г., понадобилось еще более шести месяцев для окончательной апробации его в высших правительственных органах, разработки законодательных документов, принятия необходимых организационных мер¹. 9 января подписана сенатская резолюция, и по ней 18 января из Сената в Верховный Тайный Совет передано доношение из 13 пунктов². 1 февраля в Совете «рассуждали» по доношению, предварительно запросив о нем сибирского губернатора, 9 февраля решили дать Шестакову солдат и офицера. 23 марта подписан именной указ Екатерины I, который 31 марта «дан» Совету, а 21 апреля заслушан в Сенате. 3 мая 1727 г. объявлен сенатский указ (ПСЗ, т. VII, № 5099).

В доношении Сената 18 января 1727 г. изложены предложения по организации поиска новых земель и еще не объясаченных народов. Поддержав главную идею — «примирять иноземцов» и новых «в ясашной платеж приводить», — на осуществление которой требовалось «не многое число» жалованья, рекомендовалось сооружение на Дальнем Востоке новых острогов и зимовий, более четкое функционирование системы аманатов. Предлагалось прибавить к якутскому полку 400 рекрутов и солдат из Томска, Енисейска, Красноярска и других ближних к Якутску городов, а из Якутска отправить в поход Шестакова, придав ему товарищей, по усмотрению сибирского губернатора, «добрых и к тамошним местам заобычных», и вместе с ними 400 служилых людей, которые бывали на Камчатке и в других северо-восточных районах; да «прибавку из якуцких посацких и звериных промышленников кто похочет... также из иноземцов якутов приговорить сколько мочно».

При определении маршрутов экспедиции и путей следования ее отрядов Сенат полностью опирался на «скаска» Шестакова и считал целесообразным ему поступать, «смотря по тамошним случаям и местам, ища к прибыли е. и. в. без потеряния людского». Однако при этом строго регламентировалась последовательность выполнения отдельных задач (Дивин, 1971, с. 71—74). Прежде всего требовалось «утвердить те места, которыми уже российское владение было и кои народы на Камчатке и других тамошних поморских местах еще не были покорены. А не утвердя оного, на острова морския не ходить и острогов на них не строить, но разведав от них подлинно, какие на таких островах народы, и под чьими владениями, и торги с кем имеют ли, и чем... Где возможно, на такие острова посылать только для уговаривания добровольно в подданство и сбору ясачного»³.

Предлагалось о походе Шестакова известить В. Беринга, и когда обе экспедиции «будут в действе», то друг другу помогать. Здесь следует упомянуть о суждении археографа А. А. Покровского, который объяснял

¹ ЦГАДА, ф. 248, кн. 690, л. 275—293; кн. 666, л. 5—25 об.; МИРФ, с. 443, 471, 489.

² В. А. Дивин (1971, с. 71) указывает, что сенатское доношение 18 января 1727 г. было направлено якобы Анне Иоанновне. Эту небрежность следует исправить, так как Анна Иоанновна заняла русский престол 25 января 1730 г.

³ ЦГАДА, ф. 248, кн. 690, л. 278 об.—279.

неточностями географических представлений того времени то обстоятельство, что почти в одно и то же время и по инициативе одних и тех же государственных учреждений были организованы две, по его мнению, аналогичные экспедиции — Беринга и Шестакова. Причиной этого странного дуализма он называет карту Шестакова с изображением «Большой земли» против устья р. Колымы, полагая, что в соответствии с подобным представлением одна экспедиция (Беринга) должна была выполнять задание на Тихом океане, а другая (Шестакова) — на Северном (Экспедиция Беринга, с. 12—13). Подобное утверждение противоречит широко известным задачам, которые возлагались на ту и другую экспедиции¹. Для Шестакова, как и оказалось, исследование северного побережья Азии и прилежащих островов явилось в конце концов предприятием второстепенным, а главные события развернулись на Чукотке, Камчатке, в Охотском и Беринговом морях, где первостепенное значение придавалось проблемам отнюдь не научного характера. Это упорядочение сбора ясака, урегулирование взаимоотношений народностей Сибири между собой и русскими, укрепление форпостов, восстановление старых и строительство новых острогов и зимовий.

Сенат признал необходимым удовлетворить требования Шестакова о посылке с ним из Петербурга 4 гренадеров, обученных ракетному делу, рудознатца и пробовальщика, 10 «добрых» матросов, а также, по выбору сибирского губернатора, мастеровых людей. При этом было сделано важное дополнение: «для морского ходу» направить штурмана и подштурмана и с ними 10 или 15 компасов «с принадлежностью», а также подмастерье, умеющего строить морские суда. Получили одобрение и другие предложения Шестакова о вооружении, жалованье служилых людей, товарах на подарки, причем предусматривалось взамен товаров «приносные соболи и другой зверь собрать ценою со излишеством» и отдавать в казну «без утайки, опричь того, что обыкновенно ясак собирается»².

Решение части вопросов оставлялось на усмотрение сибирского губернатора, в том числе посылка служилых людей, перевод зимовий и ясачных людей к Удскому острогу. Подчеркивалась важность освоения Шантарских островов, отправления туда служилых людей, «охотников для ловли зверя и подлинного тем островам осмотру». Принял Сенат во внимание и показания Я. А. Ельчина относительно земледелия и выбора путей для грузов, полагая наиболее удобным отправлять из Якутска провиант, артиллерию и снаряжение для судов по рр. Лене, Алдану, Мае, Юдоме до Юдомского волока, далее лошадьми по р. Урак, затем рекою до Восточного (Охотского) моря; в теплых же местах «завезть» хлеб, для чего послать с экспедицией «ржаного и ярового хлеба на семена... и севом опробовать»³.

¹ Об экспедиции В. Беринга существует огромное количество литературы. Помимо упоминаемых нами трудов А. И. Андреева, Л. С. Берга, А. В. Ефимова, Е. Г. Кушнарева, Ф. Голдера, Р. Фишера укажу на оригинальное исследование А. А. Сопочко (1978).

² ЦГАДА, ф. 248, кн. 690, л. 380 и об.

³ Там же, л. 282.

14 марта в Верховном Тайном Совете был подготовлен правительственный указ, поданный императрице. Именной указ 23 марта 1727 г. «О призыве в подданство российского владения немирных иноземцов, которые прилегли к Сибирской стороне, тако ж изменников, бывших в подданстве, и о посылке для того призыву и сыску новых земель якуцкого казачья голову Афонася Шестакова» подтвердил решительное стремление абсолютистской империи расширить территориальные владения России, ускорить продвижение на Северо-Восток, получить новые источники пополнения государственной казны, изучить новые возможности для торговли.

Основное содержание указа, состоящего из 7 пунктов, включало доношение Сената 18 января, мнение сибирского губернатора, резолюции Верховного Тайного Совета, который в феврале и марте трижды рассматривал вопрос об экспедиции. Указом прежде всего четко определялась тактическая линия по отношению к сибирским аборигенам. Обеспечение усилением антифеодальной борьбы крестьян в России и растущим сопротивлением местного коренного населения Сибири, правительство призвало к соблюдению известной осторожности, указав «иноземцев... в подданство призывать ласково», чтоб сами «доброжелательно пришли», и лишь затем «угovarивать их», чтоб они, по сложившемуся порядку, дали от каждого рода аманатов и платили ясак. О том же напоминает другой пункт указа, касающийся перевода зимовий, служилых и ясачных людей к Удскому острогу. В этом частном случае предлагалось «отдать тем иноземцам на волю, где оные жительство иметь пожелают, дабы в том переводе не показать озлобления и от ясашного платежа не отогнать». Правда, одновременно с предписанием «ласкового обхождения» было велено начальнику уральских горных заводов генерал-майору В. И. Геннину изготовить «сколько потребно будет» пушек и малых мортир для установки на судах и в острогах, а тобольскому губернатору отправить экспедиции необходимое количество пороха и свинца.

Окончательно устанавливалась численность служилых людей с центром дислокации в Якутске «для пространности мест» в 1500 человек из старых казаков и казачьих детей, рекрутов и гулящих людей, размещаемых по острогам и зимовьям, и в первую очередь в тех, «близ которых имеются немирные иноземцы», а именно в Удском, Охотском, Тауйском, камчадалских, Анадырском и в других местах¹.

В соответствии с мнением сенатским изложены пункты указа о командировании адмиралтейских и горных служителей, обследовании Шантарских островов, выдаче товаров на подарки, жалованье служилым людям, а также участникам похода, выезжающим из Петербурга, о прогонных деньгах, пути до Камчатки. Но были внесены и новые существенные дополнения, сыгравшие впоследствии важную роль в работе. Среди них, во-первых, возложение на сибирского губернатора общего

¹ ЦГАДА, ф. 248, кн. 690, л. 287—287 об. Печатный указ (ПСЗ, т. VII, № 5049) имеет ряд ошибок и опечаток. Например, в Судском, в Чауском вместо Удском, Тауйском и т. п. Воспроизведен без исправлений А. Сгибневым (1869а, с. 4—6).

руководства и всей ответственности за действия назначенной партии. Во-вторых, отмечая необходимость научного описания и картографирования изучаемых районов на суше и на море, решено было отправить геодезиста, который бы «в бытность их на море и в протчих местах учинил описание и на которых островах будут — основательную ландкарту». Наконец, указывалось, по усмотрению сибирского губернатора, послать «для изыскания новых земель и призыву иноземцов» из обер-офицеров «искусного человека» и с ним А. Ф. Шестакова. Именно этот пункт указа, как показали дальнейшие события, служил предметом ожесточенных споров и ссор руководящего состава экспедиции, ибо он противоречил начальным строкам того же документа, где говорилось о посылке для выполнения указанных задач Шестакова.

Начиная с историков Г. Ф. Миллера и А. Сгибнева все исследователи обычно называют А. Ф. Шестакова начальником экспедиции, облеченного Сенатом званием главного командира всего северо-восточного края Сибири. Но это утверждение совершенно неверно: ни в одном из законодательных актов не обозначено подобное звание; фактически же Шестаков один возглавил всю экспедицию только на этапе ее подготовки в Петербурге и Москве и во время проезда до Тобольска. В столице Сибири губернатор назначил капитана Сибирского драгунского полка Дмитрия Ивановича Павлуцкого возглавить поход «обще» с Шестаковым, поручив им решать все дела с «общего согласия»¹. Властный и самолюбивый якутский казачий голова по-своему трактовал правительственные указы. Таким образом, с самого начала оказался подорванным разумный принцип единоначалия.

Именной указ 23 марта 1727 г., объявленный Верховным Тайным Советом Сенату, в начале апреля поступил в Адмиралтейскую и Военную коллегии. Сенатский указ 3 мая 1727 г., в 15 пунктах повторяющий все положения доношения и именного указа, 15 мая был послан в Берг-и Камер-коллегию, а 30 мая — сибирскому губернатору вместе с копиями доношений и «скаски» Шестакова.

Сразу же после утверждения проекта Шестакова развернулась подготовка к выступлению экспедиции. Уже 11 апреля Адмиралтейств-коллегия, как записано в журнале заседаний, постановила послать в соответствующие команды указы о присылке геодезиста, штурмана и подштурмана, 10 матросов, ученика или подмастерья судового дела (МИРФ, ч. V, с. 471). А на следующий день энергичный казачий голова заявил Сенату о необходимости «ныне напредь ево» срочно послать с почтой двух служилых людей из Петербурга до Тобольска, далее через Барабу в Томск, Красноярск, Братск, Илимск и до Якутска, а оттуда до Восточного и Северного «акиан-моря». По его замыслу, посланцы должны были через городского толмача И. Львова объявить всем коренным жителям, которые «из жилей своих разбрелись от насильного взятия подвод», чтоб они «жили на прежних своих жилищах, а впредь им от Камчатского пути тягости и разорения не будет», для расследования нанесен-

¹ ЦГАДА, ф. 248, кн. 666, л. 32.

ных «обид» назначается следствие; предупредить оленных ламутов района Охотска, чтобы они были «постоянны и к немирным корякам не соглашались», а, объединившись с зашиверскими ламутами для охраны Тауйского острога, подготовились к походу на Пенжинское море. В числе других поручений были следующие: осмотреть места по рр. Ураку и Коршуновке, чтобы выявить леса, пригодные для постройки мелких легких судов, передать служилым Якутского полка распоряжение о заготовке «кормовых припасов» для похода к Охотскому морю, выяснить местоположение экспедиции В. Беринга, наконец, доехать до берегов Восточного океана не позднее сентября 1727 г. Доношение Шестакова было рассмотрено 18 апреля, а 24 апреля оно вместе с сенатским указом отправлено М. В. Долгорукову для исполнения¹.

Май — июль 1727 г. были месяцами интенсивной подготовки к походу. Помимо Сената и коллегий комплектованием и снаряжением экспедиции занимался целый ряд государственных учреждений, в том числе Петербургская рентерея, полицмейстерская контора, Ямская канцелярия, Академическая контора, московская контора Камер-коллегии. Энергичную деятельность развил сам Шестаков. Одно за другим рассматриваются Сенатом его доношения 20 и 23 мая, 9, 12 и 16 июня. По доношению 20 мая Камер-коллегия удовлетворила финансовые запросы: разрешила закупку «подарочных» товаров проводить не в Петербурге, а в Москве, указала рентерее выплатить Шестакову 171 руб. денежного и хлебного жалованья за 1723—1727 гг., а в Сибирской губернии выдать ему же за эти годы соль и вино.

Особо придирчиво Шестаков отбирал матросов. Он дважды отклонял кандидатов, требовал «освидетельствовать» их в Сенате, полагая, что «ежели оные в мореходном плавании действительную силу знать могут, то к оному походу штурманом и быть не надлежит»². Сенат не согласился с доводами и в соответствии с указом 3 мая приказал 30 мая «по-прежнему» отправить в экспедицию штурмана, подштурмана и 18 матросов, о чем 2 июня была извещена Адмиралтейская коллегия.

9 июня морское ведомство выслало в Сенат с «надлежащими» инструментами адмиралтейских «служителей» штурмана, подштурмана, геодезиста, 10 матросов-сибиряков. Интересно, что фамилии всех матросов совершенно иные, чем коллегия сообщала ранее в списках 10 декабря 1726 г. и 23 мая 1727 г. В реестре показано 9 матросов первой статьи — Мирон Тарнаев (Турнаев), Лаврентий Сметанин, Гаврила Беляев, Степан Малыгин, Михаил Гусельников, Петр Таранкин, Агафон Назаров, Леонтий Петров, Кузьма Кузнецов (с полным жалованьем по 1,5 руб., а «за вычетом на мундир» по 30 алтын, муки по пол-осмине, круп по малому четверику на месяц) и матрос второй статьи Кузьма Ключев, который получал в месяц 1 руб., а с вычетом за мундир 20 алтын, муки — пол-осмины, круп — по малому четверику, соли 2 фунта. Обмундирование и денежное жалованье выдано всем по 1728 г., хлебное — за первое

¹ ЦГАДА, ф. 248, кн. 690, л. 285—286.

² Там же, л. 298 и об.; кн. 666, л. 484 об.

полугодие 1727 г. Штурман Яков (Якоб) Генс получал по 12 руб. в месяц и за «прибавочный» 13-й месяц, подштурман Иван Федоров — по 7 руб. в месяц. Обоим выданы для работы инструменты: 2 пель-компа-са, 8 ординарных компасов, по 2 склянки получасовых и полуминутных¹.

В тот же день 9 июня состоялся сенатский указ по очередному доношению. Глава экспедиции, узнав о том, что сибирский губернатор Долгоруков по служебным делам находился в Москве, просил для ускорения решения многих вопросов, относящихся к компетенции сибирской администрации, отправить «наперед себя» из Петербурга все указы по экспедиции с казаками-якутчанами П. Шестаковым и В. Сафроневым, которые «тамошних народов и язык знают»².

Настойчивый казачий голова в новом доношении в Сенат 16 июня добивался точного исполнения коллегиями предписаний указов, отметив, что еще не присланы из Военной коллегии гренадеры, а из Адмиралтейской — судовой мастер. Видимо, и не все требования о командировании опытных, выносливых и здоровых матросов были соблюдены, ибо далее он продолжал: «А которые матрозы в Сенат и присланы и те тамошнего обыкновения не знающие, от которых я опасен, чтоб в пути не разбежались». Не менее суровая оценка дана физическому состоянию Я. Генса и И. Федорова: «А штурман и подштурман к означенной посылке и быть не надлежат, понеже штурман без ног и русского языка мало знающей, а подштурман болен; и кроме их может изыскать тамошняго моря обывателей в городе Якуцку»³. А. Сгибнев, в целом отрицательно относившийся к личности Шестакова, писал о том, что казачий голова ненавидел грамотных людей и старался от них избавиться. С этим нельзя согласиться. Опасения Шестакова были вполне обоснованными: он отлично знал, что условия жизни и работы на Северо-Востоке тяжелейшие, связаны с постоянными лишениями и трудностями, и, естественно, стремился заполучить к себе в команду людей не только знающих, но сильных телом и душой. В июле 1732 г. перед отправлением в новую экспедицию В. Беринг вспомнил о встрече в 1729 г. с шестаковским штурманом, который «был обдержим болезнью, от которой не надеюсь, чтоб был жив»⁴. Забегая вперед, отметим, что ни Генс, ни Федоров не выдержали испытаний и выпавших на их долю тягот.

В заключение Шестаков, подчеркивая бесцельность ожидания им коллежских «присылок» и чтобы, «живучи в Санкт-Петербурге долговременно, в конце не разоритца», просил отпустить его из Сената вместе со служилыми И. Харитоновым и Т. Максимовым, выдать для проезда паспорт и 5 подвод. После этого заявления организационные усилия заметно ускорились. Уже 19 июня сенатским указом предписывалось немедленно

¹ В «росписи штурманским припасам, которые приняты в Санкт-Петербурге», указаны 2 получасовых, 1 минутная, 1 полуминутная склянки, 6 дестей александрийской бумаги, 6 дестей картузной бумаги, 1,5 стопы писчей бумаги, 2 большие зрительные трубы (ЦГАВМФ СССР, ф. 216, л. 5, л. 96).

² ЦГАДА, ф. 248, кн. 690, л. 299.

³ Там же, л. 301.

⁴ Там же, кн. 664, л. 102 об.

отправить всю команду Шестакова из Санкт-Петербурга в Сибирь¹. Шестаков получил паспорт, а на уездные подводы — указ «с прочетом». 28 июня из Ямской канцелярии ему была дана подорожная через Москву до Тобольска на 12 ямских подвод, на которых экспедиция и выехала из столицы лишь в начале августа, а не в июне, как ошибочно повторяется в литературе. Уже без задержек на вторичные запросы Сената ответили коллегии. В Адмиралтейской 26 июня решили «для дела ботов и шхерботов... отправить ботового дела подмастерья Ивана Спешнева, который обретається ныне в Казани» (МИРФ, ч. V, с. 489), куда 28 июня отправили соответствующий указ к капитан-командору И. Козлову. Военная коллегия 30 июня распорядилась выделить четырех гренадеров из взятых в рекруты якутских жителей.

На другой же день после получения распоряжения о немедленном отправлении и штурман, и геодезист потребовали предоставления им необходимых для будущей работы материалов и инструментов. Для «морского ходу» Я. Генс 20 июня просил к «преждеданным» из коллегии «для дальнего разстояния... еще в добавку»: циркулей 2 (в 9 и в 7 дюймов), бумаги александрийской 6, а картузной 7 дестей, писчей 1,5 стопы; одну часть магнита для починки компасов, один сундук под материалы (размером 5×3,5×2 фута), 2 подзорные трубки и 2 радиуса². Незначительный сам по себе вопрос о выдаче инструментов приобрел неожиданную остроту и решался более месяца в связи с категорическим отказом коллегии закупать и отпускать требуемые «припасы», ибо «оное отправление (экспедиции.—Л. Г.) не от Адмиралтейства».

20 мая был «взят» из Академии геодезист Михаил Гвоздев. Адмиралтейской коллегией ему были выданы для работы: железная «мерительная» цепь для измерения линий, «феодолит» и «азимуф компас» для измерения румбов ходовой линии, квадрант для определения астрономических широт по Солнцу или по Полярной звезде, а также инструменты, употребляемые при камеральных работах, в том числе готовальня с принадлежностями, циркуль «большой хартинной» (по-видимому, штангенциркуль), циркули «простой и треножный», «шкало планное» (линейка с делениями), «таблицы, картины плоская и меркаторская»³.

На следующий день после сенатского приговора 19 июня о немедленном отправлении шестаковской экспедиции из Петербурга Гвоздев подал в Сенат доношение с обоснованием невозможности быстрого выполнения поручаемых ему работ и необходимости выдачи различных материалов. Геодезист отметил, что посылается он в Сибирь «для описания Восточного и Северного моря и некоторых островов и сочинения лант-карты один. А при описании оного моря и островов одному ему в скорости исправитца невозможно, ибо и в ближния места посылаютца геодезистов по четыре и по два человека, и чтоб в оную посылку определить

¹ ЦГАДА, ф. 248, кн. 690, л. 302.

² Там же, л. 308.

³ Там же, л. 298 об., 306 об.

ему в помощь геодезии учеников двух человек»¹. 24 июля коллегия известила Сенат о том, что, по ее мнению, в экспедицию следует послать одного геодезиста, придав ему «для вспоможения» отправляемых с ним служителей, «сколько человек, по делу смотря», так как геодезии учеников в Академии налицо имеется «не довольное число, и ежели впредь потребуются к другим делам, то и послать будет некого». Так же отрицательно коллегия отнеслась к предложению о присылке ею материалов, мотивируя свой отказ отсутствием средств на их приобретение, и, в свою очередь, рекомендовала Сенату все необходимое купить в торговых рядах. Убедительные доводы были приняты Сенатом во внимание. 31 июля в Камер-коллегию послан сенатский указ от 28 июля, повелевающий «потребное число означенных инструментов и материалов» купить в Петербурге или в Москве и отдать геодезисту Гвоздеву «с роспискою немедленно, а сколько оных по цене куплено будет, о том репортовать»².

С этого времени в списках геодезистов первой половины XVIII в., составленных в Сенате и в Адмиралтейской коллегии для учетных целей, почти постоянно встречается фамилия Гвоздева. Так, уже в июльском списке 1727 г. в разделе «Геодезисты обретаются в посылках в разные места» он отмечен, как отправленный «в Высокий Сенат для посылки в Сибирь ради учинения тамо на море и в протчих тамошних местах ландкарты»³.

В первых числах августа 1727 г. экспедиция тронулась в путь. В Москве были закуплены товары, инструменты и материалы. В Казани 6 сентября в шестаковскую экспедицию поступил ботовых дел подмастерье Иван Спешнев.

¹ ЦГАДА, ф. 248, кн. 690, л. 307.

² Там же, л. 312—312 об.

³ Там же, ф. 248, кн. 779, л. 58 об.; кн. 664, л. 177, 326 об., 388, 402, 410; кн. 7716, л. 379 об; см.: Соколов, 18516, с. 448; Шибанов, 1971, с. 48, 50.

Глава 3

ЭКСПЕДИЦИЯ ШЕСТАКОВА — ПАВЛУЦКОГО

ТОБОЛЬСК — ЯКУТСК

Осенью 1727 г. А. Ф. Шестаков и его свита прибыли в Тобольск. Более двух месяцев заняла подготовка к очередному маршруту на восток. В сибирской столице участники похода получили денежное и хлебное жалованье, снаряжение и инструменты. Определился и численный состав экспедиции, установленный 26 сентября 1727 г. сибирским губернатором, который 28 ноября рапортовал Сенату об отправлении в тот же день из Тобольска драгунского капитана Д. И. Павлуцкого и якутского казачьего головы А. Ф. Шестакова с конвоем и припасами¹. Обычно историки указывали, что в поход, в соответствии с указом 3 мая 1727 г., был назначен отряд казаков из 400 человек под командой Д. И. Павлуцкого. Но состав партии не был столь однороден: в нее вошли наряду с казаками рекруты, мастеровые, промышленники, ссыльные, а ее комплектование людьми и снаряжением проходило постепенно и не только в Тобольске. Ведомость, составленная Тобольской губернской канцелярией для Сибирского приказа в 1732 г., позволяет уточнить окончательный состав экспедиции, попутно исправив ошибочное утверждение о ее численности и назначении 26 сентября 1727 г. в отряд нескольких геодезистов из Томска. К посланным из Санкт-Петербурга и Казани 15 «адмиралтейским служителям» (штурман Я. Генс, подштурман И. Федоров, геодезист М. Гвоздев, 10 матросов, подмастерье И. Спешнев, копиист) в Тобольске присоединились 41 человек, в том числе 4 гренадера, 6 солдат, служилых людей 2, дворянин, берггауер Артемий Калугин, а также по требованию Шес-

¹ ЦГАДА, ф. 248, кн. 690, л. 293, 324.

такова «для поселения в указные места» 20 ссыльных, 6 якутчан и школьник. В распоряжение Шестакова и Павлуцкого поступили также 83 человека из Енисейской провинции, и среди них рекрутов 18, казачьих детей 20, разночинцев 17, «гулящих» людей 7, беглый солдат, 4 плотника, 2 кузнеца, 3 конопатчика, «беглецов якутских» 3, «наемщиков» 6, колодников 2, в Иркутске — казачьих детей 24 и рекруты П. Плотников и И. Будаков «с товарищи». Наконец, на завершающем этапе формирования в Якутске — центре дислокации экспедиции — якутский воевода определил «в партию» 426 человек, в числе которых находились 385 служилых людей, 4 пятидесятника, трое детей боярских, 4 копияста, казачьих детей 22, 4 промышленника, слесарь, кузнец, охотник, новокрещенец¹. Кроме этих участников похода (591 человек) Шестаков намеревался по дороге в Якутск отобрать для экспедиции илимских крестьян, резонно полагая, что «в партии без таких набранных крестьянских детей быть невозможно, понеже они к службам заобычайны и к приуготовлению пути лыжи, нарты и лотки сделать умеют и всякого зверя промыслить могут и будут содержать новонаборных из гулящих и ис каторжных, обретающихся ныне при партии в службе»².

В то же время губернская канцелярия вела тщательный учет всем затратам на необычную «дальнюю посылку». Только в Тобольске и Енисейской провинции «вышло» на нее в расход более 1700 руб.³ В Тобольске было выплачено жалованье (749 руб. 80 коп.), выданы деньги на прогоны (77 руб. 94 коп.), получены «всякие припасы» на 368 руб. 68 коп., «да без цены» (в счет хлебного жалованья) в экспедицию передано 11 четвертей ржаной и 20 фунтов пшеничной муки, по шесть с лишним четвертей ржи и овса, 4 фунта соли, более 5 четвериков разных круп. Среди разнообразных предметов снаряжения, оружия и другого имущества, полученного Шестаковым, отметим: 11 пушек и 700 ядер, 4 ручные мортиры и 410 гранат к ним, 150 ручных гранат, 40 ракет «верховых и поземных», 15 пудов пушечного и 11 пудов 38 фунтов мушкетного пороха, 400 фузей, 100 патронов с пулями, 1 пуд 25 фунтов селитры, 22 фунта серы, 1 пуд 2 фунта фитилей, гренадерскую (4 красные шапки и 4 сумы с замками и перевязями) и солдатскую (по 10 ремней, пряжек, шпаг, портупей красных кожаных) амуницию, смолы 5 ведер, кож юфтяных 7, «драниц» сосновых 10, котел медный, сверла, долота, скобели, ножницы, струги железные, бумагу картузную 29,5 дести. В Енисейской провинции выдано: на покупку припасов 43 руб. 50 коп., «на подводы прогонных денег» 400 руб. 50 коп., «кормовых денег каторжным, которым велено быть по Якутку в службе», 10 руб. 80 коп. и жалованье мастеровым людям 68 руб. 91 коп., «да без цены» хлебного жалованья — 39 четвертей ржаной муки, 6 четвертей ржи, 12 пудов круп, а также «на снасти и на неводы прыдена толстова и тонкова 50 пуд»⁴.

¹ ЦГАДА, ф. 248, кн. 731, л. 771—772 об.

² Там же, л. 1339; кн. 690, л. 340 об.

³ Там же, л. 1341 об.; кн. 690, л. 345 об.

⁴ Там же, кн. 690, л. 345 об.—347 об.

Я. Генс и И. Федоров дополнительно получили от Тобольской губернской канцелярии различные штурманские и шкиперские материалы: 1,5 стопы писчей бумаги, 40 игл больших и малых, 3 фунта сургуча, 6 фунтов воска, 4 фунта чернильных орешков, 50 игл парусных, 150 аршин «хрящевого» холста, 160 фунтов парусных нитей, 2 дубленые кожи, 4 кожи юфтяные¹.

В день отъезда из Тобольска, 28 ноября, А. Ф. Шестаков взял из Тобольской рентерен 10 руб. «на дачу в награждение» монаху И. Козыревскому «за многие ево нужнейшие службы и проведывании морских островов, и всяких народов, и новых земель, и Апонского государства»². Исследователь Курильских островов и Камчатки И. Козыревский находился в это время в Тобольске, куда он приехал из Якутска для решения многолетнего (с 1724 г.) конфликта с архимандритом якутского Спасского монастыря Феофаном. Кроме того, он добивался удовлетворения своих прошений о выплате компенсации за отобранные у него камчатским приказчиком Алексеем Петриловским «пожитки». Вместе с обвинениями в присвоении церковных денег и в других злоупотреблениях тобольский Архиерейский приказ решил возобновить и старое «камчатское розыскное дело», по которому Козыревский привлекался ранее неоднократно за участие в «бунтовом деле» 1711 г. на Камчатке и в убийстве камчатских приказчиков. Во время тобольского следствия 1727 г. и на допросах Козыревский сумел доказать, что известными еще с 1712—1713 гг. камчатским приказчикам В. Колесову и И. Енисейскому своими «службами» и «радением» в сборе ясака, в разведывании новых земель и морских островов он давно искупил свою вину. В пользу Козыревского был решен и его спор с Феофаном. Этому успеху, как нетрудно догадаться, несомненно, содействовал старый противник архимандрита — А. Ф. Шестаков, который вскоре же уговорил Козыревского отправиться вместе с ним в экспедицию.

27 октября 1727 г. в Тобольскую губернскую канцелярию поступило доношение И. Козыревского с просьбой отпустить его на р. Камчатку с партией Шестакова «ради показания от Камчатской земли в северной стороне новой земли и островов и народов, о которых он сведом, и в полуденной стороне к крайнему городу Матмаю и к государству»³. Шестаков поддержал прошение, по его требованию сибирский губернатор утвердил назначение. В указе, poslanном к якутскому воеводе, сообщалось, что Козыревский «отдан» в партию, его следует отпустить с Камчатки в Тобольск только «по показании оных земель, островов и народов», а до тех пор, пока экспедиция не выступит из Якутска, «жить ему, Козыревскому, в Спасском монастыре свободно и утешения ему за многие ево службы не чинить, но показывать к нему благодеяние»⁴.

¹ ЦГАВМФ СССР, ф. 216, д. 5, л. 96.

² ЦГАДА, ф. 248, кн. 777, л. 86, 92.

³ Там же, кн. 781, л. 707 об.—708.

⁴ Там же, кн. 731, л. 1314.

Ныне легендарный первопроходец Козыревский явился, как представляется, и для участников экспедиции Шестакова — Павлуцкого живым олицетворением образа смелого, мужественного и умелого казака, хорошо приспособленного к беспокойной походной жизни якутских служилых людей. Несомненно, яркие рассказы монаха-путешественника о походах по Камчатке, плаваниях на Тихом океане и о «Апонском» государстве привлекли к себе всеобщее внимание. Были они особенно поучительными для тех, кто впервые отправлялся в неведомый далекий путь, кому не приходилось возводить остроги и ставить срубы, составлять чертежи и отчеты о походах, охотиться на зверя, вязать сети, готовить впрок рыбу, «варить» соль, строить морские и речные суда, добывать смолу, тянуть бечевой дощаники, находить и валить строевой лес, гнать его по рекам. Непосредственный участник и свидетель бурных событий освоения Восточной Сибири с начала XVIII в., Козыревский встречался с такими выдающимися деятелями этого периода, как В. В. Атласов, Д. Я. Анциферов, В. Колесов, И. Енисейский, Д. Траурнихт, В. Беринг и другие. Многие из виденного и пережитого рассказал Козыревский за время долгого пути из Тобольска в Якутск. Рассказы его не были записаны, но в основных чертах они могут быть восстановлены благодаря подробным челобитным — автобиографиям И. П. Козыревского 1730—1732 гг. (Колониальная политика, с. 135—139). Следуя за авторским жизнеописанием, мы должны пренебречь некоторыми его субъективными оценками, а иногда и преувеличениями собственных заслуг¹.

Основателем сибирского рода русских служилых людей Козыревских оказался польский шляхтич Федор Козыревский, взятый в плен под Смоленском во время русско-польской войны при царе Алексее Михайловиче. Сосланный в Якутск, он стал там якутским сыном боярским. Юноша Иван Козыревский с отцом своим Петром Федоровичем, братьями и другими родственниками вместе с «охочими» людьми в 1700 г. был послан на Камчатку и в другие земли «для умирения и призыву иноземцев» в русское подданство и в «ясашной платеж». Вскоре П. Ф. Козыревский погиб (1704 г.) на одном из морских островов, а Иван продолжал служить без жалованья «по разным многим рекам со служилыми в ряд», участвовал во многих походах и «смертные раны принимал». На реке Камчатке он ставил в 1702 г. Верхний, а в 1703 г. Нижний Камчадалские остроги «для содержания и оберегательства казны и аманатов». В 1711 г. И. Козыревский «своею охотою» нес нелегкую службу в районе р. Большой на Камчатке, «приводил» в ясак больше-реченских, авачинских и «носовых» аборигенов, «поставил» вновь крепость, позднее названную Большерецким острогом, с пристанью для морских судов. С р. Большой тогда же он отправился к «восточной стране Камчадалского носу», выполняя важное задание рекогносциро-

¹ ЦГАДА, ф. 248, кн. 777, л. 88—89 (март 1730 г.), 78—81 (май 1730 г.), 84 и об. (17 июня 1730 г.), 90—95 об.; кн. 781, л. 695—696 (май 1732 г.). Новые данные о Козыревских приведены Б. П. Полевым (1982, с. 15—24, 48—49).

вочного характера. Ему поручалось «Камчадальской земли нос и морские острова и всяких народов проведывать, и под чьею властью оные народы обретаются... и всякими мерами домогаться про Апонское государство и какими пути проезд к ним бывает, и какое они имеют ружье и битву, и к воинскому делу искусны ль, и будут ли они с российскими людьми дружбу иметь и торги водить, и что им из Сибири годно, и о всем подлинно осведомиться».

Добровольно выполняя государственное задание, И. Козыревский ходил туда, «где напредь русские люди не бывали», обошел на байдаках морем «вкруг» носа, «проведал» морские острова и народы «званием курил» и возвратился в Большерецкий острог. Построив легкие морские суда на собственные средства, он набрал служилых и промышленных людей, снабдил их своим же порохом и свинцом и в сопровождении отряда ясачных ительменов отправился в 1713 г. «в полуденную страну на морские острова». Повествуя о вторичном посещении им Курильской гряды, Козыревский отмечает, что на островах проживают «самовластные» (независимые) народы — курилы, у которых головы бриты до затылка, а «одеяние — лисье и бобровое и других зверей, и шелковое, и бумажное, и кропивное тканое». Помимо руководства походом, сбора ясака и передачи взятых аманатов в Большерецк отважный путешественник самым тщательным образом собирал разнообразные сведения, расспрашивая «островных иноземцев» (айнов) и японцев, потерпевших крушение в 1710 г. у берегов Камчатки. Так, он «уведомился» о «дальних больших островах» и о «крайнем» городе Матмае на одноименном острове, большом острове «Нифон, на котором стоит Апонское государство, их иноземским языком званием Эдо, и о звании других городов, и в котором городе родится золото, и о протчем, и о морском пути, и по которую сторону островов путь надлежит». На большие острова, сокрушался Козыревский по поводу незавершенного похода, идти ему было невозможно без якорей, парусов, компасов и другого снаряжения, которого «в привозе из Якуцка на Камчатку в то время не имелось». По возвращении в 1714 г. с моря Козыревский представил приказчикам Верхнего Камчатского острога В. Колесову и Нижнего — И. Енисейскому отчет («доезд»).

В 1714 г. во время восстания ясачных юкагиров и коряков, которое охватило многие районы Северо-Востока, В. Колесов и И. Енисейский, отправляясь с ясачной казной — пушниной в Якутск, поручили Козыревскому до прибытия нового приказчика «ведать и оберегать» не только Большерецкий, но и камчатские остроги. Козыревский, узнав о восстании и гибели Колесова и Енисейского со служилыми людьми, опасаясь «незапного нашествия», выступил из Большерецка на р. Камчатку и в 1715 г. на прежних местах поставил новые Верхний и Нижний Камчадальские остроги. После постройки укрепленных пунктов он вновь отправился в поход и собрал для казны в том же году без малого 70 сороков соболей, 17 лисиц черно-бурых и бурых, не считая бобров и красных лисиц. Подобного «радетельного збору», такого количества соболей и лисиц за год, объяснял удачливый ясачный сборщик, не бывало «не

токмо сначала у прежних, но и у нынешних прикащиков на Камчатке»¹. По просьбам больных, старых, раненых и отставных служилых людей, которые «за неимуществом прибежища скитались по разным острогам меж двор», продолжал свой рассказ Козыревский, он «своим коштом» и трудами в 1717 г. построил Камчатскую пустыню — часовню, а при ней келью для пребывания и «где можно от трудов довольствоваться», после чего «принял монашество» и новое имя — Игнатий.

Яркие рассказы Козыревского о плаваниях по рекам и морю, о «призыве» местного населения в русское подданство, сборе ясака, разведывательных походах, строительстве форпостов, географических открытиях, сборе этнографических, экономических и других сведений поражали слушателей. Особенно внимательно прислушивались они к «обидам» первопроходца-монаха. Получив в 1727 г. только 10 рублей в награду, Козыревский вместе с тем был «обнадежен» в Тобольске последующей компенсацией за ряд несправедливых действий по отношению к нему со стороны местных светских и духовных властей. Так, приказчик Петриловский, позднее наказанный в Якутске за злоупотребления, «безвинно» держал Козыревского в колодах и отобрал его личное имущество, а также «пожитки», оставшиеся от погибших в боях отца и брата Михаила. Из-за «смертного мучения руки и ноги мои до костей перетерты», — негодовал Козыревский, — а все «пожитки», присвоенные мучителем, присоединены к общей казне и в 1721 г. вывезены в Москву.

По жалобам путешествующего монаха можно представить себе, что на Камчатке он не был бедным человеком. Так, в 1720 г. он добровольно передал в казну «от своего промыслу» пушнину, в том числе 1260 соболей, 1 бурую и 100 красных лисиц, 12 камчатских бобров на сумму 2784 руб. 50 коп., не получив за это никакого вознаграждения. В списке «грабежных его пожитков» указана также «собственного промыслу мягкая рухлядь» (соболи, лисицы, выдры, бобры) по якутской цене на 6275 руб. да военное снаряжение по камчатской цене на 200 красных лисиц, или по якутской — 300 руб. «Воинскую одежду и ружье» Козыревского составили: железная кольчуга, «бумажник под ровдугую», 2 железных куйка, 2 винтовые пищали, 2 костяных лука, копье и сабля китайские, сабля «польского дела»².

В 1721 г. Козыревский стал строителем Покровского монастыря, а в 1722 г. — синодальных духовных дел закащиком и строителем Спасского монастыря (Стрелов, 1916, с. 34). В Якутске он постоянно враждовал с архимандритом Феофаном, который нанес ему увечья, возводил «напрасные поклепы» совместно с канцеляристом Якутской воеводской канцелярии И. Борисовым, наконец, отобрал «скарб его» на 1500 руб. и возбудил в 1724 г. розыскное дело против строптивого монаха, окончившееся в 1727 г. в пользу последнего. Следуя историку

¹ О результатах сбора Козыревским ясачной пушнины на Камчатке и Курильских островах см.: ЦГАДА, ф. 248, кн. 781, л. 695—695 об.

² ЦГАДА, ф. 248, кн. 731, л. 1314 об.

А. Сгибневу, в литературе почему-то повторяется, что в пути от Тобольска до Якутска И. Козыревский мирил ссорившихся между собой руководителей похода (Сгибнев, 1869а, с. 8; Golder, 1914, с. 155). Между тем случилось так, что на последнем этапе маршрута Козыревский оказался не примирителем, а своего рода «яблоком раздора».

На пути от Тобольска до Якутска экспедиции предстояло пополнить состав партий служилыми людьми, мастеровыми (кузнецы, плотники), рекрутами и крестьянами, получить необходимые материалы и снаряжение. Соответствующие указы 17 октября, 3 ноября и 13 декабря 1727 г. из Тобольской губернской канцелярии были посланы воеводам Апухтину в Енисейск, Измайлову в Иркутск и Полуэктову в Якутск. Из Тобольска экспедиция направилась к Енисейску, затем, преодолев Ангарский и Лено-Ангарский кряжи, вышла на Ленско-Ангарское плато, где южнее Усть-Кута построив суда, поплыла по Лене в Якутск.

Серьезную озабоченность Тобольской губернской канцелярии, а затем и Сената вызвали распри и напряженные отношения между Шестаковым и Павлуцким. Сибирский вице-губернатор И. Болтин подготовил 26 апреля 1729 г. для И. К. Кирилова экстракт из доношений обоих руководителей, свидетельствующий «о непорядочных их поступках»¹. Не было единства также и среди начальствующего состава экспедиции. Ближайшее окружение Шестакова составили матросы и И. Козыревский. В пути казачий голова приблизил к себе матроса Л. Петрова, наделил его правами своего непосредственного помощника. На стороне Д. Павлуцкого находились Я. Генс и И. Спешнев. Отсутствуют какие-либо данные о позициях И. Федорова и М. Гвоздева, хотя последний, судя по его автобиографии 1758 г., в Тобольске был «определен в команду драгунского полку капитана Павлуцкого при партии Анадырской» (РТЭ, с. 156).

Рапорты и доношения Шестакова и Павлуцкого в Тобольск наполнены описанием взаимных действительных и мнимых обид, жалобами друг на друга, обвинениями в должностных проступках, наносящих ущерб экспедиции. Поэтому неудивительно, что сибирская администрация получала самые противоречивые сведения о состоянии дел в партии и противоположные оценки действий капитана и якутского казачьего головы. В этом отношении интересно сопоставить доношения и письма, полученные в Тобольске 24 мая, 30 июня и 24 июля 1728 г. от Павлуцкого, 3, 7 и 28 сентября 1728 г. и 7 января 1729 г. от Шестакова. Так, драгунский капитан сообщил, что Енисейская воеводская канцелярия, вопреки его требованиям, не прислала именных реестров служилых людей «для разбору в службу годным в партию» и по этой причине экспедиции «чинитца остановка немалая». По этому же поводу Шестаков писал обратное: в Енисейске все необходимое получено своевременно, 17 апреля 1728 г. в партию поступило 50 человек и «остановки ни в чем не учинено». Далее, жаловался Павлуцкий, Иркутская канцелярия, так же как и Енисейская, не представила ему списки служилых людей «для

¹ ЦГАДА, ф. 248, кн. 690, л. 330—345; кн. 731, л. 1335—1341.

розбору», а уехавший «наперед» его для организации продвижения экспедиции в Илимск и Иркутск казачий голова ничего ему об этом «не объявил», а в то же время сам не пошел отбирать илимских крестьян для службы в партии. Капитан доложил, что Шестаков поступает «непорядочно», называет его «непотребным и недостойным» офицером и «от команды ему над штурманом и матрозы и над служилыми людьми, которые вновь в городах набраны, отказывает». Более того, Шестаков поручил Л. Петрову объявить всем участникам похода не выполнять приказаний капитана. В свою очередь Шестаков обвинил Павлуцкого и илимского комиссара Литвинцева в вынужденной остановке экспедиции в Илимске более месяца, чем было «учинено убытку» на пять тысяч рублей, а также в самовольном отстранении Павлуцкого от командования.

Наиболее показательны для характеристики сложившихся взаимоотношений, постепенно принимавших уродливые формы, те конфликтные ситуации, которые возникли в Чечуйском остроге и при постройке судов в верхнем течении Лены.

В одном из писем Павлуцкий осудил стремление Шестакова организовать в районе Усть-Кутской на р. Лене за 200 с лишним верст до Киренского острога строительство морского судна. Он сообщил, что руководил постройкой старец Козыревский, требовавший по распоряжению Шестакова «железные припасы» у Илимской канцелярии, «уставщиком» был ссыльный Савва Плотников, который «и топора в руки взять не умеет», лес «добывали» и работали «у того судна» илимские крестьяне. Опираясь на свидетельство подмастерья И. Спешнева, капитан заключил, что «оное судно в партии явилось не годно» и тем самым Шестаков «истратил интерес напрасно».

Казачий голова нарисовал иную картину: до прибытия Павлуцкого он начал строительство морского судна «Эверс» на «деревянных гвоздях для обрасца» с целью «проведывания Ленским устьем все Северное море». Однако приехавший к месту постройки капитан запретил Козыревскому проведение работ, разогнал всех рабочих людей по лесам и избил судового мастера. Лишь после вмешательства Шестакова строительство судна было возобновлено и благополучно окончено, 12 пудов «кричного» железа понадобилось для изготовления разных инструментов, необходимых при сооружении судов. Кроме «Эверса» он за свой счет соорудил небольшое судно, которое 9 мая 1728 г. направил к Восточному морю вверх по Алдану, Мае и Юдоме. Там же, на Лене, были построены 12 больших и малых дощаников. «Судовое строение» Шестаков успешно осуществил без помощи специалиста — ботового подмастерья И. Спешнева, выдвигавшего невероятные требования: предоставить в его распоряжение 300 пудов «дельного» и 700 пудов «кричного» железа, 120 плотников, 10 столяров, а самому «быть при капитане».

О ходе сооружения морского судна «Эверс» «для пробы морской и плытья» в Якутск доложил сибирскому губернатору 11 апреля 1728 г. и И. Козыревский. Энергичный и предприимчивый монах «желал на оном морском судне Ленским устьем выйти на Северное море», на кото-

ром, по рассказам, «и в летнее время лед от земли не относит и не тает, дабы подлинно оное осмотреть и уведомитца, можно ль пройтить от Ленского устья до Восточного моря, и ежели де от оноу устья до того моря судами выттить будет возможно, то де будет великая польза»¹. В деревне Балаханской Илимского уезда на р. Лене Козыревский начал возведение на свои средства такого судна, которого «прежде сего на оной реке и в камчедальских острогах не бывало». Скептически отнесся к этой затее Спешнев, объявивший, что по Лене таким судам «ходу никогда не бывает». Прибывший 5 апреля капитан Павлуцкий отобрал все железо, топоры и другие инструменты, запретил постройку и, отозвав Козыревского в деревню Подымахинскую, «бранил всячески и угрожал дубиною», наемных работников «разослал порознь», батогами бил С. Плотникова, приговаривая: «Знай меня и команду мою и без повеления моего судов не делай и мастерства своего не объявляй!»

Ради «прибытка государственного интересу» Шестаков приказал достроить «Эверс», и из Илимского уезда в Якутск на необычном судне было доставлено на жалованье служилым людям 280 четвертей провианта. По дороге Шестаков отобрал годных для работы в экспедиции илимских крестьян (94 человека) из Киренского и Чечуйского острогов и Кривоулицкой слободы.

14 и 20 сентября 1728 г. в Тобольск поступили очередные доношения Павлуцкого, вновь наполненные жалобами. Капитан доложил, что в Чечуйском остроге матрос Л. Петров бил штурмана Генса «неведомо за что», а Шестаков взял Генса к себе на судно под арест, сказав, что «матрос штурмана лучше, а он, штурман, — вор и бездельник». В то же время, писал Павлуцкий, с другого судна матрос Лаврентий Сметанин бежал к нему «с великим криком и невежеством», а Шестаков, подзадоривая, говорил, «матросы у тебя не в команде, и сами тебя не хуже, и команды тебе никакой нет» и послан он, капитан, «в бабки играть, а не для управления»². Я. Генс подтвердил заявление капитана, сообщив еще ранее, 16 июня 1728 г., Адмиралтейской коллегии, что Шестаков отобрал у него штурманские инструменты, возвратил 8 изломанных компасов, лишил командования над матросами и «приставил над ним для смотрения и команду иметь» матроса Степана Малышева³.

Инцидент в Чечуйском остроге, вообще-то показательный для жестких нравов эпохи, в изображении Шестакова выглядел совершенно иным: штурман «с великою злобою наступал» на Петрова, бил его «напрасно», и они «учинили меж собою раздор». Во время ссоры Генс «упоминал всякие неподобные слова, кричал и порицал е. и. в. указы», бранил Шестакова и был взят под караул на судно. Однако Павлуцкий с ссыльными солдатами «отбил» штурмана и увел его к себе на судно. Шестаков осудил капитана за вынужденную остановку и в особенности за то, что он «чрез свое произволение», взяв несколько человек, выехал

¹ ЦГАДА, ф. 248, кн. 731, л. 1310 и об.

² Там же, кн. 690, л. 335; кн. 731, л. 1337 об.

³ ЦГАВМФ СССР, ф. 216, д. 5, л. 210—212 об; ЦГАДА, ф. 248, кн. 731, л. 1338.

в Якутск, «оставя их со всем... конвоем, в котором имелось судов, барок и плотов с провиантом более тридцати».

Ссоры руководителей, конечно, отразились на своевременном выполнении различных заданий. Единственный пункт в многочисленных доношениях Шестакова и Павлуцкого оказался чудесным образом хорошо согласованным: оба, независимо один от другого, обвиняя друг друга, пришли к твердому убеждению, что в 1728 г. все партии не смогут выйти в запланированные районы из-за организационных неурядиц.

Если рапорт 28 ноября 1727 г. из Тобольска об отправлении Шестакова и Павлуцкого был получен в Санкт-Петербурге сравнительно быстро — 4 января 1728 г., то по мере удаления экспедиции на восток сведения о ней стали поступать медленно, редко и нерегулярно. Подробный отчет тобольской администрации 29 апреля 1729 г. стал известен в столице 27 июня, а несколько ранее, 10 июня 1729 г., сенатский обер-секретарь И. К. Кирилов, встревоженный отсутствием сведений о судьбах экспедиции, распорядился выслать непосредственно в Енисейскую провинцию указ, чтобы оттуда «прямо в Сенат прислано было известие», когда Шестаков и Павлуцкий отправились в Якутск, сколько у них служилых людей, какая на экспедицию «сумма издержана» и «есть ли из той партии известия, где ныне обретаются»¹.

По мере поступления в Тобольск данных о продвижении экспедиции сибирский губернатор стремился своевременно оценить сложную ситуацию с руководителями, наметить организационные меры, определить необходимые санкции. Однако большинство так называемых подтвердительных указов доходило до адресатов — в Енисейск, Илимск, Иркутск, Якутск — со значительным опозданием, когда основные положения указов уже не отвечали оперативным нуждам быстро меняющейся обстановки. Недаром поэтому и Шестаков и позднее Павлуцкий обычно принимали самостоятельные решения, не дожидаясь одобрения или утверждения своих действий.

В то время как экспедиция уже добралась до Якутска, из Тобольской губернской канцелярии высылались различные запоздалые подтвердительные указы. Указ 29 июля 1728 г. напоминал воеводам Енисейской и Иркутской провинций о немедленном отправлении к Шестакову служилых людей и снаряжения во избежание «той партии ни малой остановки». Павлуцкому указывалось на недопустимость нарушения инструкций проведением «розборов» служилых по реестрам, поскольку это занятие являлось прерогативой воевод. Напоминалось и капитану и Шестакову «под опасением себе по военному артикулу штрафа», чтобы «впредь им сверх данных им инструкций излишними подлежащими требованиями» не задерживаться в пути². Указом 6 сентября 1728 г. вновь предписывалось илимским и иркутским властям отправить в экспедицию людей и «припасы», помочь достроить суда, исследовать «ви-

¹ ЦГАДА, ф. 248, кн. 690, л. 327 об. В более раннем сенатском указе от 19 ноября 1728 г. сибирскому губернатору требовалось срочно сообщить дату отправления партии Шестакова из Якутска (там же, л. 324 об.).

² Там же, кн. 690, л. 331; кн. 731, л. 1336 и об.

ны» илимского комиссара Литвинцева, не проявившего «радения к партии». Сибирский губернатор поручил М. П. Измайлову обеспечить И. Спешнева железом и инструментами из Иркутской провинции, «откуда способнее без излишества, без чего по самой нужде пробыть невозможно», а мастеровых отобрать «сколько возможно, а не такое великое число», как затребовал судовой подмастерье¹.

По поводу взаимоотношений двух руководителей экспедиции сибирская администрация не выработала четких установок, упрямо полагаясь на их «общее согласие». Обоим вместе и порознь в адрес Шестакова и Павлуцкого посыпались различного рода советы, увещания, предупреждения, посулы применения строгих мер и наказаний. Вначале Д. Павлуцкому рекомендовалось иметь «прилежное старание... с общего согласия с Шестаковым безо всякого прекословия, усматривая лучшего способу к пользе государственной, понеже он, Шестаков, о тамошних случаях иво, Павлуцкого, извеснее, и между собою ничем препятствия и остановки никакой не чинить»². Затем, когда размолвки участились, стали принимать серьезные формы и срывали выполнение общего плана, тобольские указы содержат угрозы применения определенных санкций. «А что вы, Павлуцкой и Шестаков, еще не вступя и в партию, исполняя свою злобу, пишете друг на друга о непорятках и несогласии, которыми своими непорятками и бездельными препятствиями чините означенной партии продолжение и остановку», — гласит указ 16 сентября 1728 г., — то «впредь отнюдь не чинить... под опасением жестокого истязания» (Экспедиция Беринга, с. 71—72). Если же они и после получения указа опять «учинят» задержку, урон «интересу е. и. в.» или «людям утрату», то будут судимы военным судом, а имущество их будет конфисковано «бесповоротно». Любопытно, как в духе крепостнической эпохи указ осуждает дворянина Шестакова не за избивание подчиненных, а за то, что одному ему «бить без согласия капитанского не надлежит», потому что по сенатскому указу Павлуцкий числится первым, а Шестаков — вторым командиром. Если и впредь необходимо будет штрафовать и наказывать, поучает далее М. П. Долгоруков, то до тех пор, пока оба командира будут вместе, следует определять кару, назначать экзекуцию всегда только «обще». Подтверждает прежние повеления и указ 3 октября 1728 г. об «общем согласии», о неотвратимости ответственности за «бездельные ссоры», которые «ныне... исследовать некогда, чтоб какой остановки не учинить»³.

Путешествие экспедиции Шестакова — Павлуцкого из Тобольска по земле сибирской и ее рекам заняло семь месяцев. 29 июня 1728 г. флотилия прибыла в Якутск. Спустя десять лет, в показаниях Сибирской губернской канцелярии, М. С. Гвоздев не точно припоминает даты: «в 728-м году отправлен из Тобольска с подштурманом Иваном Федоровым и в 729-м году прибыли в Якуцк».

¹ ЦГАДА, ф. 248, кн. 731, л. 1300; кн. 690, л. 333 об.

² Там же, кн. 731, л. 1337; кн. 690, л. 334 об.

³ Там же, кн. 690, л. 338 об.; кн. 731, л. 1338.

В ЯКУТСКЕ

Со времени опубликования первого и до сих пор единственного очерка об экспедиции Шестакова — Павлуцкого все действия Шестакова, как, впрочем, и других участников, оценивались отрицательно, а результаты походов в целом считались неудачными. Нельзя согласиться с подобной крайней точкой зрения, так как многие события освещались тенденциозно и ошибочно, а заслуживающие внимания свершения вовсе опускались или передавались с искажениями.

В Якутске экспедиция пробыла около года, занимаясь подготовительными работами к выступлению в поход. К Шестакову стало поступать пополнение: из Енисейска присланы 49 человек из казаков, гулящих людей и рекрутов, из илимских острогов — 24, из Иркутской провинции — 14, по одному человеку из Балаганского и Верхотурского острогов, а также 15 беглых якутских служилых людей¹. По сообщению воеводы И. И. Полуэктова, для нужд партии было передано 120 из 206 пудов железа, оставшегося от экспедиции Беринга. А. Ф. Шестаков, вернувшийся на родную землю, приступил к исполнению и своих прямых обязанностей якутского казачьего головы. Сложными оказались у него при этом взаимоотношения не только с Д. И. Павлуцким, но и с местной якутской администрацией, в первую очередь с И. И. Полуэктовым и его ближайшим окружением. Несмотря на целый ряд указов из Тобольска, и Павлуцкий и Шестаков продолжали действовать самостоятельно, затрудняя достижение общей цели. По этому поводу сибирский вице-губернатор И. Болтин заметил, что если следовать противоречивым сообщениям обоих руководителей, то неминуемо «в партии учинитца остановка, да и на следствии их утвердиться невозможно, понеже между ими происходят ссоры великие, о чем уже в Высокий Сенат и писано, и к тому ж оной Шестаков тамошний обыватель»².

Энергичные меры принял А. Ф. Шестаков для отправления на «разные тракты» первых экспедиционных отрядов. Уже через полтора месяца после прибытия в Якутск он сумел подготовить к походу свыше 200 человек. Несколько групп выступило из Якутска 16 августа 1728 г. По сухопутным дорогам 23 человека направились к Удскому острогу, 12 якутских служилых людей — в Анадырский острог. К Восточному морю поплыли вверх по Алдану, Мае и Юдому до Юдомского креста или до «которых мест дойти могут» 159 новонаборных и якутских казаков, 2 матроса «со всякими припасы» на 8 дощаниках³. 11 октября 1728 г. Шестаков сам выезжал из Якутска на р. Маю «для отпущения отправленных от партии служилых людей, которые отпущены были летним временем на рекоплавных судах в Охотской острог»⁴.

Но особый интерес вызывает плавание из Якутска вниз по Лене отряда на судне «Эверс» для «проведывания Ленского устья и от Север-

¹ ЦГАДА, ф. 248, кн. 690, л. 339.

² Там же, кн. 731, л. 1309 об.

³ Там же, л. 1339 об.; кн. 690, л. 341—341 об.

⁴ Там же, кн. 731, л. 1303—1303 об.

ного к Восточному морю ходу». В традиционном, вслед за А. С. Сгибным, изложении этому путешествию посвящается всего несколько строчек. Обычно сообщалось, как построенное И. Козыревским в Якутске (правильно — вблизи Усть-Кута) и перезимовавшее на берегу в Сиктяхе судно, весной 1729 г. было изломано льдом, на чем и закончился неудачный поход Козыревского и морехода Турнаева. На самом же деле история похода была гораздо содержательнее. Результаты этого плавания, несомненно, имеют еще не оцененное историко-географическое значение. Кроме того, маршрут участника экспедиции Шестакова — Павлуцкого И. П. Козыревского к устью Лены и на Северное море — последнее из рекогносцировочных его путешествий по Сибири и Дальнему Востоку.

На борту «Эверса» из Якутска отправились И. Козыревский, матросы М. Турнаев и Г. Беляев, 24 казака. Перед отплытием назначенному «для лучшего исполнения» руководителем похода Козыревскому Шестаков вручил указ, предписывающий все «чинить с общего согласия» с мореходами, получившими соответствующие инструкции. Опытный путешественник Козыревский, готовясь к очередному маршруту, собрал различные данные о районе исследований. Так, он, например, записал, по известиям якутских жителей, что из великой р. Лены устьем в Северное море морскими судами выйти невозможно «за великими мелями и лайдами» и что «лед от земли и с лайды и из губ в летнее время не тает и на море не относит, и того ради по Северному морю водяного пути морскими судами иметь невозможно»¹. В Якутской канцелярии Козыревский узнал подробности о двух неудавшихся попытках поиска «водяного пути» к Северному морю из устьев рр. Лены и Яны, которые предприняли якутский казак Меркурий Вагин с товарищами и тоболяк Алексей Марков².

На «Эверсе» команда Козыревского достигла Сиктяха (ниже Жиганского зимовья). Далее к устью «плыть были опасны», потому что полученные в Якутске два малых якоря (3 и 5 пудов) «не держали» судно в непогоду, а Лена ниже «потекла трубою, по обе стороны камень до каменного острова». Отсутствие необходимого снаряжения (якоря, фонари, свечи) не позволило продолжить путь по трудному участку фарватера реки в узкой долине («труба») между горами («камень») Хараулах и кряжем Чекановского до острова Столб, вблизи которого Лена делится на многочисленные рукава. Сложившиеся обстоятельства вынудили Козыревского при общем согласии оставить судно, купить «своим коштом» у монаха Нила Юрганова за 17 рублей карбас и на нем отправиться разведывать водный путь. Доношения о результатах плаваний свидетельствуют о том, что Козыревский с командой в суровое осеннее время — в конце сентября 1728 г. провел важные гидрографические работы в дельте Лены. Промеры глубин и расспросы местных жителей о режиме протоков составляют ценный итог исследований.

¹ ЦГАДА, ф. 248, кн. 731, л. 1311.

² Там же, л. 1315.

Морской отряд Козыревского осмотрел и измерил глубины четырех главных устьев Лены. Как показал в своем отчете руководитель Ленского похода, глубина первого, западного устья — Крестях оказалась равной 3—4 сажням, а в «розливе морском» 6—10 и более сажен, затем «пошло» море. «И на море Сиверном окяние были ж,— доносил Козыревский,— и никакого старого и приносного льду с моря не видали и возвратились с моря сентября в последних числах». На втором устье — Тумацком промерами установили глубину в 5—6 сажен, а «на лайде и на розливе морском» в 3—4 сажени. При этой «мере и осмотру были с ними тутошние тумакские иноземцы. И оными двумя устьями соляная вода и белуга и нерпа с моря вверх по реке Лене ходит». Глубина третьего устья — Кыллах (Кынлах) — подо льдом 4—5, а «на лайде и в розливе морском» — 2 сажени. И здесь были с ними «тутошние жители промышленные и посацкие люди». Последовавший затем не совсем справедливый вывод Козыревского о том, что указанными тремя устьями «преж сего» ни русские, ни «иноземцы» на море не бывали, сделан, вероятно, в целях некоторого преувеличения заслуг руководимого им отряда. Четвертое, восточное устье — Быковское, впадающее во внутреннюю Омолоевую губу (ныне губа Буорхая), имело глубины 6—7 сажен. Однако вблизи впадения в губу и на лайде проводить измерения стало невозможно, потому что, во-первых, от «осеннего заморозу заломило торосом и льдом», во-вторых, Быковская протока превосходит величиной все другие устья и она «водою быстрее».

Как и при предыдущих «мерах и осмотрах», команду всюду сопровождали местные жители, русские и аборигены. Именно от них Козыревский получил ценную информацию о плаваниях на кочах торговых и промышленных людей в 1727 г. через Быковскую протоку к морю, по морю к рр. Колыме, Индигирке, Яне и другим «для соболиных и моржевого зуба и других промыслов». Наблюдательные «тамошние обыватели» рассказали и о замеченных ими природных особенностях, когда «зимной намерзлой лед от земли и с лайд и из губ относит на море в июне месяце и ранее, а речной лед с верху Лены на устья приносит водою в июне и мае месяцах»¹. При выполнении гидрографических исследований участники Ленского похода не оставляли без внимания и жизненно важные в сибирских условиях вопросы взаимоотношений с местным населением. Спутник Козыревского матрос М. Турнаев донес из Жиганского зимовья Шестакову о случаях непомерных налогов, которыми под разными предлогами облагалось коренное население. Так, отправленный из Жиганска на устье Лены геодезист П. Скобельцын взял себе 115, а комиссар С. Корякин 100 собак, отчего ясачные люди «пришли во все конечную скудость» и им «во взятые подвод имеетца раззорение»².

И. Козыревский осуществил Ленский поход «на своем коште без жа-

¹ ЦГАДА, ф. 248, кн. 731, л. 1311—1312.

² Там же, л. 1298.

лованной дачи», отчего, вернувшись в Якутск 5 января 1729 г., «пришел в крайнюю скудость и нищету», «впал в неоплатные долги» и «дневных пищ не имеет и питается меж двор». Благоприятный для него тобольский указ, разрешавший «к пустынному месту» Козыревского строительство Успенской церкви и при ней богадельни для раненых и престарелых в Нижнем Камчатском остроге, а также выдачу жалованья церковным служителям, архимандрит Феофан отказался исполнять. Более того, Феофан возвратил указ, как присланный только от светских властей, запретил постройку церкви, «удержал» у себя всю присланную от тобольского митрополита Антония церковную утварь, всячески бранил Козыревского и бил его, «яко злодеа, тростью смертным боем по голове и по плечам и левую руку перешиб» при подьячем Корякине¹. В связи с увечьем Козыревский доносил, что в «посланную партию ему иттить невозможно», и его болезненное состояние было официально подтверждено осмотром фискала при свидетеле. После безуспешных попыток получить в Якутске жалованье, деньги за проезд и покупку карбаса, оставленного на хранение в устье Лены, и за постройку «пробовального» мореходного судна «Эверс» Козыревский просил отпустить его в Тобольск. Он не отказывался вновь отправиться к Северному и Восточному морям, но связывал новые посылки с получением из казны всех своих «пожитков». Путешественник-монах предполагал возвращенными ему «пожитками» служилых людей «в подьеме сподоблять», так как с выданным только на два года жалованьем участники похода «с великою нуждою из Якуцка в такой дальней путь отправление имеют». Он считал, что если экспедиция «всем удовольствована будет», а служилых людей удовлетворят жалованьем на три года, то «может оная партия во отдаленном от Якуцка краю и лутче Камчатки ясачным збором найтить»².

8 февраля 1729 г. по требованию Шестакова Якутская воеводская канцелярия выдала Козыревскому подорожную до Тобольска и прогонные деньги (26 руб. 40 коп.) на одну подводу с проводником до Илимска. Помимо доношений и писем Шестаков направил с монахом Игнатием в Тобольскую губернскую канцелярию найденные в разных местах пять камней, четыре из которых признавались им за «некакие руды», а пятый — «подобием, яко хрусталь»³. В сибирской столице Козыревский пытался урегулировать финансовые расчеты с казной. В своем доношении сибирскому губернатору 16 июня 1729 г. он подробно изложил историю плавания к устью Лены, понесенные им затраты, а также «объявил» о наличии помимо Камчатки «к судовому строению угодного леса» на р. Уде⁴. Однако в Тобольске Козыревский не сумел добиться немедленного удовлетворения всех своих просьб. Указом 28 июня 1729 г. И. Болтин предписал якутскому воеводе выдать «издержанные» в походе к Северному морю деньги (110 руб. 30 коп.) за счет экспедиции. Что

¹ ЦГАДА, кн. 731, л. 1312 и об., л. 1323 об.—1324 об.; кн. 777, л. 93 об.—94.

² Там же, кн. 731, л. 1313.

³ Там же, л. 1301.

⁴ Там же, л. 1315 об.

же касается «пожитков», отобранных у Козыревского и поступивших в казну, то вице-губернатор решил послать подробное доношение на усмотрение Сената. Этим же указом предусматривались назначение Козыревского в «партию по-прежнему» и выдача ему из тобольской губернской рентереи 50 руб. «для той посылки на проезд и пропитание»¹.

20 августа 1729 г. старец Игнатий получил деньги на проезд до Якутска, 21 августа — паспорт². С этого времени начинается малоизвестный заключительный этап жизни и деятельности русского землепроходца, прославившегося ранее исследованиями Камчатки, Курильских островов и дельты р. Лены. Отчаявшись найти поддержку у сибирской администрации, он самовольно направился не в Якутск, а в Москву. Объясняя причины своего поступка, Козыревский позднее писал: «...и ведая... тамошнюю нужду и гибель, что за скудостью и нищетою помереть будет мне в той партии голодную смертью безвременно, понеже в тамошних краях служилые люди, которые скудные и бедные и те с великою нуждою из Якуцка поднимаются на службу, кроме прожиточных, и оные голодную смертью напрасно умирают и в зимнее время безвременно замерзают до смерти». Далее он привел печальный пример гибели «занапрасно» в пути от холода и голода более 60 служилых людей, отправленных в 1726 г. в экспедицию Беринга из Якутска на Ламу. «И убоясь,— продолжал Козыревский,— без жалованной дачи и награждения идти и принять такую напрасную смерть был опасен, и чрез письмо от Шестакова об отбытии ево из Якуцка на оную Ламу и далее в путь уведомился в Тобольске»³. Таким образом, Козыревский осуществил свой давний замысел. Еще в декабре 1725 г. он обратился к В. Берингу с просьбой отпустить его в Москву⁴.

Тем временем в Якутске 9 марта 1729 г. в воеводскую канцелярию поступила челобитная якутского сына боярского Ивана Владимировича Атласова, сына «камчатского Ермака», в которой Козыревский обвинялся в «бунте», убийстве трех камчатских приказчиков, грабеже их имущества и незаконном захвате власти над тремя камчатскими островами. Последовавший вслед за этим указ сибирского губернатора 20 октября 1729 г. знаменует начало следствия в Сибири по делам Козыревского на Камчатке в 1708—1711 гг.⁵

В Москве Козыревский намеревался разрешить два волновавшие его вопроса: личный (о «пожитках») и церковный. Явившись в Синод, он «объявил тщание свое во обращение обретающихся в Камчатской земле тамошних иноверных народов в христианскую веру и в строение церквей». Вначале обстоятельства складывались благоприятно. 18 мая 1730 г. Синод принял решение расширить церковное строение на Камчатке, послать Козыревского священнослужителем, а 12 июня выдал ему грамоту «о посвящении иеромонахом» в Камчатскую Успенскую

¹ ЦГАДА, кн. 731, л. 1334 и об.; кн. 777, л. 95.

² Там же, кн. 777, л. 87; кн. 781, л. 708, 711.

³ Там же, кн. 777, л. 80 об.

⁴ ЦГАВМФ СССР, ф. 216, л. 87, л. 59—60.

⁵ ЦГАДА, ф. 248, кн. 781, л. 708 об.— 711 об.

церковь. С ведома Синода он дважды обращался в Сенат по поводу возвращения отобранных мехов или выдачи взамен денег. Доношения Козыревского, к которым прилагались всевозможные сенатские выписки, экстракты и справки, составив целое дело «По челобитью камчатской Успенской пустыни строителя иеромонаха Козыревского и награждении за ево службы и протчем», рассматривались в Сенате 23 октября 1730 г.¹ Состоявшийся 11 декабря 1730 г. сенатский указ предписал выдать И. Козыревскому 500 руб. из Сибирской канцелярии «за ево прежние службы и в награждение» вместо принятой от него в казну «мяхкой рухляди». Вместе с тем было отказано в компенсации стоимости отобранных у иеромонаха на несколько тысяч рублей «пожитков», так как они давно поступили в казну и «употреблены в расход». Заканчивался этот указ поучительной лицемерной сентенцией: «а он, Козыревский, ныне в монашестве, и многова имения монаху содержать не надлежит». 17 декабря Козыревский получил 500 руб., вместо требуемых им семи тысяч. Дальнейшие события обернулись для Козыревского подлинной трагедией.

Обиженный несправедливым отказом «вышних судей» в выдаче полной компенсации, иеромонах «дерзнул бить челом» императрице на Синод «якобы в неучинение указу по челобитью ево». Жалоба Козыревского была признана «ложной», а составитель ее по именному указу послан в Угрешский монастырь «на безвыходное пребывание»².

Между тем 30 ноября 1730 г. тобольский митрополит Антоний прислал в Синод доношение, в котором излагались показания попа Троицкой церкви в Якутске С. Климовского и иеромонаха Иова о Козыревском. К доношению прилагались челобитные Ф. Ерыгина с товарищами 5 марта 1711 г., Д. Я. Анциферова и И. П. Козыревского с товарищами 23 марта и 17 апреля 1711 г., доношение монаха Н. Юрганова, челобитная Ивана Атласова. Все документы рассматривались Синодом, а затем в канцелярии Салтыкова, обер-гофмейстера и подполковника Преображенского полка. И. Козыревский, обвиненный в «смертных убийствах и грабежах», упорно «в допросах запирался», но в конце концов «принес за своею рукою повинную», после чего дело вновь поступило в Синод³. Лишенный сана и монашеского звания расстрига Иван Козыревский по синодскому указу 18 января 1732 г. был прислан в Юстиц-коллегию, определением которой 11 февраля 1732 г. приговорен к смертной казни «за учиненные им с якуцкими казаками трем человеком прикащиком смертное убийство и за грабеж пожитков»⁴. При этом подчеркивалось, что без сенатского указа Козыревского не казнить, а «держат в тюрьме под крепким караулом». Переданный в Сысской приказ Козыревский из тюрьмы отправил Анне Ивановне новую чело-

¹ ЦГАДА, ф. 248, кн. 777, л. 77—110 об.

² Там же, кн. 781, л. 685.

³ Там же, л. 685—690.

⁴ Там же, л. 690 об.; кн. 747, л. 680—681.

битную, рассмотренную в Сенате 29 мая 1732 г.¹ Исполнение приговора было приостановлено до получения копии подлинных розыскных дел о Козыревском из Тобольска, Иркутска, Якутска и Нижнего Камчатского острога². К ведению следствия в разные годы прямо или косвенно привлекались помимо Сената и Синода Преображенский приказ, канцелярия Московского синодального правления, Тобольская губернская, Якутская воеводская и Иркутская провинциальная канцелярии, Архирейский, Сибирский и Сыскной приказы, Юстиц-коллегия и ее контора. Многочисленные запросы и ответы за несколько лет составили объемное делопроизводство. Воистину, как образно отмечает старинная пословица, «приказные оперились, да Русь избумажилась». Но судебное дело осталось незаконченным: из Сыскаго приказа в московскую контору Сената поступило сообщение о смерти И. П. Козыревского 2 декабря 1734 г.³

А. Ф. Шестаков, в соответствии со своими географическими представлениями и картой 1724 г., особой инструкцией 11 сентября 1728 г. обязал пятидесятника Василия Шипицына, служилых Лариона Бубяпина и Игнатия Вострецова отправиться из Якутска в Зашиверский острог, колымские зимовья и далее в Анадырский острог. Последовательно осуществляя общий план, он предписал по прибытии в зимовья взять с собой промышленника И. Вилегина, «по согласию с ним исправление иметь» и, построив морское судно, следовать в морской поход из устья Колымы и «смотреть морских островов и землю, которая называется Большая». Программой исследований намечалось получение сведений о народах, населяющих морские острова и Большую землю, «и какие у них имеютца вещи, руды, каменья, жемчугу, краски, кости мамонтовой и рыбьей или какой зверь в промыслу бывает, и какие угодыя, места имеютца, и какую пищу довольствуютца»⁴. Инструкцией предусматривался и иной вариант маршрута отряда Шипицына (в случае неосуществления морского похода): устье Колымы — Анадырский острог — Пенжинское море. Далее, построив морское судно, с частью команды плыть вблизи земли, а остальным — с оленными ясачными юкагирами и коряками идти к рр. Чендон и Парень «для призыву в ясачный платёж неясачных коряков ласкою и приветом». Для нужд экспедиции Шестаков послал с Шипицыным «товарную казну»: 4 пуда «китайского шару и с сумами», 1 пуд 28 фунтов «красной меди в котлах», 25 фунтов «меди зеленой пять тазов», 60 аршин «выбойки персидской», 296 аршин нижегородской синей клетчатой и полосатой «пестряди», 500 аршин холста, 75 концов синей «крашенины», 17 зеркал, две дюжины карт, 8 топоров, 3 сверла и другие мелкие инструменты. Кроме того, по дороге Шипицын принял для партии в Зашиверске и Нижнем Колымском зимовье 20 фунтов винтовочного пороха, 30 фунтов свинца, пищаль, ветхий куяк, 10 фунтов железа. Позднее, в 1729—1730 гг., В. Шипицын

¹ ЦГАДА, ф. 248, кн. 781, л. 695—696.

² Там же, ф. 24, кн. 14, ч. I, л. 10 и об.

³ Там же, ф. 248, кн. 781, л. 712 об.

⁴ Там же, кн. 666, л. 27 об.

участвовал в экспедиции А. Мельникова, чьи попытки достичь Большой земли (Америки) окончились неудачно (Ефимов, 1948, с. 142—146).

Помимо отправления из Якутска отрядов в августе—сентябре 1728 г. А. Ф. Шестаков продолжил комплектование экспедиции, основное внимание уделив при этом снабжению продовольствием, инструментами и материалами, а также обеспечению служилых людей жалованьем и снаряжением. Правда, нередко он смешивал свои функции руководителя похода и казачьего головы, чем вызывал серьезные нарекания якутских властей. Представляется, что некоторые исследователи все же необъективно считают пребывание Шестакова в Якутске малополезным, а его поведение — недопустимым из-за самоуправства и других проступков. Отъезд Шестакова из Якутска изображался ими как поспешное бегство от ответственности (Сгибнев, 1869а, с. 9—10; Греков, 1960, с. 48). В действительности благодаря энергичным и целеустремленным усилиям якутского казачьего головы формирование экспедиции в Якутске продвигалось хотя и медленно, но успешно, несмотря на бюрократические препоны, равнодушие, самодурство и безнаказанность представителей местных властей. Ревниво следивший за всеми проявлениями малейшего пренебрежения к интересам экспедиции со стороны престарелого воеводы Якутска и его административного аппарата, А. Ф. Шестаков в то же время постоянно вмешивался в различные дела, часто выходящие за пределы его полномочий и компетенции. Один за другим возникали конфликты, особенно частые при комплектовании нарядов служилых людей, выплате им жалованья, рассмотрении жалоб коренного населения, удовлетворении различных требований экспедиции.

11 августа 1729 г. сибирский губернатор подготовил подробный доклад о степени подготовки экспедиции к походу, приложив к нему «порознь» копии присланных к тому времени доношений якутского воеводы и казачьего головы, а также указов Тобольской губернской канцелярии за 1728—1729 гг.¹ Эти материалы, поступившие в Сенат 29 сентября 1729 г., раскрывают содержание наиболее существенных вопросов, при решении которых неизбежно сталкивались труднопримиримые интересы экспедиции и якутской администрации. Во всех своих десяти доношениях Шестаков неизменно уличал воеводу во взяточничестве, обвинял его в задержке с отправлением партий из Якутска из-за несвоевременного предоставления мастеровых людей и необходимых материалов. Выдачу Якутской канцелярией «обломков железных» вместо инструментов казачий голова расценил как умышленное действие, направленное «в посмеяние партии». Серьезный урон престижу экспедиции нанесли, по мнению Шестакова, преднамеренно и по сговору воевода Полуэктов и архиепископ Феофан, которые во время церковного праздника богоявления (6 января) построили внутри Спасского монастыря «для крестного хождения иордань... на застойном озере, а в не настоящем месте, где преж бывало». Для традиционного крестного хода собрались казаки пешего полка, а также служилые люди партии и ясачные якуты, поже-

¹ ЦГАДА, ф. 248, кп. 731, л. 1297—1341.

лавшие «быть в партии на конях волей своею по обыкновению при оружьи и при определенных командирах ради отдания чести». Однако Феофан распорядился впустить в монастырь только пеший полк, а «конницею итти запретил», но вместе с тем, с горечью отмечает оскорбленный Шестаков, «посторонние якуты на конях и женский пол в санях внутрь оного монастыря допусканы были». Оценивая эти дискриминационные действия, казачий голова с возмущением констатировал: «...и оное партии презрение видя, ясашины иноземцы, ис которых по указу е. и. в. повелено в партию ласкою и приветом в службу приглашать, и по сему како могут чрез доброхотное свое желание в партии служить, чего ради многие от службы и отказались».

Ущемленным оказался Шестаков и в другом отношении. Он хорошо знал, например, о том, что посланные из Якутска сын боярский Федор Амосов и пятидесятник Иван Тарабукин, ходившие соответственно к Северному и Пенжинскому морям «для примирения немирных иноземцов», брали с собой в поход, как обычно, служилых, промышленников и ясачных людей, а также казачьих детей без всякого на то запрета. «А партии во взятые таковых людей имеетца запрещение», — доносил казачий голова.

Для властолюбивого человека, каким был Шестаков, особо жгучей оказалась проблема зависимости от воеводы. С негодованием отвергал он любые попытки ущемления прав руководителя похода и, жалуясь на Полуэктова в Тобольск, доносил, что тот считал экспедицию «якобы подчиненною своею, и о многом от правления пишет повелительные указы».

Шестаков обвинял Якутскую канцелярию в «неотправлении» по его требованию плотников, столяров и кузнецов, в связи с чем посланные в августе 1728 г. из Якутска служилые люди «за нестроением морских судов будут стоять на одном месте» и могут прийти по этой причине «во всеконечное оскуднение и воспрять сущую нужду». Приостановка неминуемо привела бы к серьезным осложнениям в дальнейшем развертывании действий экспедиции. «И впредь идти в поход будет нечем», — писал Шестаков, так как канцелярия выдала денежное и хлебное жалованье только на два года (1728—1729). Уместно здесь же заметить, что казенное денежное и хлебное жалованье выдавалось в Сибири и на Дальнем Востоке очень нерегулярно, часто выплата задерживалась на несколько лет. Эта неупорядоченная система выдачи денег и хлеба в сочетании с различными злоупотреблениями чиновников вызывала серьезное недовольство и постоянные жалобы служилых людей.

Их коллективное доношение, препровожденное Шестаковым в Тобольск, рисует типичную картину произвола. Так, при выдаче из Якутской канцелярии в 1728 г. жалованья сотникам, пятидесятникам, десятникам и рядовым казакам Якутского полка за прошедший 1726 г. казенными ценовальниками вычиталось из оклада по рублю, за 1727 и 1728 гг. по полтора рубля с человека, а расписывались служилые люди в «приеме» полного оклада. За те же годы служилые люди получали из Якутской канцелярии за каждый пуд хлебного жалованья по 7 коп., но

со всей «дачи» вычиталось 10 коп. Между тем в 1728 и в 1729 гг. хлеб в Якутске стоил не менее 20—35 коп. за пуд. Помимо различных незаконных вычетов при выдаче жалованья взимали в свою пользу подьячие с каждого оклада по 20—50 коп., а «з других берут и по рублю», а также денежные счетчики — по 6—10 коп. с оклада. Шестаков поддержал просьбу казаков своего полка и требовал: определить выдачу полного жалованья не в воеводской канцелярии, а на полковом дворе «без задержания», а также оплату за хлебный оклад в соответствии с реальными якутскими подрядными ценами на хлеб; уведомлять полковое ведомство о законности тех или иных начетов, доимок и других вычетов из «пожалованных дач»; пресечь «подьяческие взятки», из которых «чинитца им волокита и убытки немалые». При острой нехватке служилых людей воевода допускал серьезные нарушения в их использовании для разных посылок. Так, сверх предусмотренного штатом по Якутску (14 человек) Полуэктов зачислил еще 15 человек в подьячие, а в канцелярии у воеводы только в денщиках было 36 человек.

В доношениях губернатору Шестаков не преминул припомнить и давние прегрешения воеводы. Он описал неблагоприятные действия Полуэктова во время пребывания в Якутске руководителей Первой Камчатской экспедиции с командой, когда Якутская канцелярия выделила в проводящие до Охотского острога до 400 ясачных людей, которые, выполнив поручение и «отдав всякие припасы, паки возвратились в свои жилища». Однако якутский воевода «многих ясачных иноземцов не повинно сущих бил в Якутску батажьем, а других и кнутом» за то, что они вернулись, не дождавшись Беринга «из-за моря». Из посланных тогда же с Берингом на подводах со «шкарбом» 150 служилых людей более 60 погибло от голода и мороза. Оставшиеся в живых и покинувшие Охотск («для того, что пропитания тамо иметь им нечем») служилые люди также публично были «биты кнутом нещадно». Собранные для Беринга с ясачных людей около 3000 подвод не были возвращены владельцам, а их большую часть разделили между собой сборщики Д. Кычкин и И. Борисов, которые и «сверх того брали себе лихоимством во взятки всяким скотом и зверем и всякою рухлядью»¹.

Но не только письменные или словесные, а иногда и настоящие баталии развертывались в Якутске вокруг назначений нарядов от полка в остроги и зимовья, а также главенства в проведении расследования злоупотреблений при сборе ясака и «возвращении обид» по жалобам местного населения.

К одному из доношений, которое поступило к сибирскому губернатору 7 января 1729 г., были приложены копии 98 челобитных «ясашных иноземцев», поданные Шестакову с 25 июня по 19 августа 1728 г. Как сообщил позднее казачий голова, подобных прошений с августа 1728 г. по 6 июня 1729 г. поступило к нему «против прежнего вчетверо». Таким образом, почти за год Шестаков собрал у тунгусов, якутов и других народностей около 500 документов, свидетельствующих о многих «при

¹ ЦГАДА, ф. 248, кн. 731, л. 1317 об.

ясачном зборе обидах, налогах и непомерных взятках и всеконечных разорениях, отчего хотели с природных своих жилищ бежать в другие дальние стороны». В обличительных сообщениях Шестаков приводил многочисленные факты самоуправства должностных лиц при сборе ясака в подгородных волостях Якутска, Жиганском, Средне- и Верхневилюйском зимовьях, в Олекминском, Охотском и Зашиверском острогах, называл конкретных виновников — подьячих, комиссаров, толмачей, приказчиков, сборщиков, канцеляристов, в первую очередь якутского воеводу, его ближайших помощников и подчиненных — дворянина Дмитрия Кычкина с племянником Василием Егловским, канцеляриста Ивана Борисова с братом Семеном, дядей Ефимом Петровым, зятем Степаном Гуляевым, шурином Семеном Лыткиным, а также комиссаров Якова Мохначевского, Федора Татарникова и других. Все эти «грабители», — писал Шестаков, — по отправлении воеводы Полуэктова, езда за ясачным збором, иноземцов и паки в достаток разоряют», а «по злобе своей, мстя за поданое на них челобитье, ясачным иноземцам наигоршее разорение чинят»¹. Воевода же по своему усмотрению «чрез свое определение и за взятков отправляет в остроги и зимовья к ясачному збору» своих доверенных людей, пренебрегая назначенными по выбору от полка, отклоняя «достойных и неподозрительных людей», направляемых от партии. Так, Якутская канцелярия вопреки требованию Шестакова послать «для толмачества» на Восточное море служилых людей Фрола Сошених и Степана Вологодина, которые «тамошних народов языки знают», определила первого в Жиганском зимовье с геодезистами Скобельцыным и Свистуновым, а второго — в Удский острог.

Побудительные мотивы и цель прошений коренного населения вместе с комментариями к ним и доношениями Шестакова ясны: «переменить» якутского воеводу Полуэктова — организатора «к партии противления» за «укрывательство разорителей», «непорядочные отговорки», «зловарственные поступки», взятки и прислать на его место «добросостоятельного» человека; доверенных и приближенных воеводы «отрешить» и перевести из Якутска; возратить все награбленное, в том числе лошадей и подвод, взятые для Беринга; удовлетворять все требования партии без замедления; подтвердить полномочия Шестакова вершить все судебные дела по жалобам на ясачных сборщиков.

И воевода и казачий голова по-разному толковали один из пунктов выданной Шестакову в Тобольске инструкции, касающийся полномочий при разборе «иноземческих объявлений». Считая себя главным судьей в рассмотрении жалоб ясачного населения, Шестаков добился у воеводы присылки «к следствию в партию» к ответу «разорителей» и содержал под караулом С. Лыткина, С. Борисова, Д. Канаева, И. Жиркова. Однако, едва казачий голова выехал в октябре 1728 г. ненадолго из Якутска на р. Маю, воевода вызвал к себе оставшихся вместо головы старшими Петра Шестакова и Василия Старостина и велел их «оковывать ножные железа и на шею чепи». По распоряжению Полуэктова 21 ок-

¹ ЦГАДА, ф. 248, кн. 731, л. 1320.

тября «ночным и внезапным временем» подъячий Осип Остафьев с денщиками совершили налет на съезжий полковой двор и у часового Г. Хороших и сторожа Л. Волкова отбили ответчиков, содержащихся под караулом. Якутский воевода полагал, что только он в Якутске мог «иноземские дела разбирать и суд и расправу чинить», а Шестаков отведен для этих же целей отдаленные края, улусы и зимовья и то совместно с Д. И. Павлуцким. Полуэктов постоянно порицал действия Шестакова, осуждал его за принятие самостоятельных решений без ведома и санкции воеводы: «Если бы Шестаков имел прямое рачение к верной службе, то ему б надлежало давно со служилыми путь возыметь, а без указу и без воеводского ведома никуды головам служилых ропущать не велено».

При оценке этих затянувшихся столкновений следует иметь в виду, что Шестаков, безусловно, сам расширил круг собственных прав и обязанностей. В то же самое время Полуэктов не мог отделить функций Шестакова на посту якутского казачьего головы от его же деятельности в качестве руководителя большой государственной экспедиции, ошибочно считая неоспоримым в любом случае подчинение якутскому воеводе.

22 января 1729 г. Тобольская губернская канцелярия сообщила в Сенат свое мнение о якутских «непорядках», констатируя, что «в делах е. и. в. чинитца великая остановка», воевода Полуэктов «весьма стар» и на его место в Якутск из «достойных» людей определить пока некого. Однако ответа из Санкт-Петербурга получено не было. Шестаков тем временем продолжал заниматься обыденными разнообразными делами: поисками попа для экспедиции — «доброего, постоянного и непьянственного человека» и мастеровых людей, приемом и рассмотрением жалоб якутов, проверкой снаряжения, амуниции, судовых снастей и т. д.

Как известно, указ 23 марта 1727 г. возлагал на сибирского губернатора осуществление общего руководства и всю ответственность за проведение экспедиции. Но сибирская администрация не смогла оказать существенного влияния на ускорение развертывания основных сил шестаковской партии. Организационное бессилие подчеркивает серия подтвердительных указов, основные положения которых многократно повторялись, но на местах почти не выполнялись. В этом отношении не составили исключения и подтвердительные указы 28 июля 1729 г., посланные из Тобольской губернской канцелярии иркутскому и якутскому воеводам Измайлову и Полуэктову. Составленные в ответ на отписки и доношения воеводы Якутска и Шестакова, они вновь предписывали: обеспечить к «водяному» пути партии суда, снасти, материалы, инструменты и прочие «припасы», которые не отправлены по требованиям Шестакова; все необходимое заготовить «в самой скорости... не стговариваясь ничем»; служилым людям денежное и хлебное жалованье за прошлые годы и «впредь» выдать без замедления, «не отписываясь за дальностью» в Тобольск; выслать Шестакова и Павлуцкого с партией «в указные места, куда надлежит ...немедленно». Одновременно и оба командира вновь предупреждались о необходимости «итить в самой скорости со общего согласия безо всяких ссор, не отговариваясь ника-

кими отговорками...; в излишние дела отнюдь не вступать...; разных доношений без сношения между собою впредь не присылать, разве когда они, капитан и Шестаков, с партией будут в отдаленных краях по-рознь»¹. Указ вновь возвращается к истолкованию 12-го пункта инструкции, выданной Шестакову, уточняя, что «иноземские обиды по их прошениям с обидимых возвращать» повелено было Шестакову только тогда, когда он будет с партией в отдаленных острогах и зимовьях, а в Якутске иноземские дела надлежит розбирать и суда росправу чинить» воеводе. Под угрозой смертной казни предписывалось Якутской воеводской канцелярии пресечь взяточничество сборщиков и других должностных лиц, впредь посылать для сбора ясака «добрых людей за выборами от полкового ведомства». Строгие кары намечались и за неисполнение других указаний: всем служителям выдавать денежное и хлебное жалованье из Якутской канцелярии без каких-либо вычетов и взяток; подьячих содержать воеводе в Якутске по утвержденному штату, а «излишних» денщиков и подьячих из служилых людей немедленно отослать в партию.

Указом предлагалось «доправить» на Шестакове выданные И. П. Козыревскому из Тобольской рентерей на проезд 50 руб., так как именно он отпустил монаха в Тобольск со своими доношениями, вместо того чтобы послать для этого курьера из солдат или служилых людей. Намечалось проведение особого расследования всех нарушений Павлуцким и Шестаковым данной им инструкции, а также причин задержки экспедиции. Впрочем, настаивая на скорейшем отправлении партии из Якутска, сибирский губернатор основную вину за задержку, естественно, возлагал на Шестакова, а не на общую слабую организацию важного дела. Оправдывая собственные нерешительные меры, он писал в Сенат, что Шестаков, «не хотя итить в оную партию, чинит многие свои непорядки и партии своей остановку: первое, требует того, что взять негде» (Полуэктон в одном из доношений сообщил, что в Якутске осталось всего 4 плотника и 3 кузнеца), второе, «вступил в Якутску в иноземские дела и суд и принимает у ясачных иноземцов челобитные на ясачных и прочих зборщиков»². Между тем источники свидетельствуют об авторитете Шестакова у аборигенов и служилых людей. По рассказам охотских эвенков, Афанасий Шестаков был «в походном деле отец и прямой полководец». Ведавший хозяйственными делами экспедиции гренадер С. Селиванов при составлении расходного реестра 2 сентября 1729 г. записал «что кому отдано по приказу полковника Афанасья Шестакова»³. Безусловно, военный человек не мог не знать, что казачий голова не имел чина полковника, но все же в официальном документе записал именно так по сложившемуся обычаю. Кстати, В. Н. Берх давно заметил, что если бы Шестаков имел такое воинское звание, то в силу субординации никаких осложнений во взаимоотношениях по службе с капитаном Павлуцким, вполне вероятно, не могло бы возникнуть.

¹ ЦГАДА, ф. 248, кн. 731, л. 1333 об.

² Там же, л. 1334—1334а.

³ ЦГАВМФ СССР, ф. 216, д. 3, л. 45—46, 103 и об.

Указ 28 июля 1729 г. постигла участь ряда предшествующих правительственных документов — он дошел до Якутска очень поздно и уже не застал там многих из главных действующих лиц. По данным А. Сгибнева, А. Ф. Шестаков весной 1729 г. с частью команды отправился в Охотск, а другую часть послал со своим любимцем Л. Петровым туда же водою; в Якутске несколько задержались с отправкой в Анадырский острог Д. Павлуцкий и в Охотск — Я. Генс, И. Федоров, М. Гвоздев и И. Спешнев. Сведения эти нуждаются в некоторых поправках. А. Ф. Шестаков отправился в Охотск из Якутска не весной, а 22 июня 1729 г.¹ При допросе в Тобольске 13 июня 1738 г. М. С. Гвоздев показал, что по распоряжению Павлуцкого он вместе с И. Федоровым был послан из Якутска в Охотск 7 июня 1729 г. (Дивин, 1956, с. 46). В автобиографии 1758 г. геодезист записал: «...и по прибытии в Якуцк от одного капитана Павлуцкого в 729-м году отправлен был в Охоцк для описания и сочинения ланкарты» (РГЭ, с. 156). Сам Павлуцкий в доношении 26 ноября 1730 г. трижды вспоминал об отъезде из Якутска. Вначале он сетовал на отсутствие у него каких-либо точных сведений о всей «подарочной и товарной казне», вооружении, материалах и инструментах, принятых Шестаковым. И «того ныне мне в Анадырском — писал капитан — за дальним расстоянием познать невозможно», потому что, когда казачий голова со служилыми людьми отправился в Охотск, то, «что чего порознь с собою взял и в которые места разослал и с кем именно, о том никакого подлинного известия по смерти свою не присылывал». Затем Павлуцкий подчеркнул, что и в 1729 г. Шестаков «общего согласия в партии» с ним «не возимел», а отправился в Охотск «без согласия». Важно замечание командира Анадырской партии об отправлении вместе с А. Ф. Шестаковым из Якутска в Охотск штурмана, подштурмана, геодезиста и подмастерья, гренадеров, солдат и служилых людей, которое не увязывается с традиционным мнением². И все же ордер Д. Павлуцкого 11 июля 1729 г. Я. Генсу, И. Федорову и И. Спешневу наиболее точно, по-видимому, называет сроки и последовательность выступления отрядов экспедиции. В Охотский тракт А. Ф. Шестаков со служилыми людьми отправился 22 июня, а штурман, подштурман и подмастерье с матросами получили предписание к 20 июля быть в готовности к походу на Восточное море для соединения с Шестаковым (Экспедиция Беринга, с. 73).

3 июля Генс и Федоров составили перечень необходимых штурманских и шкиперских материалов и инструментов для одного морского судна, 22 июля представили на съезжий двор обоснованный расчет на потребное им количество подвод. По приговору Якутской воеводской канцелярии в начале августа по требованию Павлуцкого было выделено снаряжения на 129 руб. 71 коп., 26 подвод, 5 проводников и служилые люди (Л. Поляков и Н. Мошинцов) для охраны. Наконец 5 августа 1729 г. Д. И. Павлуцкий отдал распоряжение выехать «без всяко-

¹ ЦГАДА, ф. 248, кн. 731, л. 1297.

² Там же, кн. 666, л. 28—32 об.

го умедления» в Охотский тракт к А. Ф. Шестакову или где он в дороге «будет обретатца»¹.

В пути, не доезжая Юдомского креста, 12 августа произошла встреча команды А. Ф. Шестакова с возвращающейся Первой Камчатской экспедицией (Берх, 1823, с. 84). В. Беринг при формировании Второй Камчатской экспедиции вспомнил в 1732 г. не только об этой встрече, но и о некоторых ее подробностях. Особенно его поразило тяжелое состояние Я. Генса и болезнь И. Спешнева, отсутствие М. С. Гвоздева («а геодезиста я там не видал, и отправлен ли в своем деле, о том я неизвестен»). Осведомлен был Беринг и о посылке Шестаковым матросов «на три части, а именно на Колыму, к устью Ленскому и на Удь реку, а живы иль нет, о том я признаваю, что и (Адмиралтейская.— Л. Г.) коллегия неизвестна»².

27 августа Д. Павлуцкий выслал на двух дощаниках 60 казаков во главе с подпрапорщиком В. Макаровым по Лене и далее в Анадырск и вскоре отправился вслед за ними.

Таким образом, летом 1729 г. основные отряды экспедиции Шестакова — Павлуцкого, разделившись на две крупные партии, отправились из Якутска по направлению к своим главным опорным пунктам — в Охотский и Анадырский остроги.

ОХОТСК И КОРЯКСКАЯ ЗЕМЛЯ

С открытием в 1716 г. регулярного морского пути из Охотского острога по Ламскому морю сухопутная дорога из Якутска через Анадырский острог на Камчатку использовалась в меньшей степени. Значение Охотска возросло. Постепенно острог стал принимать вид порта, особенно оживившегося с прибытием морской команды Первой Камчатской экспедиции. Началось строительство судов и экспедиционных каменных зданий в самом устье Охоты, между тем как рубленый Охотский острог с двумя башнями, поставленный в трех верстах от устья, имел только ясачную избу, десяток дворов и несколько каменных складов (магазинов). В августе 1731 г. сильное наводнение смело многие постройки, в том числе двор Беринга и ясачную избу (Сгибнев, 1869в, с. 9—15).

К осени 1729 г. Охотск стал центральной базой для развертывания основных операций экспедиции Шестакова — Павлуцкого в Приморском крае, на Камчатке, в Охотском и Беринговом морях. До прибытия снаряжения из Якутска А. Ф. Шестаков надеялся использовать запасы продовольствия и материалов, заготовленные для Первой Камчатской экспедиции и оставленные в Охотске Берингом. В течение августа стали прибывать и якутские «припасы». 29 августа 1729 г. С. Селиванов принял для экспедиции у матроса К. Клочева 4 тюка с бумагой, белый

¹ ЦГАВМФ СССР, д. 3, л. 10; д. 4, л. 7, 10—11, 50, 109—110; д. 5, л. 32.

² ЦГАДА, ф. 248, кн. 664, л. 102 об.

трос, 4 тюка с холстом, 4 бочки с порохом, 1 тюк с фитилями, 1 парус¹. Но первой и главнейшей заботой казачьего головы явилось создание в Охотском порту морской флотилии. В распоряжение А. Ф. Шестакова поступили суда В. Беринга — шитик «Фортуна», построенный под руководством гардемарина П. Чаплина и спущенный на воду в Охотске 8 июня 1727 г., и двухмачтовый бот «Святой архангел Гавриил», заложенный капитан-командором 4 апреля 1728 г. в Нижнекамчатске, построенный под его наблюдением учеником ботового дела Ф. Козловым и спущенный на воду 9 июня 1728 г. Официальное название бота почти никогда не упоминалось, в переписке обычно употребляли сокращенное название «Святой Гавриил», «Гавриил» и даже просторечное «Гаврила» и «Гаврил». Судно имело в длину по килю около 18,3 м, ширину 6,1 м, на высоте 5 м над уровнем моря возвышался капитанский мостик. Бот был оборудован трюмом для грузов, кубриком для команды, офицерскими каютами и камбузом. Два судна построены в Охотске в 1729 г. — большой бот «Восточный Гавриил» и малый бот «Лев». Кроме того, в Удском остроге для исследования морских берегов и Шантарских островов казак Чурукаев построил одномачтовое морское судно (лодию), но, по заключению морехода К. Мошкова, оно оказалось непригодным для мореплавания.

В морских исследованиях центральная роль отводилась головному боту «Св. Гавриил». Именно на нем для выполнения шестаковского проекта предполагалось составить опись западного побережья Ламского моря и всех впадающих в море рек на участке Охотск — Удский острог, а также осмотреть Шантарские острова и осуществить плавание вдоль Курильской гряды до Большерецка, оттуда в Нижнекамчатск и далее до Американского континента (до Большой земли). «Фортуне» отводилась роль основного транспортного судна, курсирующего между Охотском и Камчаткой. По этому же маршруту через опасное Ламское море совершала морские рейсы лодия, построенная в 1723 г. архангельским плотником Каргопольцевым.

На «Восточном Гаврииле» Шестаков намеревался плыть до Пенжинского залива и, построив в районе рр. Пенжины и Олютора остроги, заняться урегулированием ясачного сбора и «примирением» сидячих (оседлых) коряков, после чего направиться к Анадырскому острогу по сухопутному маршруту. Вспомогательные функции возлагались на «Льва».

С 28 августа по приказанию казачьего головы С. Селиванов провел тщательную ревизию всего хозяйственного имущества и начал выдачу материалов и оружия участникам похода. В первую очередь были заменены новыми 12 фузей «ельчинского привозу», из которых 5 получил И. Шестаков, а 7 — А. Шергин. Глава экспедиции взял 145 медных перстней, 20 аршин полосатого тика, по 2 листа белого железа и красной меди; нижегородцу мореходу Н. Треске выдано 2 троса, 22 аршина «пестряди» тонкой, его земляку Т. Крупышеву — 21 аршин и т. д. Среди

¹ ЦГАДА, ф. 1002, д. 1, л. 2.

хранившегося имущества особо отметим барабан и знамя — «на белой камке вызолочен орел»¹.

Большинство историков, в той или иной степени коснувшихся оценки выполнения экспедиционной программы, на наш взгляд, считают, неверно, что все планы Шестакова окончились неудачей (Греков, 1960, с. 48; Сгибнев, 1869а, с. 17). Корни отрицательных суждений не скрыты, лежат на поверхности: пока еще очень мало введено в научный оборот достоверных исторических источников, а имеющиеся фактические материалы слабо изучены. Несмотря на тяжелейшие условия походов и плаваний, русские моряки и служилые люди с честью решили множество важных локальных заданий. В ходе выполнения наказов и инструкций сухопутные и морские отряды экспедиции проводили значительные историко-географические обследования и описания. И, конечно, весьма жаль, что многие документы утеряны или все еще до сих пор не найдены.

28 августа 1729 г. племянник казачьего головы сын боярский Иван Григорьевич Шестаков принял бот «Св. Гавриил», снаряжение и команду из 61 человека (мореход К. Мошков, 4 матроса, 2 гренадера, 2 солдата и 53 казака). В 4 часа ночи 1 сентября путешественники отправились из устья Охоты на юг и «бежали» до 3 сентября «подле земли», пройдя 424 версты. Однако внезапно возникший ураган изломал снасти, и дальнейший путь к Удскому устью стал невозможен из-за поломок, противного ветра и за «неимением надлежащей карты». К тому же и «служилые люди многие от большия погоды изнемогли». До 5 сентября судно несло в сторону Камчатки, затем оно было отброшено за 200 верст от устья р. Большой к Пенжинскому заливу. Наконец с большим трудом 19 сентября «Св. Гавриил» достиг Большерецкого устья. 15 октября 1729 г. И. Шестаков донес А. Ф. Шестакову, что в связи с непогодой и «поздним временем» морской поход вокруг Курильского носа к устью р. Камчатки был отложен. И. Шестаков с командой стал жить в Большерецком остроге, откуда послал в Верхний Камчатский острог матросов К. Кузнецова и М. Гусельникова и 17 служилых людей².

С ботом «Гавриил» в один и тот же день 1 сентября из Охотска отправилась «Фортуна». Морской поход в Большерецк возглавили сын руководителя экспедиции Василий Шестаков и служилый человек Андрей Шергин. Доставив грузы и направляющихся в камчатские остроги казаков, В. А. Шестаков оповестил ясачное население полуострова о том, что «им от русских людей обид и разорения не будет»³.

Встретившись в Большерецком остроге, Иван и Василий Шестаковы помимо подготовки к морским плаваниям 1730 г. начали проводить исследование по поводу привезенного на Авачу пятидесятником Андреем Штинниковым имущества с разбитого у Курильского носа японского судна, а также судьбы потерпевших кораблекрушение в 1729 г. япон-

¹ ЦГАВМФ СССР, ф. 216, д. 3, л. 45—46; д. 4, л. 1—2 об., 115.

² ЦГАДА, ф. 248, кн. 666, л. 28 об.—29.

³ Там же, л. 318.

ских мореплавателей, двое из которых были доставлены в Верхний Камчатский острог. Казак Карамзин, доставивший с Авачи в Большерецк три японских якоря и более трех пудов железа, по пути заходил на первый остров Курильской гряды и собрал ясак (Сгибнев, 1869а, с. 20).

Летом 1730 г. В. А. Шестаков и А. Шергин на «Фортуне» (при опытном мореходе Н. Треске) вышли из Большерецка к устью р. Камчатки, по пути исполняя поручение — «идучи морем, осмотреть островов, и на оных островах какие места, горы, леса имеются, и то писать имянно». В кратком отчете 12 октября 1731 г. В. А. Шестаков донес Д. И. Павлуцкому о посещении четырех островов, расположенных от мыса Лопатка в «полуденную сторону». На островах «Пороме», «Шумиче», «Селенге» и «Оммоконе», сообщил руководитель похода, жили «иноземцы курильской породы», которых «через доброе призвание вновь объясачили», взяв за 1730 г. с 20 человек по бобру и двух аманатов¹. И позднее А. Шергина и В. Шестакова неоднократно посылали на Курильские острова. Об успешном сборе ими ясака на 1, 2 и 4-м островах писал 30 июня 1735 г. в Тобольск охотский командир Г. Г. Скорняков-Писарев. В этом же документе изложена «скаса» удинского казака с характеристикой флоры и фауны Шантарского и Феклистова островов². И это не случайно. Все физико-географические явления, как правило, не оставались без внимания пытливых и наблюдательных землепроходцев и мореплавателей. Так, А. Шергин с товарищами сообщили в Охотск об удивительном природном явлении, свидетелями которого они стали 6 ноября 1737 г. В этот день «в Курильской земле» и на островах произошло «трясение земли великое», при котором «над морем утесы разсыпались многие и огненное хождение и трескота в море была, а вдали и разселины в некоторых местах учинились». При этом «жилища иноземческие попадали и вода от моря сходила необычно... вверх сажен в 30», а также «камень из моря на берег выметывало пудов по сту и более». Легкие постройки вблизи моря — балаганы (на столбах шалаши) и бобровые и рыболовные сети были унесены в море, а промысловые лодки (байдары) переломаны³.

В устье р. Камчатки «Фортуна» вошла 6 августа 1730 г. Затем судно с мореходом Н. Трескою отправилось в Охотск, захватив аманатов, которые ранее были отданы в Большерецкую ясачную избу «для сбережения». В. А. Шестаков и А. Шергин со служилыми людьми остались в Нижнем Камчатском остроге.

16 июня 1730 г. отправился на боте «Св. Гавриил» из Большерецка и И. Шестаков. На этот раз он благополучно прибыл к Удскому устью, а через три дня — в Удский острог. Пополнив в остроге запасы рыбы и захватив на судно удского приказчика Чекалова и незадачливого строителя лодии Чурукаева, 28 июля он направился для осмотра Шан-

¹ ЦГАДА, ф. 248, кн. 666, л. 318 и об.

² Там же, кн. 172, л. 896—898; кн. 1361, л. 153—158.

³ Там же, кн. 1361, л. 181 и об.

тарских островов. Шестаков заходил и в устье Амура, где проводил измерения глубин. Об этих географических работах значительно позднее стало известно в Сенате благодаря свидетельству участника экспедиции «Якуцкого города Камчатского острогу служилого человека» Ильи Федоровича Скурихина. Находясь под следствием с 1735 г. в иркутской тюрьме по доносу на И. Спешнева, он в марте 1736 г. на допросе рассказал, как «назад тому седьмой год в июле месяце... был послан для проводывания на Амурское устье» вместе с матросами Л. Петровым и Л. Сметаниным. Скурихин утверждал, что команда корабля состояла из 70 человек, а плавание по «акиану-морю» из Нижнего Камчатского острога до устья Амура заняло семь суток. Отряд И. Шестакова описал южную часть западного берега Охотского моря и сделал чертежи (Греков, 1960, с. 48—49). К р. Большой экспедиция вернулась 13 августа и занялась ремонтными работами и заготовкой «рыбного корма». Снова в море «Св. Гавриил» вышел 20 августа и прибыл в Охотск 3 сентября 1730 г. Через несколько дней И. Шестаков сдал судно, команду (мореход Мошков, 15 матросов, 29 казаков и 1 гренадер), материалы и уехал в Якутск. Составленный им 23 октября 1730 г. для Якутской канцелярии отчет весьма краток, почему подробности этого мореплавания остаются до сих пор неизвестными, хотя для ведения судового журнала на бот были взяты казак Черный и купеческий сын Марков. Этот пробел в некоторой степени восполняют показания И. Скурихина, сообщившего, что «в устье большом Амурском глубины от 15 до 20 сажен, а ширины например версты с две. А на устьях места луговые и лесные, а леса имеются сосна, листвяк, дуб и березник. И оной Амур река впала в акиан двумя устьями; а глубина другому устью от 5 до 6 сажен, а ширина версты полторы. И на тех устьях делали опробацию: в большом устье шли ботом, а в другом — шлюпкою и в тех устьях стояли на якорях полторы сутки для вышеявленной меры устьев и для рыбной ловли»¹. Он же добавил, что между устьями расположен остров (длиною две, а шириною одна верста), на котором живут «иноземцы, прозванием гиляки». В более ранней скурихинской «скаске» (февраль 1735 г.) приведены иные данные: плавание от Нижнего острога до Амура заняло шесть дней, первое устье Амура — глубина 15 сажен, ширина полверсты, «в другом устье ходу нет, понеже мелко». Свой рассказ Скурихин завершил краткой характеристикой гиляков и удских тунгусов и описанием неудавшегося похода на шлюпке 18 служилых людей из устья Амура «для проходу» в Нерчинск.

Особый интерес представляет любопытное объяснение Скурихина, по возвращении из амурского похода не заставшего в живых А. Ф. Шестакова: «...и в том своем осмотре (Амура.— Л. Г.)... ни о чем по се число (февраль 1735 г.— Л. Г.) никому не доносил того ради, что у нас командира настоящего не было»². Как показали дальнейшие события,

¹ ЦГАДА, ф. 248, кн. 1102, л. 1438 и об.

² Там же, л. 1435.

Скурихин неохотно признавал всех преемников якутского казачьего головы.

Все суда морской флотилии, сформированной А. Ф. Шестаковым в 1729 г., покинули Охотск почти одновременно. Сам казачий голова для «примирения» олюторских коряков отправился в путь на «Восточном Гаврииле» вдоль западного побережья Охотского моря. На борту бота поместились 93 человека, в том числе мореход Н. Треска, казаки, якуты, эвенки и ительмены. Через 400 километров, обойдя остров Ольский и мыс Алевин, из-за сильного встречного ветра бот развернулся назад и, преодолев серьезные затруднения, пристал к берегу неподалеку от острова Талак¹. Шестаков с командой добирался вдоль берега до Тауйского острога. Узнав там о прибытии в Охотск из Якутска в начале октября матроса Л. Петрова с грузами для экспедиции, а также Федорова, Спешнева и Гвоздева, Шестаков вызвал геодезиста к себе в Тауйск. Он назначил Петрова квартирмейстером и 15 октября приказал ему прислать в острог вооружение и материалы, подготовить к весне 1730 г. судовое снаряжение, построить в устье Урака суда и лодки (островки)². Однако Петров, не дожидаясь ордера, направился в Тауйский острог, но с Шестаковым уже там не встретился. Позже всех, 25 октября 1729 г., в Охотске появился Я. Генс. Из-за болезни и плохих лошадей он вынужден был «учинить немалую остановку» у Юдомского креста, где оставил часть груза (55 пудов пеньки и снаряжение)³.

Казачий голова возглавил сухопутный поход по Корякской земле, выйдя из Тауйского острога 17 ноября 1729 г.⁴ В его партии находилось 107 человек, в том числе 17 служилых людей, «для письма» казак Осип Хмылев, 30 оленных ламутов, 30 охотских пеших тунгусов, 10 якутов и 19 коряков.

В сентябре же 1729 г. из Охотска под командой пятидесятника Ивана Лебедева вслед за «Восточным Гавриилом» в море вышел бот «Лев». Разминувшись с головным судном и не застав А. Ф. Шестакова в Тауйске, И. Лебедев в остроге принял на бот возглавляемую урядником Иваном Остафьевым авангардную группу сухопутной партии Шестакова. В группу вошли 30 коряков и 3 казака. Указом 30 сентября 1729 г. И. Остафьеву предписывалось, взяв с собой корякских князцов Короткова, Чабугу и других, со служилыми людьми из Тауйского острога идти сухим путем в Корякскую землю на р. Яму и на Пенжину. И, «идучи надлежащим трактом, немирных коряк уговаривать ласкою и приветом... в платеж ясаку, причем объявлять, что они, иноземцы, от русских людей и оленных тунгусов и от протчих народов от всяких налог, обид и разорения будут весьма охранены», если будут проявлять «бла-

¹ В литературе встречается ошибочное утверждение о том, что морской поход А. Ф. Шестаков предпринял на «Фортуне», которая вскоре якобы потерпела крушение (Миллер, 1758, с. 402—403).

² ЦГАВМФ СССР, ф. 216, д. 4, л. 30—30 об.

³ Там же, д. 4, л. 8—9; д. 5, л. 32 и № 526; д. 24, л. 600.

⁴ ЦГАДА, ф. 248, кн. 666, л. 42 об. По другим данным (Сгийбнев, 1869а, с. 12), Шестаков выехал 23 ноября (ЦГАВМФ СССР, ф. 216, д. 4, л. 118).

госклонность, послушание и постоянство». Помимо сбора ясака Остафьеву в походе поручалось вести различные наблюдения и описания. Его обязали «записывать в книги по статьям имянно»: «какие имеютца реки и сколько велики, от реки до реки коликое число расстоянием, и в которых местах бывает какое довольствие рыбных и других кормов, и какие звери в промыслу бывают», а также «смотреть всяких вещей, в раковинах жемчугу, руды, камня, краски и кости мамонтовой и рыбей и, где что сыщется, ради опробации при репортах в партию присылать»¹. Шестаков предусмотрительно определил в группу неграмотного Остафьева «для письма» казака Андрея Чупрова и двух толмачей — Тимофея Гиляшева и Луку Ярыгина. Как видно из задач и программы, намеченных для этой группы, экспедиция Шестакова — Павлуцкого в целом и ее отдельные отряды активно участвовали в изучении и освоении дальневосточных земель, не занимаясь, как пытаются уверить некоторые историки, только ясачным обложением местного населения.

Как позднее при допросе вспоминал Остафьев, вначале из Тауйского острога они не пошли по суше, а «поплыли судном по морю в Коряцкую землю в Сигланскую губу». Здесь, в устье р. Сиглан, И. Лебедев высадив 20 октября 1729 г. группу Остафьева и направился далее к Гижигинской губе. О дальнейшей трагической судьбе команды «Льва» Остафьев узнал не скоро. Еще 17 ноября 1730 г., находясь в Анадырске, он смог только сообщить, что в Сигланской губе на Корякской земле остались служилые люди Шестакова — И. Лебедев и 46 человек, которым было велено идти на р. Гижигу (Жижигу) и, «усмотря удобное место, на той реке построить острог». Остафьев показал затем, что он не ведает, где находятся Лебедев с товарищами, так же как ему неизвестно, где «обретаются» штурман, подштурман, геодезист, подмастерье и матросы².

Бот «Лев» сумел продвинуться вперед только до р. Ямы — глубокая осень вынудила И. Лебедева остаться зимовать в устье, вблизи которого команда построила зимовье. Напавшими ямскими коряками судно и Ямское зимовье были сожжены, а большая часть команды перебита. После этих событий, по предписанию комиссара С. Лыткина, восемь тауйских оленных и пеших эвенов пошли с Шестаковым к Пенжине (Стрелов, 1916, с. 129).

Расставшись с Лебедевым, Остафьев направился «сухопутным трактом» к р. Яме и далее к р. Тумане. В Сигланской губе он получил от местных жителей два камня, «званием иноземческим ванаун», которые отправил для апробации в Тобольскую губернскую канцелярию. 1 января 1730 г. в районе р. Туманы группу Остафьева нагнала партия А. Ф. Шестакова. Состав последней несколько изменился: 14 русских служилых людей, 81 оленных и пеших ламутов из Охотского и Тауйского острогов, 10 якутов, 22 коряка из района рр. Темы и Туманы.

В Корякской земле по дороге к Пенжинскому заливу И. Остафьев,

¹ ЦГАДА, ф. 248, кн. 666, л. 32 об. — 33, 39 об.

² Там же, л. 28, 40.

«немирных коряк уговоря ласкою и приветом, под е. и. в. самодержавную руку в склонение и в платеж ясаку привел вновь» 168 человек. С «новоплатежных» в урочищах, острожках и на рр. Яма, Тумана, Капанага, Вилига, Гынчегоя, Таватама (Тавата), Ункан, Аякан (Аякар), Гижига (Жижига, Қижига, Чендон) получено в казну 4 лисицы сиводушных, 59 лисиц красных и 1159 горностаев. Более 40 «староплатежных» коряков сдали 4 сиводушных и 30 красных лисиц. По указанию Шестакова, в «горностаальное число», то есть в зачет горностаев, разрешалось брать ясак белками, песцами и меховыми изделиями. С 210 человек, как отмечает итоговая запись реестра собранного ясака, всего за 1730 г. группой И. Остафьева получено 14 сиводушных и 95 красных лисиц, 1159 горностаев, 1 голубой и 2 белых песца, 27 белок, 31 кукулянка, 1 парка, 2 саянака, 10 «оленин»¹.

Отряд А. Ф. Шестакова, соединившийся с передовой группой Остафьева, около шести недель жил вблизи устья р. Гижиги, дожидаясь прибытия казаков из Анадырского острога. Не получив подкрепления, он отправился в путь, 9 марта 1730 г. перебрался через р. Парень и достиг р. Вахлы. Казаки Лука Ярыгин и Григорий Сараха, посланные в разведку, Шестакову «сказали на словах: едуци де наперед под смотром, и наехали немирных чукочь, которые де разбивают и грабят оленных коряк»². Отряд остановился и «стоял на стану» до 13 марта. Между рр. Паренем и Пенжиной в столкновении с чукчами на р. Эгаче (Егаче) 14 марта 1730 г. Шестаков, пораженный стрелой, погиб. Вместе с ним были убиты 11 русских, 11 эвенов, 6 якутов и 1 коряк. Уцелевшие коренные жители возвратились «назад на свои жилища», трое казаков отправились в Тауйский острог. Находившиеся в разведке и оказавшиеся в стороне от сражения И. Остафьев и О. Хмылев с шестью казаками привезли в Анадырский острог тело А. Ф. Шестакова и его имущество, а также весь собранный в Корякской земле ясак.

Оценивая замыслы, планы и усилия Шестакова с самого начала организации экспедиции, нельзя не вспомнить справедливые, но забытые ныне слова о действиях казачьего головы, которые «открывают, что он был действительно умный и предприимчивый человек и мог бы быть весьма полезен для того отдаленного края. Г. Миллер называет его шарлатаном и безграмотным, но... предприятия неученого были умнее распоряжений многих и весьма грамотных людей» (Берх, 1819, с. 7).

Из лагеря в районе р. Тылки 11 марта Шестаков послал в Тауйск свое последнее распоряжение по экспедиционным делам. В нем подтверждалась необходимость выступления партии на Камчатку, к Большой реке, затем к Анадырскому устью и к Большой земле. Особо подчеркивалось, что «ежели прибудет Гвоздев, взять его на судно и всякое к нему чинить благодеяние» (Сгибнев, 1869а, с. 15). Г. Ф. Миллер в кратких комментариях к ордеру Шестакова 11 марта 1730 г. с сожалением констатировал отсутствие каких-либо известий об исполнении

¹ ЦГАДА, ф. 248, кн. 666, л. 39.

² Там же, л. 33 об.

указаний казачьего головы. Но в отношении Гвоздева он заметил, допустив хронологический сдвиг событий, что геодезист якобы уже в 1730 г. был неподалеку от Чукотской земли между 65° и 66° северной широты «на берегу чужестранной земли, которая находится напротив жилищ чукотских... нашел там и людей, но за неимением толмача говорить с ними не мог» (Миллер, 1758, с. 404). Первая публикация о морском походе 1732 г. с упоминанием фамилии Гвоздева появилась в печати почти одновременно с завершением служебной карьеры геодезиста. Неточности, допущенные историографом при описании событий двадцатипятилетней давности, объяснимы лишь тем, что Г. Ф. Миллеру, как и Академии наук, не были достоверно известны материалы Сената и Адмиралтейской коллегии по экспедиции Шестакова — Павлуцкого. И в русских и особенно в зарубежных изданиях ряда книг и карт второй половины XVIII в. эта хронологическая ошибка часто повторялась.

Перед выступлением в поход по Корякской земле А. Ф. Шестаков оставил в Тауйском остроге наряд служилых людей «на заячьи промыслы и строения шерхбота и починки судна», которые находились под командой казака Трифона Крупышева и гренадера С. Селиванова. Им помогал родственник казачьего головы Степан Парамонов¹. Прибывший в Тауйск матрос Л. Петров также пытался возглавить командование. Таким образом, зимой 1729/30 г. в тауйском отряде воцарилось многовластие (приказчик Тарабыкин, Петров, Крупышев, Селиванов) и вместе с тем безначалие. Известие о гибели А. Ф. Шестакова, полученное в апреле 1730 г., осложнило обстановку. Петров, самочинно объявивший себя главным командиром, боясь ответственности за своеволие и другие злоупотребления, пытался бежать к корякам, а затем стал вместе с Крупышевым уговаривать казаков уйти на Камчатку. Геодезист Гвоздев, проявив в этой необычной ситуации мужество и благоразумие, «восстал против них, увещевал казаков жить в согласии и идти в Охотск, но мятежники прогнали Гвоздева с совещания» (Сгибнев, 1869а, с. 22).

Доношение из Тауйска с подробностями о поражении Шестакова и его смерти было отправлено в Охотск для Якутской губернской канцелярии. Оно поступило в Якутск одновременно с рапортом 24 мая 1730 г. Я. Генса и И. Федорова, который привез И. Спешнев. Печальная весть о разгроме и отсутствие какой-либо связи с Павлуцким побудили штурмана и подштурмана обратиться с просьбой о назначении нового главы всей экспедиции. В своем рапорте они подчеркивали: «...ныне в партии без главного командира, во многих командирах правления нет, но только помешательство и остановка в делах, а во многих статьях прят. Всяк желает себе большеину и не было б между ними какого непорядочного обстояния». Генс с помощником настоятельно просили отдать «по-прежнему» в их ведение всех матросов, прислать из Якутска командиром, «кого пристойно» к служилым людям, чтобы все были «под одной

¹ ЦГАВМФ СССР, д. 4, л. 117 и об. О Крупышеве, который был замешан в деле В. Качанова, бит кнутом и сослан на Аргунь, см. там же, л. 9 об., 30 об., 118 и об.

командой», а также отрешить от руководства всех не по праву назначенных и в первую очередь Ивана Шестакова, с тем чтобы он, «отмещая злобу дяди свою, и протчие командиры чего над нами не учинили»¹.

Однако, как только весть о поражении шестаковского отряда на реке Эгаче настигла медленно продвигавшегося по Анадырскому тракту Павлуцкого, он тотчас же приказал сосредоточить главные силы экспедиции в Анадырске. Генсу, Федорову, Гвоздеву и Спешневу с командой предписывалось немедленно плыть к Анадырскому устью. Долгожданное распоряжение Павлуцкого внесли определенную ясность, и последующие действия командного состава экспедиции отличается большая целеустремленность.

В мае 1730 г. и штурман Генс в Охотске «уведомился чрез людей, что якутский казачей голова Афонасей Шестаков от немирных чюкоч и со служилыми людьми убит до смерти», и сразу же послал в Тауйский острог к заказчику Андрею Тарабыкину и геодезисту М. Гвоздеву ордер, «чтоб на Восточном судне быть в Охоцком и со служилыми людьми, понеже на Ламе другого судна не имеца, чтоб итти на Камчатку»². О том же писал охотский приказчик Стыжнев к Тарабыкину и Петрову с товарищами. Он сообщил, что «Восточный Гавриил» должен направиться не на Камчатку, а сначала в Охотск для перевозки на полуостров казенного имущества, вооружения и направленного из Якутска с П. Шестаковым продовольствия; командиром морского маршрута назначался М. Гвоздев при мореходе Н. Треске. В Тауйске же на судне 27 июня в присутствии Гвоздева и Трески перед собравшимися казаками Л. Петров зачитал старый ордер Шестакова «о путешествовании» на Камчатку. Геодезист Гвоздев, который приобрел несомненный авторитет у служилых людей и с чьим мнением считались, сумел убедить всех в необходимости похода в Охотск и доказать невозможность морского плавания на Камчатку и далее к Большой земле без штурмана, подштурмана и судового подмастерья, ожидавших тауйскую команду в Охотске. Наконец 1 июля «Восточный Гавриил» вышел из Тауйской губы и 6 июля вошел в устье Охоты. Позднее в подробном рапорте Павлуцкому Генс донес, что геодезист Гвоздев прибыл из Тауйска в июле на «Восточном Гаврииле», командиром которого оказался Петров. «И я, — продолжал штурман, — вшед к нему на судно, данной мне от вашего почтенства в Якуцку ордер вслух ему, матрозу Петрову, и служилым прочитал и спросил ево, матроза Петрова, хочет он по оному ордеру мне быть послушен. И он, Петров, мне отказал и со служилыми людьми, что де я этово ордера не слушаю, а есть де у меня ордер от головы Шестакова. И для того в Охоцку долгое время стояли, ожидали позволительного указа»³.

Описывая «неурядицу», А. Сгибнев отметил, что экспедиция жила на Охотской кошке (коса на взморье), не занимаясь делами. Сдружив-

¹ ЦГАВМФ СССР, ф. 216, д. 4, л. 31, 103—104.

² Там же, д. 5, л. 33.

³ Там же, л. 33 и об.

шиеся Спешнев, Селиванов и Гвоздев, не слушая увещаний охотского приказчика, запугали его, разбив охотскую таможенную. Старший по должности штурман Я. Генс занялся курением вина и сбытом его эвенкам, удалившись с этой целью от взморья за 30 верст. Он возвратился лишь в начале сентября с прибытием с Камчатки бота «Св. Гавриил». Обстоятельства беспорядков стали известны в Якутске благодаря доношению Стыжнева и подштурмана Федорова.

3 сентября 1730 г. Я. Генс принял по списку у шестаковских командиров Л. Петрова и С. Селиванова в свою команду всех «оставших» от А. Ф. Шестакова служилых людей (32 человека). Для «толмачества и у письменных дел» штурман взял с собой в поход солдата Александра Змиева и двух казаков, вернувшихся из корякской земли от пятидесятника Лебедева. 5 сентября Л. Петров рапортовал о проверке наличия всех «приемных припасов». Прибывший в тот же день из Большерецка И. Шестаков начал подготовку к сдаче «Св. Гавриила». Прием судна продолжался около недели¹. По морскому регламенту Генс после приема корабля приказал поднять на «Св. Гаврииле» «флак-гейз и вынпал, а как поехал бывший командир Шестаков з боту на берег, палили из пяти пушек»². В рапорте Генса Павлуцкому о своей деятельности за 1730 г. сохранились и другие любопытные сведения. Среди них, например, тщательное описание и характеристика бота «Св. Гавриил»³, жалобы штурмана на Гвоздева, Спешнева и других лиц, с которыми у него установились неприязненные отношения. Так, 4 сентября Генс отметил, что геодезист и подмастерье без него «учинили служилым людям смотр и, отменяя свои прежние реванжи, служилых людей безвинно под караул садили», а он, «видя такие их на служилых людей напатки, от команды им отказал», чтобы «не могло б произойти что злое»; 11 сентября при приеме судна Гвоздев и Спешнев ему «говорили: дай де нам на боту место, а ежели де не дашь, мы де поедem в город» (Охотск.— Л. Г.)⁴. Спешнев и Гвоздев свою деятельность в Охотске основывали на инструкциях, полученных от А. Ф. Шестакова, и неоднократно игнорировали распоряжения штурмана. Особое недовольство последнего вызвал отказ геодезиста и подмастерья выделить подчиненных им служилых людей (М. Бекетов, И. Поротов, И. Исаков, А. Босиков, А. Мешков, А. Наумов и кузнец А. Саломатин) на работу по ремонту «Восточного Гавриила». По этому поводу в рапорте-дневнике, который превратился в своего рода кондуит, появились новые записи: «...геодезист Гвоздев отказал и на работу не отдал, а говорил, мне надобны свои инструменты чистить, а при Охоцку жил лето, а инструментов не изготовил, а как приспело время к надлежащей работе, тогда он чинит тракту продолжение. А подмастерье Спешнев також людей на работу и на караул не дал и поныне. Означенные служилые никакой работы не ро-

¹ ЦГАВМФ СССР, ф. 216, д. 3, л. 168, 170; д. 4, л. 223 и об.

² Там же, д. 5, л. 44.

³ Там же, л. 34 об.—37 об. Документы о приеме судна 7 сентября 1730 г. см. там же, л. 137—140 об.

⁴ Там же, л. 43 об.—44.

бят и караулов не стоят, а чрез их, Спешнева и Гвоздева, науки чинят многие непорядки»¹.

10 сентября состоялся «с общего согласного совета» выбор «доброто и прожиточного» служилого человека «у приема и роздачи» провианта, который пал на Федора Панова. На другой день Панов принял для экспедиции поступившее на ста подводках из Якутска от П. Шестакова продовольствие, в том числе 425 пудов ржаной муки, 25 пудов гречневой и ячневой круп, 18 пудов масла². Заказчик охотской ясачной избы И. Стыжнев стремился удовлетворить основные нужды отправляющейся партии. Он передал 540 аршин толстого холста на парусы, пеньку, белое железо, «кормовые рыбные припасы»³. До 18 сентября продолжался ремонт судов, подготовка к морскому плаванию.

На борту судна по строевому расчету в то время значилось служилых людей 65, матросов 7, мореходов 3, гренадеров 4 и солдат 2. На бот были приняты пассажиры: «подчиненный комиссар» камчатских острогов Иван Уваровский, который еще в 1719 г. служил казачьим сотником и приказчиком Нижнего Камчатского острога, с казаком П. Чадовым, денежный комиссар И. Жданов с товарищем и восемь «торговых» людей. Последние с ведома Якутской воеводской канцелярии были отпущены на Камчатку «для купечества». В записной книге бота «Гавриил» отмечены: М. Мелентьев — приказчик устюжского купца, А. Володимиров из Сольвычегодска, Ашурбак Букмашев — «работной бухаретина» Дюрена Накина, М. Изосимов — купец Лальского посада, А. Лобашин — работник купца Лальского посада, Г. Свиныин — сын купца из Устюжской провинции, Ф. Злобин — «поседелец греченина» Варфоломея Зотова, К. Кобычев — крестьянский сын Яренского уезда⁴. В то же время И. Федоров получил ордер от Генса «о бытии ему в готовности с командою на мореходном Восточном судне и о заготовлении припасов к походу в морской тракт»⁵.

К 18 сентября «Св. Гавриил» под командой штурмана Генса и «Восточный Гавриил» во главе с подштурманом Федоровым «исправились к отвалу в надлежащий тракт». За этот день штурманский дневник заполнялся дважды. Вначале — как казак Иван Зуев, получивший сполна жалованье за 1730 г., но «не хотя в партии служить», «учинил при отвале немалое возмущение, чтоб всю партию остановить», объявил на Генса и Федорова «слово и дело». По объяснению Генса, Зуев и ранее неоднократно собирал служилых людей, призывал их «к своему злему намерению, чтоб как надлежащему тракту препятствие учинить», отвергал право штурмана на командование кораблем, считая, что «команду иметь» должны «обще» штурман, подмастерье и геодезист⁶. Вторая за-

¹ ЦГАВМФ СССР, ф. 216, д. 5, л. 39.

² Там же, д. 3, л. 12, 32; д. 4, л. 58; д. 5, л. 121.

³ Там же, д. 3, л. 19, 184 и об., 200; д. 4, л. 99.

⁴ Там же, д. 5, л. 83 и об., 118 и об.

⁵ Там же, л. 152—153.

⁶ Там же, д. 4, л. 118 и об.; д. 5, л. 181—182.

пись вновь касалась Спешнева и Гвоздева, которые на борту «Гавриила» бранили штурмана, «бесчестили и мало не прибили».

После того как под конвоем в оковах И. Зуева отправили в Якутскую канцелярию, 19 сентября оба судна «отвалили в море и палили из одной пушки». В тот же день Спешнев и Гвоздев объявили Генсу, что ему не следовало бы командовать ботом. А «на них глядя — жаловался штурман, — и служилые люди Ильи Скурихин и Василий Яцкой спрашивали ордера, за что ево, Скурихина, наказывал кошками, а Яцкова Спешнев и Гвоздев наказывать не дали». И на следующий день появилась очередная запись: «...будучи в морском тракте, означенной Спешнев и Гвоздев называли меня, штурмана, вором и бранили всякою неподобною бранию»¹.

30 сентября 1730 г. экспедиционные суда достигли берегов Камчатки. «Св. Гавриил» благополучно вошел в устье р. Большой². «Восточный Гавриил» приблизился к устью р. Кыкчиг, но бурей корабль отнесло в море, нанеся при это неисправимые повреждения. 4 октября разбитый бот был выброшен на берег в 30 верстах севернее Большерецкого устья, вблизи устья р. Утка.

Сведения, сообщаемые М. С. Гвоздевым об охотском периоде, весьма лаконичны. О себе он заметил в автобиографии 1758 г., что «в 1730-м году по ево ж, капитана Павлуцкого, присланному ордеру находился я при морской команде со штурманом Генсом». При допросе в Тобольске в 1738 г. геодезист сказал: «...и были в Охоцке по 1730 год. В 1730 году по ордеру Павлуцкого ходили на Камчатку через Ламское море на боте «Гавриил» при штурмане Якове Генсе в Большерецкой острог...»

АНАДЫРСКАЯ ПАРТИЯ НА ЧУКОТКЕ

В результате сложного исторического процесса открытия и освоения отдельных регионов Азиатской России Чукотский полуостров по времени оказался включенным в состав России самым последним. В общих чертах причинно-следственные связи этого явления с общим ходом присоединения достаточно прослежены в специальной исторической, историко-географической и историко-этнографической литературе. Однако начальный этап изучения этого своеобразного края освещен односторонне. Очень часто, с чем нельзя согласиться, экспедиции под командованием Д. И. Павлуцкого в 30—40-х гг. XVIII в. на Чукотке представлены только как заурядные военные походы (Греков, 1960, с. 34; Вдовин, 1965, с. 123).

Маршрут Анадырской партии экспедиции Шестакова — Павлуцкого, вышедшей из Якутска в «анадырский тракт», проходил по суровым и «пустым» местам. Преодолев хребты Верхоянский и Тай-Хаяхтах, Алазейские горы и Халерчинскую тундру, рр. Лену, Алдан, Яну, Индигирку,

¹ ЦГАВМФ СССР, ф. 216, д. 5, л. 44 об.

² Там же. Некоторые авторы датируют прибытие бота в Большерецк 25 сентября 1730 г., но не указывают на источник (Дивин, 1956, с. 19; Алексеев, 1970, с. 37).

Алазею и многие малые реки и речки, Д. И. Павлуцкий с командой в апреле 1730 г. достиг Нижнеколымского острога. Здесь 25 апреля он получил весть о смерти Шестакова. Это были не «частные слухи», как думал А. Сгибнев, а официальное и достоверное «ведение» из Анадырского острога от начальника авангардного отряда Анадырской партии подпрапорщика В. Макарова. Не ожидая каких-либо указаний, Д. И. Павлуцкий принял на себя все полномочия и таким образом стал единоличным и полновластным руководителем экспедиции.

Уже 26 апреля с курьером он послал в Якутск к П. Шестакову распоряжение принять в воеводской канцелярии денежную казну, на Анаторской переправе — провиант, ехать в Охотск и, собрав в остроге всех оставшихся от А. Ф. Шестакова служилых людей, мастеров и солдат, «артиллерные всякие припасы», следовать в Анадырский острог «без всякого замедления» (Стрелов, 1916, с. 132). Второй ордер 26 апреля был адресован начальствующему составу адмиралтейской группы экспедиции. Генсу, Федорову, Гвоздеву и Шпешневу предписывалось со служилыми людьми на любом судне добраться до Камчатки и, «усмотря, как способнее», ехать в Анадырский острог «в самой скорости». Капитан разрешил Генсу «иметь команду» над матросами и обещал из Анадырска выслать на Камчатку свои подробные инструкции (Экспедиция Беринга, с. 73—74). В тот же день распоряжения о необходимости присылки служилых людей в Анадырский острог были посланы в Удский острог и Жиганское зимовье¹. Не в пример таким решительным действиям Д. И. Павлуцкого ни сибирская администрация (Тобольская и Иркутская канцелярии), ни Сенат и Сибирский приказ не смогли быстро откликнуться на изменившуюся обстановку на Дальнем Востоке.

Через год, 28 апреля 1731 г., когда в Сибирском приказе неторопливо рассматривался вопрос о преемнике А. Ф. Шестакова, обсуждалось и доношение иркутского вице-губернатора А. Жолобова П. И. Ягужинскому. Жолобов сообщил, что казачий голова «несколько присовокупил к Российской империи тамошних народов коряк и зашел далеко, где кочают народ, называемые чюкчи, и с самыми малыми людьми, а их людство великое, учинил бой. И в том бою людей потерял и сам убит». В растерянности вице-губернатор далее запрашивал: «...и каким образом с ним, Павлуцким, поступать?»; посылать ли его для «призыва немирных народов» или отозвать в Якутск?; можно ли выбрать из якутских жителей нового казачьего голову?² Только 12 июля 1732 г. состоялось решение Сибирского приказа о назначении головой Якутского казачьего полка якутского сына боярского Якова Ярославцева «на место убитого от чюкч» А. Ф. Шестакова³. А несколько ранее, в то время как Павлуцкий завершал свой первый поход из Анадырского острога по Чукотке, 1 сентября 1731 г. сибирский губернатор А. Плещеев выслал ему указание — «о призыве в подданство немирных иноземцов чинить

¹ ЦГАДА, ф. 248, кн. 666, л. 29.

² Там же, кн. 729, л. 128 об.—129.

³ Там же, ф. 24, кн. 14, ч. 1, л. 22.

по данной инструкции, *а войною на них не ходить*¹ (курсив мой.— Л. Г.). Но не следует идеализировать политику царизма по отношению к аборигенам Восточной Сибири, которые представляли интерес для казны и властей преимущественно с финансово-экономической стороны. Центральная власть не была заинтересована ни в истреблении, ни в уменьшении, ни даже в обнищании ясачного населения — главного поставщика пушнины. Просто нельзя было подрубать у дерева сук, на котором сидишь! Именно поэтому правительство в XVIII в. стремилось принимать различные меры, ограждавшие восточно-сибирские племена и роды от произвола, взяточничества, поборов и других злоупотреблений властей и чиновников на местах — воевод, приказчиков, комиссаров, ясачных сборщиков, а также купечества, промышленных и служилых людей.

В отличие от Шестакова, пытавшегося одновременно решать множество задач, начиная от поисков Большой земли к северу от устья Колымы, «разведывания» морских островов к югу от «Курильской землицы» до «примирения» неясачного населения вдоль побережья Охотского моря и на Камчатке, Павлуцкий совершенно точно определил две основные цели возглавляемой им Анадырской партии, преемственно сохранившей ряд функций бывшей экспедиции Шестакова — Павлуцкого. Поражение Шестакова внесло известные коррективы и в расстановку действующих сил и в определение общего стратегического плана. Павлуцкий сразу же пытался ускорить концентрацию участников экспедиции в районе Анадырского острога и в устье Анадыря, во-первых, «для призыву и примирения немирных неясашных чюкоч», во-вторых, «ради проведения морских островов и Большой земли». При этом, вне сомнения, глава партии и ее морская группа на этом этапе отбросили прежние географические представления о Большой земле против устья Колымы (карта Шестакова 1724 г.) и руководствовались теми картографическими произведениями, согласно которым Большая земля размещалась на востоке от Чукотского полуострова, а также сведениями, полученными от Первой Камчатской экспедиции В. Беринга. Но самые свежие данные о Большой земле поступили к Павлуцкому в Анадырском остроге, куда он прибыл 3 сентября 1730 г.

Три доношения капитана Павлуцкого 26 ноября 1730 г. из Анадырска, полученные в Tobольске через восемь месяцев, довольно подробно освещают основные заботы и устремления анадырского командира. Прежде всего был произведен смотр партии. При нем «обреталось» 207 человек, взятых из Якутска и «собранных по разным острогам и зимовьям», в том числе 150 служилых людей, дворянин Семен Зиновьев, 55 казачьих детей и промышленных людей, один кузнец². Выяснилось, что служилые люди, взятые в партию, давно не получали заслуженного жалованья и «за неимением провианта претерпевают великую нужду, а питаютца мясным и рыбным кормом и то с великою скудостью». Пав-

¹ ЦГАДА, ф. 24, кн. 666, л. 26.

² Там же, л. 29.

луцкий сетовал на отсутствие пушек, мортир, материалов и инструментов и на то, что участники экспедиции А. Ф. Шестаковым были разосланы «по дальним местам и в скорости оных собрать ни по которой мере невозможно». Несмотря на распоряжение от 26 апреля 1730 г. о приезде в Анадырский острог всех, кто отправлялся с казачьим головой в «охоцкой тракт» — штурмана, подштурмана, геодезиста, подмастерья, гренадеров, солдат и служилых людей, спустя семь месяцев — жаловался Павлуцкий — «никого в приезде не имеетца». С мореходом Прокопием Нагибиным капитан послал 9 октября на Камчатку новое распоряжение, адресованное И. Шестакову, полагая, что «оной Шестаков живет на Камчатке втуне». Ордер категорично предписывал немедленно, взяв на морское судно Генса, Федорова, Гвоздева, Спешнева, матросов, солдат и служилых людей, прибыть к Анадырскому устью¹.

Вскоре после прибытия в острог 12 сентября Павлуцкий «пошел для осмотру зборной с новоплатежных коряк е. и. в. казны». В. Макаров и пятидесятники Конон Чириков и Осип Старбстин доложили, что у приехавшего в апреле 1730 г. И. Остафьева они приняли ясачную казну в трех чемаданах и пожитки А. Ф. Шестакова и, «переписав, положили в Анадырском остроге в казенной анбар и запечатали». Однако без их ведома И. Остафьев сам распечатал амбар, снял печати на чемаданах с лисицами и на суме с указами и книгами, а пожитки Шестакова отдал комиссару Петру Колесову. Проверкой выявилась пропажа 36 красных лисиц. Остафьева и Хмылева посадили под караул. На съезде двора острога началось следствие, которое проводил Павлуцкий, характеризовавший Остафьева как человека «недоброго состояния, которой напред сего был в бунту, будучи на Камчатке, якуцкого сына боярского Василия Качанова сажал в тюрьму»². Здесь не лишне отметить, что Павлуцкий, недолюбливая приближенных и близких соратников казачьего головы, относился к ним с большим недоверием. Не зная, например, о судьбе Ивана и Василия Шестаковых, он тем не менее писал об их «житии на Камчатке туне». Благодаря показаниям Остафьева и Хмылева сохранились ценные сведения о реках, острожках и урочищах Корякской земли, а также подробный рассказ о «непорядочном» (неудачном. — Л. Г.) походе А. Ф. Шестакова к Пенжине и сражении с чукчами.

19 ноября 1730 г. Д. И. Павлуцкий получил подробное доношение в 11 «пунктах» от анадырского служилого человека Афанасия Мельникова. Интересные свидетельства Мельникова о чукчах и Большой земле давно привлекали внимание исследователей (Ефимов, 1948, с. 142—152).

В октябре 1725 г. А. Мельников получил из Якутской канцелярии инструкцию, согласно которой ему было «велено итти в новую землю, которая против устья Анадыря реки за губою, для прииску и призыву

¹ ЦГАВМФ СССР, ф. 216, д. 3, л. 22. Ошибочны утверждения, что П. Нагибин был убит чукчами в 1725 г. (Ефимов, 1948, с. 143).

² В 1719 г. недовольные большевецкие казаки самовольно сместили с поста приказчика острога В. Качанова (Крашенинников, 1949, с. 745—747).

немирных неясашных иноземцов». В соответствии с указом и инструкцией он взял в Алазейском и колымских зимовьях служилых людей и «охочих людей собрал немалое число». Однако назначенный в Анадырский острог комиссаром Федор Татаринов по неизвестной причине «во оную землю ходить запретил», нанеся тем самым ущерб казне и «помешательство». Весной 1726 г. построенное для похода морское судно разбило льдами¹. По другим сведениям, на судне, которое было «за неимением гвоздей зашито и конопачено мохом», А. Мельников и В. Шипицын с 30 служилыми людьми вышли из Анадырского острога в «свой вояж следовать» до Большой земли. Однако в море неподалеку от устья Анадыря вынуждены были «за великою морскою погодою и за течею того судна» вернуться обратно в устье и с «нуждою пеши» прийти в Анадырский острог².

16 сентября 1729 г. из Анадырского острога Мельников вновь отправился в поход по Чукотской земле для «призыву» в ясачный платеж и «проведывания морских островов». В декабре он прибыл к сидячим чукчам и жил у них до середины марта 1730 г., собрав за это время ясак с четырех человек. Отважный путешественник 15 марта поехал от сидячих к носовым чукчам и, прибыв на Чукотский нос в апреле, сумел «призвать» двух человек и взять с них ясак красными лисицами. Тогда же, показал анадырский казак, «пришли к ним, носовым чукчам, при нем, Мельникове, с морского острова два человека, которые имеют у себя в зубах моржевое зубье, и те зубные люди сказывали ему, Мельникову, на словах, [что] до жилища де их, на котором острове они жительство имеют, от Чюкоцкого Большого носу день ходу, а от того де острове вперед до другога острова, которая называется Большая земля, день же ходу». Эти «островные люди, два человека, сказывали» далее, что на Большой земле «имеетца всякой зверь: соболи, лисицы, бобры решные, рассомахи, рыси и дикой олень, також де есть всякой лес, а оленных де и пеших иноземцов довольное число». Эскимосы дали казaku из привезенных ими 14 «рудожелтых» камешков, да носовые чукчи — 5 кусков «каменя» синего цвета³. Доброжелательные «зубатые люди» наотрез отказались везти Мельникова к себе на остров из-за «скудости в кормах» и отсутствия собак (Греков, 1960, с. 54). Вернувшись в Анадырский острог, Мельников привел с собой двух пеших чукчей — «лутчих мужиков» с женами и детьми. Он выразил желание быть в партии и походах «вожем» и «показать верную свою службу».

Важность показаний эскимосов, переданных А. Мельниковым, правильно оценена А. В. Ефимовым, который подчеркнул достоверность и точность новых сведений о Большой земле. Эти и другие данные, хорошо известные в Анадырском остроге, откуда «охочие люди» в 1720—1730-х гг. настойчиво и упорно пытались посетить Большую землю,

¹ По данным А. Сгибнева, А. Мельников в 1728 г. построил судно и вышел в море. Корабль был разломан льдами, а команда добралась до Анадырского острога только в 1729 г. (Морской сборник, 1868, № 12, с. 138).

² ЦГАДА, ф. 248, оп. 113, кн. 1552, л. 12.

³ Там же, кн. 666, л. 30—30 об., 438—438 об.

центральными правительственными органами не признавались за существующие. В сенатском указе 31 декабря 1732 г. после изложения показаний Мельникова об эскимосах подчеркнуто, что «более онаго Павлутского, иного никакого известия не имеется, есть ли земли или острова между известных камчатских и американских берегов, или одно море, которого, по учиненной профессором Делилем карте, является от помянутого Чукотского носу около 45 градусов до гишпанского владения провинции Мексико». Указ, отмечая, что хотя на анадырских представлениях и «утвердитца невозможно», предписал В. Берингу «в его мореплавании от чюкоцкого народу разведать и итти к тем островам, которые земли, ежели подлинно, то на пути к Америке есть», а затем «следовать к Америке и смотреть по тому ж островам и земель» (Экспедиция Беринга, с. 94—95).

Хотя А. Мельников и подчеркнул, что «дале де того Чюкоцкого носу нигде он не бывал», его рассказы с новыми данными о Большой земле укрепили уверенность Павлуцкого в правильности избранного плана действий.

26 ноября 1730 г. глава Анадырской партии доложил сибирскому губернатору А. Плещееву, что «ныне из Анадырского острогу отправление возимел для призыву и примирения... немирных неясашных чюкочь и ради проведения морских островов и Большой земли»¹. Через несколько дней выступление пришлось приостановить в связи с полученными капитаном от оленных ясачных коряков просьбами о защите и жалобами на участвовавшие нападения чукчей, которые отнимали оленей, брали в плен их жен и детей. Ранее и А. Ф. Шестаков сообщал о разгроме чукчами в начале 1730 г. нескольких юрт сидячих пенжинских коряков. Павлуцкий решил прежде всего до весны укрепить деревянный пятибашенный острог новыми рублеными стенами, возвести административные строения — ясачную избу, амбары. Острог располагался на острове длиной 4, а шириной 2 версты. За острогом разместились около 80 дворов служилых людей и часовня. Строительство было завершено к концу зимы, тогда же несколько пополнился состав партии. К выступлению в поход вначале подготовились 215 служилых и промышленных людей, 160 коряков и 60 юкагиров².

Участию аборигенов в походах Шестакова 1730 г. и Павлуцкого в 30—40-х гг. XVIII в. не следует удивляться. Именно к этому периоду относится обострение взаимоотношений чукчей с юкагирами и коряками. С присоединением Сибири объясненное коренное население, превратившееся в подданных Российского государства, по складывающейся традиции, с одной стороны, в случае необходимости получало поддержку у служилых людей против «немирных иноземцов», но, с другой — обязывалось оказывать военную помощь своим русским союзникам. На протяжении всего периода присоединения историками прослеживаются

¹ ЦГАДА, ф. 248, кн. 666, л. 31.

² Чукчи и земля их с открытия этого края до настоящего времени.— Журнал Министерства внутренних дел, 1851, ч. 34, с. 464.

многочисленные межплеменные столкновения юкагиров с чукчами, коряками и ламутами, между чукчами и коряками (Гурвич, 1966). Кровавые междоусобицы, характерные для общинно-родового строя, захват промысловых угодий, рабов и оленей на северо-востоке Сибири усилились в 20—30-х гг. XVIII в. Таким образом, и «воинственность» чукчей, на которой акцентируют внимание, не понимая ее истоков, Ф. Голдер и другие буржуазные исследователи, кроется прежде всего в социально-экономической природе этого явления.

Первая экспедиция Д. Павлуцкого, формально призванная защитить коряков от чукчей, внесла значительную лепту в изучение труднодоступного и отдаленного Чукотского полуострова, в особенности его гидрографии и географии. Основные сведения о главных событиях похода и маршруте принесли рассказы анадырской команды сотников Осипа Нижегородова и Ивана Попова, пятидесятника Алексея Русанова, казака Василия Кургуцкого и других, а также публикации Г. Ф. Миллера, собравшего «словесные известия» от участников похода, А. Сгибнева и картографические произведения и описания переводчика Второй Камчатской экспедиции Якова Ивановича Линденау и подпрапорщика Анадырской партии Тимофея Перевалова.

В детальном и интересном обзоре «Известия о северном морском ходе из устья Лены реки ради обретения восточных стран» Г. Ф. Миллер «по словесному сказыванию некоторых казаков» в Якутске ошибочно датировал выступление команды из острога половиной февраля 1730 г.¹ Позднее историк исправил ошибку в соответствии с истинной датой начала похода — 12 марта 1731 г.

Отряд, перейдя через вершины притоков Анадыря — рр. Убойной, Белой, Черной и горы, повернул на север к берегу Северного Ледовитого океана, продвигаясь около десяти верст ежедневно в течение более двух месяцев. В мае участники похода болотными, гористыми и безлесными местами вышли к устью безымянной реки между «Колымским устьем и Чюкоцким носом», откуда двинулись на восток большей частью «подле берегу чрез морские губы по льду». 17 июня (по другим данным, 7 июня) произошла первая встреча и столкновение с чукчами. После недельного отдыха экспедиция двинулась далее на восток к Восточному океану. 30 июня (по другим данным, 29 июня) произошло второе нападение чукчей. Наконец отряд достиг Чукотского носа, повернул на юго-восток, намереваясь пересечь нос и выйти к Анадырскому морю. Поражением чукчей 14 июля завершилось третье, самое крупное сражение, местоположение которого трудно локализовать из-за противоречивых сведений, полученных из разных источников. Так, Линденау пишет: «...егда ж из Анадырского острогу на чукчи партия хаживала, тогда она ходила в северную сторону через речек Черную и Белую вершины и чрез хребты к Ледяному морю к юртам 9 недель, и от юрт возле моря чрез речки, где первая баталия с чукчами была, 2 недели, а к другому месту, где вторая баталия имелась, 3 недели. И хотя партия намерение свое

¹ ЦГАВМФ СССР, ф. 216, д. 24, л. 64 об.

имела тогда к Чукоцкому носу итти и Чукоцкой каменной острог разорить, но токмо за неимением тамо оленного корму туда не следовала, но пошла чрез хребты и шла 2½ недели до места, на котором с чукчами третью баталию имела, а от того места шла до Чингагирские юрты 5 дней, а от той юрты к Сердцу-камню 2 недели, а от того камня к Большой реке 1½ недели. А прямо ходу от Сердца-камня до Анадырского острога 8 недель»¹. Встречается мнение (Греков, 1960, с. 54), что третье сражение произошло в районе Сердце-камня, характерного гористого мыса Анадырского моря, хотя Линденау и утверждал, что после стычки отряд шел до мыса 19 дней. Миллер свидетельствует, что Павлуцкий после победы в 1731 г. «имел путь нарочито высокими горами», пока не дошел до Сердца-камня, оттуда 21 октября вернулся в Анадырский острог².

Более 20 лет спустя девять участников похода вспоминали, как от места последнего сражения 1 августа они подошли к «юкагирскому прежнему торговщищу», откуда и вернулись в Анадырск в начале ноября. Они утверждали, что в отряде Павлуцкого находилось 236 казаков и 280 коряков и юкагиров. По другим данным, в походе 1731 г. участвовало 230 служилых людей и 270 коряков и юкагиров, причем каждый участник имел упряжку оленей. На каждые 5—6 человек везли меховой полог, устанавливаемый на ночлегах. В отряде было около 700 упряжек оленей и стадо для питания команды (Вдовин, 1965, с. 117—118). Записанные об экспедиции воспоминания содержат множество ценнейшей информации. Приведем небольшой отрывок из этого «объявления»: «...в бытность же их в том чукоцком походе, как вперед, так и обратно, никакого лесу на всей той земли не видали, и вся та Чукоцкая земля болотная, кочковатая и мокрая, на оной земли, и то редкими местами, мелкия прутики, вышиною от земли не больше четверти. А за неимением лесов варили себе еду с нуждою, набрав того прутья, где сколько найти будет можно, и, расклав огонь, раздували взятыми тогда с собой мехами, а где оного сыскать не могли, то, набрав растущей на кочках мох, тем варили... Летним временем шли сами пешком, а ружье и прочее несли на себе, имеющейся же шкарб везли на вьюшных оленях. В том походе из команды с голоду никто не умер, а умирали от приключившихся болезней» (Берх, 1825, с. 175—176; Колониальная политика, с. 158—160).

Представления русских людей 30-х гг. XVIII в. о северо-востоке Сибири в целом и в особенности о Чукотском полуострове отражены в замечательных документах, которые составил исследователь Охотского края Я. И. Линденау, работавший там в 1741—1743 гг.³ Эти материалы поступили в Сенат 15 января 1743 г. из Иркутска. В доношении 15 сен-

¹ ЦГАДА, ф. 248, оп. 113, кн. 1552, л. 13. Текст по другому списку опубликован А. И. Андреевым (1940, с. 157).

² ЦГАВМФ СССР, ф. 216, д. 24, л. 65.

³ Деятельность Я. И. Линденау в Сибири освещена А. И. Андреевым (1965, с. 289—310). Биографические сведения о нем приведены С. М. Троицким (1973, с. 316—317), Л. А. Гольденбергом (1979, с. 244—247) и З. Д. Титовой (Линденау, 1983, с. 5—10).

тября 1742 г. вице-губернатор Лоренц Ланг сообщил о посылке полученного им 2 августа 1742 г. от охотского командира А. Девьера «о жительстве немирных чюкчей со описанием чертежа»¹.

Первые исследователи этих исторических источников не имели возможности изучить их в совокупности: А. И. Андреев (1940, с. 156) не отыскал карты, И. С. Вдовин (1943, с. 52—54) и Е. П. Орлова (1957, с. 129) ограничились беглым ее анализом вне связи с описанием. Между тем и карта и описание связаны между собой, дополняя и обогащая друг друга. К карте, не имеющей авторского заголовка, присоединены: 1) «Географическое описание реки Анадыря и в нея впадших речек и ручьев и о чюкчи, где они находятца, и их местах и кочевании и нападении их на российских людей и ясашных коряк, яковым бысть оное образом следует ниже сего»; 2) «Описание о Чюкоцкой землице, где она имеетца»; 3) «Дорога из Анадырского острога в полуденную сторону». Помимо Архива Академии наук СССР текст труда Линденау сохранился в двух списках Сенатского архива, а также в Центральном государственном военно-историческом архиве (Косвен, 1961, с. 203). Первые две части этой работы увидели свет, но раздельно: академик П. Паллас опубликовал на немецком языке «Географическое описание...», А. И. Андреев — «Описание о Чюкоцкой землице...» (Pallas, 1781, с. 238—244; Андреев, 1940, с. 156—157). Нами далее использованы тексты из книг Секретной экспедиции Сената².

Карта 1742 г. создана Я. Линденау в период активной подготовки сибирской администрацией наступательных действий на Чукотке из-за непрекращавшихся выступлений чукчей против коряков и анадырского гарнизона. В третьей, неопубликованной части описания он подчеркнул особенности построения своей карты в связи с ее специальным назначением, отметив, что территория от Анадырского острога на юг до рр. Олюторы и Оклана изображена «пространней» (подробней.— Л. Г.), чем от острога до Ледяного моря, для того, чтобы «все места, реки, речки лутче видны были б, ибо о тех местах больше нужда обходитца, чтоб от чюкоцкого нападения оборонять»³.

Карта и описания составлены, вне сомнения, по материалам о северо-востоке Сибири, собранным к тому времени в Охотской канцелярии. В их основе лежат прежде всего многочисленные «расспросные речи», доношения, рапорты, описания, «скаски», доезды участников экспедиции Шестакова — Павлуцкого и ее Анадырской партии. На карте пунктирной линией, окрашенной серо-зеленой краской, с надписью «партия хо-

¹ ЦГАДА, ф. 248, оп. 113, кн. 1552, л. 1; кн. 1558, л. 151.

² Там же, л. 8—8 об., 10—11, 11 об.—13, 13—15; кн. 1558, л. 172 об.—173.

³ Там же, л. 14 об.

дила» нанесен кольцевой маршрут отряда Павлуцкого, обозначены красными овалами места всех трех «баталий» с чукчами в 1731 г. Приведены данные о местах обитания и некоторых промыслах оседлого и кочующего населения, расселении северо-восточных племен. Красные кружочки чукотских карт показаны вблизи участка побережья Ледовитого океана, где «ловят белых медведей» (между Шелагским и Чукотским носами), вокруг Чукотского носа, в центре которого изображен «каменный острог», у «Сердца-камени», в нижнем течении р. Большой и вблизи залива Св. Креста. И на материке, и в Беринговом море желтые пунктирные линии четко намечают маршруты, куда «чукчи ходят». В море эти линии идут от Анадырского устья к заливу Св. Креста, далее к северо-восточной оконечности Чукотского полуострова, через два острова в Беринговом проливе на Большую землю. Из других обозначений отметим надписи: «Ходят олен. коряк» — между верховьями Колымы с притоками и рр. Оклан и Пенжина, «живут юкагиры» — вдоль р. Ожигиной, «живут омоки» (юкагирское племя) — на левобережье р. Аниуй. Помимо чукотских юрт и «острога» показаны принятыми в картографии того времени условными знаками русские поселения и укрепленные пункты: Верхнее, Среднее и Нижнее колымские зимовья, Охотский, Тауйский, Ямской, Олюторский, Окланский, Анадырский, Большерецкий, Верхний и Нижний Камчатские остроги. Жилища и острожки коренного населения нарисованы красными овалами, внутри которых помещено несколько маленьких кружочков. Такие своеобразные условные обозначения соответствуют записи Линденау, отметившего, что чукчи из устья Анадыря «ходят» к вершинам речек Онемен и Красной и «спускаются чрез хребты» к Олюторскому, Култушскому и другим корякским острожкам, которые «почти все вкругли и имеют вокруг себя рвы и земляные валы». Нанесены по побережью Охотского моря корякские острожки Таманы, Доулкала, Тайноской, Пакан, Ягаеской, Косуган, вокруг Карагинской губы — Пелег, Култуш, Олютор. Дополнительные этнографические сведения помещены в «Географическом описании». Линденау записал, что по обе стороны р. Яблонной (Яблон) расположены «высокие хребты и накипны, а лес — тальник и топольник, а живут юкагиры вниз по Анадыру». При характеристике Юкагирской вилки (бассейн р. Маин) он отметил, что в 6 верстах от берега «прежде жили тут юкагиры, которые от чукоч побиты». Отмечено, что юкагиры Годиинского рода «живут» в верховьях левого притока Анадыря — р. Белой, а пешие чукчи — около рр. Красной и Нерпичьей (Нерпиша), правого и левого притоков в нижнем течении Анадыря.

В верховьях Анадыря между рр. Яблон («Ябольная»), Пилидон и Герапол помещена надпись «оленой плавь». Описывая карту, Е. П. Орлова допустила курьезное прочтение: «Река оленой сплав», в то время как первое слово приводимой ею надписи относится к другой надписи — «Река Анадира» (Орлова, 1957, с. 122). Места весенних и осенних переправ оленей соответственно на север и юг имели огромное значение для коренного оседлого и кочевого населения Колымско-Чукотского края, поэтому в описании Линденау указывает и топографические ориентиры

переправ: весной у «каменей» (гор) Черпакой (день езды от р. Яблон), Герапол (от одноименной речки полдня езды), Караульной (полдня езды от предыдущей); осенью у Родионова (в 4 верстах от р. Белой) и в 40 верстах от него у Юкагирского камня.

К югу от устья р. Большой на карте обозначена «юкагирска ярманка». В «Описании о. Чюкоцкой землице...» рассказано, как чукчи собираются осенью «у Сердца-камени», приезжая туда на саних, «китовыми усами подбитых», и, перейдя Большую реку, прибывают на юкагирское «торжище», где «доселе они, чукчи, с юкагирами мену имели, выменивали себе от них на лисицы и на протчее — копыя, китайские ножи, палмы (ножи.— Л. Г.) и котлы».

Довольно полно представлена на карте гидрографическая сеть, хотя не обошлось без ошибок: неправильно назван р. Колымой ее крупный приток р. Омолон, а Колыме выше впадения Омолона присвоено название ее притока р. Ожогойной, имеющей на самом деле иное направление (Греков, 1960, с 206). Только на Камчатке показано более 50, а на западном охотскоморском побережье свыше 25 рек и речек. Особенно подробно изображен бассейн Анадыря от верховий до морского устья с ее правыми (рр. Яблон, Пилидон, Герапол, Травниха, Маин, Мышья, Красная, «Онемен») и левыми (рр. Алучина, Убойная, Белая, Черная, Нерпичья) притоками.

«Географическое описание реки Анадыря» составлено по четкому плану и содержит краткую характеристику речной сети бассейна с указанием расстояний между географическими объектами. Пунктуальный и внимательный исследователь Я. Линденау вносил в свои труды проверенные и достоверные данные. Все случаи замены «подлинных известий» им оговаривались. Так, не имея «исчисления верст», он, по «скасам» служилых людей, условно принимал за 30 верст расстояние, пройденное за один день на собаках или оленях. Сетуя на отсутствие сведений о длине пути между Олюторским острогом и Камчаткой, он тут же отметил измеренный морской путь от Карагинской губы до Нижнего Камчатского острога, который в «добрую погоду» можно пройти за двое суток.

В начале описания даны сведения об истоке: «...реки Анадыря вершина имеетца под севером из одного хребта, вершиною оною езды оленьми 3 дня, около тоя вершины лес — тальник и накипны до Пилидона речки, а на левой за камением, именуемым Черпакоем, в стороне лисьяничного леса немного»¹. Затем следует основной текст, состоящий из двух разделов: «Какие речки во Анадыр реку и ручья впади» и «Вниз по Анадырю». В первом разделе водная система описана до Анадырского острога, во втором — от острога до устья. Многих из названных в описании мелких речек и ручьев на карте мы не найдем, поэтому для историко-географических целей особенный интерес представляют текстовые характеристики образованных к тому времени гидронимов: речка Яблонная с ручьями Шаламиха и Черпана, речки Пилидон, Герапол, Трав-

¹ ЦГАДА, ф. 248, оп. 113, кн. 1552, л. 8.

ниха, Алучина, Приколовая виска, протока Прорва, р. Маин, виски Чу-чая, Круглая (Круглина), Игольная (Иголкина), речка Убойная, виски Павлова, Волокитина, Вакерная, Юкагирская, Могилина, речки Кузьмина, Большая Кузьмина, Черная, «Эгеска», Орлова, Мышья, Белая, Красная, «Онемень», Нерпичья (Нерпина). Сведения о каждом из объектов лаконичны, например, «Приколовая виска или исток (с левой стороны от острога езды один день, вершина полдня) из озера, которое вокруг 2 версты, оттуда река Анадырь течет под север».

В заключение Я. И. Линденау пишет: «Анадырь пала в губу, а усть на юго-восток верст четыре от Нерпина. А она губа длиной в 4-х верстах, а шириною версты $2\frac{1}{2}$, рыба ловитца в реке Анадыре нельма, муксун, чирь, горбуны, стерляди, сельди, гольцы, мальма, кета, щуки и налимь. От самой вершины Анадыря по правой стороне, кроме тальнику и топольнику, никакого лесу не имеетца. А по левой стороне Черная речка в долину к хребтам имеетца листовик и сланец кедровой. Местами же Анадырь река пещана и течением не быстра, и от речки Герапола до устья судами плыть можно, а от острога до устья судового хода 2 недели»¹.

Точно передает Линденау суровый пейзаж Чукотской земли, которая «почти вся пуста и тундру беслесною облежит, но растет тальник кустами, но и то малое число». Растительность на карте изображена двумя условными знаками. Группы одиночных деревьев обозначают листовые немногочисленные леса, преимущественно на юге в Корякской земле и на Колыме, знак кустарника — «лес тальник». Последний показан в верховьях Анадыря, между реками Пилидон и Яблон, на юг от Анадырского острога, восточнее Бараньего хребта, вдоль рр. Красной и Черной, в верховьях р. Большой.

Из других географических показателей отметим «зимнюю дорогу», по которой в 1731 г. партия возвращалась в острог, наикипи (накипны), хребты, отдельные горы, а также выделенную красной линией границу Чукотской земли.

Карта 1742 г. и сопутствующие ей описания Я. И. Линденау, выполненные для использования их в оперативно-справочных целях, раскрывают помимо маршрута 1731 г. и «кочевых трактов» чукчей направление и особенности основных радиальных сухопутных коммуникаций, связывающих Анадырский острог с другими русскими укрепленными пунктами. Показан конечный участок пути в Анадырь из Якутска — дорога из Среднего и Нижнего колымских зимовий. Стратегически важным являлся путь на юг, который разветвлялся на три дороги — на Камчатку, к Охотску и до Олюторского острога. Начало пути на юг общее: «от острога до Юкагирской сопки $\frac{1}{2}$ дня езды на оленях, сопка де она стоит на тундраном месте, и оленного корма имеетца довольно, и лес есть на тундре тальнику кустами»². Еще полдня нужно потратить на езду от сопки до речки Поперечной, а далее столько же до «Неглинь-

¹ ЦГАДА, ф. 248, оп. 113, кн. 1552, л. 11—11 об. Полный текст описания опубликован З. Д. Титовой (Линденау, 1983, с. 160—165).

² Там же, л. 13.

камени». Отсюда левая дорога проходила через тундру до речки Орловой, через наипны до речки Черной. Затем на восток вновь через тундру до заметной Парампольской сопки, откуда, пройдя за неделю «чрез Баранины хребты», выходили к устью Типенины, от которой четыре дня езды до «земляного» Олюторского острога, где жили коряки. Таким образом, за три недели проходили расстояние от Анадырского острога до Карагинской губы Восточного моря.

Показан на карте отсутствующий в описании путь на Камчатку, который шел вначале по левой дороге до вершины р. Черной, а потом на юг к корякскому острожку Косуган и далее по полуострову к Нижнему Камчатскому острогу.

От «Неглинь-камени» по правой дороге через речки Черную и Кондреву добирались за 12—14 дней до Окланского острога. В описании расстояния между географическими объектами западного побережья Охотского моря, как более известные, приведены в верстах: Окланский — Ямской остроги 700, Ямской — р. Сиглан 142, р. Сиглан — р. Ола 114, р. Ола — Тауйский острог 123, Тауйск — Охотск 399.

В соответствии с целевым назначением заметна неравномерность нагрузки карты. Тщательно проработана гидрография, рельеф и растительность, показаны главные дороги и специфические особенности местного рельефа — Чукотский, Корякский, Колымский хребты, наипны, «камени» (горы) — ориентиры бассейна р. Анадыря. Подробно изображена речная сеть приморского района между Охотой и Пенжиной, а также Камчатки. Слабее представлены берега от Анадырского залива до Чукотского носа и «Северного Леденого моря». Исключая р. Колыму с ее притоками, три крупные реки, впадающие в Ледовитый океан между Шелагским и Чукотским носами, даже не названы. Предположительно, — это Экитан, Амгуэма и Ванкарем (Белов, 1956, с. 261). В целом карта 1742 г. Я. И. Линденау в своеобразной графической форме подвела итоги достижениям русских служилых людей в изучении природных условий и этнографии Колымско-Чукотского края, Камчатки и приморского района Ламского моря за первые три десятилетия XVIII в.¹ Рукописная карта этого района с описаниями значительно полнее, чем другие картографические произведения той же территории первой половины XVIII в., как карта Шестакова 1724 г., Кирилова 1724 г., генеральная карта Российской империи 1734 г. К сожалению, материалы академического переводчика, поступившие из Сибири в Академию наук, не были ею использованы при подготовке к печати «Атласа Российского» 1745 г. Карта Чукотки, составленная по материалам инструментальной съемки геодезиста И. Киндякова, появилась лишь в 1778 г.

После Чукотского похода 1731 г. Д. И. Павлуцкий в марте 1732 г.

¹ Изучение карты проведено по подлиннику, подписанному автором и заверенному Антоном Девнером (ЦГАДА, ф. 248, карты, № 1910). На опубликованной копии (Атлас..., № 122) затруднительно разобрать многие надписи, а их расшифровка проведена небрежно (например, р. Яндо вместо правильного о. Ямской, кореной — камелей, Какин — наипны и т. п.). Необъяснимо ошибочное высказывание о том, что карта не дошла до нашего времени (Пасецкий, 1982, с. 76—77).

возглавил экспедицию на Гижигу к Паренскому корякскому острогу. Вернувшись в Анадырский острог, 5 ноября 1732 г. выехал в Якутск, где и жил более года. 6 марта 1733 г. он получил звание майора «за вышепоказанные службы и за долговременное в таком дальном краю бытие»¹. Однако и дальнейшая судьба Д. И. Павлуцкого оказалась связанной с Дальним Востоком (Русские открытия..., с. 79). В 1734—1739 гг. он находился на Камчатке, где проводил совместно с В. Ф. Мерлиным следствие по делу о восстании ительменов. Именно в этот период С. П. Крашенинников записал бесхитростную мелодию и незатейливые слова ительменской «Песни на подполковника Мерлина, маеора Павлуцкого и студента Крашенинникова» (Крашенинников, 1949, с. 431).

В 1740—1742 гг. Д. И. Павлуцкий служил якутским воеводой. Вновь возглавив с 1742 г. анадырский гарнизон², он организовал несколько походов на чукчей, к тому времени за десятилетие продвинувшихся на юг.

Поход 1744 г., продолжавшийся с 4 февраля по 28 сентября, проходил через рр. Маин, Черную, Нерпичью, Поперечную к губе Ночен (залив Св. Креста) и «Сердцу-камени», затем через рр. Чимган, Курупку и многие губы (Юрупка, Силега, Мечинг, Тенях и др.) Анадырского моря до губы Анахая или Белого моря (Колючинская губа) на севере полуострова, откуда начался обратный путь. Казаки подтвердили, что Чукотская земля «вся болотная, каменистая и весьма кочковатая и мокрая, никакого лесу и травы, кроме моха, нету... и то их, чюкоцкое, между самыми узкими камнями житие за непременем лесу самое уже бедное, коего едва ль в свете где хуже быть может». Сами же служилые люди «крайнюю от великих морозов претерпевали нужду... а по недостатку съестных припасов крайней голод претерпевали». Отнюдь не сентиментальный боевой офицер, Д. И. Павлуцкий рапортовал в Иркутск, что солдаты и служилые люди анадырской команды «пришли в пропитании великую нужду и голод, отчего уже и видеть жалосно».

После «голодного» похода Павлуцкий с командой 4 июня 1745 г. отправился в трехмесячную экспедицию на 12 судах вниз по Анадырю до моря и обратно «для промыслов рыбных и оленей». 18 марта 1746 г. начался поход на север к Колымскому морю против чаунских оленных чукчей, завершившийся небольшим столкновением. В 1747 г. к Анадырску подошло значительное ополчение чукчей. Авангардный отряд служилых людей вблизи устья речки Орловой 14 марта был жестоко разбит, а Павлуцкий — убит (Берх, 1825, с. 176—182). Вскоре распространились самые фантастические слухи о Павлуцком, например, о том, что чукчи захватили его в плен, или будто они долгое время возили голову Павлуцкого, преклоняясь перед его храбростью. Любопытный документ, найденный И. С. Вдовиным, развенчал все легенды. На самом деле тело Павлуцкого 19 марта 1747 г. было привезено в Анадырский острог и для сохранения «обверчено бумагою и залито воском, а потом положено

¹ ЦГАДА, ф. 248, кн. 164, л. 738—739; кн. 160, л. 461 об; оп. 113, кн. 576, л. 540.

² Там же, ф. 24, кн. 14, ч. 22, л. 335; ч. 24, № 170; ф. 248, оп. 113, кн. 1552, л. 3 об.

в сделанную из лиственничного леса гробницу и поставлено было в построенный при доме казенном под анбаром холодильник — погреб, где лежало ноября до 8 числа 1747 г., коего числа увезено в Якутск в сопровождении есаула Сабурова». Похоронен Д. И. Павлуцкий 24 марта 1748 г. «под церковью» Якутского Спасского монастыря (Вдовин, 1965, с. 123). Восторженный историк русского морского флота В. Н. Берх высоко оценил походы Павлуцкого по Чукотской земле, считая их подвигом, который заслужил «отличное уважение и приносящий особенную честь его имени» (Берх, 1819, с. 16).

Суровые климатические условия Чукотки, отсутствие там самой ценной пушнины — соболя, а отсюда замедленный темп объяснения северо-восточных племен и слабая заинтересованность служилых и промышленных людей в быстром освоении полуострова, относительные неудачи экспедиций Павлуцкого и его преемников в 50-е гг., огромные трудности с доставкой провианта и продовольствия для отдаленного русского гарнизона привели в конце концов к «отмене» в 1764 г. Анадырской экспедиции (Гольденберг, 1979, с. 228—233). Опыт экспедиции Шестакова — Павлуцкого закономерно подсказал важность и необходимость мирных и доброжелательных отношений с чукчами. В дальнейшем успешно прилагались значительные усилия по установлению дружественных связей чукчей с русскими, их мирного сотрудничества (Очерки истории Чукотки, 1974, с. 91—93).

Малорезультативные в военном отношении походы 1744 и 1746 гг. принесли вместе с тем новые и существенные географические данные о северо-востоке Сибири и прилегающих районах. Работу Я. И. Линденау по картографированию Чукотского полуострова продолжил талантливый самородок казачий подпрапорщик Тимофей Перевалов, своего рода картографический историограф Анадырской партии 40—50-х гг. XVIII в. История, к сожалению, оставила о нем самые скудные и отрывочные сведения. Показав на одном из чертежей (1744 г.) «меру верст» (масштаб) и «поставив канпас», Перевалов заявил в легенде, что «только не показаны градусы, затем что при партии к геодезическим наукам же и нарочно определенных не имеетца», а делал чертеж он — «не из обученных партии из служилых людей подпрапорщик». И на другом чертеже (1746 г.), который изготовил «партии из служилых за подпрапорщика» Т. Перевалов, «поставлен» компас и «на меру верст сделан меридиан, только не показаны градусы». Известно, что позднее Перевалов участвовал в морском плавании купцов И. Бахова и С. Новикова. Выявленные пять карт, которые составил Т. Перевалов, в сопоставлении наглядно свидетельствуют о том, как не имеющий геодезической подготовки самоучка тем не менее постепенно совершенствовался в картографическом мастерстве и стал хорошим специалистом.

Сразу же по возвращении из похода 1744 г. Т. Перевалов 30 октября закончил «Чертеж тракту партии...». В легенде отмечен маршрут от Нижнеколымского острога по рр. Анюю и Большой Алучине через хребты Бобровский и «Яблонный», по Анадырю до острога; из Анадырска в Чукотскую землицу «подле» Анадырского моря, «вкруг» Чукотского

носа к устью р. Омгаян (Амгуэма) и «возвратно» до Анадырска. Маршрут показан и на карте, особенностью которой является более детальное изображение прибрежной полосы полуострова и береговой линии от Колючинской губы (Анахья), залива Св. Креста (Атахукла) до устья р. Анадыря¹.

Также по возвращении из трехмесячного колымского похода в конце июня 1746 г. Перевалов представил новый чертеж «в пополнение к преждепосланному в Иркутскую провинциальную канцелярию о тракте... Павлуцкого с командою от Анадырского острога до Ковымского моря до реки, называемой Чауну...»². На новой более подробной карте 1746 г. заполнены многие белые пятна карты 1744 г., например весь участок от р. Амгуэмы до Колымы на юг. Отличительной ее особенностью является первое в истории русской картографии изображение открытой экспедицией Павлуцкого системы р. Чаун и Чаунской губы. По мнению этнографов, картографические произведения Т. Перевалова представляют интерес для топонимических сопоставлений с современными картами. Сравнительный анализ названий позволяет судить о расселении чукчей и эскимосов на Чукотском полуострове, где сосуществовали чукотские и эскимосские географические названия (Вдовин, 1943, с. 54). Небезынтересно отметить, что карта 1746 г. использовалась в Сенате в качестве справочника. Она прилагалась в 1757 г. к «Краткому экстракту о прожектированных к Анадырску трактах для провозу туда провианта и протчих тягостей». Одним из источников составления обзорной меркаторской карты Азиатской России 1779 г. послужила опись, составленная до р. «Амгаян» при Д. И. Павлуцком в 1744—1745 гг.³

Обе карты Перевалова легли в основу его последующих картографических произведений, выполненных в октябре 1754 и 1763 гг.⁴ Очень содержательная обзорная «Карта, учиненная Якуцкого уезда, Камчатки и реки Анадыря с около лежащими местами Чукоцкой земли, також часть Северной Америки и малая часть Японии»⁵. Ее, как указано в орнаментированном картуше, Т. Перевалов «поднес в дар» прапорщику Т. И. Шмалеву — известному ученому-собирателю. Составление этой недатированной карты можно отнести ко времени до середины 1767 г., то есть до того, как в Сибири стал известен указ о присоединении 1 января 1767 г. Шмалеву чина поручика (Алексеев, 1958, с. 38). Карта имеет градусную сетку, масштаб, а по охвату территории и тщательности оформления превосходит все известные карты составителя. На ней по-

¹ ЦГАДА, ф. 248, карты, № 1915; АЦКП ВМФ, № 80. Опубликовано Е. П. Орловой (1957, с. 124) и В. И. Грековым (1960, с. 207).

² Там же, № 1914. Опубликовано Е. П. Орловой (с. 124) и в Атласе... (№ 123). В последнем издании воспроизведена карта 1746 г., но заголовок и расшифровка надписей относятся не к ней, а к отсутствующей в Атласе карте 1744 г.

³ Там же, оп. 113, кн. 1558, л. 194; АЦКП ВМФ, № 106.

⁴ Красный архив, т. 1 (74), 1936, с. 160; Атлас..., № 124. Ср. также «Карту реки Анадыря с около ее лежащими местами, также земли Чукоцкой и части Северной Америки» 1764 г. (АЦКП ВМФ, № 84, 87).

⁵ ЦГАДА, ф. 192, Иркутская губ., № 10.

Т. Перевалов. «Карта уезду города Якуцка, Чукоцкой землицы, земли Камчатки с окололежащими местами и часть Америки с около ея лежащими островами». Не ранее 1763 г.

Красный архив, т. 1, 1936, с. 160.

казаны: часть континента на восток от р. Лены, Колымское море, 5 Медвежьих островов, Охотское море, Курильские острова, часть Японии, Камчатка, Камчатское и Анадырское моря, острова Алеутские и Беринга, «Часть Америки, на ней люди, коих называют кыхмальцами», «Земля Америцкая, осмотрена и описана в 741 году во время экспедиции капитана Беринга», «Земля усмотрена в 748 году июля 15 во время морского путешествия из устья реки Анадыря к Беринговому острову партии Анадырской подпрапорным Тимофеем Переваловым с купцами Новиковым и Баховым». На северо-востоке показаны и надписаны границы оленных юагирей, «землиц» Чукотской, Корякской и Ламутской, а также места расселений чукчей, юагиров, ламутов, коряков, камча-

далов и якутов. Обозначены морские пути и маршруты плаваний: Охотск — Большерецк, Беринга и Чирикова, от устья Анадыря в 1748 г. на Камчатку.

На Американском континенте надписано: «Земля сыскана в 730 году во время мореплавания с Камчатки геодезиста Гвоздева». Здесь Перевалов доверился авторитету ученого и повторил частое у Г. Ф. Миллера хронологическое смещение исторических фактов. В 1730 г. М. С. Гвоздев только еще ступил на камчатскую землю, на которой вскоре стремительно развернулись неожиданные и важные события.

НА КАМЧАТКЕ

В составе экипажа судна «Св. Гавриил» М. С. Гвоздев 30 сентября 1730 г. высадился на Камчатке в устье р. Большой. В Большерецком остроге он, как показал на допросе в 1738 г., «с ними, штурманом и подштурманом, по 731 год по июль месяц дожидались от него ж, капитана Павлуцкого, ордеру, куды им велено будет итти». Оттуда, «получа ордеры, ходили на том же боту морем до Камчацкого устья».

Общую пространственную ситуацию начального периода пребывания вступившего на камчатскую землю морского отряда экспедиции Павлуцкого рисует чертеж 30-х гг. XVIII в.¹ На «Чертеже Большой реки в Камчадалии...», который составил флотский капитан-поручик Василий Иванович Казанцев, высланный в 1728 г. из Кронштадта в Сибирь к Берингу за осуждение ссылки А. Д. Меншикова², упрощенно, но наглядно показан участок реки от острога до моря, преодолеваемый в летнее время за 2 дня. Незначительную нагрузку географическими показателями неориентированного чертежа дополняет описание. Обозначены Пенжинское (Охотское) море, Большерецкий острог и «жилье тамошних обывателей», три безымянных протока и р. Гольцовка, впадающие вблизи острога в р. Большую, пять речных островов, «Савино летовье», р. Быстрая. Нанесена речка, в которой зимой стоял бот «Гавриил» и которую «морская полновая топит, а та речка малая и мелкая... пристани быть нельзя и гавани зделать негде». Общие сведения о местности Казанцев приводит в легенде: «...текут те реки по разсыпному камешнику, а не по мягкой земле, и берега у тех рек такие ж разсыпной камешник вышиною от воды на четыре фута, а вдаль на берег ниже того вблизиности и вдаль никакого лесу нет, все тундра и по местам мокрая кочкарник или болота. У моря на устье песок или банк³ в упалую воду бывает сух, а в прибылую покрывает водою». Записаны промеры ширины устья р. Большой — 60 и ручья — 7 сажен. На чертеже, к сожалению, отсут-

¹ ЦГАДА, ф. 192, Иркутская губ., № 30.

² Там же, ф. 7, д. 237, л. 1—8.

³ При публикации легенды воспроизведено как «лесок или банк» (Алексеев, 1970, с. 37, 78—79).

ствуют отметки глубин, измерения которых проводились экспедицией¹.

Рисунком фасадов 16 домиков на чертеже показан Большерецкий острог, построенный в 1711 г. Д. Я. Анциферовым и И. П. Козыревским. В октябре 1730 г. в нем размещались, помимо служилых острога команда И. Шестакова (10 человек) и вновь прибывшие из Охотска на «Св. Гаврииле». Позднее к ним присоединилась и команда разбитого «Восточного Гавриила». Живший в Большерецке в 1737—1738 гг. студент С. П. Крашенинников оставил описание острога, выстроенного на северном берегу Большой реки между впадающими в нее рр. Быстрой и Гольцовкой в 33 верстах от Пенжинского моря. Десятисаженный квадрат крепости с востока и севера был огорожен палисадником, а южную и западную стены образовали строения, в том числе ясачная изба и аманатская «казенка», между которыми стояли амбары для хранения аманатской юколы и ясачной казны. За острогом располагались часовня, ставшая затем Никольской церковью, 30 обывательских домов по островам, кабак с винокурней. В остроге жили 45 служилых и 14 казачьих детей. Район р. Большой изобиловал в летнее время рыбой, но к весне по большей части бывала «великая дороговизна съестных припасов и голод». Местность безлесная; испытывался недостаток соли (Крашенинников, 1949, с. 500—501).

3 октября штурман распорядился немедленно «прибрать» под руководством матросов Л. Сметанина и Л. Петрова все снаряжение и продовольствие, подготовив для транспортирования, и сложить в «удобном» месте, «Св. Гавриил» поставить в гавань и выставить караул. В тот же день он послал промеморию комиссару Большерецкого и Камчатских острогов И. Уваровскому о предоставлении 40 батов с гребцами для перевозки из устья в острог снаряжения и других материалов; заказчик Большерецкой ясачной избы И. Шапошников получил от Генса требование «о даче» участникам экспедиции квартир в остроге². 8 октября штурман отправился в острог, куда служилый А. Мешков привез 10 октября известие об «изломании» судна «Восточный Гавриил», 11 октября Генс приказал Федорову поднять судно из воды «повыше», вблизи построить юрту, куда сложить всякие «припасы», оставить караул, а самому с командой прибыть в острог. Командир утраченного судна получил 17 октября новый ордер о сушке промокшей пеньки. Федоров с командой на р. Утке оказался в тяжелом положении из-за отсутствия продовольствия и бегства 10 проводников. Подштурман перебрался с кошки в ительменский острожек и настоятельно просил «учинить вспоможение», а также выделить ему «покойную фатеру» в остроге. Тревожные доношения растерявшегося Федорова следуют одно за другим: «кормов нет, служилые просятся в острог», «много медведей к судну и припасам

¹ В пространном доношении, поданном 2 июля 1736 г. в Тобольскую губернскую канцелярию, В. И. Казанцев посвятил несколько пунктов (№ 37—42) описанию Большой реки и ее притоков, а также физико-географической характеристике бассейна. К доношению прилагался «чертеж № 2», на котором «глубина в устье в футах цифирем подписана» (ЦГАДА, ф. 248, кн. 7312, л. 39 об.—41).

² ЦГАВМФ СССР, ф. 216, д. 3, л. 51 и об.

приходят», «не знаю, как и попасть к вам в острог» и т. п. В сложной ситуации Федоров не смог справиться с подчиненными. 19 октября он сообщил Генсу о бегстве двух человек (Г. Томилов и Н. Клестов), которые «ушли самовольно», и о том, как А. Назаров «крычал на меня необычно», а П. Колокольников и остальные служилые люди «в работе ослушны и бранят меня матерно в глаза... тебя и меня поносят всячески»¹. 22 октября Генс разрешил выдать караульным по полпуда муки и санкционировал решение Федорова брать каюров (проводников собачьих упряжек) из «тамошних иноземцев», игнорируя противодействие комиссара М. Шехурдина. Последнего штурман обвинил в «противности партии» и в умышленном неотправлении провианта для отряда, предписав И. Уваровскому содержать Шехурдина под «крепким» арестом². 12 ноября подштурман составил именной список своего бывшего экипажа. Из 30 человек налицо оказалось 19 (в том числе матросы П. Таранкин и А. Назаров). Шесть служилых людей остались у разбитого судна и у «припасов» на карауле, А. Буш с двумя казаками несли караульную службу по охране провианта на р. Утке, один человек утонул, И. Зуев отправлен под караулом в Якутск, А. Саламатин перешел на «Св. Гавриил»³. 30 ноября Федоров представил подробный отчет о неудачном плавании через Охотское море⁴.

С первых дней пребывания на Камчатке морской отряд устанавливает непосредственные контакты с местной администрацией. Как известно, Камчатка до 1731 г. в административном отношении находилась в ведении Якутской воеводской канцелярии, с 1732 г. — Охотска, подчиненного Иркутской провинциальной канцелярии. Для сбора ясака на Камчатке высылали приказчика, сменяемого ежегодно, со служилыми людьми. Такими после В. В. Атласова приказчиками, назначаемыми, как правило, из Якутска, реже — из Анадырского острога, а после 1730 г. — из Охотска, были: Т. Кобелев, М. Зиновьев, М. Многогрешный, В. Колесов (1704—1706 гг.), В. Атласов, П. Чириков, О. Миронов, В. Севастьянов (Щепоткой), В. Колесов (1712 г.), И. Енисейский, И. Козыревский, А. Петриловский, К. Вежливцев, Г. Камкин. По установившейся традиции все три камчатских острога находились под управлением приказчика Нижнего Камчатского острога, который сам посылал приказчиков или заказчиков в другие остроги. Однако с 1718 г. из Якутска нередко направлялись приказчики сразу во все остроги, например, И. Уваровский, Н. Поротов и В. Качанов. Во втором десятилетии XVIII в. ясачное обложение возглавляли И. Харитонов, Алексей Шестаков, С. Бобровский, Н. Лосев, Ф. Шелковников, А. Жирков, С. Трифонов, И. Тарабукин, М. Петров, И. Новгородов (1729 г.). Камчатский приказчик М. Шехурдин, выезжая с Камчатки на Ламу в 1731 г., оставил вместо себя заказчиками И. Крикова в Нижнем Камчатском, В. Пашкова в Верхнем Камчатском и К. Олесова в Большерецком остроге (Крашенинников,

¹ ЦГАВМФ СССР, ф. 216, д. 3, л. 38 и об., 155—156; д. 4, л. 72 и об.

² Там же, д. 3, л. 41—42 об., 132; д. 5, л. 45, 55, 81, 84, 85, 198 и об.

³ Там же, д. 5, л. 113.

⁴ Там же, д. 3, л. 128—130.

1949, с. 761). Присылаемый из охотских служилых людей комиссар обычно сам выезжал за сбором ясака, например, на Авачу и по Пенжинскому морю. А из приписанных к трем русским камчатским острогам ительменских и корякских острожков ясачные «староплатежные» аборигены сами приезжали сдавать «мяхкую рухлядь». За «недобором» ясака посылали полевых заказчиков. При каждом ясачном сборщике состоял писарь («пищик»), целовальник, толмач, несколько казаков для охраны. Установился определенный ритуал сбора: комиссар (или приказчик) при всех служилых людях и с «совету их» оценивал пушнину, писарь заносил в «шнуровые книги» и выдавал «отписи», толмач переводил «что надобно». Собранный яsak передавали целовальнику и печатавали печатями комиссара и целовальника.

В Большерецком остроге морская партия экспедиции Павлуцкого осталась зимовать «до летнего пути». Самыми жизненно важными проблемами зимой 1730/31 г. для нее оказались вопросы снабжения продовольствием и подготовка к морскому походу для соединения с Анадырской партией. Сразу же к И. Уваровскому в Верхний Камчатский острог и к И. Шапошникову в Большерецкую ясачную избу буквально посыпались требования о присылке на партию «смолы, жиру и провианта», «рыбы юколы» и т. п.¹ 14 ноября Генс затребовал от камчатских приказчиков передачи в партию всех припасов и провианта, оставшихся от экспедиции Беринга в Большерецке². Гвоздев и Федоров возглавили организацию рыбной ловли и охоты. «Для промыслу зверей» часть отряда получила дополнительно порох и свинец. В заготовке «рыбного корма» приняла участие почти вся команда, так как помимо лова необходимо было изготовить рыболовные снасти, добыть (выварить) соль, подготовить улов к разделке в зависимости от последующих видов обработки — сушения, соленья, копчения, вяления.

Так, к находящемуся на р. Аваче ясачному сборщику И. Чемезову 19 февраля 1731 г. «для варения соли» посылаются служилые люди во главе с И. Усовым и 8 ительменов³. Служилые люди заботились о пропитании и хранении продовольствия для аманатов, содержащихся в остроге. Так называемую кислую рыбу, которую закладывали в ямы, покрытые травой, заготавливали впрок для собак. Сооружали юкольники для размещения вяленой рыбы. Почти вся переписка этого периода очень однообразна и содержит различные запросы штурмана и известия заказчика об их исполнении. Так, в ответ на промемории «о присылке четырех батов с работниками и с семью», «о приготовлении для рыбного промыслу восьми батов с семью и работниками» Шапошников сообщил о «зборе с ясашных иноземцов для рыбной ловли сетей и об отправлении в партию». Особо частыми были требования о присылке подвод или саней с собаками для различных перевозок из гавани в острог и обратно. Например, 28 декабря 1730 г. Большерецкая ясачная изба предоставила

¹ ЦГАВМФ СССР, ф. 216, д. 3, л. 81—82; д. 4, № 247; д. 5, л. 65, 86 и об.

² Там же, д. 5, л. 70 и об., 149.

³ Там же, д. 3, л. 76.

партии для перевозки гренадеров и «артиллерных припасов» 11 подвод, санки с собаками, каюров; 3 февраля 1731 г. «для вывозу с бота ружей ломаных ради починки и ради кузнешные снасти» — проводников, четверо саней с собаками, а также для «вывозу котлов для парения соли» с «Восточного Гавриила» — каюров, 2 подводы и сани с собаками¹.

Военным снаряжением партия снабжала и ясачную избу. По требованию последней 26 ноября 1730 г. Л. Петров выдал по пуду пороха и свинца «для бережи острога» и служилым, посылаемым из Большерецка «в разные реки и остроги для збору в казну е. и. в. ясаку»². Служилые люди были вооружены, как правило, огнестрельным оружием, но пороха и свинца часто не хватало. Нередко они сами покупали порох, стоимость фунта которого на Камчатке достигала 15 лисиц. Понятно поэтому особо бережное и экономное отношение к «огненным припасам», которые строго учитывали и выдавали понемногу и в исключительных случаях. Так, по ордеру Генса Л. Петров 2 января 1731 г. выдал гренадерам и казакам для охоты 10 фунтов фузейного и 3 фунта ручного пороха, 10 марта 1731 г. А. Змиев получил пуд ржаной муки на апрель и май, а также по пять фунтов свинца и пороха в связи с посылкой для сбора ясака на Курильские острова³.

В то же время в апреле 1731 г. по распоряжению В. Шестакова из Нижнего Камчатского острога на байдарках отправился на первые четыре Курильские острова мореход И. Бутин также для сбора «новишного» за 1731 г. ясака. Как сообщил в письме 18 мая 1731 г. А. Шергин, ему Павлуцкий приказал «и впредь збирать... також и вновь приискивать и призывать ласкою и приветом». Собранный ясак и ясачные книги, заверенные подписью В. Шестакова, И. Бутин должен был привезти штурману в Большерецкий острог⁴. Павлуцкий на Камчатке, как в свое время и А. Ф. Шестаков в Якутске, значительно расширял функции партии по непосредственному контролю за ходом и результатами погодного ясачного обложения. Помимо неоспоримого права (по сенатскому указу) сбора ясака на морских островах и ранее неизвестных землях отряды Я. Генса и В. Шестакова параллельно с комиссарами и сборщиками из Охотска с готовностью занялись доходным сбором пушнины и на полуострове, что иногда приводило к столкновениям между двумя группами сборщиков в одном и том же районе (например, между А. Змиевым и М. Новограбленным в «Курильской земле») (Колониальная политика, с. 48).

Жизнь партии в остроге постепенно налаживалась. Гвоздев и Спешнев получили квартиру в доме большерецкого заказчика И. Герасимова. 20 октября 1730 г. Генс принял у казака Ф. Паранчина в камчатских

¹ ЦГАВМФ СССР, ф. 216, д. 3, л. 131; д. 5, л. 88, 95 и об., 97 и об., 173.

² ЦГАДА, ф. 1002, д. 1, л. 4; ЦГАВМФ СССР, ф. 216, д. 3, л. 149 и об.; д. 5, л. 50 и об., 82.

³ ЦГАВМФ СССР, ф. 216, д. 3, л. 49; ЦГАДА, ф. 1002, д. 1, л. 1.

⁴ Там же, л. 56 и об.; д. 5, л. 102—103. В апреле 1732 г. А. Шергин возглавил новый поход на Курилы. В его команде: И. Бутин, К. Полежаев, писарь Е. Босиков и 17 служилых людей (там же, д. 5, л. 76 и об.)

условиях необычайно дефицитную бумагу различных сортов — александрскую, писчую, картузную; денежный комиссар И. Жданов по требованиям штурмана выдавал жалованье служилым людям, направляемым на различные задания¹. С 20 октября Ф. Паранчин с 22 казаками начал подготовку к походу в Нижний Камчатский острог. Отряд посылался «для исправления в партию тамошних нужд и для осмотра оставших от капитана Беринга судовых снастей и для приуготовления листовишной серы на смолу». Генс предложил И. Уваровскому выделить для отряда двух проводников, санки с собаками для зимнего пути, баты с гребцами — для летнего. Перед Паранчиным поставили четкие задачи: к весне каждый человек должен заготовить по два пуда «серы листовишной на смолу»; к 1 июля 1731 г. прибыть со всеми в устье р. Камчатки и явиться на «Гавриил». В особой инструкции Паранчину указывалось: по прибытии в Нижнекамчатск взять под свое командование и казаков во главе с И. Карамзиным, оставленных в остроге И. Шестаковым, и «иметь смотрение, чтоб служилые люди не пьянствовали, також зерню и карты не играли, и между собою никаких сваров не чинили б, и жили б во всяком согласии». 11 января 1731 г. Ф. Паранчин выслал подробный отчет об осмотре материалов и провианта, оставленных в Нижнекамчатске Первой Камчатской экспедицией, а к 10 апреля он сумел заготовить и отправить в Большерецк «листовишную» смолу, необходимую для ремонтных работ на судах². Тем временем под наблюдением И. Спешнева на боте «Св. Гавриил» начались ремонтные работы, а сам подмастерье провел несколько рекогносцировочных походов в поисках «угодных лесов». В начале декабря он и 15 служилых людей направляются в Нижний Камчатский острог для «осмотру тамо к строению судов» и заблаговременной заготовки леса³. Хозяйственные дела партии по-прежнему возглавляли Л. Петров и С. Селиванов, однако последний 8 марта 1731 г. в связи с тяжелой болезнью передал имущество матросу Л. Сметанину⁴. В сложных условиях Я. Генс пытался единолично решать все вопросы и, считая себя полным преемником казачьего головы, затребовал у Петрова «семь пакетов за печатью», адресованных А. Ф. Шестакову⁵. Среди начальствующего состава партии не было единства. Недаром Спешнев от себя и от имени геодезиста говорил Генсу: «Коли б ты, штурман, с нами жил в совете, тот Большерецкий острог не так стоял, как ныне»⁶. Весьма серьезно заболел помощник Генса И. Федоров. С 12 марта 1731 г., докладывая он, «заскорбел тяжко ногою правую, что не токмо ходить, но и с места сам собою встать не могу»⁷.

¹ ЦГАВМФ СССР, ф. 216, д. 3, л. 50, 52, 65; д. 4, л. 56, 105—107.

² Там же, д. 3, л. 100—101 об., 145 и об.; д. 4, л. 79—80.

³ Там же, д. 3, л. 212 и об.; д. 4, л. 21 и об.

⁴ Там же, д. 4, л. 6.

⁵ ЦГАДА, ф. 1002, д. 1, л. 6.

⁶ ЦГАВМФ СССР, ф. 216, д. 5, л. 47 об.

⁷ Там же, д. 3, л. 89.

Нами обнаружен состоящий из 89 пунктов необычный рапорт Павлуцкому, составленный в конце 1730 г. в Большерецком остроге. Благодаря находке этого своеобразного дневника штурмана, скрупулезно отмечавшего все даже самые незначительные события, сохранилось множество ранее неизвестных подробностей. Направленность рапорта-дневника очевидна: в нем день за днем фиксировались различные факты поведения Гвоздева и Спешнева, рисуемого мрачными красками. Генс обвинял геодезиста и подмастерье в пьянстве, подстрекательстве служилых людей своих команд к дракам с матросами, в защите запорожского казака А. Хмелевского, сосланного «за измену» на Камчатку, и т. п. Он просил у Павлуцкого «обороны» от двух друзей, в заключение самым отрицательным образом характеризую каждого: «А подмастерье Спешнев живет праздно, а в строении бота никакого старания не предлагает, а геодезист Гвоздев как из Якуцка до Ламы, так из Ламы до Большерецкого устья по указу ни верстам присмотрения, ни ландкарту не сочинял и доныне ничего не учинил»¹. Как мы увидим далее, обвинения не были верными: в самых сложных критических ситуациях и Гвоздев и Спешнев, пренебрегая опасностью, находились в самой гуще событий, вели себя мужественно и достойно, в то время как сам Генс под разными предлогами уклонялся от выполнения трудных и связанных с известным риском заданий.

Перед Новым годом, 28 декабря 1730 г., солдат Клим Полежаев привез из Анадырска в партию октябрьский ордер-распоряжение Д. И. Павлуцкого. Драгунский капитан предписывал Генсу и Федорову собрать всех матросов и служилых людей и с ними идти вместе с командой И. Шестакова на морском судне к Анадырскому устью «в самой скорости». Указывалось также взять с Камчатки в поход П. Нагибина и остальных мореходов, а также подмастерье Спешнева и геодезиста Гвоздева. Наученный горьким опытом, Павлуцкий подчеркнул необходимость во всем иметь с И. Шестаковым «общее согласие, без всякого между собою препятствия, и врученное вам дело управлять с общего согласия вкупе, а не самовластно всяк собою, чтоб от какого вашего несогласия между вами напрасно чего не произошло» (Экспедиция Беринга, с. 74—75). Не имея длительное время известий о судьбе Камчатской партии, руководитель экспедиции сурово предупреждал своих подчиненных о важности их своевременного прибытия к устью р. Анадыря, для последующего «проведывания морских островов», угрожая «за помешательство» предать виновных военному суду². Павлуцкий приказал также к 1 февраля выслать в Анадырский острог подкрепление. В январе 1731 г. из Большерецкого острога в «анадырский тракт» отправились 3 гренадера и 10 казаков, которые получили с бота «Гавриил» 1 фузею, 60 ядер, 260 пуль, 13 фунтов пороха, 3 фунта фитиля и одну суму с провиантом³.

Долгожданный ордер ускорил подготовку к выступлению партии из

¹ ЦГАВМФ СССР, ф. 216, д. 5, л. 51 об.

² Там же, д. 3, л. 64.

³ Там же, д. 3, л. 22; д. 4, л. 182; д. 5, л. 120 и об., 191—192.

Большереецкого острога. В начале 1731 г. всего в камчатских острогах было 112 участников экспедиции Павлуцкого. Кроме того, 26 человек (команда В. Шестакова) находились на «Фортуне», которая, по мнению Генса, «в анадырский тракт не надежна для казны и людей, ибо иное судно шито прутьем». Тем не менее в апреле из Большереецка для починки выброшенного на кошку вблизи устья р. Камчатки судна «Фортуна», отданного для перевозки собранного ясака в Охотск, был отправлен мореход Н. Треска, который получил за 1730-й и по апрель 1731 г. 4,5 пуда муки¹. В отношении «Св. Гавриила» штурман полагал, что бот для анадырского похода вполне пригоден, только со всеми «материалами и артиллерными и другими всякими припасы и людьми поднятца некоторыми мерами невозможно, ежели не построить другой бот». Но новое морское судно в Большереецке соорудить не удалось. Сообщая о том, что по распоряжению Павлуцкого «на Камчатке ботового строения не будет», Генс предложил уехавшему в Нижнекамчатск Спешневу передать свою команду (15 человек) Ф. Паранчину, посланному для приготовления смолы и заготовки «рыбных кормовых припасов»². Между тем положение с продовольствием в остроге и в заготовке его для морского похода оставалось чрезвычайно напряженным. 20 января 1731 г., требуя от И. Шапошникова сухой рыбы — 2000 юколы, Генс писал, что жители Большереецкого острога служилым людям партии «в корму отказывают». «А ныне,— продолжал штурман,— провианту имеется не весьма довольно, которой надлежит быть содержан в морской тракт, а рыбных кормов в партии не имеется». Малоутешительным оказался ответ — юколы нет и «взять не знаем где». В конце концов в феврале из неприкосновенных запасов, принятых в 1730 г. у И. Шестакова и хранившихся в гавани на боте, Л. Сметанин привез для раздачи соль, крупу и муку. 10 марта «на дачу в кормовое жалованье» было выдано 78 пудов 30 фунтов ржаной муки. Отчитываясь о расходе продовольствия, Сметанин доложил, что к 22 марта в остатке муки всего 2 пуда 26 фунтов, а на апрель «у меня муки не имеетца»³.

Свое очередное требование 26 апреля к заказчику ясачной избы о предоставлении 8 ботов, 9 работников-ительменов и сетей Генс торжественно заключает: «Уже приспело вешнее время, и посланная партия приуготовляетца в надлежащий тракт»⁴. Однако, несмотря на все усилия, к июню удалось засолить всего лишь одну бочку рыбы. К Ф. Паранчину и Л. Полякову 12 июня высылаются ордера, предписывающие срочно расширить район поисков рыбы и организовать с этой целью походы служилых людей к Верхнему Камчатскому острогу и в устье р. Камчатки⁵. С середины мая в гавани проводились под руководством Л. Сметанина и Л. Петрова ремонтные работы. 8 июня «Св. Гавриил», как сообщили матросы, был приведен в полную готов-

¹ ЦГАВМФ СССР, ф. 216, д. 4, л. 19; д. 5, л. 58 и об., 114 и об. 188.

² Там же, д. 5, л. 51 и об., 91.

³ Там же, л. 57 и об., 112, 183; д. 4, л. 71.

⁴ Там же, д. 5, л. 88.

⁵ Там же, л. 68 и об.

ность — «бот выконопатели, из гавани вывели и поставили на место, балясом (балластом.— Л. Г.) нагрузили и оснастили»¹.

23 июня 1731 г. «Св. Гавриил» вышел из Большерецкого устья, обогнул южный камчатский мыс Лопатку и 9 июля достиг устья р. Камчатки. Намечалось, пополнив запасы провизии, не задерживаясь, плыть к Анадырскому устью, откуда часть команды отправить в острог, и идти к Большой земле. Через три дня заказчик ясачной избы Нижнего Камчатского острога И. Криков получил требование срочно предоставить для партии 2000 юколы, 1000 свежей красной рыбы или кеты и пятерых толмачей. Однако ответное известие 13 июля было мало утешительным: в государственной казне «никаких рыбных припасов и кормов не имеется», а, по сообщениям местных жителей, из моря в устье и по р. Камчатке и другим речкам в 1731 г. «рыбе недоход, и упромыслить не могли, и питаютца де оные служилые люди и иноземцы с великою нуждою малинкою рыбокою»; в связи с «рыбною кормовою скудостью и за беспромысловицею в посланную партию послать нечего». Криков обещал передать лишь оставшуюся в остроге от экспедиции Беринга ржаную муку (Экспедиция Беринга, с. 75—76).

В автобиографических показаниях 1738 г. М. С. Гвоздев вспоминал, как они «ходили на боте «Гавриил» морем до Камчацкого устья и были в том устье 11 дней». Действительно, к 20 июля предполагалось завершить все приготовления к походу. Участники в те дни «промышляли кормовые рыбные припасы, чем бы... пропитатца на море до показанного тракту», и занимались «починкою шверцов» на боте (Колониальная политика, с. 57). Ремонтные работы проводились под руководством И. Спешнева².

Как и было намечено, 20 июля 1731 г. вся партия погрузилась на судно и «Св. Гавриил» вышел в море. Однако вблизи самого устья Камчатки бот встал на якорь из-за внезапно поднявшегося встречного ветра. Эта случайная вынужденная остановка сыграла важную роль в разрывании дальнейших событий на Камчатке и в деятельности морского отряда экспедиции. В тот же день 20 июля разразилось крупное восстание ительменов под предводительством еловского тойона Федора Харчина. Имя камчадала-патриота теперь увековечено на карте Камчатки. О нем напоминают и населенный пункт Харчино по р. Еловке, перенесенный в начале XIX в. с прежнего Харчинского острожка, и озеро Харчино, и Харчинский вулкан между поселком Ключи Усть-Камчатского района и р. Крестовой (Воскобойников, 1962, с. 45).

Прогрессивное в целом присоединение Восточной Сибири к России и вхождение народностей Северо-Востока в состав русского феодального государства не всегда происходило безболезненно. На его далеких окраинах — на Охотском побережье Тихого океана и Камчатке налоговый гнет, произвол и безнаказанность сибирской администрации, грубые методы эксплуатации принимали подчас жестокие и уродливые формы.

¹ ЦГАВМФ СССР, ф. 216, д. 5, л. 190.

² Там же, л. 90.

Новые государственные подданные — «ясашные иноземцы» оказались в русле колонизации, которая сопровождалась рядом негативных явлений, таких как неумеренное требование ясака, произвол и жестокость ясачных сборщиков, злоупотребления царских чиновников и казачьей верхушки, поборы служилых людей, унижительная система аманатов, насилия, гужевая повинность (подводы, лодки, собаки, олени, нарты, сани), привлечение аборигенов к участию в военных походах служилых людей и казаков, обман при обменных и торговых операциях. Тяжелое ясачное бремя при общей неупорядоченности ясачного обложения вызывало сопротивление коренных жителей. Протесты их выражались в подаче челобитных с жалобами на разорение, притеснения и незаконные поборы, в бегстве от объясачивания, откочевке, миграции в труднодоступные районы.

Организованное народное движение ительменов в начале 30-х гг. XVIII в. подробно описано в литературе (Сгибнев, 18696, с. 122; Колониальная политика, с. 47—81; Вилков, 1968, с. 30—33). По его горячим следам С. П. Крашенинников первым опубликовал исторический очерк «О измене камчадалов, о сожжении Нижнего Камчатского острога, о покорении их и о бывшем по тому делу следствии и розыске» (Крашенинников, 1949, с. 487—500, 761—767). Он встречался с братом руководителя восстания Степаном Харчиным, и примечательно, с какой доброжелательностью и симпатией отнесся молодой русский ученый к аборигенам Камчатки, яркими красками рисуя их тяжелое положение. С огромным вниманием изучал «Описание земли Камчатки» и делал заметки при чтении этой своеобразной энциклопедии А. С. Пушкин. Среди подробных записей о восстании выделяется поразившая воображение великого поэта фраза о ловкости вожака «бунта камчатского», который бегал так быстро, что «мог достигать оленей» (Пушкин, 1949, с. 502).

Как оказалось, планы руководителей восстания тесно связывались с отъездом на Охотск участников Первой Камчатской экспедиции Беринга и уходом «Св. Гавриила» из Нижнего Камчатского острога к Анадырю. Таким образом, в русских острогах на Камчатке оставались оторванные друг от друга небольшие группы служилых людей и казаков. С получением сигнала об отплытии судна в море еловские, ключевские, каменные и крестовские ительмены устремились на батах вверх по Камчатке; выступив из острожка Ключи, главного очага восстания, восставшие вечером 20 июля подошли к Нижнему Камчатскому острогу и хитроумно выманили казаков из укрепления. Ночью был подожжен двор иеромонаха Иосифа, стоявший вне острога, и, когда встревоженные казаки бросились к месту пожара, ительмены ворвались в острог и заняли его. Чудом спасшиеся казаки А. Сорокоумов, А. Попов и С. Красавцев приплыли на лодках из острога на коргу (взморье) и «объявили скаскою» заказчику И. Крикову о захвате острога. Тотчас же Криков затребовал у случайно задержавшейся морской партии «вспоможения»¹. Для подавления восстания с «Гавриила» 21 июля направилось 52 чело-

¹ ЦГАВМФ СССР, ф. 216, д. 3, л. 90 и об.; д. 4, л. 231.

века во главе с казаком Ф. Пановым. Однако И. Спешнев добровольно вызвался идти с отрядом в качестве полевого командира. Вместе с ним отправился и М. Гвоздев. Предусмотрительный Генс на всякий случай взял расписку — на копии инструкции Панову есть помета: «...такову инструкцию подмастерье Иван Спешнев принял и расписался, а пожелал я идти с оными служилыми людьми своевольно» (своей охотой.— Л. Г.)¹. К отряду Спешнева — Гвоздева присоединилась группа служилых — жителей острога (26 человек во главе с Г. Чудиновым) и И. Криков. 22 июля Спешнев запросил у Генса три пушки, две мортиры, ядра, порох, свинец и поддержку людьми, «сколько возможно». С А. Змиевым немедленно было прислано пополнение (25 человек) и снаряжение. Всего в подавлении восстания вначале участвовало 104 человека.

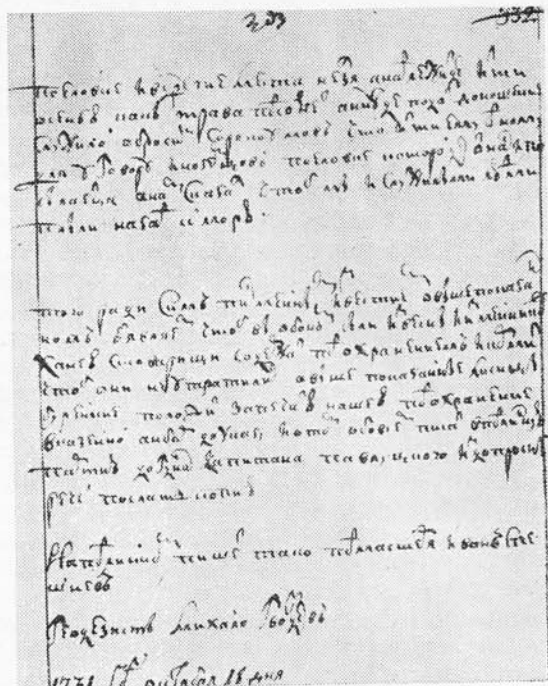
Ход восстания подробно освещен в опубликованных доношениях, письмах, «известиях» И. Спешнева (22 и 26 июля), полевого заказчика Г. Чудинова (31 июля), А. Змиева (24 и 30 августа) и в сводном отчете Я. Генса Д. И. Павлуцкому (11 ноября). Значительный интерес вызывают сведения об осаде и взятии Нижнего Камчатского острога, приведенные в неизвестном ранее «письменном сообщении» 18 октября 1731 г. И. Спешнева и М. С. Гвоздева².

Ночью 24 июля баты отряда пристали к берегу, не доходя за 5 верст до острога. С этого места 30 человек пошли «сухим путем», а остальные продолжали плыть по р. Камчатке. Восставшие, увидя служилых людей, «взошли наверх на ясашную избу и на башню». И мы,— писали Спешнев и Гвоздев,— «видя оное, велели бить в барабан и, зашед выше острогу, погребли к берегу, а оные изменники на ясачной избе и в остроге закричали все в один голос необычно и кричали так три разу». Высадившись, отряд подошел к острогу, вокруг которого все «казацки двory выжжены, токмо оставлено близ острога двор е. и. в. и два двора казачьи», и, соединившись со служилыми людьми, завершил окружение укрепления. Двое суток осажденных «угovarивали ласкою и приветом и всяким разговором», пытаясь мирным путем разрешить требования восставших. После перестрелки (у ительменов в крепости помимо луков оказалось захваченное огнестрельное оружие — фузея и 20 винтовок, а также 6 бочек пушечного и 1 бочка мелкого пороха) Ф. Харчин, хорошо говоривший по-русски, и И. Спешнев начали переговоры, которые не увенчались успехом. Харчин указывает на такие причины восстания: «разоряют нас комиссары без остатку, посылают к нам служилых людей за ясачными зборами и берут с нас великие взятки и обирают у нас кормы и все, что у нас есть, и берут жен и детей наших к себе в холопы, а ныне по другой год с нас брали по два ясака... И от того мы оное все учинили, не стерпя от них таких к нам несносных обид. Лучше нам всем здесь пропасть»³. Харчин отверг добровольную сдачу и «токмо на то из острогу кричал, что какие им обиды делали и разорения комиссары

¹ ЦГАВМФ СССР, ф. 216, д. 5, л. 77 и об.

² ЦГАДА, ф. 248, кн. 666, л. 298—303.

³ Там же, л. 299 об.— 300.

Известие И. Спешнева и
М. С. Гвоздева 18 октября 1731 г.
штурману Я. Я. Генсу о ходе вос-
стания ительменов. Копия.

ЦГАДА, ф. 248, кн. 666, л. 303.

и служилые люди и бранили здешних жителей и порицали их всячески... а нам многие поносительные слова говорили». Так как восставшие «на разговор не дались», с прибытием отряда А. Змиева 26 июля развернулась осада острога. «Начали палить из пушек, из мелкова ружья — общали Гвоздев и Спешнев — и пошли на острог от церкви на приступ прямо, и начали рубить и ломать полисад», пристроенный к старому острогу вокруг ясачной избы. Харчин с небольшой группой сподвижников сумел выскочить через ворота противоположной стены и убежать. Оставшиеся ительмены засели в ясачной избе и казенных амбарах, оказывая ожесточенное сопротивление. Наконец они подожгли избу и амбар и хранившуюся «наличную казну, коробьи и ящики, книги и указы и всякие дела и все, что имелось». Во время пожара многие восставшие погибли. К вечеру, или, как образно писал Гвоздев, «по отдаче денных часов», баталия закончилась.

27 июля М. Гвоздев сумел предотвратить казачий самосуд. Геодезист при этом проявил разумную настойчивость, гуманность, решительность и твердость. Он отобрал у И. Крикова и служилых людей захваченных ительменов, привел их в свой отряд и поставил «свой караул». Этот небольшой эпизод указывает на то, что Гвоздев пользовался несомненным авторитетом у казаков и служилых людей. Посланные Спешневым ранее с той же целью солдаты А. Змиев и К. Полежаев, матрос А. Назаров ничего не смогли добиться. В тот же день Спешнев и Гвоздев провели первые допросы. В остроге они жили с командой до 31 июля, а потом вернулись к морю, к месту стоянки судна.

Когда все участники экспедиции собрались на борту «Св. Гавриила», начались приготовления к плаванию, прерванному восстанием. Однако 4 августа «обыватели» Нижнего Камчатского острога И. Криков со служилыми людьми прислали новое доношение, сообщавшее об отсутствии у них каких-либо сведений о судьбе острогов и служилых людей Верхне-Камчатска и Большерецка, а также о новых очагах восстания. Жители острога настоятельно просили «анадырский путь отставить» для оказания «споможения» в «умирении» восставших, «для взятия с них аманатов», в строительстве острога, «дабы ясашная казна впредь не утерялась и камчадалские остроги не запустели». Служилые люди признавали, что «за их малолюдством» без партии на Камчатке им «пробыть не можно». Принимая во внимание все убедительные доводы, команда «Св. Гавриила» в устье Камчатки «возымела» пристань, поставила судно «в пристойном месте» и выставила крепкий караул. На острове вблизи места стоянки бота построили часовню, ясачную избу, казенный амбар. Отсюда, от пристани, выходили в походы отряды. Так, 17 августа 1731 г. «для сыску бунтовщиков» и «проведывания» Верхнего Камчатского и Большерецкого острогов отправился А. Змиев с командой бота «Гавриил» вверх по р. Камчатке и по Капиче, Еловке, Козыревской и другим «присутствующим» рекам. Уже 24 августа он доносил, что «ежели кто похочет из жителей на Шанталское озеро и на Аратугу ради промыслу рыбных кормов и для ягод, то б шли без опасения». В конце августа после упорных боев на р. Еловке был схвачен Ф. Харчин.

Но восстание разрасталось. К нему присоединились авачинские, бобровские и большерецкие ительмены, «курильские мужики» (на юге полуострова). С поимкой Харчина и гибелью его соратников Голгоча, Тигиля и других восстание не было подавлено. Продолжалось оно около двух лет.

Как непосредственный участник и свидетель грозных событий 1731 г., М. Гвоздев точно запомнил дату начала народного движения ительменов — «и в то время камчадалы иноземцы июля 20 числа изменили, острог сожгли и людей русских побили». А о себе геодезист только заметил, что со штурманом, подштурманом и служилыми людьми они «жили при том Камчатском устье в юртах для примирения достальных иноземцов» по 1733 г. О том же, докладывая о восстании, но более многословно писал 11 ноября 1731 г. Павлуцкому Генс: «Живем на Камчатке у пристани морского судна и содержим партией... ясачных иноземцов, которых партией походами умирили и взяли с них аманатов и из оных аманатов хотим собирать ясак»¹. Гвоздев ничего не сказал о тяжелейшем для партии периоде, когда стала на Камчатке «кормами всеконечная скудость, купить вязки юколы ни на 5 рублей негде, и служилые голодуют, а провиант уже весь в расходе». Об этом же времени писал и Генс в рапорте 11 ноября 1731 г.: «Живем мы, где возымели пристань, кормовых рыбных припасов у себя не имеем... и рыба из моря не идет. И с нынешней поры почти голодуют». Тяжелые лишения и голод, несомненно, по-

¹ ЦГАВМФ СССР, ф. 216, д. 3, л. 166.

влияти на состояние дисциплины. Так, исполнявший должность сержанта Илья Скурихин 3 января 1732 г. отдал капралам приказание осмотреть удобное место для «строения батарей». Однако капрал П. Колокольников «ему отказал: мы де голодны, пусть де нас накормит, тогда де мы и пойдем»¹. В коллективных доношениях служилых людей о выдаче денежного (за 1731 г.) и хлебного (на 1732 г.) жалования, которые подписали 78 человек, указывалось, что «принимаем от гладу немалую скудость и многие из нас питаются христовым именем и пребывают гладны»². Тем не менее от пристани в 1731—1732 гг. регулярно выступали отряды для усмирения восставших и сбора ясака: на р. Тигиль (командир Л. Петров), на р. Озерную, а затем на р. Харюзову, Уку и до Пенжинского моря (А. Змиев), на Авачу (Л. Поляков). В марте 1732 г. Генс доложил и о своем желании идти на Авачу и Курилы на «Гаврииле» для «умирения» коренного населения. Хотя это малоосуществимое намерение не могло исполниться, тут же штурман не преминул пожаловаться на М. Гвоздева, который своих подчиненных «в поход кумандровать не дает».

Хозяйственный уклад русских служилых людей на Камчатке значительно отличался от ительменского. И те и другие «промышляли корм трудом своим», питались преимущественно рыбой и кореньями, занимались собирательством, охотой, рыболовством, запасали летом рыбу на зиму, собирали ягоды, коренья, травы. Сбор трав особенно усилился со времен приказчика И. Енисейского (1713 г.), когда казаки Д. Черной и А. Малахов, которым, как остроумно подметил С. П. Крашенинников, «всякая нужда, кроме безвинницы, сносна», извели, что из сладкой травы «вино родится». Служилые люди перенимали хозяйственный опыт и навыки коренного населения (например, устройство земляных юрт, вязание сетей из крапивы и т. п.). В свою очередь русское население оказывало глубокое влияние на изменения в жизни, хозяйстве и быте камчатских народностей (насаждение христианской религии, использование железных орудий и предметов труда и т. д.).

Все те же обязанности и заботы, что и в Большерецком, возлагались на участников экспедиции в Нижнем Камчатском остроге. В первую очередь осуществлялись посылки служилых людей на выполнение разнообразных заданий. Так, в конце февраля 1732 г. по просьбе управителя М. Борисова 45 человек отправились по речке Шунбе к устью р. Харюзовой на помощь к сборщику Л. Черных и для «охранения» судна «Фортуна», которое в сентябре 1731 г. выкинуло на берег вблизи р. Оглукомина³. На судне прибыл на Камчатку новый комиссар камчатских острогов И. Эверстов, ответственный за русских и «иноземных» жителей полуострова и за сбор ясака. Ознакомившись с делами, Эверстов 28 декабря направил Генсу резкое «ведение», осуждавшее действия штурмана и его подчиненных. Комиссар, опираясь на полученные инст-

¹ ЦГАВМФ СССР, ф. 216, д. 5, л. 143.

² Там же, д. 4, л. 184—185, 197—198.

³ Там же, д. 4, л. 90—91; д. 5, л. 234—235.

рукции и указы, подтвердил ограничения для партии: не вмешиваться в судные и ясачные дела, «за своими бездельными коростями» не посылать за ясачным сбором¹.

В ясачной избе у пристани принимался и хранился собранный сборщиками партии ясак. Там же содержались аманаты и под караулом Ф. Харчин. Здесь проводилось расследование жалоб коренного населения в случае произвола при ясачном обложении. Но самой необходимой повседневной обязанностью служилых людей являлись поиски и добывание средств существования. Эта неустанная забота касалась не только рядовых участников, но и командиров всех рангов. Например, в конце апреля 1732 г. казак Петр Верхотур из 4 пудов пеньки выдал для изготовления сетей штурману Генсу 20, подштурману Федорову 16, матросам Петрову 10, Сметанину и Ключеву 16 фунтов².

С прибытием на Камчатку в 1731 г. специалиста по разведке полезных ископаемых голландца С. Гардеболя начались поиски металлических руд и драгоценных камней. Часто ошибочно указывается, что в составе выехавшей в 1727 г. из Петербурга в Тобольск партии А. Ф. Шестакова был и специалист по разведке и поискам руд. На самом же деле, находясь все время в роли настигающего, рудоискатель присоединился к экспедиции лишь через несколько лет на Камчатке. Сенатский приговор 3 мая 1727 г., отмечая, что «в Сибири во многих местах сыскана медная руда и заводы распространяютца, а серебряные одни в Нерчинске заводы, также сыскиваютца разных видов камня, между которыми есть яшма и яхонтовая корка», предусматривал послать с партией Шестакова рудознатца и пробовальщика из Санкт-Петербурга или с сибирских заводов. Вскоре Берг-коллегия доложила Сенату о том, что, хотя указ уже послан о назначении в экспедицию горных специалистов из сибирского обер-берг-амта, в коллегия обратилась пробирный мастер голландец Симон (Семен) Гардеболь с просьбой принять его на службу. Он изъявлял желание ехать на Камчатку, где обещал «показать е. и. в. свою услугу в прииске металлов»³. В «Записке» 1733 г. И. К. Кирилов, касаясь отправления на Камчатку Шестакова «купно» с Павлуцким, заметил, что с ними же послан «иноземец» Гардеболь, «отчасти знающий в пробах руд». Сенатский обер-секретарь, активно помогавший экспедиции, не скрывал, что именно он уговорил мастера поехать «в такую дальность» и даже «сыном назвал» (Андреев, 1943а, с. 35). По правдоподобному предположению историка Н. Ф. Демидовой, И. К. Кирилов стал крестным отцом рудознатца. Гардеболь позднее вспоминал, как А. Ф. Шестаков в Петербурге «письменно требовал» пробирного мастера «для того, что острова, которые имеютца в море между Камчатки и Афонского государства, а иные против реки Амурского устья, и на оных островах подземельные сокровища, по скаске афонцов, кото-

¹ ЦГАВМФ СССР, ф. 216, д. 5, л. 1.

² Там же, д. 3, л. 23, 55 и об.; д. 4, л. 127—128; д. 5, л. 104—107, 159 и об., 193 и об.

³ ЦГАДА, ф. 248, кн. 690, л. 313.

рые напреж сего на Камчатке з бусом погодою прибило, показано»¹. Коллегия поддержала ходатайство Гардеболя, согласилась с высоким размером оклада (400 руб. в год) и обязательством мастера покупать из своего жалованья все необходимое для проезда из Якутска, но предложила ему «смотреть не тоию металлов, но и знатных минералов, какне здесь в дорогой цене покупаютца», и обучать русских учеников. Указом 22 декабря 1727 г. предписывалось принять Гардеболя на службу в ранге пробирного мастера, заключить с ним контракт и отправить с инструментами и учениками в партию². Библиотекарь Академии наук И. Д. Шумахер по просьбе И. К. Кирилова подобрал для пробирного мастера несколько листов карт «о земле, называемой Ессо, или Камчатка» (Свенске, 1866, с. 76). В соответствии с контрактом после получения жалованья, необходимых инструментов и материалов С. Гардеболь 8 октября 1728 г. отправился из Москвы на ямских подводах до Тобольска³.

Не имея сведений о рудознатце, И. К. Кирилов, постоянно следивший за деятельностью экспедиции Шестакова — Павлуцкого и особенно внимательно за судьбой своего «сына», 21 января 1729 г. подготовил указ о присылке известий из Сибири о Гардеболе, чтобы тот «без действия не был». 12 мая обер-секретарь получил подробную информацию, изложенную в рапорте 13 марта сибирского вице-губернатора, который донес, что Гардеболь прибыл в Тобольск 10 марта и будет послан далее немедленно «вешним путем». И. Болтин объяснил, что отправить рудознатца со всем имуществом через Барабинскую степь невозможно, потому что на санях ему до Томска уже не доехать. 10 июня Кирилов распорядился послать в Енисейск и Якутск указы о немедленном после прибытия отправлении в партию берг-офицера Гардеболя «с надлежащим конвоем», чтобы он смог «надлежащее исполнение и смотрение иметь и втуне б на него издержаной кошт не пропал»⁴. Наконец 2 июля Кирилов ознакомился с первым доношением самого Гардеболя в Сенат. Пробирный мастер сообщил о своем приезде в Тобольск и невозможности догнать партию, которая еще зимним путем «поднялась» к Камчатке. Поскольку контрактом не предусматривалась и не оговаривалась ситуация, когда Гардеболь окажется вне партии и ему одному нужно будет «состигать и сыскивать», он настоятельно просил разрешения провозить материалы и инструменты за казенный счет, а также выделить провожатых для охраны и выдать инструкцию о дальнейших действиях по приезде в Якутск. По мнению рудознатца, летним путем он преодолет расстояние до Камчатки за 8 месяцев⁵.

Несколько последующих доношений С. Гардеболя — 7 апреля 1731 г., 29 ноября 1737 г. и 15 июня 1738 г. — подробно описывают⁶ житейские

¹ ЦГАДА, ф. 248, кн. 664, л. 88.

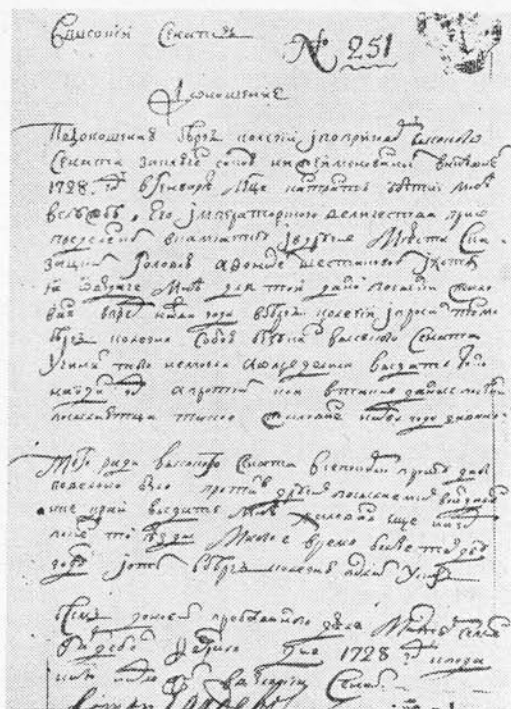
² Там же, кн. 690, л. 313—314.

³ Там же, кн. 773, л. 151; Свенске, 1866, с. 78.

⁴ Там же, кн. 690, л. 325—328.

⁵ Там же, кн. 773, л. 150 и об.

⁶ Там же, кн. 664, л. 88—89; кн. 180, л. 72—75 об., 205—207.

Доношение пробирного мастера Симона Гардеболя 9 февраля 1728 г. в Сенат о выдаче жалованья.

ЦГАДА, ф. 248, кн. 690, л. 315.

невзгоды, превратности судьбы пробирного мастера на Дальнем Востоке (Стрелов, 1916, с. 106—109, 115—116). В Якутск он прибыл в 1730 г., но экспедиции там уже не застал. Получив из Якутской канцелярии жалование по 1733 г., немедленно выехал в Охотск, но и здесь сумел только «уведомиться», что Шестаков убит, часть его команды отправилась на Камчатку, а большинство — в Анадырский острог к капитану Павлуцкому. Перезимовав и дождавшись судна на Камчатку, Гардеболь из Охотска перебрался в октябре 1731 г. через Ламское море в Большерецкий острог, имея при себе казенные «припасы» и двух казаков «для обережи». Мастер предупредил Павлуцкого, что с таким «малолюдством» он не сможет проехать в Анадырск и вынужден до распоряжений начальника партии жить в камчатских острогах. Изменение дислокации партии, прекращение походов на острова вызвали у Гардеболя особое беспокойство за невыполнение им служебных поручений. Боясь, что «намеренное сокровище втуне останется», он выдвинул предложение прислать к нему на Камчатку сенатский указ, разрешающий взять морское судно, штурмана и подштурмана, матросов, «угодных» служилых людей, «припасы» и, «не упущая время, ко оным островам путь свой воспринять». Смелый проект похода к морским островам не воплотился из-за того, что на Камчатке вскоре разразились грозные события. Незадачливый пробирный мастер и в Большерецке застал небольшую группу служилых людей: незадолго до его приезда основные силы партии были

направлены в Нижнекамчатск. «А между тем учинилось на Камчатке... смятение,— писал Гардебольт,— ибо большая часть камчатцкого народа жасашные иноземцы изменили за разорение им и взятку с них ст прикащиков». Гардебольт не утаил, что во время восстания он вынужден был жить в Большерецком остроге «в великом страхе», поскольку русских там насчитывалось только около двадцати человек. Но и в это «самое смутное время» и после него Гардебольт стремился выполнить обязанности по контракту. Правда, к «приобретению государственной пользы» на Камчатке он «ничего лутчаго не обрел, кроме только огненных гор и теплых ключей, тако ж и небогатой медной руды»¹. И находился он на Камчатке все эти годы «безотлучно», а на его рапорты и высылаемые «рудные пробы» никаких указов из Берг-коллегии не поступало, так же как из Якутской канцелярии ни «отповеди» на доношения, ни жалованья за пять лет (с 1733 г.) Гардебольт не получал, «от чего пришел во всеконечную скудость, что и пропитания не имеет и скитаецца по людям»². К бедственному положению Гардеболта сочувственно отнесся В. Беринг. По требованию руководителя Второй Камчатской экспедиции пробирный мастер в 1736 г. явился в Охотск. Оказалось, что специальным указом еще 28 декабря 1732 г. надлежало «присовокупить» Гардеболта к профессору астрономии академического отряда Камчатской экспедиции. Доведенный до отчаяния мастер 29 ноября 1737 г. обратился к прибывшему в Охотск Берингу с просьбой, «ежели велено ему быть при экспедиции, то б выдать ему заслуженное жалованье, а буде не надобен, то отправить его в Сенат или куда надлежит»³. В рапорте Сенату 17 января 1738 г. капитан-командор изложил содержание доношения Гардеболта и сообщил, что горный специалист взят им в экспедицию и летом 1738 г. будет отправлен в морской вояж под командой капитана Шпанберга. И финансовые затруднения разрешил Беринг, который, видя «крайнюю нужду» мастера, «по общему с офицерами определению», распорядился выдать до «настоящей дачи» в зачет 400 руб.

Через полгода в очередном доношении Сенату 15 июня 1738 г. новый участник Второй Камчатской экспедиции еще раз подробно описал свои злоключения. Не имея распоряжений от Берг-коллегии и от непосредственного руководителя — Павлуцкого, забытый, без средств к существованию, С. Гардебольт считал бесполезным все свое пребывание на Камчатке, жил в ожидании указа, «куда мне повелено будет ехать». Вместе с берггауером А. Калугиным пробирный мастер «для того на Камчатке и жил, что указу о возврате своем не получил, а собою без указов ехать не смел». Полученное жалованье (ссуда и одинарный оклад за 1738 г.) он сразу же издержал. «Немалые долги» остались неоплаченными, и Гардебольт решился требовать назначения, так же как и всем участникам камчатских экспедиций, не одинарного, а двойного оклада и выплаты жалованья за 1733—1736 гг.⁴

¹ ЦГАДА, ф. 248, кн. 180, л. 205 об.

² Там же, л. 72.

³ Там же, л. 74 об.

⁴ Там же, л. 206 об.

Глава 4

ПЕРВООТКРЫВАТЕЛИ АЛЯСКИ СО СТОРОНЫ ТИХОГО ОКЕАНА

КОМАНДИР КАМЧАТСКОЙ ПАРТИИ ГЕОДЕЗИСТ
М. С. ГВОЗДЕВ — ГЛАВА МОРСКОГО ПОХОДА

Камчатское восстание и падение ясачного сбора вызвали серьезное беспокойство царской администрации. И центральная, и сибирские власти были вынуждены принять неотложные меры. Но в высшие правительственные органы первые известия о восстании на Камчатке поступили почти что через полтора года после начала событий¹. Только 21 мая 1733 г. вышел именной указ Анны Ивановны «О нечинении обид и притеснений ясачным людям, живущим в Якутском ведомстве и на Камчатке» (ПСЗ, т. IX, № 6407).

А пока вести с Камчатки медленно продвигались на запад, наступила весна 1732 г. Перед весенним походом из Анадырского острога к р. Гижиге Д. И. Павлуцкий 11 февраля направил всему начальствующему составу партии на Камчатке новые распоряжения, определившие программу и дальнейшее направление работ экспедиции. Ссылаясь на этот ордер капитана, М. С. Гвоздев писал в одном из своих рапортов, что «велено нам обще со штурманом и подштурманом итти на боте «Гавриле» кругом Камчатцкого носу к Анадырскому устью и против Анадырского носу, которая называется Большая земля, проведать острова, коликое число оных, и на тех островах люди какие имеютца ль

¹ ЦГАДА, ф. 248, кн. 164, л. 777 об.—783; кн. 666, л. 292—317 об., 439—440 об.; кн. 777, л. 782 и об.; ф. 24, кн. 14, ч. I, л. 382—384; ЦГАВМФ СССР, ф. 216, д. 3, л. 5, 157—161.

осмотреть, и вновь приискивать, и ясак брать с таких, с которых ясаку в зборе не бывало. И в том мне иметь крепкое старание, а интересу е. и. в. пополнение» (Соколов, 1851а, с. 90). В истории выдающегося плавания М. С. Гвоздева и экипажа бота «Св. Гавриил» из-за отсутствия достоверных источников в историко-географической литературе существует множество нерешенных общих и частных вопросов. До сих пор, например, не прекращаются научные споры относительно того, кто был истинным руководителем морского похода, а также о действительной роли штурмана и подштурмана и т. п. Любые детали, касающиеся организации, подготовки и самого плавания — первого в мировой истории морского похода европейцев к берегам Нового Света со стороны Тихого океана, постоянно привлекают исследователей. Ранее неизвестные, найденные недавно документы позволяют сделать новые выводы, важные, на наш взгляд, для завершения научной полемики. Совершенно иначе, чем представлялось до сих пор, рисуются отношения между главными героями морского плавания 1732 г., совсем по-иному проявляются черты характеров и образы первооткрывателей. В этой связи особый интерес представляют неисследованные материалы, составленные перед плаванием к берегам Америки, и среди них в первую очередь переписка И. Федорова с Я. Генсом, штурмана с М. С. Гвоздевым, распоряжения Д. И. Павлуцкого.

20 июля 1731 г., за несколько часов до несостоявшегося отплытия «Св. Гавриила» к устью Анадыря, И. Федоров сообщил Я. Генсу о том, что в течение четырех месяцев он совершенно не владеет правой ногой, а «в морском тракте в такой скорби от морского воздуха весьма трудно, и действовать ничего не могу». Подштурман просил не отправлять его в анадырский поход, оставить в Нижнекамчатске, уведомив ясачную избу острога о необходимости предоставить ему квартиру, а «мою скорбь обще освидетельствовать» И. Спешневу, М. Гвоздеву и мореходам. Кроме того, Федоров потребовал оставить ему 10 пудов ржаной муки, «понеже я имеюсь в убожестве и не принять бы мне в такой скорби гладу»¹. В связи с восстанием ительменов плавание не состоялось, и 8 августа Генс получил от тяжелобольного новое «ведение», в котором подштурман высказал свои обиды и подозрения. Он заявил, что причина «отставки» анадырского морского похода ему совершенно непонятна. Негодуя, Федоров упрекал Генса: «меня к себе в согласие не пускаешь» и «делаешь всякие дела мимо меня» с солдатом А. Змиевым и другими. Штурманское «ответствие» 11 августа было справедливым, и Генс правильно отчитал своего помощника: «Ныне ты вступаешь и позываешься на дело и скорби в себе не признаешь, знатно, что производишь ссоры. А кажешь вид, в какой силе здесь остановка, якобы ты не известен, — сие весьма удивительно. Ежели оставить е. и. в. содержащую Всероссийской империи землю, отойти и дать в неприятельские руки в порабощение, то причтемся к чему, ты и сам известен»². Но Федоров упрямо

¹ ЦГАВМФ СССР, ф. 216, д. 3, л. 89.

² Там же, д. 5, л. 150 и об.

стоял на своем. Очередное письмо 29 сентября опять содержит необоснованные упреки: «...и возымел ты с ботом «Гаврилой» зимовать здесь на реке Камчатке, а в показанной тракт в Анадырской острог к капитану Павлуцкому итти не соблаговолил». Подступали холода, и подштурман оказался в чрезвычайно бедственном положении. Все квартиры в остроге были заняты. Покинутый всеми, одинокий, без продовольствия и каких-либо запасов на зиму, он жил в каюте на судне, по-прежнему не владея правой ногой. Нельзя без чувства жалости читать его обращение к Генсу за помощью: «...а ныне приходит студеное зимное время и такой стужи и морозов в болезни своей без теплого покою и без фатеры терпеть не могу, отчего наипаче болезни моей вред пущей чинитца». В заключение Федоров просил выдать полпуда соли для засолки рыбы на зиму, чтобы «с гладу не помереть», и определить ему квартиру на берегу¹. Через несколько дней в трагическом письме 2 октября И. Федоров, умолявший штурмана не оставлять его одного без провианта и соли, вновь повторял: «...ныне ты меня моришь напрасно, студенным зимним временем и голодом на боту «Гавриле», отчего я весьма стражду, трудно в тяжкой своей болезни без теплого покою и без корму на боту «Гавриле»². Несмотря на угрозу письменного доклада непосредственно Д. И. Павлуцкому о всех «великих и тягостных обидах», неоднократные письменные (с июля) и устные просьбы Федорова долго не удовлетворялись. 14 октября беспомощный Федоров еще раз напомнил о своих невзгодах штурману, который с приезда на Камчатку сумел получить для себя три пуда ржаной муки и израсходовать «полутретья пуда на хлебы». Больной потребовал у Генса выдачи муки, круп и коровьего масла («понеже и мне по регламенту определяетца полторы порции, равная с тобою») и «рыбного корму» на зиму³.

Ордером 11 февраля 1732 г. Павлуцкий отстранил Я. Генса от руководства партией, указав, что «ты ж, штурман, живучи на Камчатке, вступаешь не в свои дела, что тебе и делать не подлежало, и пьянствуешь и другие непотребности творишь, а врученного тебе дела ничего ты не исполняешь и жил в камчадалских острогах праздно, токмо исполнял свои бездельные прихоти, а к пользе посланной партии ничего не учинил». Он приказал Генсу передать в команду геодезиста Гвоздева всех служилых людей, солдат и «всяких припасов и провиант, муку ржаную и круп и масло, что имеется все налицо», штурману и подштурману — иметь в команде только матросов и «в другие дела не вступать, понеже известно нам, что ты ныне весьма слеп и ногами болен и врученное тебе дело отправлять невозможно». Капитанский ордер предписывал также штурману и подштурману, «буде от болезней выздоровели», с матросами и «общее» с геодезистом Гвоздевым на боте «Гавриле» идти в море, «куды повелено» ранее. В случае же продолжения болезней —

¹ ЦГАВМФ СССР, ф. 216, д. 3, л. 54.

² Там же, л. 57 и об.

³ Там же, д. 5, л. 167.

до выздоровления быть в Нижнем Камчатском остроге¹. Такое же распоряжение (от 11 февраля) М. С. Гвоздев получил 1 мая и в тот же день известил Генса о том, что ему «повелено солдат и служилых людей и коликое число налицо ружья, пороху, свинцу и харчевых всяких припасов и провианту принять, иметь над солдаты и служилыми людьми крепкое смотрение»; а «тебе, штурману, и подштурману ведать над одними матрозы, а в прочем никакой вам воли не давать». Среди дополнительных указаний Павлуцкого М. С. Гвоздев выделяет распоряжение взять на бот мореходов, которые были на море с Берингом, а также матросов, если Генс и Федоров будут оставлены в Нижнекамчатске. Кроме того, Гвоздев указал штурману на необходимость передачи комиссарам аманатов и собранного партией ясака, а задержанных участников восстания содержать в ясачной избе под караулом.

В связи с назначением главой морского похода к Большой земле М. С. Гвоздев потребовал у Генса в «неукоснительном времени» прислать в его распоряжение всех служилых людей, мореходов, солдат и матросов, а также передать провиант, припасы, масло, бот «Гавриил», оружие, порох и свинец². В рапорте Павлуцкому Генс доложил о передаче им 3 мая 1732 г. судна, всех «припасов», солдат и служилых людей в команду Гвоздеву, жалуясь при этом, что геодезист «взял у него и матросов», которых ему «брать не подлежало», и «ныне у нас в команде не имеетца не единого человека». Здесь же штурман не преминул лишний раз донести на Гвоздева, что тот не дал «для письменных дел» писаря, а служилые люди, минуя разрешение геодезиста, «писать опасны», чтобы «какого от него истязания не принять»³.

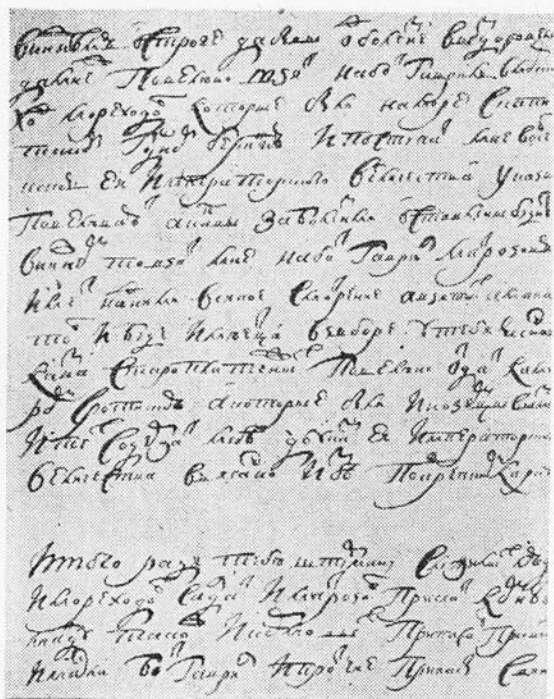
Сохранилось «ведение» Генса геодезисту о полной передаче бота, людей, вооружения, продовольствия, а также всей «казны». «А как де мы за болезнями оставлены будем в Нижнем,— писал штурман,— то взять у меня на бот «Гаврилу» матросов». На листах этого своеобразного приемосдаточного акта помещена «скрепа»: «...принел геодезист Гвоздев»⁴. Этот документ доносит до нас подробное описание бота «Св. Гавриил», сообщает основные параметры судна, состояние такелажа, припасов, материалов и другого имущества, переданного М. С. Гвоздеву. Детальные реестры содержат точные сведения о личном составе партии, поступившей под командование геодезиста. По строевому расчету на 1 июня 1732 г. команда Гвоздева насчитывала 145 человек (в том числе 10 больных, оставленных в Охотске) и состояла из нескольких отрядов и групп. В Нижнем Камчатском остроге находилось 74 человека (мореход К. Мошков, 5 матросов — Сметанин, Клочев, Таранкин, Кузнецов и Гусельников, 2 гренадера, 1 солдат и 65 служилых людей), в Охотске — 27 (мореход Н. Треска, 1 гренадер, 1 солдат и 24 служилых), в отряде

¹ ЦГАВМФ СССР, ф. 216, д. 3, л. 91—91 об. В литературе встречается неверное датирование (11 января) ордера Павлуцкого (Ефимов, 1948, с. 159; 1971, с. 222; Белов, 1956, с. 260).

² Там же, д. 5, л. 126—127.

³ Там же, д. 4, л. 4 и об.

⁴ Там же, д. 3, л. 188—195.

Фрагмент письма М. С. Гвоздева 1 мая 1732 г. штурману Я. Я. Генсу с изложением распоряжения Д. И. Павлуцкого о назначении геодезиста главой морского похода к Большой земле.

ЦГАВМФ СССР, ф. 216, д. 5, л. 126 об.

Л. Петрова — 18 (1 матрос, 1 солдат и 16 казаков), в отряде А. Шергина — 19 (мореход И. Бутин, солдат К. Полежаев, 17 казаков); 3 человека — в конвое. Взяты на службу в партию из Охотска и камчатских острогов 4 человека, в том числе А. Буш и Ф. Паранчин. Таким образом, партию составляли 125 служилых людей, 4 морехода, 7 матросов, 4 гренадера, 5 солдат. За исключением 70 человек «в расходе», то есть выполняющих различные задания, и 10 убитых и умерших от болезней, непосредственно при М. С. Гвоздеве налицо оказалось 65 человек.

25 мая Генс доложил Гвоздеву о сдаче М. Борисову всего ясака, находившегося в партии, и о содержании под стражей участников восстания. Этот документ также скреплен подписью Гвоздева¹.

Обнаруженные нами 18 ордеров-распоряжений по хозяйственным делам, выданные командирами камчатской партии с 26 ноября 1730 г. по 13 июля 1732 г., интересны не только тем, что найдены сразу 11 документов с автографами М. С. Гвоздева². По-видимому, из-за острой нехватки писчей бумаги в Охотске и на Камчатке все ордера написаны на клочках бумаги плохого качества размером в $\frac{1}{4}$, $\frac{1}{6}$, $\frac{1}{10}$ листа. Документы когда-то побывали в воде и сохранились поэтому очень плохо. Читаются они с большим трудом. Все ордера, отданные для исполнения ведавшему хозяйством Л. Петрову, подписаны Я. Генсом (26 ноября и 28 декабря 1730 г., 2 января и 17 августа 1731 г., 1 марта 1732 г.),

¹ ЦГАВМФ СССР, ф. 216, д. 3, л. 185 и об.

² ЦГАДА, ф. 1002, д. 1, л. 5, 8, 9, 12—16, 18—20.

Я. Генсом и И. Спешневым (1 и 15 апреля 1732 г.), Я. Генсом и М. Гвоздевым (17 и 26 апреля 1732 г.), наконец, М. Гвоздевым (2, 5 и 31 мая, 2, 8, 10 и 13 июня, 6 и 13 июля 1732 г.).

Уже на другой день после назначения — 2 мая новый командир камчатской партии геодезист М. Гвоздев отдал свое первое распоряжение. Матрос Л. Петров получил задание выдать И. Спешневу две дести писчей бумаги для записей «продажи подарочной казны». Дефицитная в камчатских условиях писчая бумага экономно расходовалась на самые неотложные нужды, о чем свидетельствуют ордера о выдаче (17 апреля, 31 мая, 11 июня): А. Малышеву «для письма в партию для дел» одной дести, «на всякие дела» трех, затем еще двух дестей, казаку П. Сургуцкому (8 июня) одну стопу «для отвозу» к капитану Павлуцкому и т. п. Ордерами 5 мая и 2 июня предписывалось провести инвентаризацию казенного имущества и материалов (железа, инструментов, топоров), а также «артиллерной казны», пороха, свинца, оружия. 31 мая Гвоздев распорядился выдать А. Шергину «для обережи у збору ясака» 7 фунтов пороха, а несколько ранее (26 апреля) — И. Шангину 2 пуда железа «на расковку фузейных жеребев». Два ордера касаются подготовительных работ на судне. 13 июня геодезист распорядился передать И. Спешневу «к ботовому строению» железо и инструменты, 6 июля — выдать ему же на всех служилых, остающихся в Нижнем остроге, фузейный и ручной порох, а также снасти «для таскания и груски леса» и «для обережи» 10 пушек и 50 ядер. Гвоздев указал Петрову оставить в казенном амбаре имеющийся на хранении парусный холст до прибытия из морского похода.

В последнем перед отправлением в море письме к Генсу 2 июля 1732 г. Гвоздев сообщил: «А сего июля 8 дня отправляюся в показанной морской путь со служилыми людьми. И по получении сего письма тебе, штурману, ко означенному числу к морскому пути быть в готовности, а буде от болезни своей не выздоровел, то тебе к нам ответствовать письменно сего ж числа»¹. По неизвестным нам причинам в указанный срок отправление бота не состоялось. В ордере 13 июля Гвоздев позаботился выдать служилым людям с бота «Гавриил» Е. Пермякову, И. Портнягину и Л. Полякову несколько фунтов пороха. В тот же день, судя по единственному косвенному свидетельству, от Павлуцкого поступило новое приказание. Именно о нем после возвращения из похода писал Федоров Гвоздеву 18 октября 1732 г., требуя ускорения присылки матроса А. Назарова. Подштурман напомнил геодезисту, как по ордерам, присланным из Анадырского острога 13 июля, «вступил я с тобою обще в показанной морской тракт на боте «Гавриле», где и были мы». По-видимому, в соответствии с ордером, Гвоздев на время похода прислал Федорову «с письменным реестром за своею рукою» матросов (Л. Петрова, М. Гусельникова, К. Клочева), за исключением А. Назарова, переданного вскоре после прибытия в ремонтную команду И. Спешне-

¹ ЦГАВМФ СССР, ф. 216, кн. 4, л. 61.

ва¹. На то, что передача трех матросов носила формальный характер, указывает более позднее письмо Федорова к Генсу, в котором подштурман прямо свидетельствует: «...были у меня на фатере команды геодезиста Михайла Гвоздева матросы Михайло Гусельников, Козьма Ключев да Леонтей Петров»².

С низвержением Генса — командира партии власть перешла, как показывают многочисленные приведенные документы, к геодезисту М. Гвоздеву. Более того, с отстранением штурмана и подштурмана по болезни от участия в плавании Гвоздев стал и единоличным руководителем морского похода к Большой земле. Во всяком случае все организационные и подготовительные мероприятия, необходимые для успешного плавания, осуществлялись признанным командиром геодезистом М. Гвоздевым. Эти впервые документально установленные обстоятельства имеют существенное значение при оценке ряда полемических заключений. Известно далее, что Я. Генс остался на берегу, а Федоров, согласно ордеру от 13 июля, «против воли», как утверждал историк А. Сгибнев, перенесенный на судно, вскоре после возвращения умер. Вполне естественно полагать, что постоянное болезненное состояние Федорова сделало его раздражительным, нервным и немощным, а часто беспомощным. Он не смог, вне сомнения, во время плавания выполнять свои штурманские обязанности в полную меру.

В отличие от слабого и нерешительного Федорова Гвоздев показал себя волевым командиром, не терявшимся ни в обыденных житейских, ни в служебных на суше и в море трудных и сложных ситуациях. Он обладал несомненно сильным характером, был резок и неуступчив, пользовался авторитетом у служилых людей, хотя действовал без поблажек, в соответствии с буквой морского регламента и уставных требований, а также в духе грубых нравов эпохи. Показателен извет (донос) казака Ф. Тибалова на геодезиста, поданный И. Федорову 1 июня 1732 г. для передачи Павлуцкому. Тибалов рассказал, как Гвоздев, не согласный с текстом доношения об отдаче денежных долгов, содержал казака на боте под стражей, «велел раздеть, и разложить, и кошками стегать; и стегали до полусмерти, и доношение мое все разбили на спине, и титулу е. и. в. растегали». А затем, сообщал далее доноситель, «велел у меня свести ясыря-девку... да у меня ж он, Гвоздев, свел бабу молитвенну имя Ульяна»³.

То, что главным действующим лицом морского похода 1732 г. был М. С. Гвоздев, не вызывает теперь сомнений. Не имея никаких документальных свидетельств, свои доводы о главенстве Федорова морские историки, по-видимому, в силу профессиональной морской солидарности, основывали только на общих рассуждениях эмоционального характера. Большинство историков эти ошибочные умозаключения были приняты без какой-либо критической проверки. Между тем должно быть очевид-

¹ ЦГАВМФ СССР, ф. 216, кн. 4, л. 15а и об.

² Там же, л. 93 об.

³ Там же, л. 23 и об.

ным, что тяжело больной подштурман не играл особой роли ни до, ни после, ни во время морского плавания. Как на берегу, так и на корабле основное бремя ответственности легло на плечи геодезиста Гвоздева — фактического командира бота «Св. Гавриил» и его действительного помощника по навигационным делам морехода К. Мошкова. Спустя много лет участник похода И. Ф. Скурихин при допросе 8 апреля 1741 г. подтвердил в канцелярии Охотского порта, что командиром бота был геодезист Гвоздев (Ефимов, 1948, с. 236).

Ни в одном из документов об экспедиции Шестакова — Павлуцкого и ее морской части на Камчатке нет упоминаний о том, что Федоров мог быть или был руководителем морского плавания в 1732 г. и командиром бота «Св. Гавриил». При изучении морского похода к Америке ученые натолкнулись на отсутствие каких-либо сведений и материалов о Федорове, однако из всех исследователей только А. Соколов счел необходимым подчеркнуть такое важное обстоятельство. Отсутствие достоверных данных тем не менее никого не остановило, были высказаны самые разнообразные суждения, домыслы и догадки, многократно повторяющиеся в историко-географической литературе. В истолковании отношений между геодезистом Гвоздевым и подштурманом Федоровым существуют различные точки зрения, нередко полярные по своим исходным позициям.

Прежде всего осталось почему-то незамеченным утверждение А. Полонского (1850, с. 395) о том, что Гвоздев, приняв бот от Генса, оставленного больным в Нижнекамчатске, отправился по назначению, а Федоров поступил на судно крайне больным, с огромной язвой на ноге, от которой и умер 12 февраля 1733 г., вскоре после возвращения; мнение А. Покровского (Экспедиция Беринга, с. 13) об особо важной роли в походе К. Мошкова; высказывание Ф. Голдера в очерке «Чукчи и открытие Америки» о единоличной ответственности Гвоздева, которому помогал Мошков, за судьбу экспедиции (Golder, 1914, с. 158). Зато наибольшее распространение получило необоснованное заключение о том, что И. Федоров был командиром (начальником) бота, а М. Гвоздев его помощником. Хотя этот вывод и находится в противоречии с показаниями исторических источников, он принят (с незначительными отклонениями) большинством историков. Так, А. Соколов, не сомневаясь, пишет, что в связи с болезнью и слепотой бывшего командира Генса командовал ботом подштурман, у которого помощником и товарищем был геодезист. Последний, будучи «побойчее и поздоровее» Федорова — «у того болела нога, что, однако ж, не препятствовало ему исправлять службу, — кажется, брал над ним верх». Фраза не совсем четкая, смысл ее не ясен (Соколов, 1851а, с. 81). Получается, что подштурман мог «исправлять службу» только во время плавания, ибо, как мы знаем теперь уже точно, до похода и после него Федоров все время болел. Как представляется, для перенесенного на судно Федорова пребывание в теплой каюте явилось большим благом, чем полуголодное существование без квартиры, тепла, покоя, элементарной помощи и даже сочувствия на острове или в остроге. «Командир — Федоров, помощник — Гвоздев», подтвержд-

дает академик Л. С. Берг, согласен с ним и М. И. Белов, добавивший, что геодезист исполнял штурманские обязанности. Основательность этих заявлений, документально не подтвержденных, подрывается курьезным противоречием. При описании Берг ошибочно утверждает, что 7 августа Федоров высаживался на берег, а Белов пишет: 7 августа подштурман уже не вставал с постели (Берг, 1946, с. 99; Белов, 1956, с. 260). В фундаментальных работах по истории географических открытий А. В. Ефимова тоже допущена произвольная трактовка: так как Генс почти ослеп, то он поручил экспедицию Федорову, который лежал больной цингой, страдал от ран на ногах; по приказу Генса больной был насильно перенесен на бот (Ефимов, 1948, с. 160; 1971, с. 222). Но, как хорошо уже известно, Генс не мог ни поручать, ни приказывать — ордером Павлуцкого 11 февраля 1732 г. он был отстранен от командования и заменен Гвоздевым.

Особой категоричностью отличаются далеко не безошибочные высказывания историка В. А. Дивина, который также признавал в Федорове командира бота, а в Гвоздеве его помощника, якобы ведавшего какой-то «научной частью», считая при том, что оба мореплавателя имели равные права, но между ними не было согласия. Этот первый научный биограф геодезиста предположил, что разногласия между руководителями похода отрицательно сказывались на делах экспедиции. Федоров якобы хорошо знал морское дело, а Гвоздев обладал лишь теоретическими познаниями, но не имел практического опыта и по этой причине подштурман относился к геодезисту с некоторым пренебрежением, часто лишал его возможности исполнять то, что сам из-за плохого здоровья не мог сделать. Однако собранный фактический материал не позволяет подтвердить такие однозначные выводы. Утрата судна «Восточный Гавриил», неуверенные действия Федорова на суше после кораблекрушения, продолжительная тяжелая болезнь, — вот все данные, по которым можно судить о деловых качествах и знаниях подштурмана¹. В 1956 г. В. А. Дивин усмотрел заслуги Федорова в том, что тот успешно провел корабль в сложных навигационных условиях, благодаря хорошей морской подготовке, а также отличной выучке матросов и т. д. Парадоксально, что в аналогичном контексте тот же автор в 1971 г. наделяет теми же заслугами Гвоздева. Подобная метаморфоза свидетельствует о голословности утверждений, о надуманности ряда построений (Дивин, 1956, с. 21, 26—27; 1971, с. 79, 83, 85).

Поиски истока предвзятого и навязчивого мнения о Гвоздеве приводят нас к высказыванию А. Соколова, который к «сухопутному» геодезисту относился почему-то с нескрываемой неприязнью. Правда, оценка взаимоотношений руководителей плавания осложнялась тем, что сохранились лишь подлинные рапорты Гвоздева, в то время как документы, исходящие от Федорова, и другие свидетельства о нем до сих пор отсут-

¹ Стали известны лишь очень глухие сведения об И. Федорове — «волонтере», поступившем в 1710 г. в Навигацкую школу, а в феврале 1717 г. направленном в распоряжение Адмиралтейской коллегии (ЦГАВМФ СССР, ф. 233, д. 1, л. 33 об.).

ствовали. В связи с этим А. Соколов, называя отчеты геодезиста «бес-толково сделанным обзором», считал, что и имя-то Гвоздева стало известно лишь благодаря тому, что от него одного дошли до нас сведения, а общее с Федоровым доношение «утрачилось». Он предположил, что подштурман, быть может, и не подтвердил бы всех более поздних показаний Гвоздева. В рапорте последнего поразили морского историка «гордые», по его мнению, слова Федорова, обращенные к геодезисту. Большой подштурман сказал, что «он к своему делу вспоможения никакого на море не требовал и вперед никакого не потребует от других рангов, которые морского обхождения не знают, також их штурманской должности...». На наш взгляд, эта фраза произнесена не от гордости, а скорее от упрямства, бессилия и слабости обидчивым, уязвленным, мнительным и ожесточившимся человеком, каким и предстает Федоров в новых материалах. Приведенные рассуждения понадобились для уничижительной, но совершенно ошибочной оценки роли Гвоздева в плавании к берегам Северо-Западной Америки. Выступив по этим же вопросам, Ф. Голдер заметил, что разногласия Гвоздева и Федорова ничего не доказывают. Если бы подштурман был жив, то ему, естественно, были бы неприятны те нелестные замечания, которые адресовал ему геодезист и, возможно, он в свою очередь в ответ высказал бы несколько нелицеприятных слов. Но вместе с тем нет никаких оснований предполагать, что Федоров оспаривал бы описанные Гвоздевым основные этапы и события путешествия.

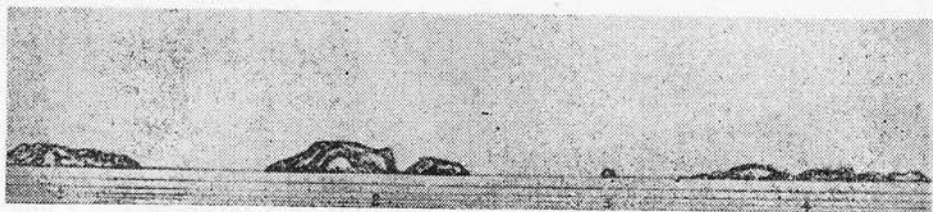
«Св. Гавриил» отправился в путь с геодезистом М. С. Гвоздевым, подштурманом И. Федоровым, мореходом К. Мошковым, 4 матросами, 32 служилыми людьми, толмачом — новокрещеным Егором Буслаевым. Немногим более двух месяцев продолжалось плавание.

ПЛАВАНИЕ БОТА «СВ. ГАВРИИЛ»

К БЕРЕГАМ СЕВЕРО-ЗАПАДНОЙ АМЕРИКИ В 1732 г.

Современные космонавты, отправляясь в космическое пространство, прекрасно подготовлены к предстоящим полетам. Точно рассчитаны продолжительность и орбита полета, предусмотрены системы безопасности в угрожающих ситуациях. Несомненно, космонавты знают о своем маршруте несравненно больше, чем знал Колумб о своем пути в 1492 г. или Гвоздев в 1732 г.

Когда М. С. Гвоздев поплыл на восток на небольшом боте «Св. Гавриил» во главе экипажа из 39 человек, он не имел ни малейшего представления о том, что его ожидает. У геодезиста не было ни географических или навигационных карт намеченного маршрута, ни лоции, и он, конечно, не мог даже представить себе, сколько времени займет морской поход, какие неожиданности и опасности будут подстерегать отважных смельчаков. На основании анализа исторических источников, в том числе и рапортов Гвоздева, стали известны маршрут и результаты плавания 1732 г. За прошедшие с тех пор 250 лет постепенно были изу-

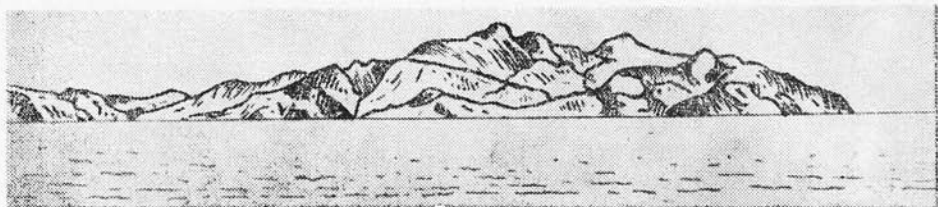
Берингов пролив на северо-северо-восток: 1 — мыс Дежнева; 2 — острова Диомида; 3 — скала Фэрүэй; 4 — мыс Принца Уэльского.

чены навигационно-географические и гидрометеорологические особенности Берингова пролива, его границы, берега, острова, глубины, рельеф дна, грунт; климат и погода района, температура и влажность, ветры, туманы, видимость, облачность, осадки; режим течений, приливно-отливные и сгонно-нагонные явления, ледовые режимы и т. д. Не имея целью реконструировать природную среду XVIII в. и принимая ее изменения за незначительные для ориентирования и общей характеристики района и условий плавания «Св. Гавриила», отметим основные современные показатели.

Берингов пролив, расположенный между материками Азии и Северной Америки, соединяет Чукотское и Берингово моря. Наименьшая ширина пролива между мысами Пээк на западе и Принца Уэльского на востоке около 87 км. Примерно посредине пролива лежат высокие и скалистые небольшие острова Ратманова и Крузенштерна, составляющие группу островов Диомида, или Гвоздева, и отдельная скала Фэрүэй.

Лоция еще XIX в. сообщала, что «оба острова обитаемы. Жители их промышляют моржей, тюлений, иногда китов. На островах, преимущественно на острове Крузенштерна, происходит торг между жителями, приезжающими с двух противоположных материков... Хотя переезды с американского берега на сибирский и обратно делаются туземцами по нескольку раз в год и они совершенно не считают эти переезды опасными, но все же они делают их только в летнее время, так как лед в проливе в зимнее время всегда в ломаном виде... Граница между русскими владениями в Азии и северо-американскими в Америке была установлена в 1867 г. между островами Диомида, а именно между островом Крузенштерна и островом Ратманова» (Лоция, 1910, с. 246—249). Острова разделены проливом шириной 3,4 км. Первый, самый западный из островов Берингова пролива расположен в 35,2 км к юго-востоку от мыса Пээк. Горная растительность скудная, кое-где имеются мхи и лишайники. Вдоль северной части протекает ручей, берега почти отвесно спускаются к морю скалистыми обрывами. Остров Крузенштерна (Малый Диомид), или Игнарук, высотой 397 м значительно ниже острова Ратманова, и поверхность его ровнее. Берега — скалистые и обрывистые. Скала Фэрүэй (65°35' северной широты) высотой 162 м лежит в 14,8 км к юго-востоку от острова Крузенштерна. Диаметр скалы Фэрүэй около 1,1—1,3 км.

Американский берег Берингова пролива от мыса Йорк до мыса Принца Уэльского имеет направление на северо-запад. Этот участок

Мыс Принца Уэльского.

берега полуострова Сьюард образован пологими склонами гор Порк высотой до 700 м, протягивающимися цепью вдоль береговой черты. В районе мыса наиболее приметна гора Кейп. Склоны гор прорезаны многочисленными ущельями, по которым протекают небольшие горные речки. От мыса Принца Уэльского ($65^{\circ}35'$ северной широты) — западной оконечности Северо-Американского материка до бухты Шишмарева вдоль берега тянутся лагуны, отделенные от моря низкими песчано-галечными косами, а в глубине материка — горные хребты. Восточный берег не имеет якорных мест, полностью защищенных от ветра и волн. От мыса Принца Уэльского до залива Нортон-Саунд береговая линия протягивается на расстояние до 196 км в общем направлении на юго-восток, причем первые 100 км до входа в бухту Кавьяк (Порт-Кларенс) имеют берег высокий и гористый, а далее — низкий и песчаный. Вход в бухту расположен между мысом Спенсер и находящимся в 7,4 км к северу от него берегом материка. К юго-западу от мыса Спенсер лежит в 77,5 км остров Кинг ($64^{\circ}59'$ северной широты), высота которого 365 м. Берега острова Кинг утесисты и почти вертикально обрываются в море. В южной части острова расположено селение Укивок. Против этого населенного пункта находится якорное место, которое хорошо укрыто от северо-западных ветров.

Глубины в Беринговом проливе ровные, грунт песчаный, но местами встречается камень, галька и ил. Преобладает пасмурная и ветреная погода. Ясных дней летом бывает не более 1—4 в месяц. В самые теплые месяцы (июль — август) средняя температура воздуха колеблется в пределах $5-7^{\circ}$. Относительная влажность воздуха велика и достигает 80—95%. Туманы наблюдаются довольно часто, летом до 11—18 дней в месяц. Часты штормовые ветры. В первой половине навигационного периода преобладают южные штормовые ветры, а во второй — северные. Штилевые дни бывают очень редко. По восточной части пролива между островами Диомиды и американским берегом проходит постоянное течение, направленное из Берингова моря в Чукотское. При южном ветре силой до 4 баллов скорость течения достигает 6,8 км/ч. В районе мыса Принца Уэльского постоянное течение направлено на север со средней скоростью 2,2 км/ч. Первый лед появляется в сентябре в западной части Берингова пролива. В марте ледяной покров получает наибольшее развитие. Лед взламывается обычно в начале июня, ледостав устанавливается в первых числах декабря. Навигация с декабря по июнь сопряжена с большими трудностями.

Не меньшие трудности, чем испытывают мореплаватели в тяжелый период навигации, исследователи преодолевают при локализации района плавания бота в 1732 г. и идентификации конкретных географических объектов, посещенных М. С. Гвоздевым и его сподвижниками. К сожалению, М. С. Гвоздев в рапортах не оставил таких важных сведений, как географические координаты упоминаемых им мест, скорости судна, направления (румбы) на трассе маршрута, пеленги при ориентировании и т. п. В совокупности такие данные обычно позволяют достаточно точно провести историко-географическую реконструкцию на основе современной комплексной методики, разработанной военно-морским историком А. А. Сопотко (на примере воссоздания навигационных маршрутов плаваний Беринга по вахтенным журналам). Двукратные показания участника похода казака И. Ф. Скурихина не отличаются ни связностью, ни подробностями в изложении хода плавания. Особенно скудной оказалась хронологическая канва повествования. Он «сказать не упомянул» ни даты начала («летним временем»), ни окончания («осенью») морского похода. Из его рассказа можно было узнать только, что из устья Камчатки экспедиция, «имея камчацкой берег в виду», шла около двух недель до устья р. Анадыря, а затем направилась в море на восток. При попутном ветре плыли пять дней и увидели Большую землю, еще пять дней шли «подле ту землю в левую сторону», развернулись назад и вновь шли «подле ее дней с пять», после чего «стали путь свой держать в правую сторону к Камчатке». Более достоверными источниками для освещения плавания первопроходцев к Аляске являются рапорты Гвоздева, в первую очередь рапорт 1743 г., и карта 1743 г. М. Гвоздева, Х. Юшина, Е. Родичева, отраженная М. П. Шпанбергом на сводной карте вояжей Гвоздева, Беринга и Чирикова.

Судя по отчетам геодезиста, плавание проходило с 23 июля 1732 г., когда, выйдя из устья р. Камчатки, бот «Св. Гавриил» под командованием М. С. Гвоздева через четыре дня обогнул мыс Камчатский и направился к Чукотскому полуострову. По мнению А. В. Ефимова, которое противоречит приводимым им же документам, экспедиция вышла из Большерецка и 27 июля обошла «Камчатский нос», то есть мыс Лопатку (Ефимов, 1948, с. 165; 1971, с. 227). В рапорте же Гвоздева 1743 г. записано: «В морской вояж в том же 1732-м году июля 23 дня от устья реки Камчатки и ходили и обошли Камчатской нос июля 27 дня, а к Анадырскому носу пришли августа 3 дня и от Анадырского носу пошли для взыскания островов». Поиски островов в Беринговом проливе основывались на показаниях одного из участников похода, опытного морехода К. Мошкова, ранее плававшего в этом районе с В. Берингом. Как известно, 17 августа (16 августа по гражданскому календарю) 1728 г. Первая Камчатская экспедиция Беринга видела остров (ныне о. Ратманова), названный в честь святого Диомида.

«Св. Гавриил» вдоль азиатского берега направился на север. 5 августа «пришли к Чюкоцкому носу к южной стороне» и верстах в трех от берега из-за штиля легли на якорь. Среди историков похода не было единодушного мнения относительно описанных мысов. Одни предпола-

гали, что «Анадырский нос» — мыс, называемый теперь Чукотским, а «Чюкоцкой нос» — не мыс Дежнева, а какой-нибудь из мысов к северу от мыса Чаплина (Берг, 1946, с. 99; Дивин, 1956, с. 21). Большинство же исследователей более обоснованно указывает на то, что экспедиция Гвоздева останавливалась где-то у южного берега мыса Дежнева (Греков, 1960, с. 51; Дивин, 1971, с. 80). На карте Шпанберга, судя по изображению азиатского берега Берингова пролива, нанесены неназванные «Анадырский нос» (в южной части западного побережья) и «Чюкоцкой нос» (или Восточный — мыс Дежнева), показанный на $66^{\circ}08'$ северной широты. Таким образом, можно предположить, что первая остановка бота экспедиции Гвоздева была где-то в районе между мысами Дежнева и Литке.

В тот же день 5 августа Гвоздев с командой на шлюпке выехал для обследования побережья. Путешественники увидели «место пустое», небольшую речку, стадо оленей и двух местных жителей. При первом рекогносцировочном объезде были пополнены запасы пресной воды (две бочки), продовольствия (два оленя). С аборигенами поговорить не удалось, так как они убежали и спрятались за скалами.

На следующий день к боту приблизились две байдары, но совсем близко не подходили. Попытки через толмача завязать разговор не удались — чукчи не отвечали и, «посмотря на судно, уехали на берег».

7 августа Гвоздев с матросами вновь высаживался на берег, продолжая вести наблюдение. Они осмотрели заброшенные чукотские жилища — «две юрты пустые, деланы в земле китовыми костями, старые и разрыты». На четвертый день пребывания у Чукотского полуострова подул «ветр благополучной», бот снялся с якоря, экспедиция продолжила поиски островов. Плавание курсом, проложенным К. Мошковым «по южную сторону Чюкоцкого носу с анадырскую сторону», не увенчалось успехом. Не имея навигационных руководств и всецело полагаясь на свою память и интуицию, мореход, по-видимому, ошибся в выборе генерального направления. В этой обстановке И. Федоров передал М. Гвоздеву свое письменное мнение о неверном ходе поисков. Недоумение А. В. Ефимова по поводу того, почему подштурман написал именно геодезисту, можно разделить лишь при незнании того обстоятельства, что фактическим руководителем экспедиции и командиром судна являлся М. С. Гвоздев. По согласованному решению Гвоздева и Федорова 9 августа движение на юг было приостановлено. Бот развернулся и возвратился к месту первой стоянки, откуда вновь посылалась шлюпка за пресной водой.

11 августа при попутном ветре судно вышло в море («пошли в путь свой»), но через два дня из-за наступившей «штилевой погоды» опять вернулось к азиатскому берегу, на котором увидели над речкой юрты.

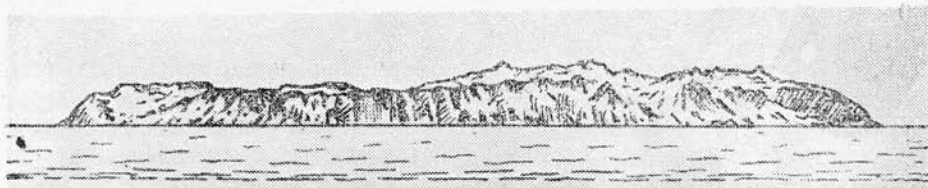
По сложившейся в морском походе традиции Гвоздев всюду лично возглавлял поиски и осмотр новых мест. И на этот раз геодезист с матросом Л. Петровым и служилыми людьми осмотрели «онные юрты числом шесть, зделаны в земле, деревянные, лесу елового». Вскоре путешественники заметили, как одна из трех отъехавших от юрт байдар

возвращалась к ним навстречу. Избегая столкновений с чукчами, Гвоздев с командой вернулись на бот. Затем усиленный отряд (20 человек) на шлюпке вновь появился у юрт, а чукчи в это время отошли на байдарах по речке от своих жилищ и стали «против юрт на камень». В соответствии с инструкциями и ордером Д. И. Павлуцкого М. С. Гвоздев направил толмача Е. Буслаева и казака П. Куклина к местным жителям для «призыва» их к ясачному платежу и русскому подданству. Чукчи вначале заявили: «Мы ясаку не знаем, и не платим, и не промышляем». Для ведения переговоров Гвоздев трижды посылал переводчика, пока наконец чукчи не согласились принять приказчика и выплачивать ему ясак парками. Приказчиком геодезист назначил Е. Пермякова, которого и послал с толмачом для сбора ясака. Вернувшись, Пермяков рассказал, что чукчи просили у него ножик, давая за него кунью парку. Не смог выполнить поручение толмач, на которого один из чукчей замахнулся копьём, сказав при этом: «Какой де с нас есак просите, я де у родников своих и сам большей и ими владею. Какой де вам есак?! И мы имели бой с капитаном, а вы де нас не вовремя застали». Этот эпизод вскрывает причину недоброжелательного отношения к экспедиции — слишком свежо в памяти чукчей было столкновение с Анадырской партией Д. И. Павлуцкого в 1731 г.

За короткий срок наблюдательный М. Гвоздев сумел заметить и надолго запомнить особенности хозяйства, быта жителей, а также природные условия Чукотского полуострова. Он отметил, например, что чукчи «пропитание себе имеют киты да моржи, понеже у них иных никаких кормов, кроме того, не видали». Поразило его отсутствие лесов — «только одна тундра».

Так, с 5 по 15 августа команда М. С. Гвоздева плавала вдоль берегов, высаживалась в нескольких местах полуострова, отплывала от него на незначительное расстояние к югу и востоку, проводила наблюдения за суровой природой района, пыталась наладить непосредственные контакты с местным населением.

В 11 часов утра 15 августа на «Св. Гаврииле» при попутном ветре «якорь подняли, парусы распустили», и мореплаватели настойчиво «пошли в путь свой». Точную дату прибытия к первому острову Гвоздев не обозначил, но указал, что 17 августа пополуночи (в рапорте 1741 г. — пополудни) в 7-м часу осмотрели остров, по-видимому остров Ратманова. Но изменился ветер, судно начало лавировать, а затем в тот же день вернулось снова к Азиатскому материку. При штиле была спущена шлюпка, на которой выехали М. Гвоздев, Л. Петров и 10 служилых людей к увиденным на берегу юртам. Однако аборигены, заметив русских, отошли от своих жилищ к утесам («на камень»), пресекая тем самым попытки ведения переговоров, ибо «за дальностию переговариватца с ними нельзя». При описании этого эпизода в 1741 г. Гвоздев добавил: «...а чукчи де поют согласно и один у них прыгает и скачет». Это интересное этнографическое наблюдение связано, вероятно, с действиями шамана, проводившего свои заклинания по поводу появившихся незнакомых пришельцев.

Общий вид первого острова, посещенного командой М. С. Гвоздева.

При возвращении Гвоздева с командой на судно вслед за шлюпкой, едва не настигнув ее, поплыли от берега две байдары, в каждой человек по 20. Через переводчика Гвоздев пытался добыть сведения, предусмотренные программой похода, об островах, населении и т. д. Но ответа на вопрос о том, «какой народ живет на острове», он не получил, а с байдар геодезисту сказали лишь про себя, что они — «чукчи зубатые», а жилье их¹ — «самой Чюкоцкой нос». Оценивая все эти данные, Л. С. Берг привел справку о том, что здешние эскимосы сами себя не называют «зубатыми», это могло быть их чукотское название, если они в 30-х гг. XVIII в. еще не перестали носить втулок; азиатские эскимосы сами себя называют юйт или юпиит (люди или настоящие люди). Исследователь вполне обоснованно заключил, что М. С. Гвоздев был на мысе Дежнева у эскимосского селения Нуукан (Берг, 1946, с. 100). Отсюда «Св. Гавриил» вторично направился к первому острову (о. Ратманова) и подошел к северной его стороне. В глубине показались строения. Когда шлюпка с М. С. Гвоздевым, Л. Петровым и 10 служилыми людьми приблизилась к берегу, завязалась перестрелка. С острова («с утесу») стали стрелять из луков, а Гвоздев с товарищами «против их противления выстрелили из трех фузей». После этого последовала процедура непосредственного знакомства. Островитяне о себе сказали, что они — чукчи, добавив, что «родники наши пошли с оленными чюкчами против капитана биться и там де их всех побили». Как оказалось, походы Д. И. Павлуцкого по Чукотскому полуострову коснулись не только жителей материка, но и их островных союзников. Примечательный факт участия эскимосов в сражении на стороне «чукоц» особо отметил Л. С. Берг, которому показалось странным, что здешние эскимосы называли себя чукчами. Он пояснил, что толмач Е. Буслаев, взятый с Камчатки, мог быть только коряком, легко объясняющимся с чукчами, но не с эскимосами. С другой стороны, многие из эскимосов азиатских и островов Гвоздева понимают по-чукотски. Представляется, что в своем описании М. С. Гвоздев всех увиденных им впервые носовых (азиатских), островных и затем американских местных жителей всюду без особых подразделений собирательно называет чукчами. Так, при расспросах о Большой земле жители острова «про оную землю не сказыва-

¹ В рапорте 1741 г. вместо «а про свое жилье сказали...» — «а о земле де сказывали, где у них юрты...».

вали, сколь велика или остров», но совершенно четко заявили, что там живут «наши ж чюкчи».

Сойдя на берег и посетив покинутые две юрты («в земле деревянные, лес еловой»), мореплаватели обнаружили там «корма из моржовины да китовины, а иных кормов не видели». Более многолюдным оказалось поселение в южной части острова. Здесь находилось около 20 юрт. Усиленный отряд (22 человека) во главе с М. С. Гвоздевым, размещенный на шлюпке и байдаре, приблизился к берегу. Но так как жители острова воспрепятствовали высадке экспедиции, геодезисту пришлось направиться на байдаре к юртам только одного толмача. Однако попытки получить у островитян какие-либо сведения о Большой земле и склонить их к ясачному платежу были безуспешными. При переговорах толмачу объявили: «Мы ясаку не знаем и не плачивали». Из других подробностей описания Гвоздева важно сообщение о том, что члены экипажа «Св. Гавриила» с первого посещения ими острова видели Большую землю; сам же остров «собой не велик, лесу никакова не имеетца». В рапорте 1741 г. приведены размеры острова — в длину 2,5 версты (2,66 км) и в ширину одна (1,06 км).

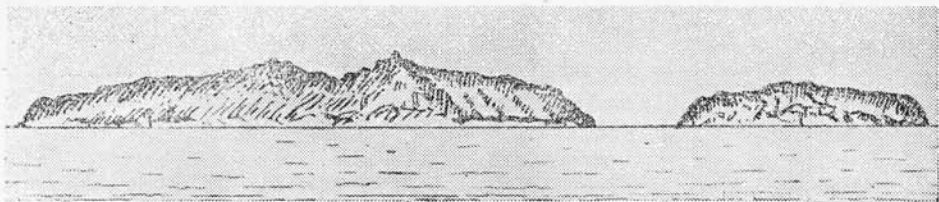
В 7-м часу пополудни 20 августа бот стал на якорь у второго острова (ныне остров Крузенштерна). С судна по ходу на расстоянии 1,5—2 верст от берега И. Скурихину оба острова показались величиной версты по три. Посланные «для проводывания» на байдаре Е. Буслаев и на шлюпке Е. Пермяков с 10 казаками были встречены стрельбой из луков. Переговоры не состоялись. По описанию Гвоздева, в соответствии с действительностью, второй остров небольшой, меньше первого. По-разному он называет расстояние между первым и вторым островом: в 1741 г. — полторы версты (1,6 км), а в 1743 г. — полмили (926 м). Последнее измерение В. И. Греков называет близким к действительности, исходя из неверного пересчета величины почему-то не морской (1852 м), а немецкой (7,5 версты) мили (Греков, 1960, с. 347).

Почти через 50 лет после плавания «Св. Гавриила» 1732 г. казачий сотник Иван Кобелев посетил в 1779 г. оба острова, называемые им Имаглин и Игеллин. По его описанию, расстояние от азиатского берега до первого острова 40 верст. На острове размером 2 версты в ширину и до 5 в длину «жительствовавали» в двух поселениях 398 человек. Между первым и вторым островом 3 версты. Остров Игеллин имеет в длину 3, а в ширину 1,5 версты, жителей — 164. По сообщению Кобелева, со второго острова видны как чукотский, так и американские «ближние и отдаленные» берега, от него до северо-американского побережья около 30 верст. Секунд-майор М. Татаринов, известный сибирский картограф и участник Нерчинской экспедиции Ф. И. Соимонова, при составлении извлечения из журнала Кобелева добавил, что казачий сотник первый имел «из россиян щастие со островов Имаглина и Игеллина видеть вдруг (одновременно. — Л. Г.) конец восточной Азии и берега Северной Америки», лежащие друг от друга на расстоянии не более 77 верст (Ефимов, 1948, с. 232). Таким образом, к концу 70-х гг. XVIII в. ширина самой узкой части Берингова пролива считалась равной 82,1 км. Конечно,

согласиться с Татариновым нельзя: задолго до Кобелева из района островов Диомиды и Азию и Америку могли видеть и С. Дежнев и участники экспедиции М. С. Гвоздева.

При анализе деятельности экспедиции М. С. Гвоздева в Беринговом проливе особенно активными выглядят действия самого руководителя, и не только по его собственным рапортам или рассказам, которые, вполне очевидно, могли быть приукрашенными. Но они находят подтверждение в независимых показаниях рядового участника похода И. Ф. Скурихина. М. С. Гвоздев неоднократно выезжал с бота на берег для осмотра и описания различных географических объектов Чукотского полуострова и острова Ратманова, пытался организовать ясное обложение, при опросе жителей стремился получить нужные сведения о Большой земле и островах. На этом этапе плаваний о подштурмане И. Федорове никаких упоминаний в источниках не имеется. Поэтому глубоким заблуждением является высказывание известного исследователя полярных морей В. Ю. Визе о том, что подштурман был первым русским, который высаживался на островах Ратманова и Крузенштерна (Визе, 1948, с. 63).

Деловая и прозаическая запись М. С. Гвоздева об очередном дне плавания — 21 августа 1732 г. должна быть золотыми буквами вписана в летопись истории географо-картографической изученности Тихого океана — этого Средиземного моря будущего, по меткому выражению А. И. Герцена. В этот день первые европейцы достигли северо-западного побережья Северной Америки. Рапортом 1743 г. геодезист донес: «Августа 21 дня пополуночи в 3-м часу стал быть ветер, подняли якорь, парусы распустили и пошли к Большой земли, и пришли ко оной земле, стали на якорь, и против того на земле жилищ никаких не значилось». Об этом же событии почти то же самое сообщалось геодезистом ранее, в 1741 г. Из отличий отмечу: указание на «пособной» ветер и место якорной стоянки — в четырех верстах от земли, иное время отправления от второго острова к Большой земле («полудни в 3-м часу»). Показанный пунктиром на карте Шпанберга 1743 г. маршрут «Св. Гавриила» от островов Диомиды к Большой земле изображен в очень обобщенном виде — дано лишь общее направление движения бота на юго-восток-восток. Первоначальная стоянка у берегов Аляски и все последующие отклонения от генерализованной трассы не приведены. Между тем хорошо вычерчен характерный отрезок береговой линии современного полуострова Сьюард на северо-восток и юго-восток от самого западного мыса Американского континента (мыс Принца Уэльского). На северо-востоке эта линия доходит до $66^{\circ}45'$, что позволяет нам судить о примерном месте первой якорной стоянки экспедиции, так как последующее движение судна имело преимущественно южное направление. Так уж случилось, что в одну из тех немногочисленных вахт, которые смог нести на судне больной подштурман Федоров, он, как осуждающе писал Гвоздев, «собою» (то есть самостоятельно, самовольно. — Л. Г.), «без общего согласия», приказал поднять якорь, и бот пошел «подле земли к южному концу». Не вызывает сомнений, и карта Шпанберга это под-

Первый и второй острова, обследованные экспедицией М. С. Гвоздева.

тверждает, что бот приблизился к мысу Принца Уэльского. Затем мореплаватели «у южного конца к западной стороне видели юрты жилые, версты на полторы». По правдоподобному предположению Л. С. Берга, это было эскимосское поселение на мысе, называемое на современных картах Кингеган. Встречный ветер не позволил подойти ближе к берегу, поэтому плавание продолжалось опять «подле земли по южному сторону, и стало быть мелко, и дошли до 7 и до 6 сажен и от того места возвратились назад и пошли в бейдовен, чтоб не отдалять от оной земли». Это важное для локализации места событий сообщение повторяет соответствующую фразу из рапорта 1741 г., где, впрочем, записано, что в мелком месте «бросили лот глубины 7 и 6 сажен и стали лаверить подле Большой земли, чтоб к земле подойти». Попыткам «Св. Гавриила» приблизиться к берегу препятствовал «презельной крепкой» северный ветер, «от земли противной». Именно поэтому продвижение вдоль американского побережья на юго-восток от мыса Принца Уэльского сопровождалось лавированием судна, вставшего на курс относительно ветра, дующего наискось с носа в секторе от 0° до углов менее 90° («бейдевинд»). Постепенное уменьшение глубин до 6—7 сажен (12,7—14,9 м) и меньше характерно для входа в бухту Кавьяак. На карте Шпанберга самая южная точка береговой линии полуострова Сьюард нанесена под 65°15' северной широты, что довольно точно соответствует широтному положению бухты. Вероятнее всего, отсюда бот и направился в дальнейший путь.

При курсе SW (юго-запад) и крепком северном ветре экспедиция М. С. Гвоздева 22 августа подошла к четвертому острову. «И за великою погодою у оного острова на якорь стать было невозможно, и когда стали подходить ко оному четвертому острову, парусы подобрали и без парусов от того четвертого острова отнесло».

Давно установлено, что четвертый остров, описанный Гвоздевым,— это остров Кинг, или Укивок, который расположен неподалеку от берегов Аляски. Вне сомнения, «Св. Гавриил» точно выдержал заданный курс, так как, отправляясь на юго-запад от мыса Спенсер бухты Кавьяак, он не мог миновать остров Кинг¹. Это обстоятельство объективно подтверждает правильность локализации района пребывания первого русского корабля у берегов Северной Америки. Нельзя поэтому признать

¹ Вместо юго-западного неверно указан курс (северо-запад) «Св. Гавриила» от Аляски к о. Кингу В. А. Дивиным (1971, с. 82).

Остров Кинг.

правомочным предположение о том, что бот продвигался вдоль американского побережья до мыса Ном, откуда якобы и вернулся к Камчатке. Но экспедиция пошла в Нижнекамчатск от четвертого острова, который лежит от мыса Ном не на юго-западе, а на северо-западе. Не согласуется с приведенными сведениями и предположение ряда исследователей о возможном продвижении «Св. Гавриила» вдоль берега до залива Нортон-Саунд (Svet, Fedorova, 1978, с. 5).

Среди ученых возникла оживленная дискуссия по поводу отсутствия в рапортах Гвоздева упоминаний о третьем острове. В самом деле, геодезист пишет о первом острове, втором и вдруг переходит к четвертому. Большинство исследователей считает, что для экспедиции 1732 г. М. С. Гвоздева увиденная ею Большая земля была третьим островом. Основываясь на анализе представлений анадырских служилых людей и «носовых чукок», еще А. С. Полонский указал, что «пространство земли около мыса Принца Валийского также признавалось за остров». К такому же выводу пришел Ф. Голдер. Для обоснования подобных же взглядов обширную аргументацию привел А. В. Ефимов, который прежде всего выделил в промемории А. Зыбина 20 апреля 1743 г. цитату из вахтенного журнала (лагбуха) 1732 г. М. С. Гвоздева и И. Федорова, где Большая земля названа большим островом: «...августа де 22 числа пополудни в 12-м часу с острова (четвертого.— Л. Г.) приезжал к ним иноземец чуокча в ветке, по их званию в кухне (лодке.— Л. Г.), и спрашивал де оной Гвоздев у него чрез толмача новокрещена Егора Буслаева, какой народ на большом острове живет. И оной де иноземец чуокча сказывал чрез толмача, что на оном острове живут чуокчи ж и что самой де то Чукоцкой нос, да спрашивал же де он у оного чуокчи чрез толмача, что на большом острове имеются ль какие звери и леса; и оной же чуокча сказал: есть же на оном острове лисицы и куницы и леса» (Полонский, 1850, с. 392; Берг, 1946, с. 102; Ефимов, 1948, с. 168—170). А. В. Ефимов считает, что этот единственный известный отрывок из лагбуха окончательно решает вопрос о третьем острове, характеризуя представления Гвоздева и Федорова о Большой земле как о большом острове. Но увлекшись интерпретацией и стремясь усилить доводы в пользу своего предположения, исследователь при палеографическом анализе документа выдает желаемое за действительное. Так, он утверждает, что в приведенной выдержке «Большой остров» дан с прописной буквы, так же как и называется Большая земля. К сожалению, это замечание неверно. Обращение к подлиннику позволяет нам установить,

что «большой остров» дважды написан со строчной буквы и, по-видимому, не является синонимом топонима «Большая земля». Кроме того, в выдержке из журнала большой остров назван также и Чукотским носом. По объяснению Ефимова, на американском берегу было место, якобы названное так же, как и мыс на азиатском берегу. Справедливо оценивая это предположение менее вероятным, чем догадка о путанице в копии записи вахтенного журнала, В. И. Греков полностью отвергает тезис «Большая земля» — третий остров. В самом деле, сообщение И. Ф. Скурихина в 1741 г. показывает, что участники экспедиции были знакомы с различными географическими объектами и хорошо понимали разницу между островом и «матерой» землей (материком). В Охотской канцелярии казак «объявил»: «И не дошед до нее (земли. — Л. Г.) в полуверсте, рассмотрели, что не остров, но земля великая, берег желтого песку. Жилья юртами по берегу и народу ходящего по той земли множество. Лес на той земле великой: лиственничник, ельник и тополник, и оленей многое число». Во время осмотра северной стороны первого острова (после 17 августа) Гвоздев ждал, но не получил ответа от островитян на свой вопрос о Большой земле, «сколь велика или остров». Объяснение того, почему остров Кинга назван четвертым, В. И. Греков находит на карте Шпанберга, на которой в проливе нанесены не только первый и второй острова Диомиды, но и третий маленький (необитаемый) остров. А поскольку никаких событий с последним связано не было, судно к нему не подходило, М. С. Гвоздев не упомянул о нем в своем рапорте. Таким образом, в соответствии с современной географической номенклатурой первые три острова — это острова Ратманова и Крузенштерна, скала Фэрүзү, четвертый — остров Кинг (или Укивок).

Хотя нам близки взгляды В. И. Грекова, можно дать еще одно объяснение несоответствия показаний лагбуха 1732 г. и рапортов 1741 и 1743 гг. относительно Большой земли (острова или земли). К 30-м гг. XVIII в. сведения, собранные на Чукотке у местных жителей, свидетельствовали о Большой земле как об острове. Даже в 60-х гг., когда анадырский командир Ф. Плениснер собирал известия о Чукотке, островах в проливе и Большой земле, географические представления чукчей и анадырских казаков не претерпели особых изменений. Такова, например, запись об острове напротив Чукотского носа, «на коем живут чукчи ж, называемые зубатые... а от того острова имеется остров же, который называют Большою землею, и так многолюдным почитают... людей называют кыхмыльцами»¹. В этом отношении представления экипажа «Св. Гавриила» не отличались оригинальностью, а Гвоздев и Федоров в 1732 г. следовали традиционным взглядам. Однако по прошествии 9—11 лет после плавания при составлении новых отчетов, уже не сомневаясь, геодезист писал о Большой земле как о материке, а не как об острове. Именно в начале 40-х гг. при проектировании новой экспедиции командир Охотского порта А. Девьер заявил, что Большая земля, по-видимому, и есть Америка. Еще раньше, в 1736 г., В. И. Казанцев сооб-

¹ ЦГАВМФ СССР, ф. 172, д. 408, ч. 1, л. 55; там же, л. 58—59 об.

шил в Тобольске, что «против того Чюкоцкого мыса на восточной стороне прилегла то ж земля Америка мысом»¹.

Когда 22 августа «Св. Гавриил» стало относить от острова Кинга, матрос Л. Сметанин с товарищами обратились к М. С. Гвоздеву с предложением вернуться на Камчатку, поскольку «приходит де время позднее и ветры бывают усильчевые». В это же время с острова на небольшой одноместной лодке — кукте к судну приблизился эскимос. По описанию Гвоздева, кукта — «вся кожаная и верх коженой, только что сесть в ней человеку одному; и на нем надета на платье рубашка, сшита из кишек китовых и обвязана кругом ево кукты руки и около головы, чтоб вода не залилась. А когда волна морская ево всего обольет, то не может к нему в кукту попасть вода. Да у нево на кукте привязан великий пузырь надутый для того, чтоб морскою волною не опрокинуло кукты». При расспросах о Большой земле островитянин сказал, что на ней живут «наши ж чюкчи», а лес там «также из ели», а из зверей «имеютца олени, кунницы, и лисицы, и бобры решные». Приводя эти данные о растительности и животном мире Аляски, Гвоздев одновременно подчеркивал, что на Чукотском носе, первом и втором островах «никакого лесу не имеется». Отсутствие леса характерно и для четвертого острова, общий вид и размеры которого геодезист определил довольно верно. Остров Кинг, имеющий 2 мили (3,7 км) в окружности, по описанию геодезиста, «маленькой, видом круглой» (в рапорте 1741 г. — «маленькой видом, кругом в ширину и длину по четыре версты»).

Описание Гвоздева дополняют воспоминания И. Скурихина, в которых места описываемых событий смещены. Так, ссыльный казак показал, что «один человек нагой приплыл к ним на пузырях» не с острова, а с Большой земли, и «указывал им сторону, где искать Камчатку... звал их на свою землю, обещая им дать корму довольно». Представляет интерес рассказ И. Ф. Скурихина об обмене с «иноземцом», совершенном геодезистом, но о котором тот в рапортах умолчал. Приплывшему эскимосу М. С. Гвоздев бросил в подарок на палке «игол, наперсков и корольков несколько». Островитянин принял дар, уплыл к берегу, затем вновь вернулся к боту и, держась от него за 30 сажен, оставил на воде привезенный с собой «из рыбей кожи пузырь», а потом отплыл на небольшое расстояние. Он возвратился на берег только тогда, когда увидел, что к пузырю с бота плывет матрос. В доставленном на борт судна пузыре «гостинца явилось: две парки кунных, три лисицы сиво-душетых да лисиц же красных з десять». По сообщению Скурихина, «те парки» и лисиц Гвоздев и подштурман разделили между собой, так как «подарок» они собрали из собственных, а не казенных товаров. Место действия второго эпизода тоже не увязывается с описанием Гвоздева. Скурихин утверждал, что при возвращении на Камчатку экспедиция якобы останавливалась у одного из двух островов, которые «во

¹ ЦГАДА, ф. 248, кн. 7312, л. 50 об. Аналогичные мысли высказывались А. И. Чириковым в 1733 г. (Экспедиция Беринга, с. 207).

время их вперед ходу видимы были». На этот остров на шлюпке выезжал М. С. Гвоздев и служилые люди И. Ребров, И. Залевин, Г. Нехороших, М. Шарыпов, Д. Шадрин, Е. Пермяков, В. Зырян, матрос Л. Сметанин. После четырехчасового пребывания на острове они привезли на судно «битых оленей 10 или з 20, недоростей и пыжиков довольно», которых и разделили на 40 паев так, что каждому члену экипажа досталось «по два и по три места». Кроме того, с острова доставили на бот около 100 пудов «рыбей кости, имянумой моржевые зубья». По прибытии на Камчатку «кость» была продана какому-то монастырскому старцу по 2 руб. за пуд, а деньги разделены «все по себе».

Вернемся к рассказу М. С. Гвоздева. Едва эскимос скрылся на острове, как наиболее опытные и авторитетные служилые люди Е. Пермяков, Л. Поляков, Ф. Паранчин, А. Малышев с товарищами вновь обратились к геодезисту с просьбой «о возвращении» в связи с «поздною времени», нехваткой продуктов («кормов малое число») и течью бота («не могут из судна воды уливать»). Просьбу о возвращении на Камчатку поддержал весь экипаж. Матросы, мореход и служилые люди составили коллективное письменное прошение «за своими руками» и подали его М. С. Гвоздеву и И. Федорову. Геодезист и подштурман «с обсчева согласия» приняли ответственное решение. По свидетельству Скурихина, на обратном пути через несколько дней на боте «великою погодою» сломало мачту. С большим трудом 27(28) сентября 1732 г. «Св. Гавриил» добрался до устья р. Камчатки.

Во всех своих рапортах (22 июня 1733 г., 13 апреля 1741 г. и 1 сентября 1743 г.) М. С. Гвоздев неоднократно подчеркивал, что в «морской вояж» он ходил «обще» с И. Федоровым по ордеру Д. И. Павлуцкого. Поскольку распоряжение капитана 13 июля 1732 г. не отыскано, остается пока загадкой, в чем же на корабле заключались функции тяжелобольного подштурмана, который, по замыслу, «в морском хождении один имеет власть». Он пытался несколько раз нести регулярное дежурство на судне, но часто пропускал свои вахты. Маршрут корабля определялся по показаниям К. Мошкова; все служилые люди и матросы подчинялись непосредственно Гвоздеву.

Вернувшись из-за «скудости кормов и за великою течью» бота в Нижнекамчатск, мореплаватели занялись подготовкой отчетных материалов. Подробное донесение Д. И. Павлуцкому о походе и «надлежащие описи» Гвоздев выслал 19 декабря 1732 г. с нарочным Иваном Солдатовым в Анадырский острог. А так как капитан к этому времени уже уехал из Анадырска, то материалы, по-видимому, были переправлены в Якутск. Геодезист рапортовал о том, «в каких местах и коликое число островов видели и на которые выезжали, и на тех островах какие имеются люди, и обо всем показанном морском походе... тако ж и о издержанных в морском тракте припасах». К рапорту прилагалась копия общего с Федоровым вахтенного (морского) журнала (или «лахбуха») «оному их тракту как с Камчацкого устья до островов, так и по возвращении до Камчатки и о течи бота» (Ефимов, 1948, с. 237).

По пространному объяснению М. Гвоздева, карта похода составлена

не была, потому что с начала плавания в течение двух суток он не был допущен Федоровым к судовому журналу и тот за это время не заполнялся. Кроме того, в морском походе Федоровым «многих его вахт... внесено не было и не имеетца». В Нижнем Камчатском остроге 10 ноября 1732 г. геодезист отправил подштурману письмо, в котором предлагал «обще» журнал и ландкарту, «в каких местах были и что видели, исправить». Однако Федоров «не допустил» Гвоздева ни к исправлению журнала, ни к составлению карты. Общий тон ответного письма 28 ноября напоминает толкование пословицы: «знай сверчок свой шесток». Свысока подштурман заметил, что он послан из Адмиралтейской коллегии не для сочинения карт суши (ландкарт), а по штурманской должности «для морского ходу» и составления морских карт. После уже приведенных нами нескольких «гордых слов» Федоров далее советует геодезисту «отправлять свое дело собою, что ему показано, и сочинять ландкарты, как ему надлежит». С сожалением Гвоздев констатировал, что высокомерное отношение к подготовке отчетных материалов лишило его возможности на основании вахтенного журнала подготовить карту и он «оставил сочинение оной».

Через пять месяцев после смерти Федорова М. С. Гвоздев 22 июня 1733 г. подготовил «в рассмотрение» канцелярии Охотского порта рапорт о плавании, поступивший 23 декабря с Камчатки к Г. Г. Скорнякову-Писареву. При рапорте был отослан и подлинный судовый журнал (лагбук), «за неисправностию» которого, как писал геодезист, «никакой карты сочинить было невозможно». Странно только, что ни Павлуцкий, ни Охотская канцелярия не информировали Адмиралтейскую коллегию, Тобольскую губернскую и Иркутскую провинциальную канцелярии о результатах морского похода к Большой земле. Видимо, в начале итогам этой обыденной служебной посылки не придали особого значения ни сам Гвоздев, ни местные власти. Или, быть может, считалось, что она не принесла пользы казне, не решив задачу объясачивания «иноземцов». Тем не менее слухи о морском походе быстро распространились. Побывавший на Камчатке в 1732—1733 гг. В. И. Казанцев в 1736 г. представил в Тобольске чертеж и запись о путешествии бота «Гавриил» к Америке. Чертеж пока не найден. А чей-то рассказ о походе капитан-поручик передал весьма своеобразно: «...слышно, что видели они (экипаж бота.— Л. Г.) на том мысу (напротив Чукотского мыса к востоку.— Л. Г.) многия иноземческие юрты, зделанные из ялых кож, а сами де они на том берегу не были. Между теми двумя мысами лежат три острова, которые и на чертеже положены, ис которых два малыя острова. И на тех малых островах с того бота были и видели, что есть жилья иноземческие юрты зделаны из земли и жители были, токмо, увидя тот бот, ушли на тот мыс Америки в лотках. От тех малых островов приходили они и к третьему большому острову и тут стало быть тихо, что ниоткуль ветра не было. И с того де большова острова съезжали тутошняны иноземцы в лотках, токмо близь судна не приезжая, кричали издали и спрашивали де у тех иноземцов, что можно ли итти за тот большой остров вдаль к востоку подле того мысу Америки».

И они де ходить не велели, сказали, что там де мелко. А говорили де с ними коряцким языком, а иное де и так руками разсуждали»¹.

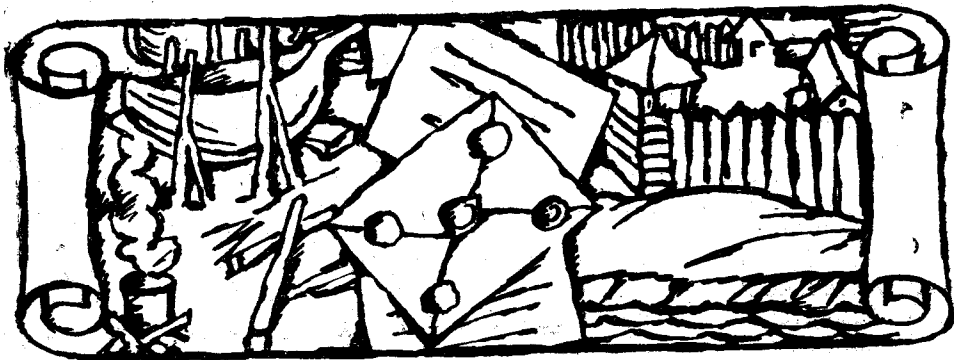
Через несколько дней после прибытия из морского похода Гвоздев через ясачную избу устроил больного подштурмана жить в остроге. С 3 октября Федорова «поставили» на квартиру к служилому Ивану Каташевцову, дом которого в конце июля 1731 г. Гвоздев и Спешнев занимали для допросов участников восстания. Но желанная «фатера» на берегу не принесла удовлетворения и покоя, наоборот, последние месяцы жизни подштурмана были серьезно омрачены. В написанном за неделю до смерти извете 4 февраля 1733 г. Генсу Федоров сообщил о выпавших на его долю невзгодах². Хозяин квартиры, по каким-то причинам невзлюбивший постояльца, часто бранил его, предпринимал попытки силой «изгонять с фатеры долой». 11 ноября Каташевцов в присутствии Л. Петрова «бил меня больного и увечил, — писал Федоров, — и весьма больно повредил мою больную ногу и розшии до крови»; с 9 января — не давал дров топить квартиру; 23 января в часовне при свидетелях «похвалялся смертным убийством»; 27 января пытался взломать потолок и вновь угрожал («я де з задору теперь семьдесят лисиц пропью, а тебя де прибью»), наконец, осквернил бочку с рыбой, купленную за 3 лисицы.

Тяжело больной, беспомощный, затравленный хозяином квартиры, Федоров не вынес последних ударов судьбы. Все представления предшествующих исследователей о И. Федорове, как стало теперь очевидным, не состоятельны, ибо они противоречат показаниям исторических источников. В отличие от М. С. Гвоздева И. Федоров — трагическая, а не героическая личность.

Сообщения М. С. Гвоздева о камчатском периоде своей жизни очень кратки и сдержанны. В челобитной 1758 г. об отставке геодезист вспоминал, как в 1731 г. вместе с Я. Генсом отправился он из Большерецкого острога в морской вояж «для проведывания и сочинения карты против Анадырского носу, которая называется Большая Земля, и для проведывания островов, и надлежащие описи учинил и при репортах к нему, капитану Павлуцкому, в Анадырской острог в 732-м году отослал». В 1738 г., когда по запросу Адмиралтейской коллегии сибирские власти в Тобольске, Иркутске, Якутске и Охотске вели безуспешные поиски отчетных материалов экспедиции Шестакова — Павлуцкого, М. С. Гвоздев во время следствия сумел только объяснить (без каких-либо подробностей) причину отсутствия итоговых документов. Он показал, что во всю их «бытность в вышеявленных походах морскому и охотскому пути описи и карт и журналу у него, штурмана, не делано за глазною ево болезнею и слепотою, а подштурманом — за ножною болезнию, от чего и умер, а ему, Гвоздеву, одному того делать было не возможно».

¹ ЦГАДА, ф. 248, кн. 7312, л. 50 об.—51.

² ЦГАВМФ СССР, ф. 216, д. 4, л. 93 и об.

Глава 5

ПРАВИТЕЛИ КАМЧАТКИ

Если ограничиться известными ранее опубликованными сведениями, сообщаемыми М. С. Гвоздевым о себе и своем пребывании на Камчатке после морского похода, то можно лишь узнать, что в 1733 г. по предписаниям охотского командира Г. Г. Скорнякова-Писарева штурман Генс со служилыми людьми был послан в Охотский порт, а геодезисту велено оставаться в Нижнем Камчатском остроге «при строении вновь острога», где он и пробыл по 1735 г. Редки упоминания не только о Скорнякове-Писареве, но и о майорах Мерлине и Павлуцком, которые проводили в те же годы следствия по делу о восстании ительменов. А между тем с этими лицами, участвовавшими в освоении Камчатки, Гвоздева связывали самые непосредственные длительные взаимоотношения.

После получения подробных документов о восстании 1731 г. от Д. И. Павлуцкого сибирский губернатор 27 октября 1732 г. выслал в Иркутск указ о принятии самых срочных мер. Прежде всего вице-губернатору А. И. Жолобову предписывалось «для следствия и розыску в измене» послать на Камчатку майора Якутского полка В. Ф. Мерлина, с ним обер-офицера и солдат «с ружьем». Товарищем Мерлина назначался Д. И. Павлуцкий. Указывалось на необходимость выслать из Иркутска, Якутска и от партии «толикое число» служилых людей, чтоб во всех камчатских острогах «впредь никакого опасения не было». Уже на первых допросах, проводимых Гвоздевым и Спешневым по горячим следам событий в 1731 г., выяснилось, что «та измена учинилась» из-за незаконных действий комиссаров И. Новгородова и М. Шехурдина, подьячих Е. Мухоплева и И. Свешникова, которые в 1730—1731 гг. «чинили многие несносные обиды», брали по два и три ясака в год и другие «великие взятки» и т. д. Перед В. Ф. Мерлиным и Д. И. Павлуцким

были поставлены конкретные задачи: 1) «оковав руки и ноги», содержать под стражей захваченных «заводчиков»; 2) «следовать и розыскивать накрепко», не были ль «с ними в том умысле» русские, коряки и ясачные других народов; 3) «выяснить справедливость показаний «повинных допросов» о причинах восстания; 4) определить степень виновности должностных лиц, допускавших злоупотребления при сборе ясака, «и кто сыщется виновен, теми розыскивать»; 5) всех виновных содержать под стражей; 6) починить все камчатские остроги, поставить в них крепкие караулы; 7) «для умножения» отправить в Охотск и Нижний Камчатский острог ссыльных; 8) комиссаров и сборщиков, которые собирали сверхокладный ясак, пытать, все «излишнее» отобрать в казну; 9) для сбора ясака в камчатские остроги и в другие места посылать из якутских дворян, детей боярских и служилых людей приказчиков «добрых и неподозрительных за выборами и присягами»¹. Предусматривалось при допросе комиссара Шехурдина попутно получить ответ на вопрос: для чего он «своевольничал зело» в Нижнем Камчатском остроге — не отводил квартир служилым людям экспедиции и запрещал им «пищею довольствоваться за цену»².

Походной розыскной канцелярии, сформированной в Охотске под руководством В. Ф. Мерлина и Д. И. Павлуцкого, предоставлялась на Камчатке неограниченная власть и самые широкие полномочия.

Тем временем Камчатская партия, возглавляемая М. С. Гвоздевым, постепенно стала терять свою самостоятельность. Д. И. Павлуцкий, уехавший из Анадырска в Якутск и получивший там новое назначение на Камчатку, в конце концов и формально и по существу устранился от непосредственного руководства экспедицией. А несколько ранее в Якутске появился новый командир Охотского порта, в ведение которого поступили камчатские остроги.

В начале 30-х гг. XVIII в. после возвращения Первой Камчатской экспедиции в высших правительственных учреждениях заметно усилилось внимание к проблеме улучшения административного устройства и экономического развития Восточной Сибири. На основании записки (предложений) 1730 г. В. Беринга сенатский обер-секретарь И. К. Кирилов подготовил указ и инструкции о создании Охотского порта, улучшении коммуникаций на Дальнем Востоке, заселении края, льготах для купечества, укреплении русских форпостов. Главная команда над Охотским портом по именному указу 10 мая 1731 г. вручалась Г. Г. Скорнякову-Писареву, отбывавшему ссылку в Жиганском зимовье на р. Лене. В правительственных кругах возлагали определенные надежды на успешное выполнение детальной программы вновь назначенным охотским командиром, который бы те места «людьми умножил и хлеб засеял», а также построил морские суда для перевоза на Камчатку и об-

¹ ЦГАДА, ф. 248, кн. 164, л. 778—782; кн. 666, л. 294—296, 439 об.—440; ф. 24, кн. 14, ч. 1, л. 382—384. Ср. там же, ф. 248, кн. 160, л. 405.

² Там же, кн. 666, л. 318 об.

ратно купцов с товарами, казенной мягкой рухляди и для других «потреб»¹.

Сподвижник Петра I капитан-поручик гвардейского Преображенского полка Григорий Григорьевич Скорняков-Писарев возглавлял строительство гидротехнических сооружений, в 1715 г. преподавал артиллерийское дело в Морской академии, в 1718 г. участвовал в суде над сторонниками Евдокии Лопухиной — первой жены Петра I. Несомненно талантливый, незаурядный и образованный человек, он в 1722 г. опубликовал первое русское учебное руководство по механике «Наука статическая, или механика». В 1719—1722 гг. Писарев — президент Морской академии, генерал-майор, с 1722 г. — обер-прокурор Сената. Обвиненный в заговоре против А. Д. Меншикова в 1727 г., он был разжалован, наказан кнутом и сослан в Сибирь.

Причудливы судьбы людские. Дважды пересекались жизненные пути блестящего гвардейского офицера, видного государственного деятеля Скорнякова-Писарева и выходца из народа, солдатского сына, петровского геодезиста Гвоздева. Но и в Санкт-Петербурге в Морской академии, и на Дальнем Востоке в Охотске стояли они далеко друг от друга, на разных ступенях служебной иерархии.

В пространной инструкции из Сибирского приказа, состоящей из 33 пунктов, Г. Г. Скорнякову-Писареву поручалось принять энергичные меры к поселению крестьян в районы Охотска, Юдомского креста, Удского и камчатских острогов, к размещению в Охотске 300 служилых людей. Предусматривалось «для заводу» отправить в Охотск лошадей, мелкий и рогатый скот, а также «хлебных всяких семян» (ПСЗ, т. VIII, № 5753, 5813). Для «морского ходу» в команду Писарева назначались 3 штурмана, 6 матросов и разжалованный морской офицер В. И. Казанцев. Охотскому командиру надлежало иметь особое наблюдение за камчатскими приказчиками, а для лучшего управления острогами не заменять командиров ежегодно, а назначать их на несколько лет, «дабы... лучше радели и скот и хлеб размножали и народ приласкали». Отдельные пункты инструкции касались регламентации морских перевозок, сбора ясака на Шантарских и Курильских островах, восстановления Олюторского острога, устройства дорог, строительства судов и т. д. (Сгибнев, 1869в, с. 17—24). Писареву предлагалось организовать в Охотске народную школу, но не для «одной грамоты», а и для «цифры и навигации», разумно полагая, что в результате учебы могут «люди к службе знающие возрастать, а не дураками оставаться». Очень интересен 30-й пункт инструкции: «...иметь в команде капитана Павлуцкого и с ним посланными людьми, которой отправлен был с Шестаковым, а Шестаков убит от чукч, а о Павлуцком никакой резолюции нет»². Вспомним, что в период составления инструкции Сибирский приказ не имел еще сведений о Павлуцком, донесения которого поступили только в конце 1732 г.

¹ ЦГАДА, ф. 248, кн. 666, л. 441.

² Там же, кн. 164, л. 733.

Летом 1731 г. из Адмиралтейской коллегии были отправлены в охотскую команду «для показания препорцей к делу судов и ради ходу по морю» 15 человек, в том числе 6 матросов, плотничный командир И. Захаров, штурманы С. Хитрово, И. Бирев, А. Дементьев и из Казани — мастер ластовых судов Рогачев и 4 плотника¹.

В начале 1732 г. Г. Г. Скорняков-Писарев прибыл из ссылки в Якутск, где сразу же начались его распри с воеводой Жадовским. Нужно здесь заметить, что, по единодушному мнению историков, в Сибири Писарев стал совершенно иным человеком. Деспотичный, неуживчивый, строптивый и чрезвычайно самолюбивый, он опустил морально, много пил, сочинял постоянно доносы, часто вступал в ссоры то с Жадовским и Павлуцким, то с Берингом, Шпанбергом и другими. Летом 1732 г. ему удалось отправить в Охотск «для заводу» 100 лошадей, а также команду из 28 человек во главе со штурманом И. Биревым, которому поручили до своего прибытия в порт руководить всеми делами в остроге и на Камчатке. Пока Писарев, преодолевая большие затруднения, занимался в Якутске организацией строительства судов, заготовкой провианта и снаряжения, из Санкт-Петербурга в Сибирь был послан именным указом 17 апреля 1732 г. об отправлении В. Беринга на Камчатку и о переводе «в прежнее место, где он содержан был», охотского командира. В начале марта 1733 г. Скорняков-Писарев выехал к месту своей ссылки — в Жиганск. Между тем подготовка к выступлению Беринга с экспедицией в морской поход вновь оставила открытым выбор командира «для управления в Охоцке и других тамошних и камчатских земель». В конце концов Г. Г. Скорняков-Писарев вторично получил назначение в Охотск. 21 ноября 1733 г. он приехал в Якутск, откуда управлял в течение двух лет Охотским портом и Камчаткой. Только осенью 1735 г. Писарев перебрался в Охотск, пробыл там около года и вернулся в Якутск, не выдержав, как полагают многие исследователи, столкновения с грубым и жестоким М. Шпанбергом. Воистину, нашла коса на камень! Возвратился охотский командир вновь в Охотск лишь в 1737 г. вместе с В. Берингом.

По поводу предписания указов 21 июля и 3 сентября 1731 г. и инструкции, полученных Г. Г. Скорняковым-Писаревым в Якутске 1 апреля 1732 г., у себя «иметь в команде» Павлуцкого сохранилась любопытная переписка между охотским командиром и капитаном, серьезная по существу, но носящая комический оттенок². Повсюду ссылаясь на сенатские указы и указ Иркутской провинциальной канцелярии 29 марта 1732 г., Писарев один за другим трижды (8 мая, 26 мая и 1 июля 1732 г.) посылал Павлуцкому ордера-распоряжения, но все они оставались без ответа.

В первом ордере 8 мая 1732 г. содержались запоздалые и бесполезные советы издали относительно возможных столкновений с чукчами, свидетельствующие о полном незнании Писаревым реальной обстанов-

¹ ЦГАДА, ф. 248, кн. 666, л. 484 об.

² Там же, кн. 164, л. 733—758.

ки. «В озарде не изволь вступать, как учинил Шестаков», — назидательно наставлял из Якутска охотский командир капитана, экспедиция которого к тому времени уже завершила Чукотский поход (1731 г.), а 25 марта 1732 г. подошла к Паренскому острогу.

26 мая 1732 г. Скорняков-Писарев вновь напомнил Павлуцкому о 30-м пункте инструкции, разработанной в Сибирском приказе по распоряжению Сената. После гибели А. Ф. Шестакова в административных кругах Иркутска, Тобольска и в Санкт-Петербурге первоначально проектировалось вернуть всех посланных в экспедицию: Павлуцкого, гренадеров и солдат, штурмана, подштурмана, геодезиста, ботового подмастерье, рудознатца, матросов, «понеже де они получают жалованье не малое, а жить там будут без действия»¹. Предписание о передаче команды Павлуцкого в ведение охотского командира явилось однозначным ответом на неоднократные запросы сибирских властей о дальнейшей программе работ экспедиции Шестакова — Павлуцкого.

В третьем ордере 1 июля 1732 г. Скорняков-Писарев предложил Павлуцкому принять к немедленному исполнению некоторые из своих многочисленных и трудноосуществимых в действительности «прожекторов». «По положению мест, как я разсудил, смотря по ланкарте», — писал Писарев, — необходимо построить вместо Олюторского острог в устье Анадыря или на р. Березе, а другой острог — в устье Пенжины. В новопостроенных острогах оставить по 50 казаков. К ордеру прилагался «чертеж с мерами» — «каким маниром те остроги строить». На бумаге Писарев определил и маршруты для Павлуцкого: идти в Охотск через Чандон, Яму и Тауйск, по пути расчищая «в лесных местах» дорогу сажень на пять, на «малых» реках — наместить мосты, на больших — «поделать» плоты, «дабы тою дорогою всегда сухим путем на Камчатку комуникация была». Однако, жаловался Писарев в конце 1733 г. в Сибирский приказ, Павлуцкий, «презря» все указы и ордера, ничего «не учинил», ни о чем не рапортовал, а уехал 5 ноября 1732 г. из Анадырска в Якутск, где и живет.

При вторичном назначении Г. Г. Скорнякова-Писарева одновременно было решено, что до его «нескорого» прибытия в Охотск «розыскное дело» на Камчатке должны закончить Мерлин и Павлуцкий, которым поручалось иметь там «главное правление». С приездом Писарева в Якутск последовали новые ордера к живущему там же Павлуцкому. В ордере 12 декабря 1733 г. разгневанный Скорняков-Писарев, опять ссылаясь на инструкцию и указы о подчинении ему Павлуцкого с командой, потребовал объяснений по поводу невыполнения всех предыдущих распоряжений. В девяти пунктах этого пространного ордера охотский командир повторил содержание всех своих ордеров, обвинил Павлуцкого в умышленном ослаблении Анадырского острога, в недоборе ясака и даже в бегстве служилых людей от голода на Камчатку из строившегося Олюторского острога.

Через несколько дней — 17 декабря Писарев получил наконец пер-

¹ ЦГАДА, ф. 248, кн. 666, л. 742.

вое и последнее «известие» от Павлуцкого, который по существу не ответил ни на один из пунктов ордера, но самым тщательным образом, не без подтрунивания, перечислил все полученные им в Якутске указы, все, кроме тех, на которые ссылался охотский командир. В этом перечне центральное место Павлуцкий отвел указу Тобольской губернской канцелярии 28 октября 1732 г. об отправлении командиром в Охотск до прибытия Беринга не Писарева, а капитана Княгинкина, сообщил об исполнении указа 30 октября 1732 г., предписывавшего выслать служилых людей из партии на Камчатку к майору Мерлину. Далее он изложил содержание сенатского указа, полученного 2 сентября 1733 г., о присвоении ему звания майора и указа Иркутской провинциальной канцелярии с повелением обождать в Якутске В. Беринга, «понеже о партии и обо всем дана ему, Берингу, полная мочь, а до прибытия его в Якутск чинить мне о партии и о починке острогов по данной инструкции... во всем непременно». Упомянул Павлуцкий и о распоряжении из Тобольска, поступившем к нему 11 сентября 1733 г., выехать на Камчатку для проведения совместно с Мерлиным следствия. В заключение Павлуцкий подчеркнул, что о деятельности партии в 1731—1732 гг. своевременно рапортовано в Тобольск и Иркутск. Таким образом, он дал совершенно недвусмысленно понять, что не считает Писарева своим командиром. Более того, он категорически заявил своему корреспонденту, что если к «Охоцкому правлению от партии что потребно и нужно будет и о том благоволи требовать промемориями, как е. и. в. указы повелевают, а ежели благоволишь паки такими ж ордерами требовать, то от партии ответствия к Вам никакова присылать не буду»¹.

Последнее слово Скорняков-Писарев пытался оставить за собой: его бескомпромиссный ордер 19 декабря 1733 г., содержащий истолкование всех полученных указов, заполнен новыми распоряжениями. Он великолепно понял иронический смысл отписки Павлуцкого, отметив, что последний «ни о чем не отвечал», а писал о разных делах, не имеющих никакого отношения к запросу. «Никакова виду я не вижу... чтоб тебе с посланными с тобой людьми в команде моей не быть», — увещевал Писарев Павлуцкого и приказал в двухнедельный срок подготовиться к выезду в Анадырский острог, а также вывести людей из Олюторского острога, поставить новые остроги в устье Анадыря, в устье Пенжины или Парени, а затем по пути в Охотск установить постоянную сухопутную дорогу. В связи с попыткой организовать регулярное почтовое сообщение между Москвой и Камчаткой до прибытия Беринга Г. Г. Скорняков-Писарев по согласованию с Тобольском возведение отдельных почтовых участков возложил на Охотское правление (Якутск — Охотск, Охотск — Тауйский острог), Якутскую воеводскую канцелярию (Якутск — Илимск), камчатского командира И. Добрынского (Камчатка — Пенжинский острог). И в этом тогда не осуществившемся в целом проекте Павлуцкому поручалось учреждение в «жилых местах» 13 почтовых станом от Пенжинского до Тауйского острога (в Пенжинском ост-

¹ ЦГАДА, ф. 248, кн. 666, л. 751 об. — 752.

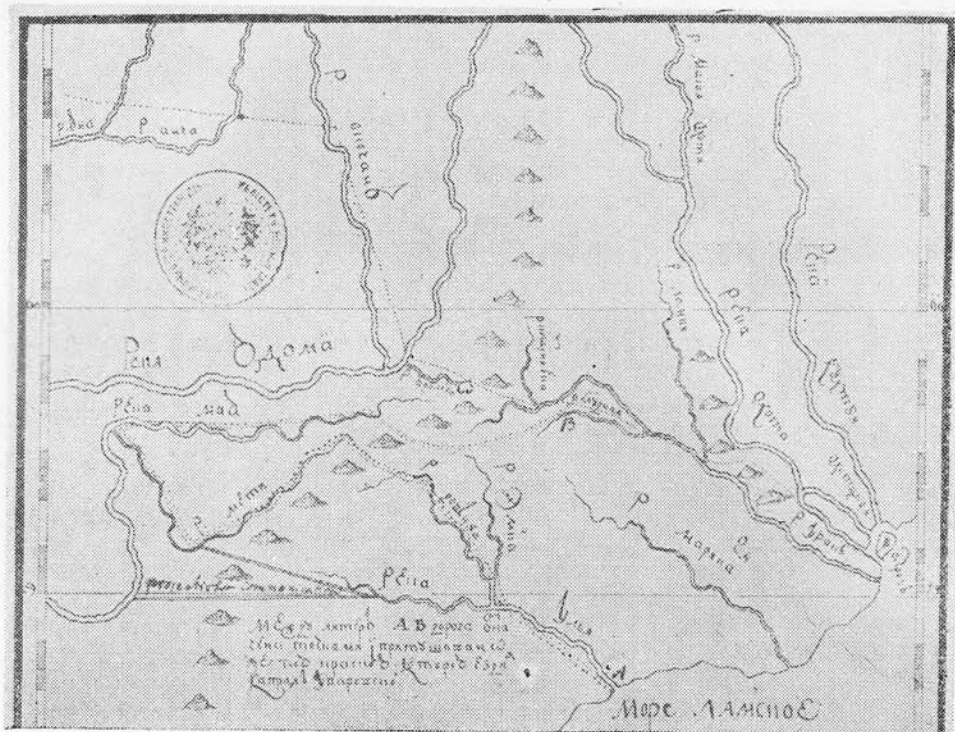
роге, на р. Парене, Чандоне, Аеларе, Туватуме, Вилеге, Канеге, Тумане, Ирети, Яме, Сиглане, Оле, в Тауйском остроге). Предлагалось определить точное расстояние между станами, время преодоления пути между на собаках, а летом на байдарках, выделить на каждом стане по три «лучших мужика», определив им плату за «извоз» (то есть за перевозку корреспонденции) по деньге за Версту. В заключение Писарев запретил Павлуцкому ехать на Камчатку через Охотск, мотивируя свое решение тем, что, во-первых, майор должен быть в Анадырском остроге при своих подчиненных, оставшихся без командира, во-вторых, все равно в Большерецкий острог он не попадет ранее октября 1734 г., а к тому времени В. Ф. Мерлин вполне сможет все дела по следствию на Камчатке закончить самостоятельно. За «непорядки и преслушание» Писарев угрожал арестом, отстранением от должности и преданием военному суду, но Павлуцкий, ознакомившись с ордером, не испугался и не принял его у посланных поочередно копииста Дасаева, подканцеляриста Колпашникова и штурмана А. Дементьева. Лишь последнему в конце концов удалось положить злополучный ордер майору на стол.

Вся эта бумажная перепалка изложена Скорняковым-Писаревым — мастером подобной переписки — в подробном рапорте 31 декабря 1733 г. в Сибирский приказ. Будучи образованным инженером, понимающим толк в графических материалах, охотский командир часто и умело использовал карты, планы и чертежи. И к рапорту в Сибирский приказ были приложены чертежи проектируемых острогов и «чертеж с мерами» о почте. Информировав Москву, а также сибирскую администрацию (в Тобольске и Иркутске), Скорняков-Писарев добивался утверждения намеченных им санкций, потому что не надеялся, что Павлуцкий будет выполнять все его распоряжения и поедет в Анадырский острог — «он человек упрямой и уже начатки своего противления не в приеме ордера показал».

Известны и многие другие проекты, записки, доносы и жалобы Г. Г. Скорнякова-Писарева. В одной из сенатских справок «О Писареве» изложен его проект «пресечения лихоимственных взяток»¹. Предложение осуществлять сбор ясака офицерами и солдатами сибирского гарнизона сопровождалось подробным, со знанием дела, описанием жесточайших поборов и ухищренной практики взяточников и «лихоимцев» — должностных лиц Жиганского зимовья и Якутска, начиная от ясачных сборщиков и кончая воеводой, которые «так приобыкли, что никаких страхов не боятся» (Колониальная политика, с. 50). Перу Г. Г. Скорнякова-Писарева принадлежит, как выяснилось, анонимный, подготовленный для императрицы Елизаветы Петровны негативный «Краткий экстракт о Камчатской экспедиции» (Экспедиция Беринга, с. 367—372).

Осуществление проекта восстановления камчатских острогов после ительменского восстания Писарев поручил В. И. Казанцеву, который «несколько фортеции умеет, дав ему чертеж и написав места, где остроги Нижней Камчатской и Большерецкой построить». Выбор новых

¹ ЦГАДА, ф. 248, кн. 666, л. 441—447.

Г. Г. Скорняков-Писарев. Чертеж маршрута рекогносцировочной поездки капитала И. Уваровского в поисках коммуникаций в районе междуречья Охоты, Юдомы, Мани и Ульи. Октябрь 1736 г.
ЦГАДА, ф. 192, Иркутская губ., № 104.

мест для строительства охотский командир обосновал тем, что старый Нижний острог «был в опасном месте близко горы, из которой огонь выбрасывает и частое трясение земли делает», а Большерецкий — от моря «в дальности»¹. Первоначально Казанцев имел от Охотского правления иное задание, и в июле 1732 г. был послан на Камчатку для строительства двух церквей (в Большерецком и Нижнем Камчатском острогах)². Вместе с штурманом И. Биревым, казачьим сотником С. Амосовым, матросами и служилыми людьми В. И. Казанцев 16 июля 1732 г. выехал из Якутска, 30 сентября прибыл в Охотск и 2 октября направился на «Фортуне» в Большерецкий острог. Сохранился интересный отчет Казанцева об этом путешествии — «Диурнал о тракте от Якутска до Охоцкого острога, которым трактом ходят в летнее время вершными выюшными коньми...»³.

Если в Якутске споры между Скорняковым-Писаревым и Павлуцким

¹ ЦГАДА, ф. 248, кн. 666, л. 443.

² Там же, кн. 164, л. 1225 об.—1226.

³ Там же, кн. 7312, л. 192—194 об.

оказались неразрешимыми, то на Камчатке все распоряжения охотского командира выполнялись неукоснительно. Правда, вернувшийся из морского похода М. С. Гвоздев, возглавивший командование и ботом и Камчатской партией, оказался в очень сложном положении, непосредственно подчиняясь фактически сразу трем лицам — Павлуцкому, Скорнякову-Писареву и Мерлину. Этот период жизни геодезиста (1733—1735) в литературе совершенно не освещен.

Оценив по достоинству смелые и умелые действия Гвоздева и Спешнева во время восстания 1731 г., Писарев велел быть с комиссаром у ясачного сбора судовому подмастерью, который «во взятые изменников службу свою показал»¹. Почти одновременно 4 ноября 1732 г. сибирский губернатор выслал Павлуцкому и селенгинскому коменданту Бухгольцу указы, в которых объявлялось, что если в Нижнем Камчатском остроге у Спешнева мало служилых людей, то срочно отправить к нему пополнение, а самому подмастерью быть в остроге до прибытия Мерлина². Предполагалось, что глава Розысканой канцелярии прибудет в Охотск к 1 сентября 1733 г., исходя из чего 8 мая 1733 г. Иркутская провинциальная канцелярия указала охотскому приказчику организовать скорейшее отправление В. Ф. Мерлина на Камчатку с необходимыми материалами и людьми, выделив в его распоряжение морское судно³. По этому поводу подробные предписания камчатским руководителям Гвоздеву и Спешневу, а также Генсу были разработаны в Якутске и подписаны Скорняковым-Писаревым 10 ноября 1732 г., но только к адресатам они попали спустя 8 месяцев. На Камчатке М. С. Гвоздев руководствовался другим полученным им 29 марта 1733 г. указом охотского командира, которым предлагалось немедленно отправить Я. Генса в Охотск на боте «Св. Гавриил». 6 апреля Гвоздев послал копию указа штурману с припиской: «...а бот «Гавриил» имеет немалую течь»⁴. На другой же день Генс потребовал передать в его ведение бот со всеми припасами и материалами для ремонта бота и снастей (20 ведер смолы, 6 сажен дров, 15 шестов длиною по «полшесты» сажен, «толстого березнику» на блоки и шкивы, 50 веников, уголь), шлюпку с веслами, запасные весла и реи и другое оборудование, а также прислать толмача А. Змиева, морехода, матросов, 14 служилых людей. 20 апреля Генс вновь обращается к Гвоздеву, но не получает никакого ответа⁵. Около года находясь практически не у дел, Генс прекрасно понимал, что вместе с приемом у геодезиста судна с экипажем и снаряжением он сразу же приобретет определенную власть и некоторую независимость. Потому понятны его нетерпение и настойчивые действия, направленные на ускорение событий. А между тем, по-видимому, отношения штурмана и геодезиста продолжали оставаться напряженными, и Генс ищет посредника в переговорах с Гвоздевым. Неожиданным союзником оказался В. И. Ка-

¹ ЦГАДА, ф. 248, кн. 164, л. 791.

² Там же, кн. 666, л. 296 об.

³ ЦГАВМФ СССР, ф. 216, д. 4, л. 215.

⁴ Там же, д. 3, л. 219.

⁵ Там же, л. 220; д. 4, л. 29 и об.

занцев, который тоже не поладил с Гвоздевым и Спешневым. В письме-жалобе 19 мая к бывшему капитан-поручику Генс подробно изложил ситуацию: ему приказано ехать немедленно в Охотск, а геодезист не отдаст бота и не присылает людей. Все это, замечает далее штурман, «являет ево, Гвоздева, по-видимому, непорядочные поступки, что своею продерзостию чинит е. и. в. указу противность, а в отправлении моем остановку». Особое негодование у Генса вызвали слухи о намерении геодезиста во время ремонта судна заняться его килеваньем — «а ведаю, что он, Гвоздев, к оному делу искусства не знает, а чтоб не учинил оному боту пущего вреда»¹. Штурман настоятельно просил Казанцева от своего имени письменно уведомить Охотск и сообщить Гвоздеву о его «противности и непорядках». Наконец 22 мая М. С. Гвоздев объяснил Генсу об «отдаче» судна, припасов и материалов — всего, «что имеется налицо», а также матросов, морехода, толмача и служилых людей. По именному реестру геодезиста команду бота составили К. Мошков, А. Змиев, матросы Л. Сметанин, А. Назаров, М. Гусельников, 14 служилых людей, в том числе И. Скурихин, «для письма» И. Шангин, «для починки парусов» А. Круглый. Задержку с передачей служилых людей Гвоздев объяснил тем, что все они были в распоряжении Спешнева и посылались для заготовки леса и досок для починки судна, а отправленные для выкурки смолы и заготовки сухих дров и «поныне еще не бывали»². В тот же день без малейшего промедления Я. Генс осмотрел и принял бот. Подтверждая необходимость ремонта «Гавриила», штурман просил Гвоздева приказать Спешневу изготовить два восьмидюймовых шпиля, откомандировать на судно 2—3 плотников и прислать человек 15 «для переводу оного бота на место, где он килуван будет. И впредь, ежели к работе нужда поимеетца, чтоб отправлял к работе без письменного требования, дабы излишечной бумаги не тратилось»³. 23 мая Гвоздев присылает Генсу весь судовой экипаж, в именном реестре которого показал личное военное снаряжение служилых людей (например, И. Скурихин — фузея, палаш с портупеей, пороха нет, 12 жеребьев; Ф. Паранчин — фузея своя, 10 патронов с пулями и т. д.)⁴.

Между тем на Камчатке предварительное следствие по делу о востаннии ительменов вели М. С. Гвоздев и И. Спешнев, получившие от Скорнякова-Писарева предписание «в камчадалских острогах о непорядочных поступках и лихоимственных взятках розыскать и иноземцов, кого надлежит, допрашивать». К «розыску» со 2 марта 1733 г. присоединился С. Гардеболь. На розыском съезде дворяне Нижнего Камчатского острога геодезист со своими товарищами проводили допросы и очные ставки, рассматривали поступившие жалобы и скаски служилых и ясачных людей. По запросам и требованиям триумvirата поступали различные документы и свидетельства. Так, в ответ на запрос 7 марта Я. Генс через два дня передал копии первых допросов Ф. Харчина и его

¹ ЦГАВМФ СССР, ф. 216, д. 4, л. 3 об.

² Там же, д. 3, л. 15 и об.

³ Там же, л. 210 и об.

⁴ Там же, д. 4, л. 222.

брата, а также «доезд» солдата А. Змиева. Последний был вызван 17 июня на допрос в связи с поступившей на него жалобой ясачного Семена Трифонова о злоупотреблениях при сборе ясака на Уке¹.

Для проведения следствия в Верхнем Камчатском остроге 5 июня туда отправился вначале С. Гардеболь, а затем «с оставшими делами» — И. Спешнев².

В мае — июне 1733 г. Гвоздев и Спешнев основное внимание уделяли подготовке к отправлению судна в морской поход, организации его ремонта, а также определению, кого и что в первую очередь необходимо везти в Охотск. Переписка этого периода между ними и Генсом носит исключительно деловой характер и касается вопросов снабжения и починки. Так, по требованиям штурмана 25 мая Спешнев начал изготовление двух стрел для бота и организовал заготовку угля для ремонтных работ. 4 июня Гвоздев выслал Генсу две дести писчей бумаги, два фунта нитей для починки парусов, а 18 июня в связи со «скудостью кормовых припасов» на корабле передал с матросом А. Назаровым 3 сумы ржаной муки³.

Началось комплектование судна пассажирами. По просьбам комиссара Верхнего Камчатского острога И. Эверстова М. Гвоздев и Я. Генс решили принять на бот «для отвозу» в Охотск заказчика Нижнего острога И. Крикова с тремя служилыми и с казной О. Ступина с товарищами⁴.

Совершенно неожиданным явилось доношение, адресованное «имеющему команду бота «Гавриила» штурману Генсу» от В. И. Казанцева, объявившего о своем намерении выехать в Охотск. Для уяснения мотивов этого желания нужно прежде всего рассмотреть промеморию Я. Генса 2 июня 1733 г. на розыскной съезжий двор С. Гардеболу с товарищами⁵. По рассказу штурмана, 31 мая, будучи на работе на судне, он сошел на берег для осмотра блоков. Здесь же оказался В. И. Казанцев. В это время, выйдя из ясачной избы, матрос Леонтий Петров «всенародно извещал нам словесно на геодезиста Гвоздева, что де он, Гвоздев, морит ево, Петрова, под своим караулом голодною смертию и не велит ево из ясачной избы выпускать ни на малое время, разве кроме телесных нужды; а я де на нево показал по важному делу и ныне де умираю голодною смертию, не кормит и в мир не отпускает». Отношение Генса к Гвоздеву нам известно. И здесь он не упускает случая лишний раз осудить геодезиста: «И сие являетца весьма подозрительно...; не слыхано, чтоб ответчик показателя содержал под своим караулом». Затем штурман вспоминает, как в свое время (имеется в виду май 1732 г.) «команды нашей матросы к нему, Гвоздеву, в команду письменно не отданы, взял он их сильно». В стремлении любым способом очернить Гвоздева Генс прибегнул к явной фальсификации фактов. На

¹ ЦГАВМФ СССР, д. 5, л. 16, 74 и об.

² Там же, д. 4, л. 121, 203.

³ Там же, д. 3, л. 208 и об., 218; д. 4, л. 43, 234; д. 5, л. 31.

⁴ Там же, д. 4, л. 36, 207.

⁵ Там же, д. 3, л. 47 и об.

самом деле, в начале мая 1732 г. отстраненный от руководства партией и оставленный по болезни в остроге при сдаче бота, людей, всех дел и имущества, он писал геодезисту: «...передаю тебе в команду солдат и служилых и матросов»¹.

В заключение Генс обосновал необходимость отдать ему в команду под расписку Л. Петрова «в той крепь, в которой он имеетца скован, для необходимой нужды к починке бота» и «чтобы мне его поставить к Охотскому правлению и не утратить, понеже он весьма потребен и в работе матроской искусство весьма знает». Штурман угрожал доносами «кому надлежит» в том случае, если матрос не будет прислан для работы в самом скором времени.

Однако Гвоздев и Спешнев, пренебрегая угрозами, под расписку Генсу матроса не отдали. Вначале Петров содержался у Гвоздева «в крепь», в связи с объявлением на геодезиста «слова и дела» по первому и третьему пунктам, а затем был передан Спешневу на съезжий двор и находился под караулом «скован для отвозу» в Охотск².

Против М. С. Гвоздева выступил 5 июня и В. И. Казанцев, который донес Генсу о перипетиях своего пребывания на Камчатке³. Он показал, что по распоряжению Г. Г. Скорнякова-Писарева и в соответствии с выданной инструкцией и чертежами ему было велено построить два острога — на р. Большой и р. Камчатке. А «в товарищах со мною при той работе велено быть геодезисту Михаилу Гвоздеву или пробирному мастеру Симону Гардеболу». Строительство острога предполагалось осуществлять «здесьними казаками и казачьими детьми и посатскими промышленными людьми и которые в партии обретающа на Камчатке служилыми людьми». Гвоздев, которому «партовская команда приказана», должен был откомандировать на работу служилых людей партии⁴. Казанцев описал, как, приехав в Большерецк, он дважды (7 декабря 1732 г. и 15 марта 1733 г.) письменно обращался к М. Гвоздеву с призывами организовать и проверить исполнение «нижнеострожными и партовскими» (то есть партии. — Л. Г.) служилыми людьми приказа «о рубке к тому строению леса и делании башен». 15 мая капитан-поручик прибыл в Нижний Камчатский острог и обнаружил, что «ничего не сделано, а люди имелись и ныне имеюща в команде у геодезиста Гвоздева». По данным Казанцева, 28 мая служилые люди подали доношение, в котором отмечали, что не имеют «корму» и на работу идти им «не с чем». В том же доношении они «показанное место, где велено острог строить, похулили, а удостойно им другое». Казанцев жаловался на то, что служилые люди были отпущены на промыслы на неопределенный срок, и когда он об этом заявил, то «товарищи мои на меня крычат, почему де они знают, как скоро промыслят себе корм». В связи с этим незадачливый строитель констатировал: «время прошло половина лета, а дела никакова к строению не делается». Испуганный Казанцев

¹ ЦГАВМФ СССР, д. 3, л. 187 об.

² Там же, д. 4, л. 96.

³ Там же, л. 121 и об.

⁴ Там же, л. 29.

вполне откровенно пишет далее о своих страхах и опасениях. Узнав о том, что Гвоздев «явился в подозрении — показано на него важное дело по двум пунктам», капитан-поручик рекомендовал С. Гардеболью «отрешить от команды» Гвоздева и послать в Охотск, так как по указам «подозрительным людям ни у каких дел быть нельзя, прежде своего оправдания». Гардеболь 5 июня уехал в Верхний острог, «а я — продолжал Казанцев — с ним, Гвоздевым, у одного дела за таким ево подозрением быть опасен, понеже и еще произносятся ко мне на него, Гвоздева, многие словесные жалобы в его нападках, також де имеются у меня на него письменные изветы¹; к тому же судового дела подмастерья Иван Спешнев порицает меня вором и бранит матерны всенародно». Единственное спасение в том, чтоб «здесь живучи праздно и от таких непорядочных дел и злых порицаний безвременную смертию не умереть», Казанцев увидел в спешном отъезде в Охотск.

17 июня М. С. Гвоздев направил на бот И. Спешнева с казенными деньгами и «соболойной и лисишной казной», колодником Петровым и двумя караульными. Он просил Генса «дать кают, где можно положить казну и следственное дело», и уведомить о дате отплытия судна, чтобы к этому сроку «управитца» с розыскными делами².

В назначенный Генсом день отплытия — 19 июня — Гвоздев сообщил штурману, что к отсылке в Охотск рапорты и розыскные дела у него набело еще не переписаны. По-видимому, именно в этот период геодезист заканчивал пока не отысканный рапорт 22 июня 1733 г. о морском походе 1732 г. «И того для, — писал Гвоздев, — благоволите от острова не отваливать и обождать, а как исправлюся с репортами и з делами, то за нами же и отбудешь»³.

22 июня Гвоздев послал на бот к Генсу еще одного колодника «для объявления» его Охотскому правлению. Им оказался служилый человек Илья Скурихин, один из участников морского похода к берегам Аляски, который 17 июня на розыском съезде двора «крычал», что знает «важное дело» по второму и третьему пунктам на ботового дела подмастерья Ивана Спешнева⁴. Существо «дела» излагалось в рапорте геодезиста Г. Г. Скорнякову-Писареву, но нами он не найден, так же как до сих пор не обнаружены конкретные обвинения, выдвинутые Петровым против Гвоздева.

Доносы Петрова и Скурихина не являлись каким-то исключительным явлением, они весьма показательны и характерны для нравов того времени и распространенной системы доносительства, порожденной эпохой. Недаром в конце 50-х гг. XVIII в. сибирский губернатор Ф. И. Соимонов составил детальную классификацию «доносителей» и лжесвидетельств

¹ Среди бумаг Я. Генса хранится недатированное письмо (по-видимому, после мая 1732 г.) неизвестного лица, в котором содержалась жалоба на то, что «...геодезист куда не дает... все доправливает, тако и матросов держит у себя в команде и стегает кошками, чего б ему и делать не подлежало» (ЦГАВМФ СССР, ф. 216, д. 4, л. 24).

² Там же, л. 203 об.

³ Там же, л. 176.

⁴ Там же, д. 3, л. 216 и об.

(Гольденберг, 1979, с. 136—137). Не избежал участи своих товарищей и С. Гардеболь, на которого также поступил (5 июня) от служилого Ивана Садовникова извет «в бросании с титулом доношения»¹.

9 июля бот «Св. Гавриил» вышел из устья р. Камчатки в море. Но судно оказалось плохо подготовленным к трудному морскому походу вокруг Камчатки и через Ламское море. Обнаружилась серьезная течь — за сутки вода прибывала на 9 дюймов. При полном безветрии Генс предложил вернуться для ремонта в устье к пристани. По принятому обычаю, он предложил матросам и служилым людям, согласным с его решением, подписаться в судовом журнале. Свои подписи оставили В. И. Казанцев, И. Спешнев, К. Мошков, М. Гусельников, А. Назаров, А. Змиев и другие².

Вернувшись, командир бота сразу же запросил у Гвоздева «вспоможения», требуя прислать со Спешневым плотников и «рабочих» людей. Генс постоянно ощущал свою зависимость от геодезиста, в ведении которого находился весь личный состав партии, в том числе и плотники, и хозяйственное имущество. Недаром 11 июля он писал Гвоздеву: «...приказывал ты ко мне с солдатом Александром Змиевым, чтобы я с бота людей на остров к вам не отпускал, понеже де ты имеешь опасение. А нам ныне бес того пробывать не можно, чтоб к вам не ездить, ибо у нас буде имеетца всегдашняя нужда и всегда люди будут посылатца»³.

Несмотря на «малолюдство» служилых, в большинстве отправленных на рыбные промыслы, Гвоздев сумел собрать плотников и послать их со Спешневым на судно. Забота о пропитании, добыча «кормовых припасов» глубоко затрагивали интересы всех камчатских жителей, русских и аборигенов, рядовых и командиров разных рангов. Так, в письме Генсу 5 июля Гвоздев между другими сообщениями подчеркнул, что с острова «отлучился я для своей крайней кормовой нужды на одне сутки». Даже содержащиеся под стражей беглые из Олюторского острога из-за «кормовой скудости» на Камчатке выпускались «для прокормления на поруках». Экипаж бота «Св. Гавриил» в коллективном доношении своему командиру настоятельно просил выдать денежное и хлебное жалованье. Матросы не получали его с 1731 г., а солдаты и служилые люди — с 1732 г., отчего «пришли во всеконечную скудость и нищету». 27 июля Генс рапортовал Гвоздеву и Спешневу о том, что «у нас служилые люди кормы все придержали и питатца им нечем», в связи с чем просил приказать жителям Нижнего Камчатского острога оказать «нам кормом споможение — давали б на каждой день рыб по 30 свежих кеты или горбуши»⁴.

В середине июля геодезист, подмастерье и штурман были заняты организацией ремонта «Гавриила», а также поисками и отбором «годных припасов», склянок, компасов и т. п. Правда, при этом в ответ на неоднократные просьбы штурмана прислать дополнительно плотников в

¹ ЦГАВМФ СССР, ф. 216, д. 4, л. 60.

² Там же, д. 3, л. 3 и об.

³ Там же, д. 5, л. 2 и об.

⁴ Там же, д. 4, л. 40, 53 об. — 54, 94.

команду Спешнева М. Гвоздев высказывал опасения, что Генс мог их «увезти на боте с собою» и тем самым «чинить острожному строению остановку»¹. Геодезист, ответственный за строительство острогов, без письменного указа о передаче опытных плотников не торопился отдавать их для проведения ремонтных работ.

Подготовка к морскому походу заняла июль, август и середину сентября 1733 г. Особенно трудоемкими при ремонте оказались работы плотников и кузнецов².

Летом 1733 г. на «Фортуне» в Большерецкий острог были доставлены важные распоряжения Г. Г. Скорнякова-Писарева, которые поступили в Нижний Камчатский острог 20 июля 1733 г. Ими явились указы 10 ноября 1732 г. И. Спешневу, М. Гвоздеву, Я. Генсу и И. Биреву, в которых охотский командир стремился регламентировать деятельность камчатских правителей по управлению краем. С этого времени начался новый этап в жизни партии и камчатской администрации.

Распоряжения Скорнякова-Писарева послужили на ближайшие месяцы основной программой работ. В указах предписывалось: 1. Как только станет возможно, штурману Генсу выйти в море на судах «Св. Гавриил» и «Фортуна» и, взяв с собой матросов, идти в Охотск. На Камчатке оставить в каждом остроге из партии по 20 служилых людей, а остальных, сверх 60, в том числе В. Шестакова, привезти с собой. Кроме того, захватить служилых по реестру, «написанных в поселение в Охотск» (10 человек); 2. Доставить вместе с собранным ими ясаком комиссаров И. Эверстова и С. Трофимова, «пищика» М. Борисова; 3. Привезти всю «зборную яшашную казну», которую собирали Л. Петров, А. Змиев и другие сборщики из партии, а также полученную И. Спешневым и М. Гвоздевым «мяхкую рухлядь» от служилых и участников восстания. Категорически запрещалось («под великим штрафом») провозить с собой камчадалов, как мужского, так и женского пола, взятых в плен служилыми во время восстания 1731—1732 гг.; 4. Прибыв в Охотск, никого с судов не выпускать и ничего не выгружать до тех пор, пока штурманом И. Биревым не будут проверены по ведомости все «пожитки» прибывших в порт³.

М. С. Гвоздев и И. Спешнев довели до сведения Генса отдельные пункты полученного ими указа. В одном из них повелевалось «объявить всех чинов людям, чтоб никто пожитков на Анадырский острог и другими дорогами не высылали, кроме чрез море в Охоцк». Все предупреждались, особенно «купецкие люди», о запрете провозить какие-либо пожитки от имени комиссаров Эверстова и Трофимова. За нарушение приказа устанавливались жесткие санкции. В другом, четвертом пункте содержалось указание отобрать у камчатских жителей всех ительменов, взятых в 1731—1732 гг. в плен, или в прежние годы купленных ясачных людей и «некрещеных всех велеть крестить и дать волю и велеть им жить вблизи о острогов», не далее 10—15 верст. Предписывалось так-

¹ ЦГАВМФ СССР, ф. 216, д. 4, л. 18, 187 и об., 192, 193, 198а, 226, 228 и об.

² Там же, д. 5, л. 28; д. 4, л. 53 об.

³ Там же, д. 3, л. 5—6; д. 4, л. 42, 52 и об.

же допросить тех служилых людей, которые ездили в 1730—1733 гг. собирать ясак, «по сколько мест чашины с ясашных людей с одного человека они брали»¹. В связи с показаниями камчатских служилых людей Семена Бубякина с товарищами о злоупотреблениях пятидесятника А. Штинникова, служилых Осипа Соловьева, Ивана Герасимова, Никиты Дурынина, Максима Плотникова, Михаила Сапожникова, солдата А. Змиева охотский командир распорядился всех арестовать, а Штинникова, «оковав в кандалы», прислать в Охотск вместе с описью всех его «пожитков». Здесь же указывалось выслать Харчиных и других наиболее активных участников и зачинщиков восстания.

Среди многих разделов указа для геодезиста и подмастерья центрального, несомненно, явилось распоряжение Гвоздеву и Спешневу «принять: все три камчадалские острога и тех острогов жителей, как служилых людей, так торговых и промышленных, и служителей всех переписать, тако ж... и другие переписи сочинять»². Уже 23 июля они писали Генсу, что «ныне от нас один отправляетца для приему оных острогов и команды и отправления всяких дел»³. А 29 июля Спешнев сообщил штурману о своем отъезде из Нижнего Камчатского острога «для принятия» Большерецкого и Верхнего острогов у комиссара И. Эверстова, а также «в тех острогах жителей: служилых, торговых, промышленных и служителей, и что в тех острогах чево имеетца, и для отправления всяких дел, и для высылки комиссара Эверстова». «А здесь, — продолжал новый правитель острогов, — остается для исправления дел геодезист Гвоздев, которому велено быть по указом со мною обще»⁴.

Перед отъездом Спешнев отослал на бот «Св. Гавриил» колодника Петрова и поручил Генсу содержать его скованным под стражей и привезти в Охотск. 29 июля штурман подтвердил в письме Спешневу, что присланы на судно и взяты под караул для доставки Г. Г. Скорнякову-Писареву: солдат А. Змиев, матрос Л. Петров — «скован по важному делу на геодезиста» и служилый И. Скурихин — «скован же» по доносу на подмастерье. Однако в начале августа Гвоздев на основании показаний казака П. Гуторова вызвал в ясашную избу для допроса А. Змиева, Е. Босикова и других участников сбора ясака в 1732 г. на Уке⁵.

Итак, командиры партии геодезист М. С. Гвоздев и ботового дела подмастерье И. Спешнев стали управлять Камчаткой. В их ведении находились все камчатские остроги, все служилые люди на полуострове. Они же продолжали возглавлять следствие по делу о восстании ительменов и осуществлять контроль за сбором ясака на Камчатке и Курильских островах. Кроме того, Гвоздев непосредственно руководил строительством и укреплением острогов, а Спешнев занимался судовыми ремонтными работами. Теперь Генс, строго придерживавшийся формальных

¹ ЦГАВМФ СССР, ф. 216, д. 5, л. 12 и об., 29 и об.

² Там же, д. 4, л. 194.

³ Там же, л. 52 об.

⁴ Там же, л. 195 и об.

⁵ Там же, л. 68 об., 96 об.; д. 5, л. 12 об.

правил субординации, все свои промемории и письма уважительно адресовал либо в Нижний острог «имеющему команду господину геодезисту Гвоздеву», либо в Большерецкий «имеющему команду...» Спешневу¹.

Для более полного уяснения причин выбора управителей Камчаткой, павшего на геодезиста и подмастерье, весьма показательно доверительное письмо от 1 июня 1732 г. Г. Г. Скорнякова-Писарева из Якутска в Иркутск вице-губернатору А. И. Жолобову. Напомню, что приводимые далее строки написаны человеком, который провел более трех лет в ссылке, неожиданно получил ответственную должность и жаждал вначале осуществить на деле многие свои проекты. Писарев писал: «...что же изволишь упоминать, чтоб мне камчатской ясак взять на свои руки, и я за такую е. и. в. высокую милость, что е. и. в. уже меня, погибающего душой, воскресила, с радостию сие исполнять хочу, токмо якутскими обывателями некем, ибо иные мало не все приобыкли к лихоимству, что ничем вскоре отвратить невозможно. И ежели ко мне пожалуешь, пришлешь из ундер-офицеров добрых человека хотя два или хотя геодезистом Скобельцыну и Шатилову повелишь быть при мне (ибо без геодезистов в разположении мест для поселения и пробыть невозможно), то я с теми геодезистами, придав к ним из партии в помощь людей, сколько надлежит, камчатской ясак надеюсь, за помощью божиею, не токмо к недобором выбрать, но и вдвое может собрать»². Как известно, петровские геодезисты П. Н. Скобельцын и В. Д. Шатилов вскоре получили назначение в академический отряд Второй Камчатской экспедиции. Естественно поэтому, что Писарев остановил свой выбор на достойных, по его критериям, лицах из подвластной ему камчатской партии.

Главной задачей для камчатских правителей стало срочное исполнение полученных летом предписаний из Охотска. В первую очередь было решено представить всех «здесьних партовских служителей к смотру, чтобы с общего согласия разопределить» по острогам «указное число» (60 человек)³. Следует здесь подчеркнуть, что во второй половине 1733 г. камчатская партия бывшей экспедиции Шестакова — Павлуцкого практически расформировывается, ее рядовые участники распределяются в остроги для несения караульной службы и строительства, часть служилых направляется в Охотск и Якутск. Небольшая группа вошла в состав экипажей «Св. Гавриила» и «Фортуны».

23 июля М. С. Гвоздев составил и передал Генсу к смотру именной «Реэстр партовским служителям...». В этом перечне перечислены: 66 человек из Нижнего Камчатского острога, в том числе солдат К. Полежаев, кузнец А. Соломатов, «у приема казны» М. Бескетов, «у записки» И. Шишкин; в Верхнем Камчатском остроге — С. Карандашов; в Большерецком остроге — посланный от партии за сбором ясака на Курильские острова А. Шергин и с ним солдат К. Назаров и 18 служилых людей; при И. Спешневе — В. Шестаков, А. Мешков, Л. Поляков и А. Ко-

¹ ЦГАВМФ СССР, ф. 216, д. 3, л. 13; д. 4, л. 42, 67, 202; д. 5, л. 8.

² ЦГАДА, ф. 248, кн. 164, л. 356 об.

³ ЦГАВМФ СССР, ф. 216, д. 4, л. 52—53.

лесников¹. Всего 91 человек. В другом реестре Гвоздев «извещает, koliko число у солдат и служилых людей имеетца ружья, пороху и свинцу и амуниции». Например, Андрей Верхотуров — у него фузея, фунт пороха, 20 жеребьев².

После смотра в тот же день в «указное 60-е число» в команду Гвоздева — Спешнева для распределения по острогам поступило 49 человек. По требованию геодезиста были оставлены на Камчатке «для толмачества иноземческих допросов» Ефим Пермяков и Алексей Поливанов. В течение августа произошли некоторые замены. Так, вместо Л. Полякова, просившего оставить его в остроге, на бот «Гавриил» отправился Е. Босиков, один человек из судовой команды был оставлен на берегу вместо Н. Нечаева, находившегося «у приему и у продажи казенных товаров». Наконец формирование камчатских гарнизонов завершилось 5 сентября, когда к Спешневу в Большерецкий острог «в добавок» отправилось еще 9 человек³. В свою очередь подмастерье отправил 4 сентября к Генсу на бот Семена Бескова с товарищами (10 человек) — «переведенцев», назначенных к поселению в Охотск. Из них, по просьбе С. Гардеболя, казак П. Волюнкин, находившийся у пробирного мастера для охраны имущества, был заменен С. Высотинским, временно прикомандированным «для указывания и взятых некоторых каменьев»⁴.

Отправление «Св. Гавриила» из Нижнего острога в морской путь явилось значительным событием, потому что оно затрагивало жизненные интересы и касалось почти всего без исключения русского населения Камчатки. К вывозу посылались на бот все служилые люди, оставшиеся сверх 60 человек, должностные лица, управлявшие острогами и ведавшие с 1731 г. сбором ясака, несколько участников восстания, «доносителей» и лиц, привлекавшихся к ответственности за различные правонарушения, казенное имущество (главным образом собранный ясак), многочисленные документы (доношения, рапорты, реестры, переписи, описи, следственные дела, «допросные речи» и т. д., подготовленные М. Гвоздевым и И. Спешневым), а также беглые люди из Олюторского острога. Интересна история их появления на Камчатке.

Летом 1732 г. М. С. Гвоздев допросил 8 беглых служилых людей, которые явились в партию, и их допросные речи и свой рапорт отправил с И. Солдатовым в Анадырск. 17 октября 1732 г. Павлуцкий приказал геодезисту «сыскивать беглых... а сыскав, держать их под крепким караулом»; приехав в Якутск, капитан сообщил 6 апреля 1733 г. Якутской канцелярии о том, что в Олюторском остроге «имеется великой голод», от которого 16 человек ушло на Камчатку⁵. Распоряжение Гвоздеву из Анадырска привез 21 января 1733 г. товарищ матроса Л. Петрова по управлению партией в Тауйском остроге зимой 1729/30 г. Т. Крупышев, которого геодезисту надлежало выслать в Олюторский острог с женой

¹ ЦГАВМФ СССР, ф. 216, д. 4, л. 180 и об.

² Там же, д. 5, л. 7 и об.

³ Там же, д. 3, л. 11, 14, 27 и об.; д. 4, л. 64, 227; д. 5, л. 8 и об.

⁴ Там же, д. 3, л. 30 и об.; д. 4, л. 42, 48, 52, 181; д. 5, л. 6.

⁵ ЦГАДА, ф. 248, кн. 164, л. 737 об.

и детьми, «понеже оной острог построен вновь и населяетца людьми»¹.

23 января 1733 г. Крупышев заявил Гвоздеву, что за то время, пока он ездил с рапортами и указами из Нижнего в Анадырский острог и обратно, Петров «жену ево, Крупышева, изнасиловал блудным грехом», присвоил медный котел ценой в 30 красных лисиц, 2 мешка сладкой травы стоимостью в 20 лисиц и другие «оставшие от него пожитки», а «живучи у него в доме», матрос продал всех собак, «кормы рыбы издержал и во всем ево, Крупышева, разорил». По этому заявлению Петров был допрошен, но «к допросу руки не прилежал» и неожиданно, как позднее объяснял геодезист, «показал в яснойной на меня дела государева, по которому и послан к Охотскому правлению»².

В течение первой половины 1733 г. на Камчатке появилось еще четверо беглецов, в том числе подпрапорщик В. Макаров. 25 июля Гвоздев передал Генсу вместе с именным реестром 12 беглых. На боте заявили они штурману, что «наги и босы и не имеют себе дневной пищи, питаются и здесь христовым именем меж двory, и в морской тракт итти — помереть будет голодною смертию»³. По этой причине штурман взял с собой лишь В. Макарова, С. Горского и солдата В. Попова, а 9 человек отправил 8 августа к геодезисту. В ордерах Павлуцкому 12 и 19 декабря 1733 г. Скорняков-Писарев упоминал о полученных им рапортах М. Гвоздева о 12 беглых, которых геодезист содержал под стражей. Докладывая о них же в Сибирский приказ 31 декабря 1733 г., охотский командир на основании свидетельств привезенных в Якутск В. Макарова и В. Попова сообщил, что от голода из Олюторского острога бежало не 16, а 19 человек и где «обретаются» 7 беглых, «о том известия нет, а надеются, что от голоду померли»⁴.

Вслед за беглыми на судно были доставлены 10 августа Федор и Степан Харчины с двумя соратниками, а на следующий день по их просьбе Гвоздев выслал «на пропитание» из привезенных «родниками» для аманатов запасов 8 связок юколы⁵.

В конце июля стал поступать на бот ясак, собранный посылавшимися по распоряжениям И. Эверстова сборщиками, а также служилыми людьми. Для инвентаризации пушнины «с осмотром» были назначены целовальники В. Шестаков и Е. Босиков, которые принимали ясачную казну, в разное время полученную А. Змиевым, Л. Петровым, Л. Поляковым, А. Шергиным и другими. Присланный из Анадырска в помощь Шергину И. Колодезников передал на бот бобров, собранных на Курильских островах и хранившихся в казенном амбаре Нижнего острога. И. Спешнев сдал соболей и лисиц, поступивших взамен проданной «товарной казны»⁶.

Таким образом, постепенно к началу сентября задания Скорнякова-

¹ ЦГАВМФ СССР, ф. 216, д. 3, л. 13; д. 4, л. 53.

² Там же, д. 4, л. 40 и об.

³ Там же, л. 41.

⁴ ЦГАДА, ф. 248, кн. 164, л. 738, 750, 756.

⁵ ЦГАВМФ СССР, ф. 216, д. 3, л. 13 об., 29; д. 4, л. 42, 52 об., 229.

⁶ Там же, д. 4, л. 52, 54 об., 68, 92 и об., 189 и об.; д. 5, л. 227 и об.

Писарева камчатской администрацией были выполнены. В камчатских острогах в команде геодезиста Гвоздева и подмастерья Спешнева осталось 60 человек и 8 больных. На «Св. Гаврииле» у штурмана Генса из «партовской команды» оказалось 48 человек — матросов, мореходов, солдат и служилых людей¹. Отремонтированный и нагруженный людьми и пушниной «Св. Гавриил» направился к устью р. Большой. Из Большерецкого острога Генс взял на борт судна И. Эверстова, М. Борисова, А. Штинникова, 4 участников восстания и всех служилых людей, подлежащих доставке в Охотск. Рейс закончился благополучно, 25 сентября 1733 г. «Св. Гавриил» вошел в Охотский порт. В тот же день глава походной Розыской канцелярии В. Ф. Мерлин потребовал прежде всего у Генса подробный отчет о том, кто прибыл, что и какие «пожитки» привез из камчатских острогов, а также справку о запасах провианта у судовой команды и прибывших служилых людей². На запрос о продовольствии все отвечали по-разному, матросы и мореход вовсе не ответили. 34 человека повторили ответ Киприана Назарова, который сообщил, что «провианта у себя никакого не имею, а в камчадалских острогах до предбудущей весны пропитатца нечем, а рад государю служить». Иное мнение высказали только наиболее предприимчивые солдаты: К. Полежаев — провианта нет, но «допредь будущей весны пропитатца могу»; А. Змиев — «провианта у себя никакого не имею, а в камчадалских острогах допредь будущей весны снадеюсь пропитание иметь»³.

Подводя итоги опроса, Генс 27 сентября доложил Мерлину, что на боте «Св. Гавриил» и в период ремонта и во время похода «определенного казенного провианту никакого не имеетца, а имели в морском тракте пропитание от Камчатки до Охотска рыбными кормами, кто что мог купить на свои деньги»⁴. Аналогичные сведения об охотских служилых людях представил майору штурман И. Бирев. На основании этих рапортов В. Ф. Мерлин приказал Генсу отобрать из прибывших матросов, мореходов, солдат и служилых людей партии 20 человек «лутчих для морского пути, без которых в морском пути пробить невозможно», включив в это число А. Гиляшева, Д. Шадрина и Г. Хороших. Остальных отпустить в Якутск в связи с отсутствием провианта как в Охотске, так и на Камчатке, отчего служилым людям «допредь будущей весны пропитатца нечем»⁵.

В результате тщательного отбора из 48 человек «партовской» команды 27 получили направление в Якутск. Среди них отметим высланных в первую очередь Л. Петрова и И. Скурихина «по делам», а также В. Шестакова и Е. Босикова, которые привезли собранную партией ясачную казну за 1731—1733 гг. Я. Генс настоятельно требовал 4 подводы для отправления ясака в Якутск без задержки, чтоб «от долго времени

¹ ЦГАВМФ СССР, ф. 216, д. 4, л. 62.

² Там же, д. 5, л. 14 и об., 24 и об.

³ Там же, л. 17—19.

⁴ Там же, д. 4, л. 48.

⁵ Там же, л. 62, 230 и об.

лежалая эта казна не повредились». Одновременно с передачей И. Биреву 10 «поселенцев» в Охотск и 8 участников восстания Генс представил Мерлину окончательный список команды «Св. Гавриила», отправляющегося из Охотска на Камчатку¹. С Генсом до Большерецка направились кроме экипажа судна В. Ф. Мерлин с командой, вновь назначенный командир камчатских острогов иркутский дворянин И. Добрынский со служилыми людьми, а также «купецкия и промышленники».

На рейде в Охотске «Св. Гавриил» стоял 10 дней. 2 октября по распоряжению Розыской канцелярии Охотское правление выдало Генсу для передачи в камчатские остроги пять пудов свинца, а И. Бирев ознакомил командира бота с правилами провоза на судах людей и товаров через Ламское море². Предусматривалось брать плату за провоз через море как с людей, так и за их товары и другие «пожитки». Исключение делалось лишь для тех, кого посылали по службе, но и они должны были платить за провозимые товары. По распоряжению Писарева (11 июля 1732 г.) все пассажиры, едущие на Камчатку, вносили за проезд 50 коп. и за кладь при себе с пуда также по 50 коп. Иная цена устанавливалась для выезжавших из камчатских острогов в Охотск: с человека по лисице или 50 коп., за провоз пушнины — с 40 соболей — одного, с пуда лисиц, бобров и выдр — по красной лисице, с платья и посуды с двух пудов — по лисице (Сгибнев, 1869в, с. 25).

В начале октября в Охотске Я. Я. Генс, по-видимому с В. И. Казанцевым, составил «Чертеж или карту Пенжинского моря...». История создания этого документа не совсем ясна. Анализ копии, выполненной 4 мая 1738 г. для С. П. Крашенинникова, не подтверждает предположения, что карта была составлена на основании «лаббуха» Гвоздева — Федорова (Андреев, 1943в, с. 42; Русские открытия, с. 14—15).

5 октября 1733 г. «Св. Гавриил» покинул Охотский порт и с большим трудом добрался до Большерецкого острога³. В остроге обосновался В. Ф. Мерлин с командой, приданной Розыской канцелярии. Генс занялся подготовкой бота к очередному летнему морскому походу, намереваясь весной полностью отремонтировать судно, у которого «от жестоких несносных ветров руль раскололо в нескольких местах, и конопяты выбило, и палубы на каютах, и все судно раздребезжило, и парусы придрало». За помощью он обратился 4 ноября к Мерлину, добиваясь распоряжения комиссару Верхнего Камчатского острога прислать 5 ведер смолы; 20 пудов серы, 5 пудов бараньего сала на свечи. В новом обращении 3 декабря штурман просил указать М. С. Гвоздеву на необходимость прислать рабочих людей и хозяйственное имущество. И в этом «ведении» вновь подчеркнута бедственное состояние судна. Для ремонта Генс потребовал 4 плотников, кузнеца, 3 пуда железа, а также 100 аршин толстого холста и 4 фунта ниток — «а иное все имеетца в Нижнем камчадальском остроге в ведомстве у геодезиста Гвоздева». В тот же

¹ ЦГАВМФ СССР, ф. 216, д. 4, л. 46 об., 55 и об., 62 об.

² Там же, д. 3, л. 82; д. 4, л. 48; д. 5, л. 10.

³ Там же, д. 4, л. 200. Генс представил в Розыскую канцелярию подробный отчет о походе и «диурнал».

день штурман направил к геодезисту матроса Л. Сметанина, который должен был вернуться с материалами в Большерецкий острог не позднее апреля 1734 г. (Экспедиция Беринга, с. 76).

Одним из первых важных решений В. Ф. Мерлина на Камчатке явился указ 30 ноября 1733 г. штурману Я. Генсу немедленно принять у подмастерья И. Спешнева всех «партовских» служилых людей и имеющиеся при партии «всякие припасы и материалы и артиллерию и прочее все без остатку... А при приеме содержать оную команду как е. и. в. указы повелевают»¹. Кроме того, Мерлин обязал Спешнева выехать вместе с И. Добрынским в Верхний и Нижний остроги и передать их и «е. и. в. казну» в ведение нового камчатского командира. По-видимому, в Большерецком остроге майор нашел какие-то служебные упущения Спешнева и решил заменить скомпрометированного к тому же матросским доносом подмастерье новыми руководителями. И. Спешнев, получив приказ начальника Розысканой канцелярии, 2 декабря сообщил о возможности передачи только 19 служилых людей партии под его началом при Большерецком остроге. Он пытался объяснить Генсу свое затруднительное положение: «...а имеется ли при оных служилых людях аммуниция, всякие припасы, подлинно справитца ныне невозможно, понеже у оной партии имелся я не один, а имелся прежде меня геодезист Михайло Гвоздев, которой и поныне обретаеця в Нижнем камчадальском остроге. Того для оную команду мне без него, Гвоздева, тебе, штурману Генсу, отдать невозможно»².

С приездом В. Ф. Мерлина произошли существенные изменения в управлении камчатскими острогами и партией. Я. Генс продолжал командовать ботом «Св. Гавриил» и принял большерецкую команду партии. Подмастерье и геодезист сдали камчатские остроги И. Добрынскому. Гвоздев, Спешнев и Гардеболь освободились также от проведения «розыска» и стали выполнять свои основные обязанности. И. Спешнев по-прежнему занимался заготовкой леса и судовыми ремонтными работами, С. Гардеболь — поисками руд и минералов. К пробирному мастеру Генс послал помощника «для сочинения проб» — вернувшегося из Охотска олюторского беглеца С. Горского. М. С. Гвоздев продолжал руководить укреплением острогов, в его ведении находились плотники, кузнецы и другие специалисты. Кроме того, Скорняков-Писарев возложил на него ответственность за осуществление одного из своих проектов, придав геодезисту большой отряд партии «для розчищения дороги и учреждения почты» на Камчатке. Командиром остальных «партовских» служилых людей управляющий Охотским портом позднее назначил Петра Шестакова³.

В 1734 г. местопребыванием Розысканой канцелярии стал Нижний Камчатский острог. А в Большерецком остроге в течение марта—июня велись подготовительные работы к рейсу в Охотск. Приказчик Большерецкой приказной избы П. Чупров по возможности удовлетворял все

¹ ЦГАВМФ СССР, ф. 216, д. 5, л. 178, 223.

² Там же, л. 183 и об.

³ Там же, д. 2, л. 119—120; д. 14, л. 34 об.

требования Генса. Были присланы: 3 бота с 6 работными людьми, 10 сыромятных сум «для грузки балясу в бот», 5 ведер смолы, 7 пудов 10 фунтов серы, 2,5 пуда сала, рыбий жир. Снабжение продовольствием по-прежнему оставалось самой сложной и трудноразрешимой проблемой. Штурман затребовал у Чупрова 30 связок «аманатской сборной» юколы для служилых людей, занаряженных «для рубки дров и для варения соли», и на бот для похода в Охотск, поскольку «в партии кормов никаких не имеетца и купить нечем»¹.

Продолжался сбор ясака. На Курильские острова отправился И. Колодезников с пятью казаками взамен А. Шергина, определенного к Мерлину².

7 июня 1734 г. В. Ф. Мерлин приказал Генсу отправиться в Охотск, с обратным рейсом привезти на Камчатку продовольствие и майора Павлуцкого, а также к следствию для допросов служилых людей П. Иконникова, Ф. Паранчина и других. 13 августа на бот была доставлена собранная в 1733—1734 гг. «мягкая рухлядь»³. К ноябрю того же года Генс вернулся на Камчатку и по ордерам Павлуцкого провел полную проверку, «переписание и пересмотр» такелажа, материалов, шкиперских и штурманских «припасов», а также принял у прибывшего П. Шестакова 352 аршина холста на паруса⁴. Из других распоряжений Павлуцкого отметим принятые им крутые меры по укреплению дисциплины. Он предоставил 23 ноября 1734 г. Генсу право «бить батоги по своему рассмотрению» тех служилых людей, которые допускали различные проступки, и строго-настроено велел следить за тем, чтобы они «зернью и карты не играли, и вином в домех своих и нигде не шинковали, и никому не продавали»⁵.

Наступил 1735 г.—год коренных перемен в судьбах Гвоздева, Спешнева и Генса. Об этом периоде сохранилось мало сведений, среди бумаг штурмана найдено только 6 документов. Среди них два письма большеецкого заказчика Ф. Верещагина к Генсу о посылке в партию 26 связок юколы (26 марта), ордер Павлуцкого 1 апреля о посылке служилых людей под командой И. Спешнева из Большерецка в Нижний острог для «строения» морского судна, ордер Генса Л. Сметанину «перемерить» на боте «Св. Гавриил» снасти и такелаж (13 июня), рапорт Л. Сметанина (26 апреля)⁶. В последнем матрос доложил, что по распоряжению Павлуцкого он выезжал 7 ноября 1733 г. из Большерецка в Верхний и Нижний остроги для получения необходимых «припасов» у комиссаров и у геодезиста Гвоздева. В Верхнем остроге он принял 12 ведер смолы, 12 пудов серы, 2 пуда бараньего сала («а топили — вышло чистого 36 фунтов»). Геодезистом было выдано 548 аршин холста, 8 фунтов толстых ниток, 12 аршин сермяжного сукна⁷.

¹ ЦГАВМФ СССР, ф. 216, д. 3, л. 97, 102 и об.; д. 4, л. 47, 199, 206.

² Там же, л. 7—8 об., 16 и об., 20.

³ Там же, л. 2 и об.; д. 4, л. 169—170.

⁴ Там же, д. 3, л. 94, 117—122 об.; д. 5, л. 164.

⁵ Там же, д. 3, л. 58 и об.

⁶ Там же, л. 43; д. 5, л. 228, 231, 236.

⁷ Там же, д. 4, л. 88 и об.

14 июля 1735 г. Я. Генс принял на бот «доправленную по следственным и розыскным делам с ясашных сборщиков и служилых людей чащинную мягкую рухлядь»¹. Таким образом, по материалам расследования подполковник В. Ф. Мерлин и майор Д. И. Павлуцкий присоединили к государственным доходам всю пушнину, незаконно приобретенную сверх ясака должностными лицами. Все поборы (чащины, повторный ясак и т. п.) в пользу приказчиков и сборщиков были отменены. В ходе следствия раскрылись многочисленные злоупотребления (Колониальная политика, с. 48—49, 65—70). Еще на допросе 10 мая 1733 г. Ф. Харчин рассказал, как в 1730 г. комиссар Иван Новгородов приказал собирать «повторительный» ясак. Помимо двойного ясака он брал с каждого человека по пуду сладкой травы и по полпуда кипрею (травы). На допросе 22 января 1735 г. Новгородов после 10 ударов признал все обвинения и добавил, что за свое назначение камчатским комиссаром дал 700 рублей якутскому воеводе Полуэктову. Преемник Новгородова Михаил Шехурдин после 20 ударов признал те же вины, рассказав о том, как в 1731 г. за право сбора ясака в острожках он получил от сборщиков 540 соболей, лисиц и бобров, из которых он передал Полуэктову 200 лисиц, 30 соболей и 4 бобра за командировку («отпуск») на Камчатку.

Завершение работы следственной комиссии ознаменовалось казнями и суровыми наказаниями ительменов и должностных лиц, виновных в «лихоимстве». Во всех трех камчатских острогах в 1735 г. свершились публичные казни: были повешены руководители восстания Ф. Харчин с товарищами (9 человек), а также комиссар И. Новгородов, пятидесятник А. Штинников, сборщики ясака М. Сапожников и Н. Родихин. Телесным наказаниям были подвергнуты 105 человек, из них 44 ительмена. «Вместо смерти биты кнутом» русские 61 человек, в том числе М. Шехурдин, М. Борисов, М. Петров, подьячий Е. Мухоплев, сборщики М. Новгородов, Г. Чудинов, А. Змиев (Крашенинников, 1949, с. 498—499).

В связи с рассмотрением дел по доносам Л. Петрова и И. Скурихина во второй половине 1735 г. покинули Камчатку М. С. Гвоздев, И. Спешнев и Я. Генс. Они, так же как и матрос Л. Петров и штурман С. Хитрово, в именном реестре команды Охотского правления показаны отправленными в Иркутск «по важному делу». Этот реестр составил 10 мая 1737 г. В. Беринг для Адмиралтейской коллегии, поручившей ему помимо руководства Второй Камчатской экспедицией иметь «главный надзор» над устройством Охотского порта. В списке показаны 29 «морских и адмиралтейских служителей», командированных к Г. Г. Скорнякову-Писареву (в том числе и от бывшей партии Шестакова — Павлуцкого), из них 6 человек умерших, 5 — выехавших в Иркутск, 7 — «взятых» М. Шпанбергом (Экспедиция Беринга, с. 77—78).

4 августа 1735 г. бот «Гавриил» прибыл в Охотский порт. Находившийся в Охотске помощник Беринга капитан М. Шпанберг, руководивший постройкой судов и возведением жилых и административных зда-

¹ ЦГАВМФ СССР, ф. 216, д. 3, л. 17 н об.

ний для Второй Камчатской экспедиции, приказал Генсу выдать всем морякам провизию на август месяц и «по выдаче» определить их, кроме престарелого А. Буша и Л. Сметанина, на работу. 14 служилых людей, прибывших на боте, капитан отправил в Охотскую ясачную избу и распорядился также послать на строительные работы. После этого «Св. Гавриил» был передан Генсом Шпанбергу для экспедиции, а судовые «припасы» приняли у Л. Сметанина подконстапель Юрий Аритландер и боцманмат Степан Серебряков¹.

9 сентября Шпанберг получил письмо от Скорнякова-Писарева, предлагавшего прислать в канцелярию Охотского порта во исполнение указа «для отсылки» в Тобольск «по важному секретному делу» через Иркутскую провинциальную канцелярию «скована под крепким караулом» штурмана Я. Генса. На другой день сержант Камчатской экспедиции М. Кузнецов сдал подследственного Генса канцелярскому копиисту А. Зуву². 29 марта 1736 г. при промемории Беринга сибирскому губернатору Я. Генс был прислан в Тобольск, где и «обретался на поруках». В последнем своем доношении, написанном в сентябре 1737 г. незадолго до смерти, штурман, «претерпевая немалую нужду», просил Сибирскую губернскую канцелярию выдать жалованье за майскую и сентябрьскую трети. Лишь через несколько лет Адмиралтейская коллегия по ходатайству вдовы Марии Генс «для сушей ее с малолетними детьми бедности» выдала «удержанное заслуженное» жалованье умершего штурмана³.

И. Спешнев, находившийся под следствием, был оправдан. Сибирский приказ 30 октября 1739 г. санкционировал выдачу всех отобранных у него различных «товаров», а через месяц указал сибирскому губернатору «о даче отправляющемуся в Санкт-Петербург в Адмиралтейскую коллегия бывшему в Камчатской экспедиции ботового и шлюпочного дела подмастерью Ивану Спешневу на две ямские подводы денег» 5 руб. 31 коп.⁴

20 мая 1737 г. в Сибирском приказе рассматривалась отписка тобольского губернатора П. Бутурлина с приложением копии доношения из Иркутска от вице-губернатора А. Плещеева, который в свою очередь излагал содержание полученного им рапорта Якутской воеводской канцелярии. Якутский воевода А. Заборовский докладывал по инстанции о прибытии геодезиста М. Гвоздева, следовавшего «по некоторому делу» далее в Иркутск и просившего 26 сентября 1735 г. принять у него казенные вещи. Геодезист объяснил воеводе, что «имелся он при посланной партии для сочинения ланкарт и дано было ему в Санкт-Петербурге из Академии инструментов да из Московской рентереи материалов, а коликое число и каких тому сообщен от него реестр». Инструменты и материалы у Гвоздева в Якутске были приняты «под охранение до указа». Иркутская провинциальная канцелярия указала все вещи хранить

¹ ЦГАВМФ СССР, ф. 216, д. 14, л. 198—199; д. 99, л. 370.

² Там же, д. 14, л. 9—10.

³ Там же, д. 4, л. 177; д. 99, л. 370.

⁴ ЦГАДА, ф. 24, кн. 14, ч. 19, л. 145 и об.; кн. 15, ч. 1, л. 467.

и «в расход не употреблять». Как оказалось, ни о геодезисте, ни о тобольском следствии Сибирский приказ не имел представления, поэтому немедленно последовало распоряжение иркутскому вице-губернатору прислать известие — «Гвоздев из Якутска в Ыркутск по какому делу выслан», а в журнале заседаний приказа появилась запись: «И ежели оной (геодезист.— Л. Г.) по тому делу освобожден или впредь будет свободен, то показанныя инструменты и материалы отдать ему по-прежнему. Буде же он, Гвоздев, по тому делу свободен не будет, то оные инструменты и материалы отдать в команду, в которой он, Гвоздев, обрета-¹лся»¹.

Пока в Сибирском приказе принимали решение о казенных вещах геодезиста, оставленных им в 1735 г. в Якутске, в Тобольске уже завершилось следствие по делу Генса и Гвоздева, обвиненных в государственных преступлениях («по первому и третьему пунктах»). Матрос Л. Петров на очной ставке в Сибирской губернской канцелярии и при допросе в канцелярии Тайных розыскных дел заявил, что «важности по тем пунктам ни за кем он не знает и от помянутого Генса и Гвоздева и ни от кого не слыхал, а затеел напрасно». Тайная канцелярия отослала Петрова в московскую Адмиралтейскую контору «для учинения» наказания в соответствии с законодательством за лжесвидетельство, установив одновременно, что Генса и Гвоздева «важности никакой не касается» и признав тем самым обвиняемых невиновными. На основании указа 11 октября 1733 г. за «лживый донос» Петрову в Москве «учинено» наказание: гонян тамо шпицрутен сквозь пятьсот человек пять раз. Для определения матроса к дальнейшей службе 20 ноября 1736 г. он был прислан в Адмиралтейскую коллегию, а оттуда 16 декабря того же года переправлен в Кронштадт.

Приведенные сведения, поступившие из Тайной канцелярии, рассматривались на заседании Адмиралтейской коллегии 14 февраля 1738 г., когда и было принято решение послать указ о реабилитации штурмана Генса и геодезиста Гвоздева. Предусматривалось обоим, «ежели содержатся, ис под караулу освободить и, выдав подлежащее им жалованье, Генса отправить по-прежнему в Камчатскую экспедицию к капитан-командору Берингу, а геодезиста Гвоздева, где он обретаецца, в прежнюю команду при указах немедленно» (Экспедиция Беринга, с. 74—79).

Адмиралтейская коллегия, определившая выдать по прошению М. Генс жалованье ее умершего в 1737 г. мужа, в течение пяти лет не могла выяснить, имел ли штурман какую-либо служебную задолженность. Поэтому указом 7 сентября 1742 г., посланном и Берингу и Шпанбергу, коллегия предупредила, что в случае обнаружения штурманских долгов и «начетов» за казенное имущество взыскано будет с тех, «от кого через немалые годы о тех припасах не репортовано и до смерти его, Генса, взыскания не учинено». Отмечалось, что на предыдущее требование прислать сведения о «щетах» Генса Шпанберг сослался на отсутствие в экспедиционных делах нужных данных, а от Павлуцкого и

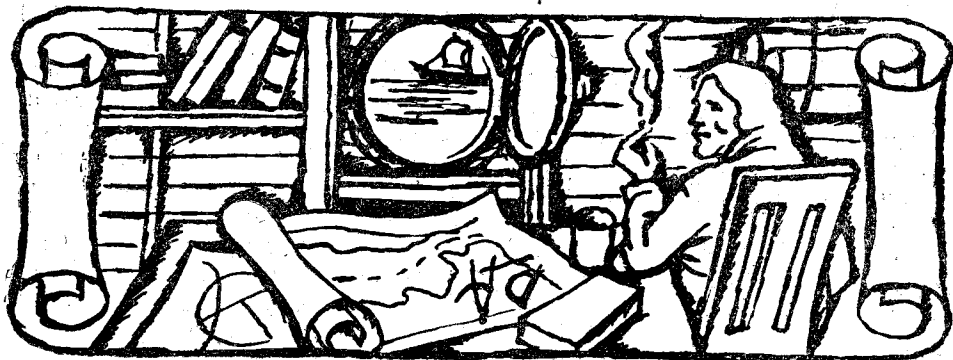
¹ ЦГАДА, ф. 24, кн. 14, ч. 10, л. IV (№ 236); ч. 11, л. 78 и об.

Скорнякова-Писарева вообще не поступили ответы, в то время как штурман был в команде у того и другого. Также неизвестно, «у какого приходу и расходу» находился Генс у А. Ф. Шестакова. «Токмо де, по известию геодезиста Михайлы Гвоздева,— отмечает указ,— в 730-м году принят был им, Генсом, бот «Гаврил» с припасы от якутского сына боярского Ивана Шестакова, а что на том боту принято было припасов, в том он, Гвоздев, неизвестен. А в 732-м году тот бот с припасы ж по ордеру Павлуцкого принял у него, Генса, он, Гвоздев. А в 733-м году от Охотского правления отдал он, Гвоздев, тот бот и с припасы ему, Генсу. И приняв де тот бот, перевозил на нем ясашную казну в Охоцк и из Охоцка на Камчатку и паки с Камчатки, а потом тот бот взяли под ведение свое Вы» (то есть Шпанберг)¹. Коллегия сетовала и на то, что о всех приемо-сдаточных операциях ей сообщено не было. Шпанберг получил указ в Якутске 23 мая 1743 г. и 5 ноября подтвердил отсутствие сведений о штурмане «за небытием ево, Генса, никогда в команде моей» и сообщил, что о приеме им «Св. Гавриила» он «обстоятельно» доложил В. Берингу еще в 1740 г.²

События 1735—1738 гг. М. С. Гвоздев коротко описал в челобитной-автобиографии 1743 г.: «А в 1735-м году взят я был по показанию на меня в. и. в. дела матрозом Леонтьем Петровым в Тобольск. И по тому делу содержался в Сибирской губернской канцелярии 1738 году по июль месяц и по решении того дела явился прав». Несколько иные акценты расставлены геодезистом в аналогичном более позднем документе (1758 г.): «...и обретался при команде на Камчатке по 735-й год, а в том году по прибытии на Камчатку... Павлуцкого, отправлен я был по некоторому секретному ложному на меня доносу в Тобольскую губернскую канцелярию и содержался безвинно в той канцелярии 738 году по июль месяц и во оном же году по невинности моей свободен».

¹ ЦГАВМФ СССР, ф. 216, д. 2, л. 215—216.

² Там же, д. 99, л. 370.

Глава 6

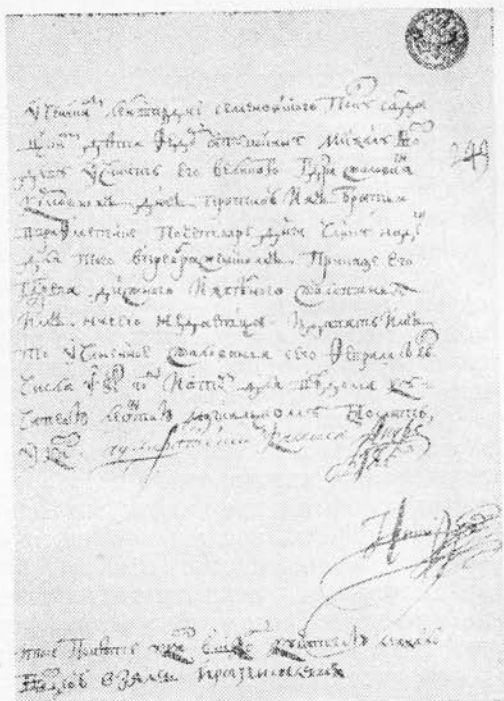
«...ВСЕГДА В ВЕЛИКОМ ТРУДЕ И НУЖДЕ»

ВОСПИТАННИК МОРСКОЙ АКАДЕМИИ

Вынесенными в название главы словами один из старейших петровских геодезистов Федор Кучин заключил автобиографию, но они характеризуют и судьбы большинства питомцев Морской академии. Жизненный путь Михаила Спиридоновича Гвоздева не составил исключения.

По царскому указу 24 декабря 1715 г. солдатский сын Семеновского полка Михаил Гвоздев был отослан 2 января 1716 г. для обучения в Московскую школу математико-навигационных наук¹. По косвенным данным, можно предположить, что родился он в начале XVIII в., но не позднее 1704 г. К моменту зачисления в школу ему было, очевидно, не более 14—16 лет. С конца 1718 г. Гвоздев продолжил учебу в Морской академии. В звании геодезии ученика в 1721—1725 гг. работал в составе команды Военной коллегии, проводившей ревизию итогов подушной переписи 1719—1721 гг. В 1727 г., сдав экзамен, «пожалован» геодезистом. Со времени отправления Гвоздева в экспедицию Шестакова — Павлуцкого Адмиралтейская коллегия, по-видимому, не имела достаточно определенных сведений о нем и поэтому отмечала, что он «в каком ныне (1753 г. — Л. Г.) состоянии находится — неизвестно», но по спискам, что «определен и обретается во оной Камчатской экспедиции». По этой же причине в очень краткой его характеристике, составленной 9 июля 1753 г., отмечены служебные занятия только по 1728 г.: «В 716-м году определен в Московскую школу в учение навигацких наук. И из оной школы в Санкт-Петербургскую академию прислан в 719-м году и определен в науку геодезию в ученики. В 721-м году по требованию

¹ ЦГАВМФ СССР, ф. 176, д. 115, л. 249—250.

Расписка Михаила Гвоздева в получении для учителя М. Ф. Магницкого указа Адмиралтейского приказа 6 февраля 1716 г. с определением жалованья ученикам Математико-навигационной школы солдатским детям Ф. Апушкину и М. Гвоздеву.

Военной коллегии отослан был означенной Гвоздев в команду генерала маэора Волкова для описания в Новгородском уезде под строение драгунскому и пехотному полкам дворов мест и был при том деле по 725 год и прислан возвратно во Академию. В 727 году по присланному из Правительствующаго Сената в Адмиралтейскую коллегию указу представлен оной Гвоздев в Правительствующий Сенат и послан в Сибирскую губернию для описания и сочинения ланкарт геодезистом¹.

Известны две челобитные-автобиографии с автографами геодезиста, поданные им по инстанции 24 августа 1743 г. и 10 июля 1758 г., на имя императрицы (Дивин, 1956, с. 43; РТЭ, с. 157). Официальные данные Адмиралтейской коллегии и сведения, сообщаемые геодезистом о себе, совпадают, отличаясь лишь некоторыми подробностями и деталями². В школе и академии, на практике М. С. Гвоздев приобрел командные навыки строевого офицера, обучился основам кораблевождения, ведению вахтенного журнала, работе с геодезическими и навигационными приборами и мог в случае необходимости справиться с обязанностями штурмана корабля. Высококвалифицированный специалист, он не был лишь сухопутным геодезистом, был он и картографом, профессионально подготовленным к съемке и составлению в равной степени карт и суши и моря (ланд- и зейкарт).

Оправданный летом 1738 г. геодезист по решению Адмиралтейской

¹ ЦГАВМФ СССР, ф. 212, д. 27, л. 121.

² ЦГАДА, ф. 248, оп. 113, кн. 485а, л. 399.

коллегии был послан из Тобольска в Иркутскую провинциальную канцелярию, откуда в мае 1739 г. направлен к Г. Г. Скорнякову-Писареву. «И по прибытии моем в Охотск,— отмечал Гвоздев,— был при команде Охотского порта по 741 год при исправлениях по должности своей». В Охотске М. С. Гвоздев по-прежнему занимал должность геодезиста Канцелярии Охотского порта, а Скорняков-Писарев доверял ему различные, порою деликатные поручения. Так, например, письмо 10 мая 1740 г. охотского командира В. Берингу содержало обвинение штурмана экспедиции А. Дементьева «в блуде», а человека его Ф. Фирсова «в ложных словах» и требование «с пристрастием их роспросить и учинить наказания» при посланных из Охотской канцелярии геодезисте Гвоздеве и копиисте А. Шубинском¹.

Прослуживший в Сибири более 10 лет, обойденный чинами и жалованьем, без видимых перспектив продвижения по «многогрудной» службе или, как говорили в то время, оставшийся «в закоснении», несомненно обиженный, через два года после реабилитации М. С. Гвоздев в июле 1740 г., воспользовавшись «почтой» В. Беринга, послал одновременно челобитную на имя императрицы Анны Ивановны и прошение в Адмиралтейскую коллегию, но ответа не получил. Проситель ссылался на именной и сенатский указы, которыми устанавливались привилегии для геодезистов, посылаемых в Сибирь. Именно по этим указам, с горечью писал Гвоздев, четыре геодезиста Второй Камчатской экспедиции Петр Скобельцын, Дмитрий Баскаков, Иван Свистунов и Василий Шетилов получили патенты на чин из Адмиралтейской коллегии и стали подпоручиками, а он «повышения чина не пожалован». И действительно, указ 28 декабря 1732 г. установил преимущественное право присвоения офицерских званий тем геодезистам, которые «никаких рангов поныне не имеют и обретаются одни на Камчатке и в Сибири многие годы, а другие пошлются отсюда (из Петербурга.— Л. Г.) бывалые в Сибири и в других дальних посылках». Первым разрешалось присваивать чин подпоручика, вторым — прапорщика².

Обида Гвоздева, вне сомнения, имела основание. Он хорошо знал своего одноклассника геодезиста Скобельцына и его трех помощников геодезии учеников еще по годам пребывания в Академии, позднее встречался с ними в Сибири. Каждая такая встреча рядового геодезиста с геодезией подпоручиками, которые, как он был твердо убежден, не имели никаких особых преимуществ перед ним ни по старшинству, ни по службе и заслугам, можно предположить, тяжело воспринималась Гвоздевым.

¹ ЦГАДА, ф. 248, кн. 1361, л. 867 об. Любопытно, что по этому делу к допросу привлекался бывший комиссар ссыльный И. Картмасов. Уличенный в «перемене показаний», он оправдывался тем, что «сказывал по злобе за ссору с ними, Дементьевым и с геодезистом Гвоздевым». Причина ссоры не ясна, но отсчет времени Картмасов вел с того дня (до 13 апреля), «когда с геодезистом Михаилом Гвоздевым подрался» (там же, л. 873 об.—874).

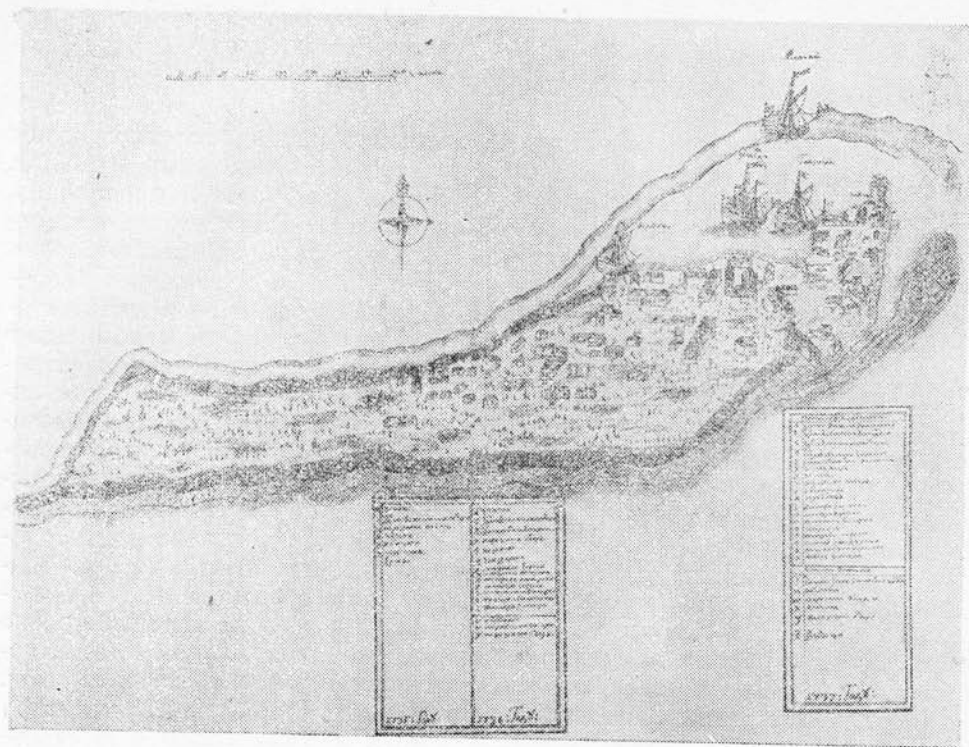
² Там же, кн. 7716, л. 373—379; кн. 664, л. 202—203 об.; ЦГАВМФ СССР ф. 212, л. 27, л. 483 и об.; ф. 216, д. 52, л. 490.

В КОМАНДЕ ОХОТСКОГО ПОРТА

За те четыре с лишним года, пока Гвоздев находился в пути и под следствием, в Охотске произошли значительные перемены. В 1737 г. сформировалась Охотская флотилия Второй Камчатской экспедиции. К боту «Св. Гавриил», принятому Шпанбергом у Генса и отремонтированному в 1736 г., присоединился шитик «Фортуна». Под наблюдением Шпанберга и руководством мастеров Рогачева и Кузьмина в 1735—1737 гг. были сооружены бригантина «Архангел Михаил» и трехмачтовый дубель-шлюп «Надежда». Общий вид четырех кораблей на рейде в Охотске изображен на «Плане Охоцкого острога», составленном не ранее прибытия шитика 24 августа 1737 г. с Камчатки и не позднее октября 1737 г., когда «Фортуна», выброшенная на берег вблизи Большерецка, разбилась¹. План замечателен также и тем, что показывает развитие острога и экспедиционной слободы за три года. Изображены основные постройки, назначение которых обозначено по годам в пояснительных надписях. Так, если в 1735 г. помимо юрт показано всего только шесть сооружений, в том числе дом М. П. Шпанберга, часовня, административные здания (амбар, ясачная изба), двор морехода Н. Трески, то в 1737 г. в остроге разместились 24 строения, из которых только пять принадлежали Охотскому правлению (канцелярия, дом Г. Г. Скорнякова-Писарева, часовня и вновь заложенная церковь, ясачная изба, амбар). Построенные для начальствующего состава Второй Камчатской экспедиции здания занимали капитаны М. П. Шпанберг и А. И. Чириков, лейтенант В. Вальтон. К приезду Беринга (5 сентября 1737 г.) были сооружены: дом для капитан-командора и казармы. На плане видны квартиры многих должностных лиц — штурмана Петрова, лекаря, мастера Кузьмина, Н. Трески, солдата Н. Чемодурова, фискала М. Лукашевского, маляра Колесова и других, а также служебные постройки (кузницы, склады). На берегу р. Охоты особыми условными знаками, имитирующими сложенные деревянные брусья и доски, указано расположение «плотбища» — места для строительства или ремонта судов, своего рода верфи, стапеля.

Охотский острог первоначально был заложен на морской косе в 2,5 км от устья р. Охоты. Для построек экспедиции Шпанберг избрал более удобное место вне острога — у слияния рр. Охоты и Кухтуй. В начале января 1738 г. М. П. Шпанберг рапортовал Адмиралтейской коллегии: «Здесь, при устье реки Охоты у моря на кошке, где при Писареве строения и заводу не было, а ныне без него, Писарева, как у экспедицких, так и у охотских служилых людей жилых покоек, хором, юрт и анбаров гораздо умножено, хотя б в каком остроге» (РТЭ, с. 190). Еще в 1736 г.

¹ ЦГАДА, ф. 192, Иркутская губ., № 104. Аналогичный план, опубликованный Ф. Голдером как «Чертеж Шпанберга из фонда Беринга, дело № 24», имеет незначительные отклонения в рисунке и редакционные отличия надписей (ЦГАВМФ СССР, ф. 216, д. 24, л. 1019 об.—1020. Приложен к рапорту М. П. Шпанберга 7 января 1738 г.). См. также: «План Охотского острога и экспедиционного поселка Беринга 1737 г.» (Знаменский, 1929, с. 86—87).

План Охотского острога и порта. 1737 г.
ЦГАДА, ф. 192, Иркутская, губ., № 104.

Скорняков-Писарев начал переносить служебные строения из старого острога вокруг заложенного им порта. Однако в результате сильных дождей и мощного наводнения образовалось новое устье Охоты и узкий остров, при этом многие постройки пострадали. Выбор места для порта и поселения служилых людей был предметом ожесточенных споров и одной из причин крупной ссоры Скорнякова-Писарева со Шпанбергом и Берингом. В рапорте 18 января 1738 г. Беринг известил Сибирский приказ о неудовлетворительном во всех отношениях расположении места для поселения служилых людей и выразил удивление тем, на каком основании Писарев «в таком тесном месте поселяет, ибо... ничего удобного к житью человеком завести на том месте не можно» (Экспедиция Беринга, с. 215). 22 ноября 1738 г. капитан-командор препроводил в Иркутскую канцелярию копии, а в Сенат — оригиналы доношений охотской команды сержанта Я. Мохначевского, капралов Е. Охлопова и П. Атаманова, фурыера М. Аргунова и писаря Серебrenникова. Доносители жаловались, что охотский командир «поселяет их не в удобном месте у моря, на устье реки Охоты на дресве, где не имеется вблизи на дворовое строение и на дрова лесов и для пропитания скота травы, и бывает скоту повсягодно падеж... и в зимнее время воду тают

из снега, которая вода людям весьма нездоровит, а хлеб не толико что у моря на дресве, но и в протчих местах в Охоцку не родится, и всегда бывают в зимнее время ветры и великие пурги, а летом от морского мокрого воздуху и от дождей рыбные кормовые и протчие припасы портятся и гниют... А надлежало бы такому поселению быть от моря выше по Охоте реке, где имеются лес, дрова и травы и рыбные промыслы¹.

«Место новое и пустое,— высказывал Беринг свои впечатления о жизни в Охотске по приезде в 1737 г.,— и строения никакого еще не производилось, и жить было негде, и лесов и травы в нем не растет, и близко не имеется, ибо все дресвяное... Служители строили офицерам покои, а себе избы и казармы, возили глину на себе и делали кирпичи, дрова для топления печей на себе таскают верст за шесть и за семь, воду пресную на свое употребление из реки возят на себе ж, расстоянием от того жилья версты по две и по три, а сухари сушат, и заготовленные к строению пакетботов бревна и кокеры и прочее плавят по реке слишком с тридцать верст, и к кузнечным поделкам уголья жгут, и для приготовления к пакетботам смолы нарочно в Камчатку посылаются, и нарты делают сами, и провиант ими на себе ж возят...» (Соколов, 1851б, с. 340).

Писарев категорически отвергал любые приводимые доводы, доказывая, что лучше избранного им места для устройства нового острога и судовой верфи «нигде не обретається», обвинил в свою очередь Беринга и Шпанберга, якобы страстно желающих «дело Охоцкого порта привести в конфузию и его, Писарева, теми лжами безсовестно повредить». Доносы охотского командира буквально посыпались один за другим в Иркутскую и Тобольскую канцелярии, в Адмиралтейскую коллегию, наконец, в Сенат².

Назначенному главным командиром на место Скорнякова-Писарева Антону Девьеру 20 августа 1739 г. по сенатскому указу повелено было произвести «осмотр в Охоцку поселившихся ниских мест» и «где удобнее быть строению». Сибирский приказ 28 февраля 1740 г. подтвердил сибирской администрации и А. Девьеру необходимость срочно провести осмотр и решить вопрос о месте поселения. Новому охотскому командиру также поручалось держать Писарева под арестом и «накрепко» расследовать все его доносы на Беринга, Шпанберга, адъютанта Беринга подштурмана В. Хметевского и других лиц. Прежде всего Девьера поразило несоблюдение Якутской канцелярией систематических требований о присылке в Охотск жалованья за 1738—1740 гг., отчего «бедные Охоцкой команды служители претерпевают несносные нужды»³. Он решил эту проблему довольно просто, выдав жалованье из денег, вырученных от продажи на аукционе описанного имущества Писарева. Энергично принявшись за приведение портового хозяйства в порядок, коман-

¹ ЦГАДА, ф. 24, кн. 14, ч. 19, л. 322 об. См. также: ЦГАДА, ф. 248, кн. 1194, л. 87 и об.

² ЦГАВМФ СССР, ф. 216, д. 20, 29, 34; ЦГАДА, ф. 248, кн. 1361, л. 43—44; кн. 1367, л. 1121—1129.

³ ЦГАДА, ф. 24, кн. 14, ч. 22, л. 215 об.; ф. 248, кн. 1361, л. 806—961, 1205—1212.

дир Охотского порта за короткий срок добился значительных успехов (Сгибнев, 1869в, с. 32; Сафронов, 1978, с. 188).

В конце 1740 г. А. Девиер осматривал место, удобное для поселения и устройства верфи, в 30 верстах вверх от устья Охоты в районе впадения в нее р. Малчикан. При осмотре с ним были два представителя Якутской канцелярии (сын боярский и пятидесятник), а также «лутчие люди из охотских обывателей» — геодезист, поп, ластовых судов мастер, сержант, каптенармус, 3 подпрапорщика, 5 служилых людей. Комиссия установила, что урочище Малчикан «угодно» к поселению и лучше по природным условиям, чем место, избранное Писаревым «у моря на дресве». На Малчикане «лесов и трав для кошения сен и рыбного промыслу довольно и вода пресная, в зимнее время не замерзает» и «от водяного потока безопасное».

В докладе о преимуществах Малчикана Девиер обобщил «скаска» всех «бывших при нем у того осмотру различных чинов людей». К рапорту в Адмиралтейскую коллегию прилагался план местности, составленный М. Гвоздевым. Выполняя свои непосредственные обязанности, геодезист сопровождал Девиера «для описания к поселению удобных мест и сочинения обстоятельного чертежу». К сожалению, это новое свидетельство картографических занятий Гвоздева еще не обнаружено, хотя известно, что в Адмиралтейскую коллегию поступило два экземпляра этого чертежа. Второй экземпляр доношения с чертежом Девиер выслал в Сибирский приказ, откуда эти документы поступили в Сенат. В свою очередь, 24 декабря 1741 г. Сенат переслал «к рассмотрению» в Адмиралтейскую коллегию доношение Сибирского приказа об осмотре Малчикана вместе с копией рапорта Девиера 5 декабря 1740 г. и чертежом «об оных местах»¹. Предложения охотского командира внимательно изучались в Адмиралтейской коллегии, которая отметила, что он не показал, удобно ли «обысканное место» Малчикан для сооружения судов и их беспрепятственного прохода в Охотск. Коллегия рекомендовала Девиеру в случае затруднений с «судовым строением и сплавом судов» оставить верфь на прежнем месте². Сенат согласился с заключением, и Адмиралтейская коллегия выслала 8 февраля 1742 г. указ о Малчикане, поступивший в Охотск 31 августа того же года, который не застал там ни Девиера, ни Скорнякова-Писарева. Оба ссыльных охотских командира именным указом 1 декабря 1741 г. были амнистированы и выехали в Петербург.

Как известно, в 13-м пункте инструкции Берингу, выданной из Адмиралтейской коллегии 28 февраля 1733 г., намечалось проведение осмотра и описания морского берега от Охотска на юг до р. Уды и далее до р. Тугура и по возможности до Амурского устья, а также обследования р. Уды и Шантарских островов. С этой целью рекомендовалось выделить одно или два судна с моряками и сибиряками, знающими мест-

¹ ЦГАДА, ф. 248, кн. 1194, л. 89—92. Географическая характеристика района обследований приведена на карте «Течение рек Охоты и Кухтуя», составленной в 60—70-х гг. XVIII в. (ЦГАДА, ф. 192, Иркутск. губ., № 28).

² ЦГАВМФ СССР, ф. 216, д. 56, л. 1074—1077 об.

ные особенности. Сенатским указом 31 августа 1739 г. подтверждались основные положения инструкции 1733 г. и от Беринга вторично требовали, чтобы он принял необходимые меры для выполнения поручения по исследованию западного побережья Охотского моря на отрезке от Охотска до Амура (ПСЗ, № 7888). Но до 1741 г., как объяснял В. Беринг, никаких «посылок» для описания берегов не было из-за отсутствия «особливого» судна, «за оскудением» продовольствия, «за неспособностью служителей». Перед отплытием на Камчатку 26 августа 1740 г. капитан-командор поручил Шпанбергу организовать исследования в Охотском море, а 16 февраля 1741 г. послал вторичное распоряжение о командировании для описи берегов судна с офицером во главе. Лишь в крайнем случае, поскольку Шпанберг отправлялся в морской «вояж», Беринг разрешил замену, приказав послать из Охотска «сухим путем» геодезиста.

18 апреля 1741 г. М. Шпанберг подписал «Генеральную карту Охотского моря», на которую нанес главные маршруты проектируемых обследований (АЦКП ВМФ, № 68). На карте в масштабе 10 миль в дюйме показано Охотское море, «Камчатская земля», Пенжинская губа, несколько северных островов Курильской гряды, трассы предполагаемых плаваний судов Охотской флотилии. Береговая линия частично обозначена предположительно, о чем предупреждают соответствующие надписи: от Амура до р. Уды «сей весь берег в морском пути неизвестен», «от Уда реки до Амуру например так»; от Уды до Охотска «берег, однако, так лежит», от Охотска к Пенжине «может быть берег так». Пунктирной линией нанесен «путь от Ламы до Камчатки до Большой реки». Устья Амура и Уды показаны также приблизительно («например»). На карте Шпанберг показал как пройденные им маршруты — «от сего острова (первого Курильского. — Л. Г.) путь до самой Японии известен и я ходил», — так и намеченные для изучения — «от Амуру до сего места я сам пойду», «от Уда реки по сей линии для сыскания пути отправитца от команды моей судно», «для сыскания пути в сию губу посылаетца геодезист» (Егерман, 1914, с. 447).

В 1741 г. развернулись рекогносцировочные и исследовательские работы в Охотском море. В описании берега от Охотска на север до р. Ини (95 верст) и на юг до р. Ульи (114 верст) принял участие вернувшийся из морского похода капитан Вилим Вальтон, дважды побывавший у берегов Японии, командуя одним из кораблей отряда Шпанберга. Охотская канцелярия по представлению В. Вальтона возложила на М. С. Гвоздева проведение описания берега на юг от Охотска. По инструкции капитана полагалось: описать не менее 200 верст, исследовать впадающие в море реки, измеряя их глубину в устьях, особое внимание уделить обследованию р. Уды, осмотреть «угодные по ней пашенные места и леса», определить возможность зимовки морских судов. Подлежали описанию и острова, «лежащие на море, которые от берега в виду». Гвоздеву предлагалось побывать самому на островах, расположенных вблизи морских берегов, «для лутчаго описания и обсервации». В. Беринг распорядился выделить геодезисту одну или две лодки «с надлежащи-

ми припасы» для переездов с берега на берег через реки и после завершения работ представить «о всем ево пути исправные журнал и карту» (Экспедиция Беринга, с. 168—169). О выполнении этого служебного задания Гвоздев писал в автобиографии 1758 г., как он был послан «для описания морского берега от Охоцкого устья в Уцкую сторону, которой мною... и описан». Вероятнее всего, «удская посылка» Гвоздева проходила между второй половиной апреля и 14 июля 1741 г., в период продолжавшихся выступлений чукчей против коряков и анадырского гарнизона, частичного их продвижения на юг, которые всерьез обеспокоили сибирские власти.

Первым историкам плавания Гвоздева было совершенно непонятно, по какому случаю в апреле 1741 г. ссыльный И. Ф. Скурихин сделал в канцелярии Охотского порта заявление о морском походе 1732 г. к берегам Аляски (Соколов, 1851а, с. 82). Между тем из доношения 15 сентября 1742 г. в Сенат иркутского вице-губернатора Лоренца Ланга о получении им от А. Девьера из Охотска описания и чертежа «о жительстве немирных чюкч» видна истинная причина повышенного интереса в Петербурге, Тобольске, Иркутске и Охотске к Чукотскому полуострову, Большой земле и островам в Беринговом проливе. Чертеж и описание Я. Линденау охотский командир выслал в Иркутскую провинциальную канцелярию «для подлинного известия лутчаго знания... о жительстве немирных чюкч, где они жилища свои имеют, и по каким местам и рекам кочуют, и с какими именно российскими местами смежны, и каким путем и откуда ближе можно к ним пройтить»¹. Справочно-практическое назначение этих документов бесспорно. Подобного же рода сведения Охотская канцелярия пыталась получить и у непосредственных участников похода 1732 г., чьи данные, несомненно, были знакомы автору чертежа 1742 г. и использованы им для изображения побережья Чукотки, островов в Беринговом проливе и части западного берега Аляски. Таким образом, отнюдь не случайный характер носило «объявление» в Охотской канцелярии И. Ф. Скурихина, одного из участников экспедиции Шестакова — Павлуцкого, наказанного и сосланного в Охотск за ложный донос на И. Спешнева.

Благодаря особенностям коллежского делопроизводства нам стало известно о наличии 12 списков двух сообщений И. Скурихина. Как правило, в официальной переписке XVIII в. одни и те же документы многократно повторялись — они включались полностью или выборочно в состав рапортов, доношений, промеморий, либо прилагались к ним в виде точных копий, различной полноты экстрактов, кратких справок. Из 12 списков найдено 8, хранящихся поровну в Москве (ЦГАДА) и Ленинграде (ЦГАВМФ СССР). Не обнаружены: оригиналы записей «объявления» Скурихина в Охотской канцелярии 8 апреля 1741 г., его же дополнительных показаний 10 апреля; копия рапорта А. Девьера 1 мая 1741 г. с изложением скурихинской «скаски», посланного В. Берингу из Иркутской провинциальной канцелярии; наконец, экстракт «объяв-

¹ ЦГАДА, ф. 248, оп. 113, кн. 1552, л. 1 об.— 2.

ления» в рапорте охотского командира, полученном в Иркутске 2 августа 1742 г.

Еще в XIX в. для освещения похода к Большой земле были использованы показания И. Ф. Скурихина: они изложены А. Полонским (1850, с. 397), а А. Соколов опубликовал в сокращенном и несколько модернизированном виде текст допроса 10 апреля (Соколов, 1869а, с. 104—107). Теперь затруднительно достаточно точно установить, какой именно из многих списков приведен в этих публикациях, ибо оба исследователя, как и позднее А. Сгибнев, никогда не указывали выходные данные выявленных ими документальных архивных материалов. И все же документы, увидевшие свет без научной археографической обработки, были переданы с незначительными погрешностями и с тех пор на долгие годы стали редкостными, но доступными источниками по истории плавания 1732 г.

Советским ученым, в особенности А. И. Андрееву и А. В. Ефимову, удалось ввести в научный оборот новые дополнительные материалы — запись рассказа Скурихина 8 апреля, в копии, приведенной при рапорте А. Девнера 1 мая 1741 г. в Иркутскую канцелярию, копию самой подробной и полной записи показаний 10 апреля, попавшей к Г. Ф. Миллеру от капитана Т. Шмалева, изложение «объявления» и сокращенной версии «скаски» в подлинной промемории охотского командира Афанасия Зыбина 20 апреля 1743 г. М. П. Шпанбергу (Русские открытия, с. 101—106; Ефимов, 1948, с. 236—238). В свою очередь, Шпанберг к своему рапорту 5 ноября 1743 г. в Адмиралтейскую коллегию приложил полную копию апрельской промемории А. Зыбина¹. Дважды изложены рассказы Скурихина Л. Лангом в доношениях в Сибирский приказ 27 октября 1741 г. и в Сенат 15 сентября 1742 г.² В первом из них, поступившем в Сибирский приказ 19 января 1742 г., иркутский вице-губернатор кратко доложил о сообщении Скурихина, «который де был в 732-м году на морском боте, именуемом «Гавриил», в команде геодезиста Гвоздева да с подштурманом Федоровым в морском походе из устья реки Камчатки. И между де Камчатским и Анадырским устьями видели де они в море в правой стороне два острова величиною версты по три. А от Анадырского де устья путь свой имели прямо в море в восточную сторону и, шед способным ветром дней с пять, увидели в левой стороне землю, которой де, не дошед в полверсте, рассмотрели, что земля юртами по берегу и народу ходящего по той земле множество, лесу на ней листовичник, ельник и тополник. И пошли де подле ту землю в левую сторону и шли дней с пять, однако ж де конца той земли не дошли и усмотреть не могли и поворотили де назад. С которой де земли приплывал к ним туточной житель и чрез толмача имел разговор, звал их к себе на землю, обещая дать довольно корму. Однако же де, на той земле они не были и, идучи де назад на Камчатку, из вышеозначенных двух островов, которые де они, прежде идучи, видели, на одном острове были,

¹ ЦГАВМФ СССР, ф. 216, л. 99, л. 355 об.—358.

² ЦГАДА, ф. 214, оп. 1, ч. 7, д. 5122, л. 1—2; ф. 248, оп. 113, кн. 1552, л. 2.

на котором де живут люди ж. И возвратясь де ис того походу, пришли паки на Камчатку. А вышепомянутую де найденную ими великую землю от устья Анадырского можно на судне доброю погодою дойти дней в пять, а от Чукотского де носу возможно дойти в одни или в полторы сутки»¹. Эта длинная цитата — один из вариантов сжатого изложения бесхитростного рассказа ссыльного казака о плавании, явившегося свежей и секретной новостью для Петербурга и Москвы, правда почти десятилетней давности. В Охотске же показания Скурихина 8 и 10 апреля 1741 г. были сравнены с еще хранившимися, но позднее исчезнувшими и до сих пор не найденными отчетными материалами о плавании, которые прислал М. С. Гвоздев 23 декабря 1733 г. Результаты сопоставления оказались малоутешительными. А. Девиер доложил в Иркутск, что из показания Скурихина, «усмотря о такой прежде неведомой Охотскою канцеляриею Большой земле, новая учинена в канцелярии Охотского порта с прежними от помянутого геодезиста Гвоздева репортами справка, по которой о той земле ясного виду не нашлось» (Русские открытия, с. 104—105). Было решено получить от Гвоздева, как одного из главных действующих лиц похода, необходимые разъяснения и карту плаваний. По обыкновению, поручение геодезисту командир Охотского порта оформил в виде ордера.

Новый (второй после 1733 г.) отчет о плавании к Большой земле по ордеру А. Девиера М. С. Гвоздев составил, как утверждают архивные и опубликованные источники, в апреле 1741 г. И лишь А. Полонский точно — 13 апреля — датирует рапорт геодезиста, поданный в Охотскую канцелярию в присутствии С. Вакселя. Более ста тридцати лет назад исследователю удалось, по-видимому, обнаружить подлинник или копию рапорта 13 апреля и использовать его для своей статьи в качестве единственного надежного исторического свидетельства участника событий. В последующих публикациях этого важного документа, передаваемого в переложении (например, А. Зыбиным 20 апреля 1743 г.), точная дата нигде не называется; местонахождение же оригинала до сих пор, к сожалению, не определено. Как и показания Скурихина, рапорт Гвоздева 13 апреля 1741 г. известен в нескольких списках, из которых «зыбинский» наиболее пространен и, вероятно, наиболее близок к оригиналу. При рапорте 1 мая 1741 г. Девиера в Иркутск и доношении 27 октября того же года Ланга в Сибирский приказ приведено только краткое извлечение (за 21 августа 1732 г.) из отчета Гвоздева, относящееся непосредственно к Большой земле.

На основании полученных данных, свидетельствующих о несомненной близости Большой земли к азиатским берегам (от Чукотского мыса и Анадырского устья «можно доходить» соответственно за 1—1,5 и 5 суток), А. Девиер внес на усмотрение Иркутской канцелярии предложение поручить Берингу или Анадырской партии изготовить небольшие суда («шитики») и на них «туда итить и искать е. и. в. высокого ис того интересу». Призывая провести «изыскание» неизученного района, Девиер

¹ ЦГАДА, ф. 214, оп. 1, ч. 7, д. 5122, л. 1—1 об.

прозорливо заметил: «А не без сумнения, что оная Большая земля и не часть ли взыскуемой Америки находится». Рассмотрев доношение Ланга по рапорту Девьера и собранные сведения о морском походе, Сибирский приказ 1 февраля 1742 г. поддержал все предложения «о определении для взыскания Большой земли и островов» и передал Сенату на утверждение принятое решение поручить Берингу продолжить эти исследования¹.

Между тем поручение Девьера геодезист не смог выполнить полностью. Гвоздев подготовил рапорт, но никаких картографических произведений о морском плавании не представил. Можно предположить, что при этом он вновь повторил все доводы о невозможности составления карты, не имея главного источника — исправного вахтенного журнала. И все же А. Девьер донес по начальству «о учинении означенным Гвоздевым при отдании вышеупоминаемого ордира о подании ему в канцелярию Охотского порта о островах и Большой Земле репорта и злости и с упрямства к команде противности» (курсив наш. — Л. Г.). В присланном 6 июля 1742 г. указе из Иркутской канцелярии в отношении «противностей» геодезиста рекомендовалось «поступать с ним, яко командиру, по указом и регламентом во всем непременно». Одновременно командиру Охотского порта предписывалось «возыметь» с офицерами Камчатской экспедиции «сношение» и если об островах и Большой земле «получитца подлинное известие», то срочно сообщить в Иркутск. При отсутствии каких-либо сведений на Охотскую канцелярию возлагалось изготовление судов и отправление специальной экспедиции «для изыскания такого подлинного известия» и описания островов и Большой земли.

В обстоятельном докладе Сенату иркутский вице-губернатор высказал соображения по поводу чукчей и свидетельств о морском походе 1732 г. Прежде всего он предположил, что чукчи полуострова, очевидно, «имеют с теми людьми, на которой земле видели вышеписанный Скурихин да геодезист Михайло Гвоздев, сходство и дружбу» и что эти «неизвестные народы оным чукчам помогают и сообщаютца с ними». Л. Ланга удивил тот факт, что «экспедиционные служители уже давно пребывают в здешних краях в морских походах, а того к пользе е. и. в. высокого интереса или вышеупомянутая неизвестная земля и народы не изыскано и не изведано». Косвенное подтверждение существования Большой земли он нашел «в слухах... от протчих народов, что оная земля и народы есть подлинно, токмо того подлинно неизвестно, что какая оная земля есть и на ней какие народы жительствоуют, и в каких действиях и нравах состоят»².

Подтверждая необходимость организации в Охотске новой экспедиции к островам и Большой земле, Иркутская провинциальная канцелярия разработала и для Д. И. Павлуцкого, вновь назначенного главой усиленной Анадырской партии, обширную программу сбора различных

¹ ЦГАДА, ф. 24, кн. 14, ч. 22, л. 174 и об.

² Там же, ф. 248, оп. 113, кн. 1552, л. 2 об.

сведений. Ему поручалось, находясь «в тамошних местах, наведываться всячески», а особое внимание уделить расспросам «чукотских людей». Намечалось получить разносторонние данные: расстояния от «чукотских жилищ» до островов и Большой земли, характеристику путей и средств сообщения, наличие лесов, угодий, гаваней; о народонаселении, названиях народов, языке — имеет сходство или различие с чукотским, подданстве, политическом устройстве, пахотных землях, промыслах, вере, грамоте (письменности), одежде, денежном обращении, полезных ископаемых. Подлежало выяснить, нет ли за островами и Большой землей «земель и островов с людьми, о которых здесь неизвестно, и на оных какие ж имеютца народы и под чьей державою». Содержалась в этом перечне и злободневная для сибирских властей проблема: народы, живущие на островах и Большой земле, не имеют ли с чукчами «какого свойства и протчего согласия и не помогают ли им в походах»¹.

ГЕОДЕЗИСТ ВТОРОЙ КАМЧАТСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ

Вскоре после возвращения из «удской посылки» в жизни Михаила Спиридоновича Гвоздева начался новый и важный этап. По инициативе М. П. Шпанберга 14 июля 1741 г. он был зачислен геодезистом Второй Камчатской экспедиции. Надо полагать, что А. Девиер в результате конфликта по поводу рапорта не стал возражать против перехода из команды Охотского порта несговорчивого, строптивого и отстаивающего собственное мнение приравненного к младшим офицерам геодезиста. В этот период вернувшаяся из плаваний к берегам Японии флотилия из четырех судов — пакетбот «Св. Иоанн», бригантина «Архангел Михаил», дубель-шлюп «Надежда» и шлюп «Большереецк» (командиры М. П. Шпанберг, мичман А. Е. Шельтинг, мичман В. Ртищев и боцманмат Козин) — готовилась к новому походу. Однако подготовку к экспедиции 1741 г. удалось завершить только к концу лета, удобное время для плаваний было упущено. Тогда Шпанберг отправил три корабля на зимовку в Большереецк, а продолжение исследований Охотского моря поручил А. Шельтингу и М. С. Гвоздеву. Сохранившийся вахтенный «журнал дубель-шлюп «Надежды» в команде мичмана Шельтинга от реки Охоцкого устья даже до Шентарских островов... и до Курильских островов и до Камчатки до Большереецкого устья...» день за днем с 4 сентября по 14 октября 1741 г. отмечает маршрут судна и описывает «разные случаи»².

Направившись из Охотска вдоль западного побережья, экипаж «Надежды» 9 сентября увидел Шантарские острова. Судовой журнал заполнялся записями геодезиста Гвоздева и штурмана В. Ртищева. При проведении описи мореплаватели измеряли глубины, отмечали метеорологические условия, силу и направление течения, свойства грунта, осо-

¹ ЦГАДА, л. 7—9.

² ЦГАВМФ СССР, ф. 913, оп. I, д. 38, л. 440—460 об.

Титульный лист вахтенного журнала плавания от Охотска до Курильских
 островов и Камчатки дубель-шлюпа «Надежда» 4 сентября — 14 октября
 1741 г.

Титульный лист вахтенного журнала плавания от Охотска до Курильских
 островов и Камчатки дубель-шлюпа «Надежда» 4 сентября — 14 октября
 1741 г.

ЦГАВМФ СССР, ф. 913, д. 38, л. 440.

бенности берегов и устьев рек. 15 сентября «Надежда» вошла в устье
 р. Уды, широта которой была определена в $55^{\circ}30'$ (с погрешностью на
 48' севернее действительного положения). М. С. Гвоздев с командиром
 судна поднялись на двух ботах с местными проводниками к Удскому
 острогу, откуда возвратились 21 сентября. В отчете о поездке с геоде-
 зистом по Уде А. Шельтинг суммировал совместные наблюдения, ха-
 рактеризующие географическую и гидрографическую выучку морепла-
 вателей. При описании они стремились к наиболее полному и деталь-
 ному освещению вопросов, предусмотренных инструкцией М. Шпанбер-
 га. В устье, — писал мичман, — «на банке на самую убылую воду было
 воды на 3 фута, в морской прибывает в полнолуние на 12 фут и на
 4 дюйма. А та Удь река имеет в себе множество устей, которые весьма
 мелки и в россыпах, и на устье по берегу лес лиственничной, и то сухова-
 той и к строению судов неудобной... А судами, которые ходят глубиною
 от 6 до 8 фут, ходить и зимовать ни в какой мере невозможно, понеже
 оная река имеетца в немалых шиверах и во островах и местами мелко-
 водна и к гавани удобных мест не сыскалось. А лес по берегу той реки
 растет: лиственница, березник, сосник, ельник, топольник, токмо негод-
 ной и суковатой и к строению судов неудобной... Також и пахотных
 мест имеется мало и недовольно, и земля негодная, песок серый» (РТЭ,
 с. 478).

22—28 сентября «Надежда» лавировала вблизи Шантарских остро-
 вов в поисках надежной якорной стоянки. Из-за течи поисковое плава-
 ние было прервано, и судно срочно отправилось в обратный путь. 12 ок-
 тября, как записал в журнале Гвоздев, при облачной погоде и северо-
 восточном ветре «шли заводом» к речке Чекавке, но из-за темноты ста-
 ли на якорь. Ночью — «лунное сияние и блистание звездом», мороз,
 крепкий ветер. На другой день опять стали «тянуться заводом» и, не-
 смотря на «великой» снегопад, «поднялись» к месту стоянки и выгрузи-

ли на берег бочки, провиант в суммах, крупу и мясо¹. 14 октября «Надежда» присоединилась к остальным судам флотилии Шпанберга в Большерецке. 28 ноября А. Шельтинг подал рапорт о вояже, а также составленные им и М. С. Гвоздевым судовой журнал и карту.

Глубокая осень, сопровождавшаяся штормами и туманами, неисправность корабля не позволили Шельтингу и Гвоздеву продолжать плавание, но за короткий срок они сумели составить описи устья Уды и Шантарских островов. Для «лучшего рассмотрения» Адмиралтейской коллегией результатов описи 1741 г. М. П. Шпанберг к своему докладу 20 мая 1742 г. приложил копии инструкции, рапорта мичмана, а также «скасок», взятых А. Шельтингом и М. Гвоздевым у крестьян и служилых людей, «о севе хлеба, и о лесах, и о реке Уди, в которые числа она я ото льду скрываетца и становитца».

В 1741 г., за исключением намеченного, но неосуществленного тогда третьего морского похода отряда Шпанберга к Японии, Вторая Камчатская экспедиция добилась замечательных результатов. Июль 1741 г. ознаменовался историческим морским плаванием пакетботов «Св. Петр» и «Св. Павел» под командой В. Беринга и А. И. Чирикова к берегам Северо-Западной Америки, которое сопровождалось выдающимися географическими открытиями.

К весне 1742 г. в Большерецке завершились приготовления новой экспедиции к берегам Японии. М. Шпанберг, по достоинству оценивший работу Гвоздева во время сухопутной съемки и морской описи западного охотоморского побережья, назначил его помощником штурмана на дубель-шлюп «Надежда». 2 мая 1742 г. штурман судна мичман В. А. Ртищев был извещен командующим отрядом о посылке к нему «для вспоможения по должности вашей в содержании журналу и протчего геодезист Михайло Гвоздев, которому по его геодезической должности потребное исправление, как надлежит, чинить неотменно» (Дивин, 1956, с. 32). Среди 33 человек экипажа помимо Гвоздева отметим рудознатца С. Гардеболя с А. Калугиным и переводчика с Курильских островов Кичея.

23 мая отряд из четырех судов во главе с флагманом «Св. Иоанн» направился к первым островам Курильского архипелага. Сильный туман и «противные» ветры осложнили навигационную обстановку. В условиях плохой видимости и отсутствия надежной связи вскоре же после отправления (30 мая) к юго-западу от острова корабли экспедиции потеряли друг друга или, как объяснял позднее Шпанберг, отлучились «неведомо с какова умыслу или имел резоны». Вначале (3 июня) на широте 49°18' отстали бригантина «Архангел Михаил» и дубель-шлюп, затем (13 июня) на широте 44°40' — шлюп «Большерецк». Достигнув 46°21' северной широты, «Надежда» вернулась к Курильским островам. Позднее Шпанберг вспоминал, как 11 июля, прибыв к первым Курильским островам на широте 50°39' в 5 часов утра, моряки «Св. Иоанна» увидели лежащую под парусами отставшую от флагманского корабля

¹ ЦГАВМФ СССР, ф. 913, оп. 1, л. 38, л. 460.

«Надежду». После сближения оба судна последовали к проливу между островами Шумшу и Парамушир, где увидели бригантину и шлюп. «И потом,— сообщал капитан в рапорте 11 декабря 1742 г.,— по общему всех обер- и ундер-офицеров согласию ис Курильских островов отправил мичмана Шхельтинга да штурмана Ртищева на дубель-шлюпе «Надежда» для описи Амура и Уды»¹. Дважды собирався совет офицеров («консилиум»), который согласился с доводами Шпанберга о необходимости прекращения похода и возвращения экспедиции (Экспедиция Беринга, с. 288—290). Новый командир «Надежды» А. Шельтинг 23 июля получил задание продолжить опись в соответствии с инструкцией 1741 г. и «следовать» от устья Уды к р. Тугуру и далее до Амура до 46° северной широты.

«Св. Иоани», «Архангел Михаил» и «Большерецк» 26 августа прибыли в Охотск, где командир флотилии оставил «к смотрению судов» штурмана А. Шаганова и 20 человек, а сам с остальной командой 4 сентября выехал из порта и 15 октября прибыл в Якутск. Находясь у Юдомского креста и не имея сведений о судьбе «Надежды», Шпанберг выслал приказание Шельтингу выехать в Якутск, если тот «без интересных убытков и дальних трудов время иметь будет», взяв с собой Ртищева и Гвоздева и «забрав все бывшие в его вояже действия, а именно: журнал путевого и прочее к тому потребное». Если же отъезд невозможен, то мичману предписывалось вместе с командой быть в Охотске «у исправления» дел, порученных штурману А. Шаганову, а судовой журнал и карту плавания прислать к Шпанбергу с нарочным. С рапортом 11 декабря 1742 г. М. Шпанберг прислал карту и журнал своего «японского вояжу» 1742 г., журнал Шельтинга о плавании в 1741 г. до Уды. «Тракт» мичмана был «положен» на карту 1742 г. Шпанберга².

«За справкою» штурмана В. Ртищева и геодезиста М. Гвоздева сохранился судовой «дюрнал дубель-шлюп «Надежды» в каманде мичмана Шхелденга от Курильского острова, называемого Алаида, от ширины северной 50°40' склонение компаса 3/4 румба восточное. 1742 году». В журнал внесены данные за 22 июля — 13 октября³.

24 июля от острова Алаид «Надежда» отправилась на запад и достигла восточного берега острова Сахалина в районе мыса Терпения. 3 августа мореплаватели провели ориентирование и определили географическую широту местоположения судна. М. С. Гвоздев внес в журнал: северная широта 47°35'. На берегу лес, земля низка (Полевой, 1959, с. 75). Из залива Терпения «Надежда» направилась на север вдоль восточного побережья Сахалина, на широте 50°10' развернулась и поплыла обратно на юг до 45°30'. Во время плаваний у восточных берегов острова и в проливе Лаперуза сильные ветры и густые туманы затрудняли выполнение основной задачи по описанию: мореплаватели редко видели берег, находившийся от них в шести милях. А. Шельтинг доносил

¹ ЦГАДА, ф. 248, кн. 1327, л. 21 об.

² Там же, л. 22—23.

³ ЦГАВМФ СССР, ф. 913, оп. 1, д. 38, л. 495 об.— 521.

Бо Аля помощникъ гурна дубель шлюпъ на Е. А. Вилла
 изъ Имманъ и Шельтинга бурлаки Дюрова Назы Вилла
 Служа Ширинъ Бурманъ 50^{то} (шлюпки) шлюпка 1/4 рубли
 Восточно 1742-го года.

Титульный лист вахтенного журнала плавания от Курильских островов дубель-шлюпа «Надежда» 22 июля — 13 октября 1742 г.

ЦГАВМФ СССР, ф. 913, д. 38, л. 495.

М. Шпанбергу: «за великими на море от противных ветров погодами, а паче же за великими же туманами видеть... Амурского устья было невозможно» (РТЭ, с. 481—483). 20 августа «за великим в судне течением и за недостатком морского провианта» дубель-шлюп повернул обратно, прибыв в Охотск 10 сентября, где стала «под рекою Охоты на якоре». Далее в журнале отмечены: «погода облачная и дождь велик, ветер крепкий», «шли бечевою с устья Охоты реки», «в судне воды прибывало в час по 4 дюйма» и, наконец, «сего месяца 13 дня вошли в реку Охоту и поставили судно на место»¹. Через неделю А. Шельтинг доложил Шпанбергу о благополучном возвращении «Надежды» в Охотск, о последующем («впредь») отправлении им при «особливом обстоятельном репорте» карты и журнала плавания. Мичман просил уточнить дальнейшие планы: оставаться ли ему с командой в Охотске, или ехать в Якутск.

Тяжелые навигационные условия плаваний 1742 г. несомненно повлияли на общие итоги третьего похода к Японии. Многие ученые, изучавшие опись Шельтинга — Гвоздева, оценили эти съемки как поверхностные (Тебенков, 1852, с. 142).

После гибели Беринга руководство Второй Камчатской экспедицией возглавили его помощники А. И. Чириков и М. П. Шпанберг. Личная неприязнь капитанов друг к другу, отсутствие координации при выполнении сенатских указов и инструкций Адмиралтейской коллегии часто вредили общему делу. В этом отношении весьма показательны рапорт 10 мая 1742 г. Чирикова в Адмиралтейскую коллегию по поводу описания камчатских берегов и его письмо 9 июня 1743 г. к Шпанбергу относительно составления карты Охотского моря и описи западного берега². Как известно, в дополнительной инструкции 25 сентября 1739 г. и указе коллегии 26 января 1741 г. Берингу предлагалось, «будучи в Охотке и на Камчатке, учинить обстоятельный осмотр и описи и карты». На экспедицию возлагался поиск гаваней для мест, пригодных для поселения и земледелия. Чириков объяснил, что еще 23 октября 1741 г. он выслал распоряжения в Большерецк к геодезии прапорщикам команды

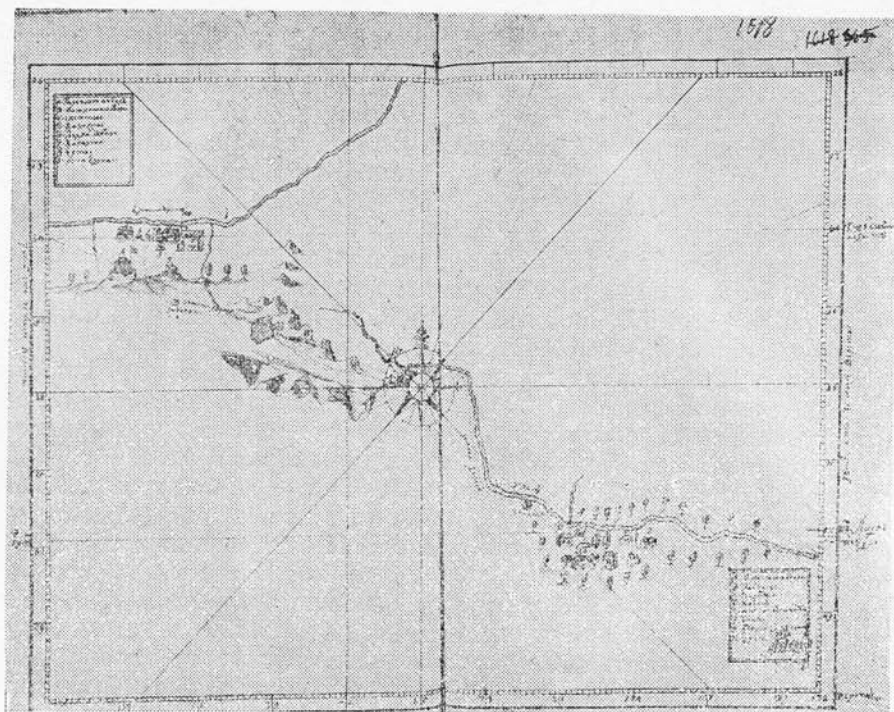
¹ ЦГАВМФ СССР, ф. 913, оп. I, д. 38, л. 521.

² Там же, ф. 216, д. 54, л. 397—400; д. 53, л. 938—939 об.

умершего профессора Делиля де ля Кройера А. Красильникову и М. Ушакову описать соответственно восточный и западный берега Камчатки. По различным причинам оба геодезиста были удержаны Шпанбергом, но взамен из «обретающихся» у него помимо Красильникова и Ушакова трех геодезистов (П. Скобельцына, И. Свистунова и М. Гвоздева) никто не был послан.

В письме из Якутска к Шпанбергу, находившемуся при Юдомском кресте, А. И. Чириков объявил результаты рассмотрения генеральной ландкарты геодезистов П. Скобельцына и В. Шетилова. На ней, составленной на основании путевого журнала, западный берег Камчатского (Пенжинского) моря нанесен по старым картам. Чириков выразил самые серьезные сомнения — «а подлинно ль тот западный берег так лежит, как положен на старых картах, неизвестно», — так как никаких сведений о результатах плаваний Шельтинга, Ртищева и Гвоздева в 1741—1742 гг. к нему от Шпанберга не поступало. Также не было «подлинно известно» о простирации западного берега, «а не зная простертия берегу, — продолжал Чириков, — прямого разстояния от Нерчинска и от прочих городов российских до того Камчатского или Пензинского моря в верность знать не можно». В заключение Чириков потребовал прислать копии карт, составленных при описи западного берега Шельтингом, Ртищевым и Гвоздевым, а также собранные ими данные о гаванях для морских судов, необходимые «для сочинения обстоятельной генеральной карты Камчацкого или Пензинского моря, из которой можно будет обстоятельнее видеть, как далече от мест, подсутственных Иркутской провинции, западные берега помянутого моря отстоят».

В 1741—1742 гг. М. С. Гвоздев, выполняя не только свои непосредственные обязанности геодезиста, показал себя умелым и знающим «морское обхождение» специалистом-навигатором. Он занимался съемкой берегов, проводил необходимые навигационные измерения и астрономические наблюдения, нес вахтенные дежурства поочередно с мичманами — командиром и штурманом, вел судовой журнал. На берегу М. Гвоздев совместно с А. Шельтингом и В. Ртищевым на основании записей журналов составлял итоговые карты. В этом отношении нельзя сказать, что участь Гвоздева была исключительной. При острой нехватке офицеров и подготовленных специалистов высококвалифицированные геодезисты часто выполняли самые разнообразные задания. Так, геодезии подпоручик И. Свистунов в 1738—1739 гг. плавал с отрядом Шпанберга к Японии, в 1741 г. командовал бригантиной «Архангел Михаил», а геодезии подпоручик П. Скобельцын в 1742 г. плавал под командой М. Шпанберга на пакетботе «Св. Иоани». В автобиографии 24 августа 1743 г. М. С. Гвоздев без пояснений перечисляет выполнение им заданий на службе во Второй Камчатской экспедиции: «...взят я был в команду ево, Шпанберха, и послан на дубель-шлюбке, имянуемой «Надежде», в вояж с мичманом Шхелтенгом для описания берега до Уцкого устья и до Амурских берегов. А в 742-м году определен я был на том же судне мичманом Васильем Ртищевым для описания до Японских берегов. Да в том же 742-м году паки определен был с... Шхельтенгом на том же

М. П. Шпанберг. Чертеж опорных пунктов (Юдомский крест и Уракское зимовье) Второй Камчатской экспедиции на пути из Якутска в Охотск. Конец 1737 г.

Легенда: Юдомский крест — «А. Пороховой анбар; В. Магази́нные анбары; С. Светлицы; D. Казармы; E. Подвал винной; F. Караульня; G. Юрты; I. Река Юдома; Уракское зимовье — А. Магази́нные анбары; B. Плодбище; C. Казармы; D. Кабак; E. Штурманская изба; F. Баня; G. Онбары служителей; H. Юрта».

ЦГАВМФ СССР, ф. 216, д. 24, л. 1018.

судне для описания Амурского устья и берегов. И в тех посылках в бытность мою исправлял положенное на меня дело, так и в морском хождении, со всею моею ревностью неусыпно». В автобиографии 1758 г. геодезист повторил те же сведения, но, заключая, подчеркнул важную подробность: «И будучи в тех морских вояжах не токмо положенное на меня по моей должности дело, но и штурманскую должность исправлял со всякою моею ревностью».

Как оказалось, за морскими плаваниями отряда Шпанберга и работой Гвоздева, в частности, внимательно следил новый охотский командир А. Зыбин, осведомленный о командировании геодезиста в 1741 г. «для посылки от Охотска Пенжинским морем или каким путем удобнее до Уди реки, а от оной, сколько возможно допустит, к реке Тугуру даже и до устья реки Амуру для осмотра и описания мест», о «взятые» его в морские вояжи и возвращении в сентябре 1742 г. А. Зыбин пытался вернуть Гвоздева в команду Охотского порта. 21 февраля 1743 г. Охотская

канцелярия потребовала у А. Шельтинга прислать М. Гвоздева, «дабы впредь во исправление по ево должности е. и. в. дел за неимением геодезиста остановки не было». В ответной промемории 24 февраля мичман, ссылаясь на распоряжение Шпанберга о подготовке к выезду команды Шельтинга в Якутск, сообщил, что Гвоздева «отдать невозможно». Вторичное обращение 20 апреля А. Зыбина на этот раз непосредственно к М. Шпанбергу также не увенчалось успехом. Шпанберг, этот неуживчивый, грубый в обращении и недоверчивый человек, по отношению к Гвоздеву никогда не проявлял своей обычной недоброжелательности, сумев, по-видимому, верно оценить хорошую профессиональную подготовку, морскую выучку, волевые качества и серьезный многолетний опыт службы геодезиста на Дальнем Востоке. Воспитанник Морской академии М. С. Гвоздев, в суровых условиях походной жизни и морских плаваний проверенный как геодезист и мореход, стал полноправным участником Второй Камчатской экспедиции. Но деятельность экспедиции завершалась... Наступил 1743 год.

Геодезиста, длительное время не получавшего заслуженного им очередного звания, тем не менее привлекали к выполнению таких обязанностей и поручений, которые обычно возлагали на младший офицерский состав. Таким образом, он фактически был приравнен к младшим офицерам, что четко подтверждается также многочисленными списками и реестрами участников экспедиции и другими документами. Например, 18 июня 1743 г. в Преображенской церкви Охотска 67 морских «служителей» приняли присягу. Клятвенное обещание племяннику Елизаветы Петровны Петру Федоровичу, объявленному 7 ноября 1742 г. наследником, в порядке субординации по списку собственноручно подписали: мичман А. Шельтинг, мичман В. Ртищев, шкипер Д. Коростелев, штурман М. Петров, штурман А. Шаганов, геодезист М. Гвоздев, констапель И. Бобовский и другие¹.

Интересен рапорт 12 января 1743 г. Шпанбергу по делу солдата Якутского полка Михаила Полуяновского, подписанный членами специальной офицерской комиссии во главе с В. Ртищевым. Среди членов комиссии — М. С. Гвоздев. 10 января А. Шельтинг, в отсутствие Шпанберга оставшийся в Охотске старшим, вызвал к себе на квартиру М. Полуяновского для разбора челобитья нескольких купцов и служилых людей о денежных долгах солдата. Мичман предупредил незадачливого должника: за то, что «забираешься... в долги, надлежит тебя высечь кошками». В ответ на такой «выговор» Полуяновский неожиданно тут же объявил на Шельтинга и купца П. Белоусова «слово и дело» по первому и второму пунктам. Д. Коростелев, А. Шаганов, М. Гвоздев и И. Бобовский повторили приведенному на собрание офицерской комиссии солдату мнение Шельтинга и потребовали подтверждения обвинений. «И когда за то ево вывели сечь кошками, и тогда показал он на всю нашу комиссию слово ж и дело. И выстегав ево, приведши, стали спрашивать, подлинно ли он за нами знает и в том утверждаетца ль. И по многому

¹ ЦГАВМФ СССР, ф. 216, д. 99, л. 348—350.

ево роспрашивании в словах своих мялся». Наконец «по выводе ево паки для сечения» Полуяновский объяснил, что «ни за кем слова и дела не знает», а «показывал» на Шельтинга и других «во пьянстве своем». Комиссия «с общего согласия», руководствуясь именным указом 1730 г., приговорила «учинить наказание — гонять шпицрутен». Однако в связи с отсутствием в Охотске достаточного для выполнения этого приговора числа солдат наказание несколько изменили. В присутствии всех участников экспедиции Полуяновский был «бит кошками нещадно в страх другим», а затем по-прежнему определен в солдатскую службу¹.

В другом коллективном рапорте 24 августа 1743 г. В. Ртищев, Д. Коростелев, штурман Х. Юшин и Е. Родичев, а также М. Гвоздев сообщали, что они освидетельствовали принятое для экспедиции от Якутской воеводской канцелярии «казенное двойное и простое вино» в 60 флягах и составили реестр пронумерованных фляг. Офицеры тщательно провели осмотр, «не имеют ли те фляги течи или какой вреду и все ль полны». Оказалось: «недостатку» во всех флягах от 2 до 4,5 дюйма, № 60 — 10 дюймов, а тринадцать фляг имеют «малую течь»². Наравне с другими офицерами Гвоздев выполнял самые разнообразные задания. Так, 2 сентября Шпанберг приказал Шельтингу со всеми обер- и унтер-офицерами осмотреть на судах «Св. Иоанн», «Архангел Михаил», «Надежда» весь такелаж, который на море «впредь употребитца не годен»³.

Несколько раз М. С. Гвоздев принимал участие в географическом и гидрографическом обследовании района вокруг Охотска. Сильное наводнение 28 ноября 1742 г. послужило толчком для продолжения усиленных поисков, начатых при А. Девьере, более удобного места для устройства судовой верфи и порта, чем Охотск. Канцелярия Охотского порта и экспедиция совместно организовали рекогносцировочные поездки. «Для свидетельства и осмотру угодности называемом месте Малчикане судовому строению, тако ж и пристани и беспрепятственному сплаву тех судов» к устью Охоты 30 июня А. Шельтинг назначил «идти туда обще» В. Ртищева, констапеля Ю. Аритландера и М. Гвоздева с десятью «служителями». В представленном отчете о поездке, докладывал Шельтинг Шпанбергу, по мнению офицеров, на Малчикане «учредить верфь угодно», а сплав судов к морю из-за множества речных «розсыпей» и мелководьем не возможен⁴. В сохранившемся рапорте 7 июля, написанном М. Гвоздевым, пояснены характерные особенности реки — быстрое течение, множество протоков, глубины (9, 6, 3 фута и менее), мелководье, а также приведен элементарный расчет экономической нецелесообразности перевозки грузов малыми судами (РТЭ, с. 234—235).

Вторая поездка состоялась в конце июля 1743 г., когда по распоряжению А. И. Чирикова на речном судне проводились исследования района устья Охоты — урочище Малчикан с задачей определить возможность сплава к морю небольших морских судов. Д. Коростелев и

¹ ЦГАВМФ СССР, ф. 216, д. 53, л. 521 и об.

² Там же, д. 56, л. 807 и об.

³ Там же, д. 99, л. 233.

⁴ Там же, д. 56, л. 59.

Х. Юшин, возглавившие плавание, в отчете 5 августа кратко описали маршрут от Малчикана вниз рекой Батом, которая «весьма разсыпнута протоками и на шиверах 1, 2, 3 и 4 фута». Моряки дали отрицательное заключение по поводу сплава судов из-за быстрого течения и мелководных мест. Решился на поездку к Малчикану и сам командир Охотского порта А. Зыбин. С ним туда вновь отправились В. Ртищев, Ю. Аритландер и в третий раз М. Гвоздев¹.

Удалось обнаружить сведения об имущественном положении Гвоздева. Для сравнения укажем размеры денежного жалованья, установленного командному составу в Охотске и в экспедиции Шестакова — Павлуцкого. Отправленные на Камчатку в 1727 г. получали в месяц: штурман Я. Генс 12 руб., подштурман И. Федоров 7 руб.; посланные к Г. Г. Скорнякову-Писареву в 1731 г. штурманы 2-го ранга С. Хитрово, А. Дементьев, И. Бирев и ластовых судов мастер Рогачев — по 15 руб. каждый, плотничный командир И. Захаров — 5 руб. Геодезисту М. С. Гвоздеву выдавалось 6 руб. 28 марта 1733 г. Адмиралтейская коллегия обратила внимание Сената на то, что «оные служители денежное жалованье получают там по окладом своим одно настоящее, а не вдвое», в то время как участникам экспедиции Беринга установлены двойные оклады. По мнению коллегии, необходимо ранее посланных уравнивать в правах, так как на Дальнем Востоке в походах и морских плаваниях они «в равной службе или еще за долговременным там бытием и в вящей трудности находятся»².

С переходом в 1741 г. в отряд Шпанберга материальное состояние Гвоздева улучшилось. Расходные книги и именные списки команды Второй Камчатской экспедиции в Охотске содержат данные о денежном довольствии. Жалованье обычно выплачивалось по третям года — январская, майская и сентябрьская трети. Так, 7 марта 1743 г. М. С. Гвоздеву полагалось за январскую треть: 6 руб. окладного и 6 руб. «вторичного в награждение» ежемесячно, всего 48 руб., а за вычетом на медикамент (по 1 коп. с рубля) к выдаче 47 руб. 52 коп. Он получил 25 июля такую же сумму за майскую треть, а в марте 1744 г. — за январскую треть текущего года. В расходной книге находим автограф: «По сей записке денежного жалованья сорок семь рублей пятьдесят две копейки геодезист Михайло Гвоздев принял и расписался»³. В конце года составлялась общая смета расходов на следующий год. В ней на 1744 г. Гвоздеву предусматривалась оплата жалованья в размере 142 руб. 56 коп. Одной из статей расходов геодезиста явилось ежемесячное приобретение продовольствия. Командному составу экспедиции по определенным нормам выдача «сухопутного провианта каждому против солдатских дач» производилась за собственные деньги. Например, 30 сентября он закупил на октябрь муки 1 пуд 20 фунтов, «вдобавок» за 12,5 фунта муки — сухарей 10 фунтов, крупы 5 фунтов, соли 2 фунта. Количество продук-

¹ ЦГАВМФ СССР, ф. 216, д. 56, л. 58 и об., 67 и об.

² ЦГАДА, ф. 248, кн. 666, л. 482—483.

³ ЦГАВМФ СССР, ф. 216, д. 99, л. 68, 102, 259 об., 322, 402 об.; д. 56, л. 259 об.; д. 101, л. 187.

тов из месяца в месяц менялось незначительно. В декабре Гвоздев получил 1 пуд 32,5 фунта муки, 5 фунтов крупы, 2 фунта соли¹. Мясной рацион был весьма ограниченным. Лишь однажды встречена запись о сборе с офицеров денег «за розданной живой скот». Штурман М. Петров, констапель И. Бобовский, М. Гвоздев и писарь А. Шубинский в октябре совместно оплатили 4 руб. 24,8 коп. «за одну скотину»².

Во время морских плаваний офицерскому составу, так же как и рядовым морякам и служилым людям, в соответствии с морским регламентом полагался казенный морской «провиант» и «порционные» деньги. В большинстве случаев в 1741—1743 гг. из-за нехватки продовольствия в Охотске всем «морским служителям» взамен полностью или частично выдавались деньги. 9 сентября 1743 г. М. П. Шпанберг по рапортам А. Шельтинга и В. Ртищева от 7 ноября и 24 декабря 1742 г. приказал прапорщику С. Ивашкину выдать деньги за неполученный провиант находившимся в морских «вояжах» в 1741—1742 гг. на дубель-шлюпе «Надежда» В. Ртищеву, М. С. Гвоздеву, И. Бобовскому, Ю. Аритландеру, С. Гардеболу и лекарскому ученику И. Дягилеву³. В общем списке лиц, которым «надлежит произвести порционные деньги, також и за недостаточной... морской провиант за бытность на море» геодезист Гвоздев помещен вслед за А. Шельтингом, В. Ртищевым, И. Бобовским, боцманом Т. Герасимовым, подлекарем П. Браунером. Список содержит все необходимые расчеты (количество дней плавания, нормы выдачи продовольствия, денежный эквивалент, общая сумма). По этим данным, М. С. Гвоздев находился в море с 1 сентября по 13 октября 1741 г. и с 1 мая по 18 сентября 1742 г., то есть 6 месяцев и 12 дней; начислено к оплате за этот срок 32 руб. 1 коп. Представляют интерес слагаемые суммы стоимости всего провианта, исчисляемого на полпорции, кроме полупорции пива, рыбы и уксуса: сухарей за 3 пуда 24 фунта 61⁵/₇ золотника — 3 руб. 61¹/₂ коп.; пива за 67 ведер 4 кружки — 20 руб. 25 коп.; крупы гречневой за 16 фунтов 24 золотника — 48³/₄ коп.; крупы овсяной за 32¹/₂ фунта — 1 руб. 5⁵/₈ коп.; гороха за 32 фунта — 52¹³/₁₆ коп.; «масла коровья» за 19 фунтов 27³/₇ золотника — 1 руб. 55¹/₂ коп.; мяса говяжьего за 32¹/₂ фунта — 52 коп.; вина простого за 52 чарки — 2 руб. 8 коп.; соли за 3 фунта 66⁶/₇ золотника — 2 коп.; рыбы сухой за 39 фунтов — 1 руб. 56 коп.; уксуса за 4⁷/₁₀ кружки — 33¹/₈ коп.

Редко встречающиеся материалы, рисующие различного рода бытовые детали и экономическое положение офицеров и моряков разных рангов, можно пополнить колоритными источниками — «росписями» и «реестрами» имущества, намеченного к распродаже. В силу сложившейся морской традиции личные вещи умерших во время плаваний поступали на аукцион, в котором принимали участие все матросы и офицеры экс-

¹ ЦГАВМФ СССР, ф. 216, д. 99, л. 254, 298, 301, 455, 498; д. 101, л. 126, 185, 224 (февраль — апрель, 1744 г.).

² Там же, д. 99, л. 336.

³ Там же, д. 56, л. 577—578, 581 и об.

педиции. В «Реестре кому каких пожитков продано после умершего штурмана Ивана Верещагина» (сентябрь 1743 г.) указано, что М. С. Гвоздев купил «сундучек маленькой окованной» — 1 руб. 25 коп., «платенцов белых» — 1 руб. 20 коп. и «чулки гарусные» — 1 руб. 25 коп.¹ На распродаже вещей штурмана Андрея Эйзельберга геодезисту досталась «рубаха фанзовая красная» — 3 руб. 60 коп., «тесемок на подвязки концов» — 36 коп., «трубка от чернильницы медная» — 12 коп. и оловянное блюдо — 1 руб.² В «Росписи капитана Беринга багажу, которой распродан» (октябрь 1743 г.), длинный список вещей сгруппирован по фамилиям покупателей, в числе которых оказались Шпанберг, Зыбин, Шельтинг, Ртищев, Коростелев, лекарь Гинтер, Юшин, Родичев, мастер Кузьмин, Гвоздев, копнист Дасаев, подмастерье Кузнецов и другие. Наиболее крупные приобретения сделали М. Шпанберг (на 160 руб. 29 коп.) и А. Шельтинг (84 руб. 41 коп.). Геодезист Гвоздев на память о капитан-командоре приобрел ветхий красный камлотовый подбой под кафтан (на 1 руб. 10 коп.)³.

Разносторонняя деятельность М. С. Гвоздева, вероятно, вполне удовлетворяла руководство Второй Камчатской экспедиции в Охотске. В строевом расчете этого периода геодезист значится в охотской команде М. Шпанберга среди 29 из 76 человек (47 «в расходе» на работах за пределами порта и экспедиционной слободы)⁴. При определенной малочисленности и недостатке в специалистах различной квалификации Гвоздев привлекался к выполнению разнообразных поручений.

Безусловно, важным событием, которое укрепило служебный авторитет Гвоздева, стал указ Сибирского приказа, подготовленный в соответствии с именным царским указом. В копии он был прислан 6 марта 1743 г. из Иркутской в Охотскую канцелярию. Указом повелевалось геодезисту Михаилу Гвоздеву «в показании к команде противности и о прочем вину отпустить»⁵. Полное прощение, несомненно, способствовало решению Гвоздева вновь возбудить ходатайство перед Сенатом и Адмиралтейской коллегией о присвоении ему офицерского звания. Он подготовил два прошения, но сразу же передать их Шпанбергу не удалось. Капитан выехал из Якутска 31 марта 1743 г., прибыл 10 апреля к Майскому устью, по вскрытии рек отправился к Юдомскому кресту, где был до конца июля, и появился в Охотске лишь в августе. Тем временем охотский командир А. Зыбин 20 апреля направил М. Шпанбергу обстоятельную промеморию⁶. Она замечательна тем, что донесла до наших дней содержание найденных оригиналов — основных источников истории плавания к берегам Америки Гвоздева и его товарищей в 1732 г. В этом ценном документе, который составлялся на основании материа-

¹ ЦГАВМФ СССР, ф. 216, д. 56, 549 об.

² Там же, л. 461.

³ Там же, л. 458 об.

⁴ Там же, л. 5—7.

⁵ Там же, д. 53, л. 730 об.—731.

⁶ Полностью опубликована А. В. Ефимовым (1948, с. 236—243) с пропусками и искажениями, с комичной подписью: «при мемории майор (в оригинале: «пример-мазор»).

лов, хранившихся в Охотской канцелярии, в изложении переданы: 1. «Объявление» И. Скурихина 8 апреля 1741 г., 2. Рапорт М. Гвоздева, полученный с Камчатки 23 декабря 1733 г., 3. Выдержка из «лахбуха» М. Гвоздева — И. Федорова за 22 августа 1732 г., 4. «Скаaska» И. Скурихина, 5. Рапорт М. Гвоздева 1741 г. Далее излагался указ из Иркутска, присланный 6 июля 1742 г., о получении любыми средствами достоверных сведений о Большой земле и организации с этой целью экспедиции, а также прослеживалась с 14 июля 1741 г. деятельность Гвоздева. Иркутский вице-губернатор требовал у А. Зыбина, а майор у Шпанберга: «ежели подлинное известие получено и карта прислана будет, то, со оных скопировав в два ряда, прислать в Сибирской приказ». Заручившись правительственной поддержкой, сибирские власти согласились с идеей сбора точных сведений о Большой земле и островах и разработали своего рода инструкцию с перечнем первоочередных вопросов. Перечень в целом совпадает с инструкцией, выданной по этому же поводу Д. И. Павлуцкому.

Охотская канцелярия просила сообщить: а) расстояние от Камчатки, Чукотского полуострова, Анадырска до островов и Большой земли; «откуда и каким благонадежным путем притти к ним и какие способы на то употребить можно»; б) размеры островов и земли «сколь велики»; наличие лесов, угодий, гаваней и других примечательных мест; в) заселенность, «какие... люди званием жительство имеют»; политическое устройство, «кого над собой владельца имеют одного или разных», «владетели сами властны ли или дань кому платят»; д) отличия (или сходство) языка от чукотского или других народностей северо-востока Сибири; е) чем питаются жители, наличие пахотных земель, а также «зверинных» и рыбных промыслов; ж) верования, грамотность, одежда, денежное обращение, полезные ископаемые (в первую очередь золотые и серебряные руды); з) «за Большою землею нет ли каких земель и островов с людьми, о которых здесь неизвестно, и на оных какие имеютца народы, и под чьею державою, и под которыми градусами» острова и Большая земля.

В заключение А. Зыбин вновь затребовал прислать в свою команду М. Гвоздева, так как геодезист «на помянутых островах и у Большой земли был и ежели вперед туда посылка будет, надлежит послать его, Гвоздева».

Вернувшись в Охотск из якутской поездки, М. Шпанберг начал поиск «известий» для ответа А. Зыбину и сибирской администрации. Удивительное совпадение: в один и тот же день, 24 августа, Шпанбергу подал доношение Гвоздев по поводу производства в офицерский чин, а капитан выдал геодезисту, как непосредственному участнику плавания 1732 г., ордер с требованием еще раз подробно рассказать о походе к Большой земле и ответить на поставленные вопросы.

Челобитную М. С. Гвоздева на имя Елизаветы Петровны писал копиист Камчатской экспедиции Яков Дасаев на простой бумаге, «понеже гербовой бумаги в Охотску в продаже не имеетца». По традиции, под каждым пунктом этого документа помещена скрепа челобитчика: «к се-

му || прошению || геодезист || Михайло Гвоздев руку приложил». Так же, как и в 1740 г., в новой челобитной вначале изложена краткая автобиография (с 1716 г.), затем повторена ссылка на четырех геодезистов, получивших за службу в Сибири ранг подпоручика. «А я,— писал Гвоздев,— в таком отдаленном и безпокойном месте и поныне против вышеписанных своей братьи геодезистов повышением чина не пожалован». В заключение он просил ускорить решение по челобитью и установить ему обер-офицерский чин подпоручика «за многотрудные службы и дальние посылки» (Дивин, 1956, с. 43—45). Капитан принял прошение, а взамен выдал Гвоздеву письменное приказание (ордер № 381) составить подробный отчет о плавании 1732 г. «для представления от нас куда надлежит». В ордере полностью повторены вопросы, поставленные 20 апреля А. Зыбиным. Шпанберг потребовал «репортовать обстоятельно» и в особенности о том, «сколько вами в означенную вашу в той северной стороне бытность было видно и описано со всякою верностью и обстоятельством без проронки с предложением (приложением.— Л. Г.) при том всему оному вами описанию содержанного вами тогда диурнала и карты, ежели оные у вас имеютца (которым и быть надлежит)»¹.

Четвертый (после 1732, 1733 и 1741 гг.) отчет о плавании к Большой земле М. Гвоздев подготовил за неделю и 1 сентября 1743 г. подал «репорт» Шпанбергу². Довольно обстоятельный критический анализ таких важнейших документов об открытии Америки со стороны России, как отчет Гвоздева и показания Скурихина, выполнил А. В. Ефимов. Он правильно, вслед за А. Соколовым, отметил, что А. Полонский, впервые в 1850 г. привлечший архивные материалы, в статье «Первый поход русских к Америке» соединил без необходимого источниковедческого анализа нередко противоречивые свидетельства участников похода. Касаясь публикации А. Соколова, Ефимов упрекал историка морского флота за то, что тот взял за основу позднейший рапорт геодезиста, как более подробный и якобы более достоверный. По мнению Ефимова, этот документ хотя и более детален, чем отчет 1741 г., но, несомненно, менее достоверен. Однако доводы в пользу такого утверждения, на наш взгляд, не являются убедительными. К тому времени, замечает Ефимов, после похода прошло уже не 9, а 11 лет и, естественно, Гвоздев стал не лучше, а хуже помнить подробности плавания. Во-вторых, отмечает исследователь, рапорт 1743 г. геодезист писал в состоянии «явного перепуга». Аргументы эти не основаны на фактическом материале. Прежде всего,

¹ ЦГАВМФ СССР, ф. 216, д. 99, л. 238 об.

² Там же, д. 53, л. 733—738 об. Рапорт Гвоздева 1 сентября 1743 г. помимо публикации А. П. Соколова (1851а, с. 88—103) дважды был изложен в переводе на английский язык (Golder, 1914, с. 160—162; 1922, т. 1, с. 22—24). Полностью опубликован А. В. Ефимовым (1948, с. 244—248) и В. А. Дивинным (РТЭ, с. 150—154). В археографическом отношении публикация 1948 г. несовершенно. При передаче текста допущены искажения (например, «писал» вместо «не был», «потом ныне» — «и в том мне», «в той же» — «свою же», «июня» — «июля» и др.) и пропуски («итти», «пополуночи» и т. п.). Более точно, но не безошибочно издан текст в сборнике 1979 г., однако выходные данные документа здесь не верны и относятся совсем к другому источнику.

нельзя всерьез думать, что свой отчет Гвоздев писал по памяти. Даже обладая феноменальной памятью, невозможно через 9—11 лет показать множество незначительных точно фиксированных событий, как, например, 13 августа «пополудни в 5-м часу стала быть штилевая погода и легли на якорь», 15 августа «в начале 11-го часа стал быть ветер благополучной», 17 августа «пополуночи в 7-м часу осмотрели остров», «пополуночи в 3-м часу стал быть штиль» и т. п. Недаром И. Скурихин, дававший свои показания в 1741 г. почти одновременно с Гвоздевым, не припомнил даже месяца возвращения из похода и не смог назвать фамилии многих своих товарищей по плаванию. Конечно, Гвоздев писал свой рапорт не по памяти, а на основании прежних собственных записей либо документов, хранившихся в Охотской канцелярии. По содержанию оба рапорта, различаясь текстуально, в целом совпадают, а многие фразы и выражения повторяются буквально. Это наблюдение довольно непоследовательно подтверждает и сам А. В. Ефимов, полагая, что при составлении отчета 1743 г. геодезист имел перед глазами один из более ранних текстов или копию «лагбуха». Но «лагбух» как источник рапорта, по-видимому, следует исключить, если принять во внимание категоричное заявление Гвоздева об отсутствии у него составленного совместно с Федоровым журнала, «за неимением» которого он «всего обстоятельства в сем репорте внести упомянуть не мог». Сведения, сообщенные геодезистом в 1741 и 1743 гг., весьма сходны, отмечает историк географии В. И. Греков, фиксируя небольшие различия. По его мнению, редакция 1743 г. более точна, чем редакция 1741 г. (Греков, 1960, с. 347).

Неправдоподобно и преувеличено и значение «сильного испуга», продолжавшегося, по А. В. Ефимову, более двух лет и вызванного конфликтом с А. Девиером по поводу отказа составить карту по вахтенному журналу. К сентябрю 1743 г., надо полагать, геодезист давно оправился от испуга, если он и был на самом деле, так как еще за полгода до составления рапорта стало известно решение Сибирского приказа — Гвоздеву «вину отпустить».

Автор отчета хорошо понимал, что не сумел ответить на ряд вопросов, поставленных Иркутской и Охотской канцеляриями перед Второй Камчатской экспедицией. Оправдываясь, геодезист вновь подробно описал историю взаимоотношений с И. Федоровым, остановился на причинах «неисправностей» морского журнала, по которому «никакой карты сочинить было невозможно», а отсутствие в рапорте «усмотренным и найденным нами островам румбов и градусов» объяснил отсылкой журнала к Г. Г. Скорнякову-Писареву еще в 1733 г.

Представляется важным подчеркнуть одну психологическую особенность рапорта 1743 г., на которую никто ранее не обращал внимания. В отличие от рапорта 1741 г., в новом отчете тщательно устранены все упоминания о матросе Л. Петрове, доставившем в свое время Гвоздеву массу неприятностей и переживаний.

7 сентября Шпанберг, «слушав» апрельскую промеморию Зыбина и новый рапорт Гвоздева, высказал свое мнение в «определении», на

основе которого в тот же день подписал ответ в Охотскую канцелярию¹. В течение сентября — ноября 1743 г. основные доводы, высказанные в «определении» и направленные в поддержку организации новой экспедиции к Большой земле, Шпанберг повторил в целом ряде документов, которые были посланы им в Охотск, Иркутск и Петербург.

Прежде всего Шпанберг с пониманием принял объяснения Гвоздева о невозможности изготовления карты похода 1732 г. из-за отсутствия источников для картосоставления, а для «ведома и рассмотрения» Охотской канцелярией приказал выслать «в пополнение» точную копию рапорта геодезиста. Преемник Беринга категорически возражал против перевода Гвоздева в распоряжение А. Зыбина. Единственного геодезиста, оставленного для проведения камеральных работ и копирования картографических материалов, по твердому убеждению Шпанберга, «отослать невозможно и не отошлетца». И на этом этапе он считал Гвоздева незаменимым сотрудником, потому что тот «при экспедиции во управление должности геодезической, которая при оной экспедиции для копирования о морских вояжах к отсылкам, куда надлежит, карт и прочем весьма надобна, состоит один»².

М. Шпанберг не только энергично содействовал получению и изучению сведений о неизведанных землях и горячо поддерживал идею организации новой экспедиции, но и наметил целый ряд мер, необходимых при подготовке морских плаваний. В случае принятия окончательного решения о новой экспедиции к Большой земле, полагал опытный моряк, непременно следует «приложить старание» к обеспечению морского судна надежным такелажем и артиллерией. Важную роль он отводил командиру корабля, действительно знающему «наукою и практикою все морские к плаванию судна принадлежащие случаи и положение мест на карте обстоятельно». Исходя из собственного опыта морских плаваний, Шпанберг предъявлял строгие критерии к выбору «достойного человека», приданного командиру для «содержания диюрналу и прочего вспоможения», а также к комплектованию экипажа подготовленными и привычными («заобыкновенными») к «морскому ходу» матросами и служилыми людьми. Особое внимание он уделил проблеме обеспечения проектируемой экспедиции продовольствием. Ценные советы были высказаны относительно обязательного создания запасов «морского и сухопутного провиантов», так как лучше «придать нечто в запас, нежели оного в пути не достанет, от которого недостатка (от чего боже сохрани) в здешних безхлебных и пустых подле моря местах может учинца как служителям, так и всему гибель». Отдельным пунктом капитан указал записать в «определении» о необходимости при первом удобном случае послать в Адмиралтейскую коллегию рапорт с приложением точных копий: промемории А. Зыбина 20 апреля 1743 г., рапорт 1 сентября М. Гвоздева, самого «определения», промемории в Охотскую канцелярию 7 сентября и «ответствия» на нее.

¹ ЦГАВМФ СССР, ф. 216, д. 53, л. 739—742; д. 99, л. 259 об.—261.

² Там же, л. 741.

Но особенно важными и интересными были два предложения: об ускорении подготовки нового плавания и о возможности составления карты «вояжу» 1732 г. Если, предполагал Шпанберг, подготовка Охотской канцелярией планируемой экспедиции «за неимением всего подобного к тому чинима будет медленно», то следует возложить осуществление нового похода к Большой земле на Вторую Камчатскую экспедицию. Далее последовало довольно неожиданное сообщение о получении от пробирного мастера С. Гардеболя неизвестного ранее источника — журнала подштурмана И. Федорова. Этот «собственной ево, Федорова, содержанной для памяти ево диурнал (кроме того, что ими, Гвоздевым и Федоровым, содержан был обще вахтами)» Шпанберг решил передать штурманам Х. Юшину, Е. Родичеву и геодезисту М. Гвоздеву для экспертизы, извлечения «экстракта» и сочинения карты «всем описанным по тому диурналу местам и плаванию судна». Появилась реальная возможность составления достоверной карты плавания 1732 г. к берегам Аляски.

Остается лишь загадкой, когда, при каких обстоятельствах «приватный» журнал И. Федорова попал к С. Гардеболу, а от рудознатца к Шпанбергу. Ответить на эти вопросы невозможно и потому, что пока, к сожалению, ни федоровский журнал, ни извлечения («экстракт») из него не обнаружены. Не дали каких-либо дополнительных сведений и выявленные материалы для биографии С. Гардеболя.

Летом 1738 г. С. Гардеболь по распоряжению Беринга получил наконец назначение в команду к Шпанбергу и плавал с отрядом капитана в японские вояжи 1738 и 1739 гг., во время которых высаживался для «обыскания металлов и минералов» на острова «Фигурный» и «Нущам» Курильской гряды. В феврале 1740 г. пробирный мастер был послан в Якутск и далее в Иркутск «в свидетельство по важному делу». Оказалось, что еще 7 декабря 1738 г. на квартире Шпанберга в Охотске торжественно отмечался день рождения принцессы Анны Леопольдовны. На пирушке Д. И. Павлущий позволил себе двусмысленные высказывания о Синоде. По возникшему делу в качестве свидетеля и был привлечен присутствовавший на вечеринке С. Гардеболь¹.

В 1741 г. мастер находился в Большерецке. А. И. Чириков, вернувшийся из экспедиции к берегам Америки, привез оттуда «некакой минерал», определил его как «антимониум крудум (или сурма)» и отослал «для подлинной апробации» к Гардеболу. В целом, судя по отчету Беринга, к 1741 г. «в подвластных России местах, где обреталась экспедиционная команда, металлов и минералов... никаких не сыскано» (РТЭ, с. 458; Экспедиция Беринга, с. 36, 142, 170, 183—184, 281).

В 1742 г. рудозналец плавал на «Надежде» с В. А. Ртищевым и М. С. Гвоздевым. После похода Шпанберг вновь оставил Гардеболя в Большерецке «для приискивания и приращения е. и. в. интереса металлов и минералов». Работы пробирного мастера по поискам «серы горючей и руд» в районе Нижнего Камчатского острога — устье р. Озер-

¹ ЦГАДА, ф. 248, кн. 1368, л. 1024—1031.

ной в начале 1743 г. были прерваны натуралистом Г. Стеллером, который пытался добиться перевода Гардеболя в академический отряд. Г. Стеллер запретил Большерецкой приказной избе выдачу Гардеболю для производства работ каюров и необходимых материалов. На жалобы мастера о неполучении жалованья и приостановке «пробования руд» Шпанберг откликнулся без промедления, с обычной для него решительностью. С шхерботом «Св. Елизавета» 11 сентября 1743 г. было выслано жалованье за вторую половину 1742 г. и весь 1743 г. (594 руб.) и целый ряд распоряжений (ордеров)¹. Прежде всего он указал мастеру продолжать обращаться с требованиями в приказную избу во всех необходимых для производства работ случаях, а Стеллеру предложил разрешать все спорные вопросы не с Гардеболем, а с ним, руководителем охотско-камчатского отряда.

Среди множества поручений Гардеболю, большинство из которых были далеки от предусмотренных контрактом Берг-коллегии, отметим самые неожиданные. Так, Шпанберг приказал осуществлять контроль за деятельностью исполняющего обязанности командира камчатских острогов писаря Михаила Попова по выполнению некоторых распоряжений. Последние касались: запрещения поездок казаков и служилых людей «без дел и без самых крайних нужд за бездельными своими коростями» из острогов в ительменские острожки и на Курильские острова; предупреждения купцам не отклоняться от тракта при переездах из острога в острог и не ездить «для торга и мены в жилища камчадалские» и на Курильские острова; необходимости строгого учета любых передвижений русских людей «всех чинов» по Камчатке. В другом не менее своеобразном задании Шпанберг возложил на Гардеболя наблюдение за пасущимся на Камчатке оленьим стадом. Оказалось, что еще в мае 1742 г. были закуплены для экспедиции и оставлены «в смотрение» якутского сына боярского П. Кутукова 689 оленей. Шпанберг распорядился взять у Кутукова подробный отчет об оленях (наличие, расход, приплод и т. д.), а затем иметь их «под своим ведением» и без разрешения ни единого оленя «не употреблять». В помощь к Гардеболю из Охотска был направлен матрос Л. Сметанин, определенный к «олениному табуну» вместе с П. Кутуковым².

Содержание третьего ордера 11 сентября не имеет особо важного значения, но этот заурядный документ тем не менее представляет большой интерес редкими подробностями. В нем Шпанберг прежде всего указал Гардеболю заниматься своими непосредственными делами, а к другим «не мешаться». Выговор был вызван жалобой старшины первого Курильского острова на «обиды», причиненные ему в 1742 г. человеком Гардеболя И. Мартьяновым в сборе каких-то долгов. Шпанберг запретил пробирному мастеру «вступаться», так как возникшие споры должна разрешать Большерецкая приказная изба, поручил камчатско-

¹ ЦГАВМФ СССР, ф. 216, д. 99, л. 20 и об., 81 об., 101, 267, 278—279; д. 56, л. 48—56 и 74 и об.

² Там же, л. 276—277 об., 285—286; д. 101, л. 162 об.—163. См. также: Экспедиция Беринга, с. 229—230.

му командиру Попову провести следствие. В ордере упомянуты фамилии участников, которые свидетельствуют о том, что Мартин Шпанберг и Симон Гардеболь были крестными отцами новокрещенных курильцев тойона Купеня и толмача Апауча, названных соответственно Иваном Мартыновым сыном Шпанбергом и Иваном Симоновым сыном Гардеболем¹.

В 1744 г. в связи с завершением деятельности экспедиции Шпанберг наметил перевести Гардеболя в Енисейск, но не осуществил своего намерения. Пробирный мастер остался на полуострове. Сохранились его рапорты 20 мая 1745 г. и 19 августа 1747 г. из Большерецка о находке 50 «жемчужных зерен» и сенатский указ 14 июля 1748 г., не признающий это открытие к «государственной пользе».

4 декабря 1750 г. Охотская канцелярия сообщила о смерти С. Гардеболя на Камчатке².

Изучение биографических данных о Гардеболе позволяет высказать лишь самое общее предположение о том, что федоровский журнал мог попасть в руки Шпанберга, по-видимому, только в период 1738—1742 гг.

Полученный от Гардеболя и находившийся в его распоряжении личный журнал И. Федорова М. П. Шпанберг 9 сентября 1743 г. передал Х. Юшину, Е. Родичеву и М. Гвоздеву «для рассмотрения ево к сочинению по оному карты» и приказал «выбрать экстракт» и «обще» сочинить «за подписанием всех вас... обстоятельную и верную» карту плавания от реки Камчатки до Чукотского носа к островам и Большой земле. Через три дня Юшин запросил для выполнения задания одну десть бумаги на экстракт и два листа александрийской или полуалександрийской бумаги для карты. По этому рапорту Шпанберг распорядился 13 сентября выдать «на сочинение компании 1732 году экстракта» одну десть писчей бумаги, а для карты — «за неимением» специальной картографической — «простой же бумаги доброй» шесть листов³.

8 октября Х. Юшин при рапорте «предложил» Шпанбергу карту «от реки Камчатки и до Чюкоцкого носу и далее островов», федоровский журнал и экстракт. Составители, как сообщил штурман, испытывали большие затруднения, так как журнал был «весьма не обстоятельно записыван, по которому настоящей верности карты сочинять весьма трудно, понеже пеленги многие прописываны непорядочно»⁴. Тем не менее, когда 13 октября А. Зыбин еще раз напомнил о важности «усмотрения известий» о малоизученных островах и землях, Шпанберг тотчас же с несомненной гордостью ответил, что «поныне уже некоторое пополнение сыскано» и при очередной оказии будет послано «куда надлежит»⁵.

Такова история создания первой карты плавания 1732 г., которую составили штурманы Х. Юшин, Е. Родичев и геодезист М. Гвоздев. Но ни подлинника этой карты, ни копий не найдено, а ее общий облик пе-

¹ ЦГАВМФ СССР, ф. 216, д. 99, л. 279 об.—280 об.

² Там же, д. 64, л. 1 н об., 64; д. 101, л. 279 об.

³ Там же, д. 99, л. 266; д. 56, л. 112 н об.

⁴ Там же, д. 53, л. 743 об.—744.

⁵ Там же, л. 745 об.; д. 99, л. 315 об.—316.

редан обзорной картой, известной в историко-географической литературе как «карта Шпанберга 1743 г.» (Ефимов, 1948, с. 168). В. А. Дивин, отождествляя эти два картографических произведения, незаслуженно упрекая А. В. Ефимова в произвольной атрибуции автора последней (Дивин, 1956, с. 38). Между тем сохранившиеся документы совершенно четко различают обе карты.

В начале ноября 1743 г. «приключилась оказия», то есть возможность отправки рапортов из Охотска в Иркутск и Петербург. 5 ноября на основании своего же «определения» (7 сентября) Шпанберг подготовил и послал рапорт (№ 574) в Адмиралтейскую коллегию и промеморию (№ 606) в Иркутскую провинциальную канцелярию, дополнив их объяснением обстоятельств возникновения карты плаваний 1732 г. по частному журналу И. Федорова. По своему содержанию оба источника мало отличаются от «определения» и друг от друга¹. Однако небольшое различие имеет существенное значение. В Иркутскую канцелярию «для ведения и рассмотрения» Шпанберг «послал прямо» в качестве приложения к промемории карту, «сочиненную и объявленную» Х. Юшиным, Е. Родичевым и М. Гвоздевым. А поскольку «все морского описания обстоятельства весьма принадлежат» к Адмиралтейской коллегии, то он направил при рапорте, помимо копии промемории 20 апреля А. Зыбина и рапорта 1 сентября М. Гвоздева, «точно такову ж карту», какая была отправлена в Иркутск, но с «присовокуплением во оную бытность в той же стороне в 1729-м и 1741-м годах бывшего капитан-командора Беринга»². Пометы об отправлении из Охотска документов подтверждают: в Иркутск послана «карта оного Гвоздева вояжу», в Петербург — «карта вояжам того Гвоздева и капитан-командора Беринга»³. Таким образом, документально устанавливается, что в октябре 1743 г. в Охотске геодезистом Гвоздевым вместе со штурманами Юшиным и Родичевым была составлена на простой писчей бумаге карта плаваний бота «Св. Гавриил» от устья Камчатки к островам и Большой земле. Вторая карта, подписанная М. Шпанбергом, носила сводный характер и отображала результаты не только путешествия 1732 г., но и «вояжей» Беринга 1729 и 1741 гг.

4 ноября, узнав об оказии, М. С. Гвоздев в «покорнейшем доношении» просил Шпанберга послать две его челобитные (в Сенат и в Адмиралтейскую коллегию) о повышении чином, подготовленные еще в августе, «с приписанием на них обо мне... вашего достоинства» (ходатайства с характеристикой)⁴. Шпанберг поддержал геодезиста и, ходатайствуя перед Сенатом и коллегией, писал: «Он, Гвоздев, в здешних трудных местах во исправлении положенных на него дел и в протчем обретаетца немалое время в одном геодезическом чину, а протчая ево братья, которая службою гораздо молодшее ево, до сего произошли порутчика-

¹ Рапорт см.: ЦГАВМФ СССР, ф. 216, д. 99, л. 355 об. — 358; промемория в 1797 г. опубликована (без точной даты) (РТЭ, с. 246—249).

² Там же, л. 358.

³ Там же, д. 53, л. 742 об.

⁴ Там же, д. 56, л. 968.

ми и капитанами. Того ради... представляю, что б он, Гвоздев, за объявленную ево долговременную в здешних трудных местах службу повышен был рангом с трактamentом по тому рангу е. и. в. жалованья с тех чисел, с которых равные ему в тот же ранг пожалованы и е. и. в. жалование получать начали, ибо он, Гвоздев, тому повышению ево рангом, как мною по присяжной моей должности усмотрено, по ево радетельному и искусному положенных на его как в морских вояжах, так и на сухом пути дел исправления, весьма достоин¹. По-видимому, эта характеристика не носила формального характера. При многих своих неприятных качествах характера Шпанберг вместе с тем был отличным организатором работ экспедиции, умелым и опытным морским офицером. Высокая оценка деятельности Гвоздева говорит о многом, так как лестные характеристики Шпанберг давал необычайно редко, в силу действительно особых заслуг своих подчиненных.

ТОМСКИЙ ГАРНИЗОН И НЕРЧИНСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ

К 1743 г. одно из последних и выдающихся начинаний Петра I, направленное на освоение и изучение малолюдной территории Восточной Сибири и Дальнего Востока,— Камчатская экспедиция стала испытывать значительные затруднения. Правительственные органы предпринимали отчаянные попытки наладить снабжение дальних гарнизонов и портов. В связи с «недорогом в тех местах хлеба» и необходимостью обеспечить экспедицию, Охотский порт и Анадырскую партию Павлуцкого 12 июля 1743 г. Сибирский приказ распорядился выслать «водным путем» из Тобольска в Иркутск муку ржаную до 50 000 пудов, круп до 3000 пудов, а также пеньку и другие «припасы»². Однако 24 сентября был подписан указ о прекращении Второй Камчатской экспедиции. Шпанбергу и Чирикову предписывалось из-за «крайнего в Иркутской и Енисейской провинциях хлебного недостатку до будущего указа в морские вояжи более не ездить» и со всей командой быть в сибирских городах. Для сохранения подготовленных специалистов, прошедших суровую служебную проверку в экспедиционных условиях на суше и на море, и создания резерва закаленных «адмиралтейских служителей» в развитие сенатского указа Адмиралтейская коллегия и Сибирский приказ приняли решение о выборе городов для размещения команд, о порядке выплаты жалованья и по другим организационным вопросам. 23 ноября из Петербурга посланы распоряжение Шпанбергу и Чирикову о немедленном выезде с командами в Енисейск и Томск и разрешение на выплату личному составу экспедиции двойного жалованья только в течение двух месяцев после получения указа³. К лету 1744 г., когда весть о расформировании экспедиции достигла Охотска, в команде Шпанберга насчитывался 161 человек, из них 48 «в расходе» (12 — на

¹ ЦГАВМФ СССР, ф. 216, д. 99, л. 347, 366 об.— 367.

² ЦГАДА, ф. 24, кн. 14, ч. 26, л. 50—51.

³ Там же, л. 317—319, 420 и об., 455—457, 458 об.

описании Пенжинского моря, 16 — в Охотске, 2 — на Камчатке и т. д.). Фамилия Гвоздева постоянно встречается во всех списках личного состава экспедиции за 1744 г.¹ Оставив в Охотске матросов и служилых людей во главе с В. А. Ртищевым, М. Шпанберг с частью команды 10 июня отправился на судах из Якутска в Енисейск. По дороге к ним присоединился прапорщик геодезии П. Григорьев, посланный в экспедицию из Петербурга и поджидавший ее «на Верхолениских пристанях». «Особливое» судно было поручено А. Шельтингу, который 13 июня получил приказ Шпанберга «собрать оставшую после нас команду, которая разбрелась беспорядочно своевольством, итти к нам немедленно». Реестр 34 служилых при А. Шельтинге открывает геодезист Гвоздев, среди них и японец Яков Максимов².

Еще один документ этого периода свидетельствует о фактическом приравнении Гвоздева к унтер-офицерскому составу экспедиции. 10 июня Шпанберг донес Адмиралтейской коллегии о ссоре ботового мастера А. Козьмина с Д. Коростелевым, во время которой мастер бранил шкипера при лекаре Э. Гинтере, штурмане Е. Родичеве, констапеле Ю. Аритландере, геодезисте М. Гвоздеве. Капитан находился в затруднении: хотя Коростелев и просил назначить военный суд, но комиссию для разбора дела создать не удалось, потому что всех перечисленных унтер-офицеров шкипер «обязал свидетельством»³.

13 августа Шпанберг выслал в Енисейскую провинциальную канцелярию требование выделить «к житью покоев» и приложил список (49 человек) «кому какие надлежат по рангам отвести квартир». Однако вскоре, по совместному соглашению, команда А. И. Чирикова осталась в Енисейске, а группа М. П. Шпанберга продолжила путь в Томск. В новой заявке 21 августа Шпанберг сообщил об отправлении «ныне с командою сухим путем к житью впредь в город Томск», затребовал выдачи 39 «тележных подвод» с проводниками, в том числе 7 для себя, по одной — А. Козьмину, П. Григорьеву, С. Ивашкину с Э. Гинтером, М. С. Гвоздеву и т. д. 29 августа он послал П. Григорьева и М. Гвоздева во главе авангардной группы из 20 человек на 13 подводах, а на другой день выслал томскому воеводе письмо с предписанием «отвести» к прибытию команды «квартиры добрые в одном месте, да во близости на кантору»⁴.

В Енисейске в конце августа участникам экспедиции в последний раз было выдано двойное жалованье. За майскую треть 1744 г. М. С. Гвоздев получил 41 руб. 58 коп. (вычеты 1%), исходя из расчета по 12 руб. за май — июль и 6 руб. за август. За сентябрьскую треть оплата производилась уже по одинарному окладу (23 руб. 74 коп.)⁵.

11 сентября капитан Шпанберг прибыл в Томск и на другой день первым делом потребовал у воеводы сооружения печей в тех отведен-

¹ ЦГАВМФ СССР, ф. 216, д. 101, л. 283, 55, 278.

² Там же, л. 274 об.—275.

³ Там же, л. 305 и об.

⁴ Там же, л. 354 и об., 363—364, 374—375 об.

⁵ Там же, л. 367, 417 об.; д. 102, л. 58 об., 130 об., 177; д. 66, л. 381, 390 об.

нас репортовать». Другой приказ (от 9 ноября) гласил: «...господам сбор- и ундер-офицерам завтрешнего числа иметь собрание в кантору, а имянно прапорщикам Григорьеву, Ивашкину, штурману Родичеву, геодезисту Гвоздеву»¹.

В результате проверок, проведенных М. Гвоздевым, Е. Родичевым и С. Кузнецовым, была выявлена недостача (3 руб. 11¹¹/₁₂₀ коп.). Эту сумму Шпанберг велел вычесть из жалованья Ф. Воронова, а ученику японского языка А. Феневу — принять у подмастерья денежную казну².

15 января 1745 г. всей томской команде «публично» был «читан указ об отпуске в дома на год». На основании указа Шпанберг распорядился «завтрешнего числа у всех служителей, також у обер- и унтер-офицеров спросить, ежели кто пожелает в дома в годовой отпуск, те б приходили для записки в кантору». М. С. Гвоздев не использовал предоставившейся впервые за 28 лет службы возможности получить годовой отпуск для поездки домой. Надо полагать, что ему, сироте и солдатскому сыну, просто некуда было ехать, а домом давно для него стала Сибирь и служба. Вместе с тем здоровье геодезиста, расшатанное многолетними лишениями, тяжелыми условиями жизни, цингой и ослаблением зрения, заметно ухудшилось. В челобитной 1758 г. об отставке Гвоздев писал, что в Томске от «долговременной службы и многих морских вояжей и дальних разъездов стал я... всем корпусом слаб и глазами мало зрение имею, и нахожусь в застарелых цинготной и почечной болезнях». В крайних случаях он прибегал к медицинской помощи. Так, лекарь Э. Гинтер отметил в отчете пребывание в лазарете геодезиста Гвоздева с 9 по 15 февраля и с 22 апреля по 3 мая 1745 г.³

Летом 1745 г., собираясь выехать в Петербург, Шпанберг поручил томскую команду П. Григорьеву и Е. Родичеву. В оставленной для них инструкции (20 июля) предлагалось требовать от Томской воеводской канцелярии для команды ежемесячно провиант и на каждую треть года денежное довольствие⁴. Тем временем А. И. Чириков передал свою команду (75 человек), денежную казну, провиант и припасы, все «письменные дела» С. Вакселю и выехал 4 августа 1745 г. из Енисейска в Петербург. Как известно, после смерти Беринга, все инструкции, указы и другие документальные материалы Второй Камчатской экспедиции находились у Чирикова, затем у Вакселя и были перевезены в Томск. Среди передаточных описей 29 июня 1745 г. значительный интерес представляет опись карт экспедиции. В ней отмечена, например, «первая карта, сочиненная по приказу флота капитана Чирикова... по измерении меркаторском», в которой «от Охоцкого острога западный берег Пенжинского моря положен с карты посыланных в ту сторону морем мичманом Ртищева да Шхельтинга, а земля, положенная против Чюкоцкого восточного угла к востоку лежащая от 65° до 68° северной ширины, по-

¹ ЦГАВМФ СССР, ф. 216, д. 102, л. 7 об.

² Там же, л. 168 об., 174.

³ Там же, л. 11—13 об., 25—26.

⁴ Там же, л. 176 и об.

ложена с карты геодезиста Гвоздева»¹. Вне сомнения, «картой геодезиста Гвоздева» здесь названа карта плавания 1732 г., составленная в 1743 г. М. Гвоздевым, Х. Юшиным и Е. Родичевым по данным частного (неофициального) журнала И. Федорова.

В 1747 г. томскую команду возглавил лейтенант С. Ваксель, при котором численность личного состава была наивысшей (70 человек), его сменил 20 августа 1748 г. Д. Коростелев. С конца 1749 г. по 4 марта 1756 г. командиром являлся В. А. Ртицев, прибывший из Охотска, а в 1756—1757 гг. — корабельный секретарь И. Синдт. Состав команды неуклонно уменьшался: в 1750—1751 гг. — 54—56 человек, с 1 января 1754 г. числилось 45 человек, но налицо было 40, к 1 июля 1754 г. — 31, к 1 января 1755 г. — 27, к сентябрю 1755 г. — 15 и к сентябрю 1756 г. — 10.

Более трех лет ожидал М. С. Гвоздев решения Сената и Адмиралтейской коллегии по поводу присвоения офицерского звания. И когда, по его расчетам, все сроки для ответа уже миновали, он решился продолжить свои настойчивые попытки. Так, в регистрационном журнале документов, поступивших на имя командира томской команды, за 12 февраля 1747 г. появилась запись о приеме доношения геодезиста, «которым просит об отсылке в государственную Адмиралтейскую коллегию прошения со достоинством о пожаловании ево, Гвоздева, против протчих ево братьи, геодезии подпоруччиков Скобельцына с товарищи четырех человек, подпоручником же и на тот чин трактаментом наградить и патентом». По-видимому, это прошение не было отправлено, потому что 5 июля 1747 г. в журнал внесена новая запись: «Доношение от геодезиста Михаила Гвоздева, которым просит об отсылке в государственную Адмиралтейскую коллегию прошения со удовольствием о пожаловании ево в чин и о прибавке трактамента»². Длительное время М. С. Гвоздев выполнял различного рода поручения по копированию картографических материалов Второй Камчатской экспедиции, привезенных С. Вакселем из Енисейска. Не расставался он с геодезическими инструментами. В перечне «у кого какие вещи имеются» за Гвоздевым числились: «феодолит 1, квадрант медной без штатифу 1, готовальна с циркулями 1»³. Постепенно на него полностью было возложено ведение учета и контроля за поступлением и расходованием денежных средств. Так, при сдаче дел Вакселем у Гвоздева оказалось за 1747—1748 гг. «в приходе денежной казны» 8374 руб. 72⁷/₁₅ коп., а в расходе за тот же период — 6596 руб. 2²/₃ коп. «И оные остаточные деньги, — доносил С. Ваксель в Петербург, — отданы в ведение за приемом геодезиста Михайла Гвоздева шкиперу Дмитрию Коростелеву». К 20 августа 1748 г. у геодезиста находилось «в приеме денежной казны разных сумм 1778 руб. 69⁴/₅ коп.»⁴.

В автобиографии 1758 г. Гвоздев написал, что был он в чине геодезиста по 1732 г., а «в том году по силе указу Правительствующаго Се-

¹ ЦГАВМФ СССР, ф. 216, д. 105, л. 70 об.; д. 66, л. 205 об.

² Там же, д. 66, л. 313 об., 316.

³ Там же, л. 59, 100.

⁴ Там же, л. 57 и об., 96 и об., 399—410.

ната награжден я, именованный, за долговременное в Сибири у дел бытие рангом геодезии подпоручика» (РТЭ, с. 157). Это заявление как будто бы противоречит всем приводимым с 1732 г. документам, где Гвоздева называли и он сам себя называл и подписывался геодезистом. Во всех табелях и реестрах томской команды вплоть до конца 1749 г. он всюду также показан геодезистом. В списке 1 декабря 1749 г. Гвоздев еще геодезист, но начиная с табеля 1 мая 1750 г. он записан уже геодезии подпоручиком. К сожалению, не отысканы табели за январь — апрель 1750 г., и нельзя пока более точно определить дату повышения в звании. Можно теперь только сказать, что сенатский указ о Гвоздеве был получен в Томске между январем и маем 1750 г., и с тех пор «геодезии подпоручик один с денщиком и за правянт» стал получать деньгами вместо 71 руб. 28 коп. 94 руб. 3 коп. в год¹. Свершилось важное и долгожданное событие в жизни петровского геодезиста. Наконец исполнилось его жгучее желание и восторжествовала справедливость. Имея несомненное право на получение звания геодезии подпоручика с 1732 г., Гвоздев получил его в Томске спустя 18 лет, в 1750 г. Нами найдены несомненные, но все же косвенные сведения. Судя по записи 1758 г., сенатским указом 1749 г. вместе с присвоением нового ранга восстанавливалось законное старшинство Гвоздева для получения после 1732 г. очередного звания. Кроме того, Гвоздев, безусловно, мог претендовать и на получение разницы в окладах геодезиста и подпоручика, которая с 1732 г. составила более 600 руб.

В связи с интенсивным хозяйственным освоением необъятной территории Сибири особенно острыми к середине XVIII в. стали проблемы коммуникаций, заселения, развития хлебопашества, выявления районов с пахотными землями и сенокосами, географической изученности, снабжения отдельных форпостов. В правительственных кругах всесторонне обсуждались различные аспекты плана возобновления деятельности Камчатских экспедиций. Наконец 28 декабря 1753 г. Сенат утвердил основные положения проекта работ «особливой секретной комиссии», возложив руководство ею на сибирского губернатора В. А. Мятлева. В его распоряжение для проведения рекогносцировочных, съемочных и описных работ в Нерчинском уезде и в Иркутской провинции передавались четыре геодезиста, морские офицеры, все «служители» Второй Камчатской экспедиции, а также экипажмейстер Ф. И. Соймонов (Гольденберг, 1979, с. 105—130). В ведение губернатора перешла и томская команда, а Адмиралтейская коллегия начала подготовку к передаче в Тобольск журналов, описаний и ландкарт экспедиции Беринга — Чирикова. Так как позднее при пожаре в столице Сибири многие из этих документальных материалов погибли, значительный исторический интерес представляют сохранившиеся описи 1754 г.

В день отправления из Тобольска (4 мая 1754 г.) назначенный начальником Нерчинской экспедиции Ф. И. Соймонов получил от

¹ ЦГАВМФ СССР, ф. 216, д. 72, л. 146, 196.

В. А. Мятлева подробную инструкцию. Среди многих заданий сибирский губернатор указал: «По приезде Вашем в Томск обретающуюся там морскую команду рассмотреть, нежелы которые из оных будут в службе быть за старостию или болезнми неспособны, тех со объявлением о их неспособности оставлять в Томску и о том репортовать, а из способных быть в службе потребное число и взять с собою в Нерчинск, а других до воспоследования в них нужды тут же оставить»¹. В Томск Ф. И. Соймонов прибыл 8 июня и, как доложил в Адмиралтейскую коллегию В. А. Ртищев, «команды моей служителей разбор учинил и взял из них с собою десять человек», в том числе молодого геодезиста М. Овцына. С тех пор в именных списках томской команды Овцын значился «в расходе» — «в Нерчинску у господина экипажмейстера Соймонова»².

Вскоре Ф. И. Соймонов организовал гидрографические, геодезические и картографические работы в Нерчинском и Селенгинском уездах, в которых приняли участие помимо геодезистов И. Т. Барашева, Я. Ф. Федорова, В. М. Воинова и М. Овцына штурманы М. Татаринов и В. Карпов, штюк-юнкер М. Ф. Соймонов. Сенатским указом 18 августа 1754 г. в дополнение к проводившемуся описанию рек и земель предлагалось «обыскать для хлебопашества удобные места», обеспечить перевозки от Иркутска до Нерчинска, провести «учинение по всей Иркутской провинции надлежащего описания порозжих земель». В связи с нехваткой квалифицированных специалистов по картографированию огромной территории 9 декабря 1754 г. из Томска в Иркутск были направлены «для некоторых надобностей» геодезии подпоручик М. С. Гвоздев и геодезии прапорщик Н. Чекин. Начиная с января 1755 г. в списках и табелях томской команды оба геодезиста неизменно показываются «в расходе» — «посланы в Иркутск к его превосходительству господину генерал-майору и тамошнему вице-губернатору Вульффу»³. По инструкции Иркутской канцелярии М. С. Гвоздев 5 апреля 1755 г. был «определен в Иркутском уезде для измеривания пахотных земель и сенных покосов и сочинения планов». С большим трудом в течение трех лет он проводил съемку и описание от Иркутска по Московской дороге «во учрежденных станциях, також в Уриковской, Кудинской и Оецкой слободах». Но довести работу до конца Гвоздеву не удалось — составление планов, как объяснял геодезист, «по истинной глазной болезни и моей слабости вскорости учинением умедлилось». Начатое Гвоздевым в 1755—1757 гг. описание продолжал М. Овцын, а затем В. Воинов. Вице-губернатор А. Бриль сообщил Сенату 4 декабря 1768 г., что хотя по указу 1754 г. Гвоздев был «определен для порядочного земель описания и планов и карт сочинения», но не закончил работы и в 1759 г. отпущен «за старостию» в Тобольск, а вместо него в Иркутск прислан Воинов. Последний в 1760 г. заявил, что в журнале Гвоздева «только одни румбы писаны, а обстоятельного описания измеренным им местам не имеет-

¹ ЦГАДА, ф. 248, оп. 113, кн. 485а, л. 374.

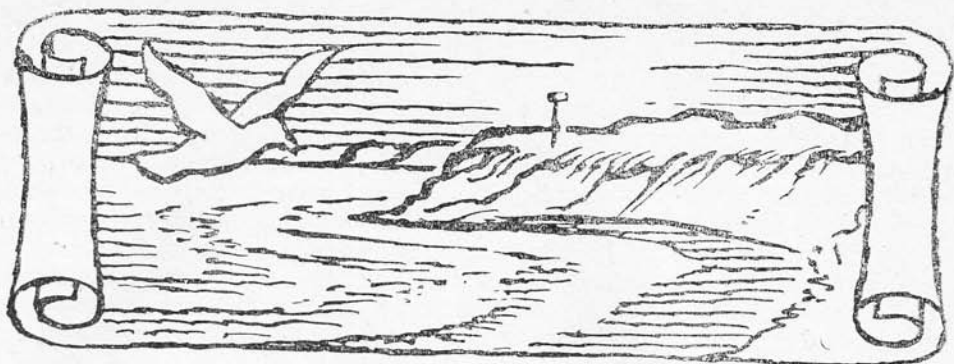
² ЦГАВМФ СССР, ф. 216, л. 73, л. 194—197 об., 538.

³ Там же, л. 227, 229; ЦГАДА, ф. 248, оп. 113, кн. 485а, л. 396.

ся, без чего ему, Воинову, и планов сочинять не можно» (Сгибнев, 1866, с. 32—33). Замечание молодого геодезиста, видимо, было справедливым, так как в последние годы Гвоздев проводил съёмочные и камеральные работы «с крайним изможением». Он объективно оценивал потерю своей трудоспособности, когда с горечью писал: «И впредь, чтоб меня натура могла излечить надежным себя от вышеписанных болезней, больше к геодезическим делам исправным быть уже не надежен».

В июне 1758 г. Гвоздев обратился к Елизавете Петровне с просьбой «от геодезических произвождений уволить и от службы отставить» из-за болезней, старости и долговременных трудов. Сибирский губернатор Ф. И. Соймонов, хорошо знавший геодезиста, поддержал ветерана. В доношении Сенату 23 декабря 1758 г. Соймонов ходатайствовал об отставке Гвоздева и назначении его в Сибири к делам, «к каким он по здешнему усмотрению еще способен явитца» (Дивин, 1956, с. 47). Сенат указом 29 марта 1759 г. разрешил отставку геодезии подпоручика М. С. Гвоздева, а его «определение к делам» оставил на усмотрение Ф. И. Соймонова¹.

¹ ЦГАДА, ф. 248, оп. 113, кн. 485а, л. 401.

Глава 7

«ЗДЕСЬ БЫЛ ГЕОДЕЗИСТ ГВОЗДЕВ»

Ни Михаил Спиридонович Гвоздев, ни его соратники, вернувшись в Нижний Камчатский острог после выполненного с честью опасного и утомительного служебного поручения, не могли, конечно, себе представить всерьез, как неустанно и настойчиво несколько поколений историков будут заниматься поисками даже самой незначительной информации о морском плавании 1732 г. Не оцененные по достоинству непосредственным руководителем камчатской партии Д. И. Павлуцким и Охотской канцелярией отчетные материалы похода — вахтенный журнал «Св. Гавриила» и рапорты командира судна и подштурмана, по-видимому, безвозвратно утеряны. Уже в 1738 г. попытки Адмиралтейской коллегии и Сибирской губернской канцелярии получить эти документы не увенчались успехом. В 60-х гг. XVIII в. сибирский губернатор Ф. И. Соколов на одной из составленных им карт, отмечая факт открытия северо-западной части Северной Америки в 1732 г. геодезистом Гвоздевым, подчеркнул, что «точию журналу его не отыскано»¹. И в XIX в. историки, хорошо изучившие архивы морского ведомства, с сожалением отмечали, что «нельзя было обыскать его журнала, который должен быть весьма любопытен» (Берх, 1819, с. 10).

Некоторые исследователи в стремлении принизить значение этого важного историко-географического события акцентировали внимание читателей на случайном характере первооткрытия. По мнению этих ученых, Гвоздев не мог знать о том, что он открыл со стороны России Американский материк. Так, отрицая закономерности процесса освоения Сибири и тесно связанных с нею русских географических открытий на Тихом океане, Ф. Голдер считал чистой случайностью, что Америка

¹ ЦГАДА, ф. 248, карты, № 1911.

была открыта русскими. В его интерпретации Гвоздев абсолютно не создавал, что видел побережье континента. Ссылаясь на Г. Ф. Миллера, он привел искаженные данные русского историографа о каком-то приказе Павлуцкого Гвоздеву доставить на Чукотский полуостров запасы, оставленные Берингом, о том, как геодезист якобы не смог разыскать командира Анадырской партии и поэтому повернул обратно и случайно оказался на американском берегу (Golder, 1914, с. 151). Следует сразу же отметить, что академику Миллеру, крупному знатоку истории, географии и картографии Сибири, чрезвычайно не повезло с получением сведений о походе Гвоздева. Лишь к 50-м гг. XVIII в. он смог получить неофициальные отрывочные и небезошибочные данные о путешествии 1732 г. В своем сочинении 1737 г. «Известия о Северном морском ходе из устья Лены реки ради обретения восточных стран» ученый использовал полученные им в Сибири материалы, характеризующие географические представления местных жителей и якутских и анадырских служилых людей. Ценным и важным для науки признал Г. Ф. Миллер первый поход Д. И. Павлуцкого по Чукотскому полуострову, без которого невозможно было бы получить «некоторое разъяснение» о географии региона. Он правильно отождествлял Большую землю с западным берегом Северной Америки, полагая, что «оная земля есть немалой величины, которая и на полдень зело далеко распространяется, ибо чукчи оттуды и куниц получают, которые не в так студеных местах находятся, но где гораздо теплее бывает» (Ефимов, 1948, с. 226). Но для Академии наук, так же как и для высших правительственных учреждений и сибирской администрации, результаты морского плавания 1732 г. в течение многих лет оставались неизвестными.

В первой половине XVIII в. проявление непосредственного интереса Адмиралтейской коллегии, Сибирской губернской канцелярии, а позднее и Сената к походу Гвоздева отмечается трижды: в 1738 г. в связи с необходимостью проверки сообщения Л. Петрова о Гилятской земле, в 1741 г. по случаю организации очередного похода Д. И. Павлуцкого на Чукотский полуостров, в 1743 г. в связи с проектом подготовки новой экспедиции к Большой земле. Однако, прежде чем официальные отчетные материалы о посещении берегов Аляски русскими моряками поступили в Петербург и Tobольск, весьма приблизительная по точности и достоверности информация появилась во Франции. Среди бумаг французского ученого Ж. Н. Делиля, служившего в Петербургской Академии наук, были обнаружены записка «Мореплавание и открытия, сделанные русскими в Восточном (Тихом) океане между двумя путешествиями капитана Беринга, в течение 1731 и 1732 гг.» и «Чертеж, иллюстрирующий вояж Гвоздева» (Golder, 1914, с. 154, 299—301). Записка имела подзаголовок: «Новые сведения относительно восточных земель, представленные господином Федором Ивановичем Соймоновым 1 марта 1738 г.». Несомненно, что интервью с Соймоновым для одной из французских газет состоялось вскоре после заседаний Адмиралтейской коллегии 12 и 14 февраля 1738 г., на которых рассматривалось доношение Л. Петрова. Присутствующий на заседаниях обер-штеркригс-комиссар

Ф. И. Соймонов, возглавлявший комиссию кронштадтских строений, часто выезжал в Кронштадт для проведения смотров всем морякам и адмиралтейским служителям в связи с выдачей им жалованья по штатному расписанию. Вполне вероятно, что он не только ознакомился с доношением Петрова у адмирала Гордона, но и сам расспрашивал бойкого и ловкого матроса.

В записи Ж. Н. Делиля рассказ Соймонова представлен следующим образом: «Капитан-командор Беринг по возвращении из своего первого путешествия встретил десять моряков, которые были посланы к Восточному океану. Они сели на корабль, оставленный капитаном Берингом, и, следуя его маршруту, дошли до Камчатки и даже прошли дальше, где открыли два залива А и В. Оттуда они направились на восток и обнаружили остров С и большую часть земли D на расстоянии в полдня пути от земли F. Пока они находились вблизи этой земли, к ним подплыл человек в маленькой лодке, похожей на гренландскую. Его спросили, что это за страна и есть ли там пушные звери, но он не смог им дать никакой удовлетворительной информации. В течение двух дней они плыли вдоль берега DE этой страны в южном направлении. Они попытались пристать к берегу, но разразился шторм, заставив их вернуться к Камчатке. Они шли также между островами в южной части Камчатки и даже дошли до большого острова напротив устья Амура. Они высадились на остров и среди татар, обитающих в этом месте, обнаружили трех русских пленников. Забрав их с собой, они поплыли в Восточный океан к северу от реки Амур и наконец в Охотск. Русский лоцман, который был нанят для этой навигации на два лета подряд, умер, и его заменил немец, который со своим судовым журналом вместе с моряками прибыл в Тобольск. Они подрались, и один из моряков был отослан из Тобольска в Санкт-Петербург для суда. Во время допроса он дал вышеупомянутые сведения. Адмиралтейская коллегия, желая узнать больше об открытии, направила приказ в Тобольск (всего несколько дней назад), чтобы немец со своим журналом и все, кто связаны с этим путешествием, прибыли в столицу».

В интервью не приведены ни фамилии участников плавания, ни даты открытий, тем не менее это наиболее ранняя зарубежная публикация о первом удавшемся путешествии к берегам Америки со стороны Тихого океана. Неточности и фрагментарность записи можно объяснить прежде всего отсутствием подлинных отчетных материалов экспедиции, которые в 1738 г. так и не поступили в Петербург. В одно целое были объединены подлинные и искаженные до неузнаваемости факты. Вполне очевидно, что основу интервью составило переложение неточных сообщений Л. Петрова и сведений, полученных от В. Беринга и М. Шпанберга. По реалиям упомянутые в записи события и сюжеты можно сопоставить с истинными и отнести к экспедиции Шестакова — Павлуцкого встречу десяти моряков с Берингом, плавания по Охотскому морю к Шантарским и Курильским островам — к походам Ивана и Василия Шестаковых. Путанные объяснения даны относительно штурмана-немца (очевидно, Я. Генса), прибывшего в Тобольск якобы с судовым

журналом, а также о причине появления матроса в столице. Остальные сведения, бесспорно, относятся к путешествию М. С. Гвоздева и его экипажа, а именно: использование судна, оставленного Берингом, движение на восток от мыса, обнаружение острова и земли, встреча с местным жителем в маленькой лодке, плавание вдоль открытой земли в южном направлении, шторм и возвращение на Камчатку.

Схематический чертеж, иллюстрирующий интервью, является одной из попыток картографической интерпретации открытия Аляски во время морского плавания 1732 г. по маршруту устья р. Камчатки — Чукотский полуостров — остров в Беринговом проливе — земля (Большая) — устье р. Камчатки. Но содержание чертежа отвечает более широкому его истолкованию, так как он показывает не только поход Гвоздева, но и ряд других маршрутов экспедиции Шестакова — Павлуцкого в 1730—1732 гг. Обозначены трассы плаваний из Охотска по Ламскому (Охотскому) морю на Камчатку (к устью р. Большой) и вдоль побережья к большому острову «напротив устья Амура» (подразумевается, по-видимому, не Сахалин, а Большой Шантар), вокруг северной группы Курильских островов, от устья р. Большой до Камчатского залива. Из существенных неточностей чертежа в показе района открытий Гвоздева следует отметить изображение одного, а не двух островов Диомиды и отсутствие острова Кинга (Укивок).

Невозможность воссоздания (реконструкции) точного маршрута «Св. Гавриила» к полуострову Сьюард по этапам и дням плавания объясняется отсутствием до сих пор не найденных отчетов с записями навигационных и астрономических параметров. Ни М. Гвоздев, ни тем более И. Федоров сразу же после похода не составили карту плавания бота от устья Камчатки к Большой земле. Как известно, лишь в октябре 1743 г. по приказанию М. Шпанберга М. Гвоздев вместе со штурманами Х. Юшиным и Е. Родичевым составил карту плавания 1732 г. к Большой земле на основании «приватного» журнала И. Федорова. Эта карта также не дошла до наших дней, но ее облик в общих чертах сохранен на другой карте, удостоверенной подписью Шпанберга и известной под его именем. Карта Шпанберга 1743 г. довольно точно отразила результаты плавания 1732 г. и частично путешествий Беринга — Чирикова. Сохранились четыре ее копии, которые отличаются друг от друга незначительными деталями¹. «Карта меркаторская от Охотска до Лопатки и до Чукотского носу...» имеет пространное название, в котором указаны главные источники ее составления: «прежнее» описание 1728 г. Первой Камчатской экспедиции — для изображения района Охотск — мыс Лопатка — часть Чукотского полуострова; по журналу И. Федорова — «приобщенные» острова и часть земли «против» Чукотского носа; карта, изготовленная в 1741 г. на пакетботе «Св. Петр» — для территории к востоку от Лопатки «до длины 35°00′». На ней показаны: Охотск, устье рр. Охоты и Кухтуя, несколько первых Курильских ост-

¹ ЦГАДА, ф. 192, Иркутская губ., № 36; ЦГВИА, ф. ВУА, № 23431; АЦКП ВМФ, № 69 и 70.

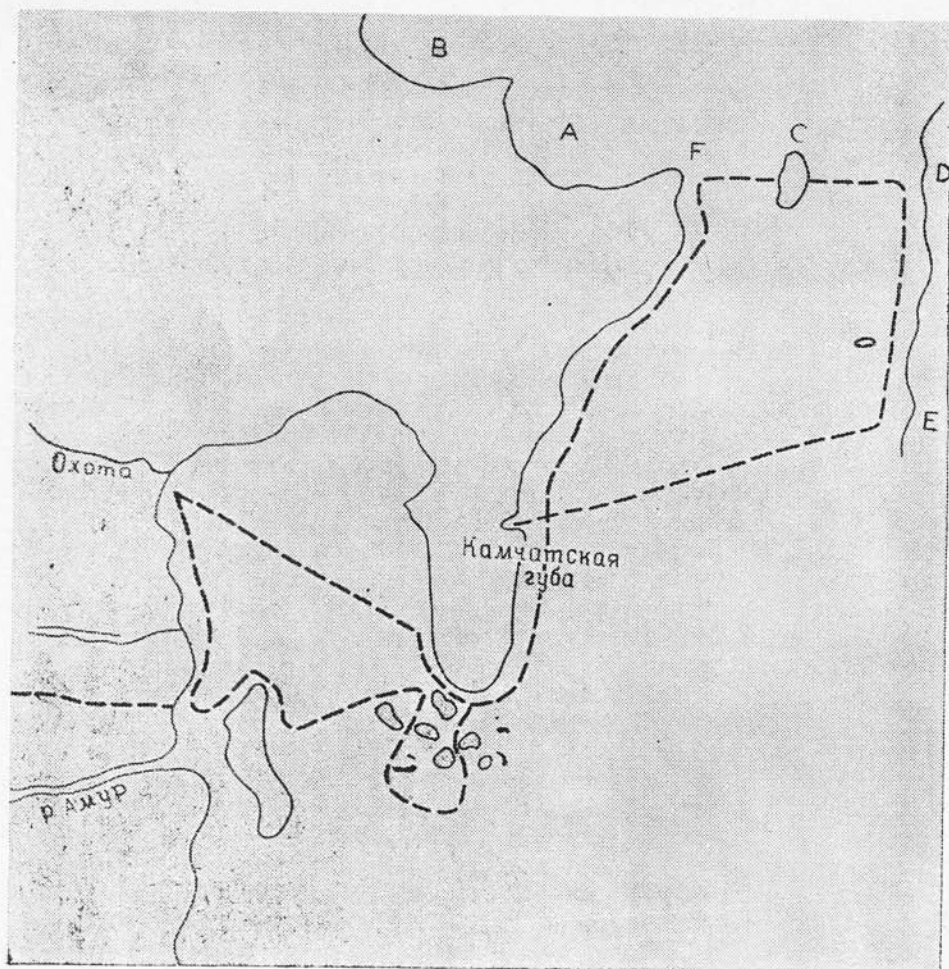

Схема чертежа Ж. Н. Делиля к интервью Ф. И. Соймонова 1 марта 1738 г.
F. Golder. Russian Expansion..., с. 154.

ровов, западный берег Берингова моря от мыса Лопатки до Берингова пролива, острова Диомиды, Большая земля, остров Св. Лаврентия, Командорские и западные Алеутские острова. Вдоль побережья Анадырского залива и в проливе Беринга нанесены глубины.

Так же как и рапорты Гвоздева 1741 и 1743 гг., карта Шпанберга служит достоверным и неопровержимым документальным свидетельством, подтверждающим открытие экипажем «Св. Гавриила» во главе с М. Гвоздевым Северной Америки в 1732 г. Правда, избранный масштаб карты (60—62 мили в дюйме) не позволил составителю передать многие подробности. Исключительно большой интерес вызывают осо-

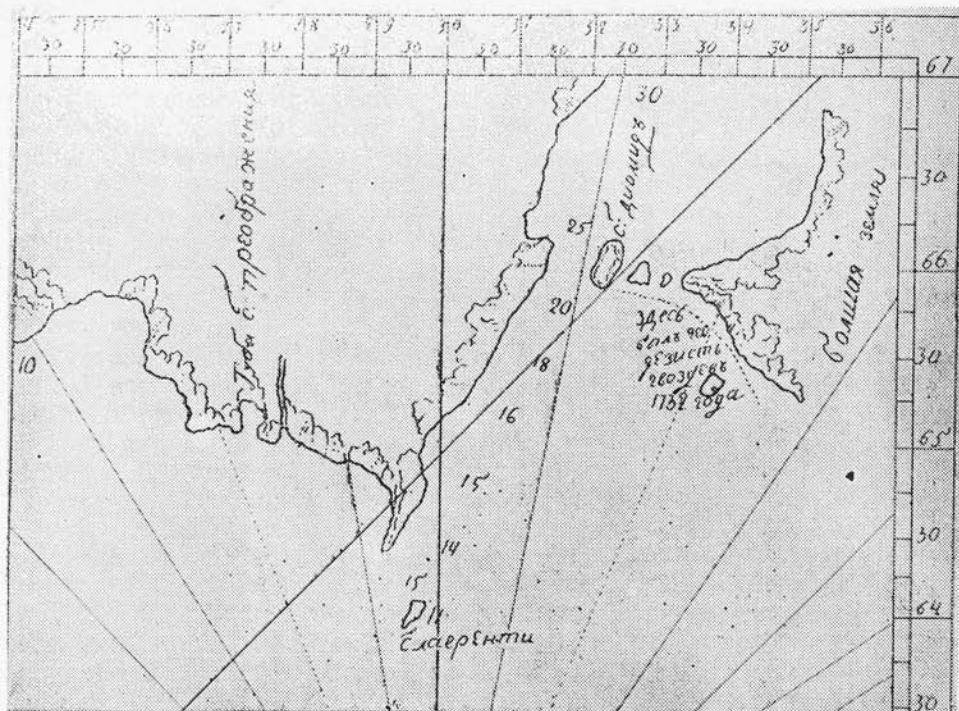
бенности картографического изображения трех островов в Беринговом проливе, противоположных берегов Азии и Америки, отрезка трассы пути «Гавриила». К югу от американского мыса и западнее окончания намеченной трассы показан четвертый остров. К сожалению, весь маршрут бота на карте не показан, а небольшая часть пути от Чукотского полуострова к Аляске изображена в обобщенном виде. Нанесенная пунктиром трасса отражает лишь общее главное направление (без ответвлений) и проходит мимо трех островов с южной стороны, поворачивая далее вдоль Большой земли на юго-восток.

У открытой и обследованной русскими мореплавателями северо-западной оконечности Большой земли на карте помещена многозначительная надпись: «Здесь был геодезист Гвоздев 1732 года». С тех пор имя русского геодезиста М. С. Гвоздева навечно связано с открытым им берегом и мысом Аляски. Его первооткрытие, как важный и ценный вклад в мировую географическую науку XVIII в., вскоре было зафиксировано на географических картах, многократно повторяясь на русском, французском, английском и немецком языках. Несмотря на то что сведения и карта о походе Гвоздева были в то время секретными, уже в 1746 г. на карте мира («*Mappe Monde...*») из так называемого столитного атласа наследников Гоманна на восточном берегу Берингова пролива появилась надпись: «*detecta a Gwosdew, 1730*». «Берег, открытый геодезистом Гвоздевым в 1730 году», обозначен на карте 1754—1758 гг. русских открытий Г. Ф. Миллера¹, опубликованной на французском и английском языках (Медушевская, 1954, с. 103). Изданием в 1752 г. «*Carte générale des découvertes de l'Amiral de Fonte et autres navigateurs Espagnole, Anglois et Russes, pour la recherche du Passage a la Mer du Sud*» Ж. Н. Делиль пытался объединить (с научной точки зрения совершенно безуспешно) ряд реальных событий с фантастическими данными о вкладе европейских народов в открытия на Тихом океане и Американском континенте. На этой карте с множеством курьезных ошибок без упоминания фамилии Гвоздева нанесены: маршрут бота «Гавриил» в 1731 г. (правильно, в 1732 г.) от устья р. Камчатки до Чукотского полуострова, почему-то совмещенный с трассой плавания Беринга 1728 г., на движение судна вдоль берега Аляски и «обратный путь русских на Камчатку в 1732 г.». Общая конфигурация всего маршрута повторяет схему чертежа, приложенного к записи Делилем рассказа Соймонова в 1738 г. Несомненно, что чертеж, как и карта 1752 г. не могут быть достоверными источниками, поскольку оба составлены на основе приблизительного описания. Таким образом, сведения об открытии Гвоздева проникли на запад.

В изображении Чукотского полуострова, Берингова пролива и Большой земли (Аляски) в русской картографии XVIII в. сложилось несколько почти не пересекающихся между собой традиций (Белов, 1954, с. 142; Федорова, 1964, с. 111; Гольденберг, 1982).

Первое направление представлено картографическими произведения-

¹ ЦГАДА, ф. 192, Иркутская губ., № 50.

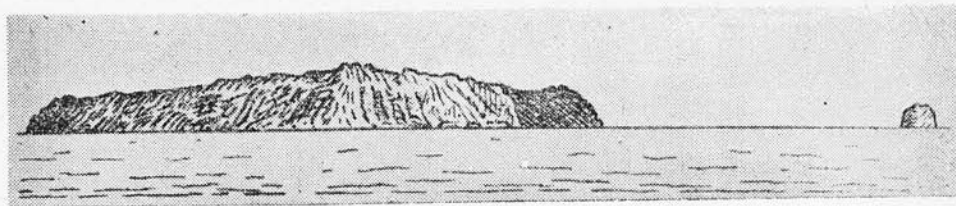

«Карта меркаторская от Охотка до Лопатки и до Чукотского носу...». Октябрь 1743 г. Копия (оригинал подписан М. П. Шпанбергом). Основной источник составления — карта 1743 г. Х. Юшина, Е. Родичева и М. С. Гвоздева.

ЦГАДА, ф. 192, Иркутская губ., № 36.

ми, продолжившими традиции древнерусских карт-чертежей. Они, как правило, не имели должного математического обоснования (проекция, географической сетки), а в названиях географических объектов закрепляли местные (народные) чукотские или эскимосские топонимы. Среди карт этого рода следует назвать карты А. Ф. Шестакова (1724 г.), безымянного автора (в атласе Гоманна 1725 г.), И. Львова (не ранее 1728 г.), Я. И. Линденау (1742 г.), Т. Перевалова (50—60-е гг. XVIII в.), Н. Дауркина — Ф. Плениснера (60—70-е гг. XVIII в.). Эта традиция, развиваясь, существовала параллельно с другими.

Начало научному картографическому направлению положили карта М. Шпанберга 1743 г. или, точнее, ее основа — ненайденная карта того же года М. С. Гвоздева, Х. Юшина, Е. Родичева и итоговые карты Второй Камчатской экспедиции. Тесны связи этих материалов. Выяснилось, что трудный опыт плаваний Гвоздева в Беринговом море в 1732 г. тщательно изучался командным составом Второй Камчатской экспедиции и в Морской академии. При подведении в 1746 г. итогов работы всех экспедиций с 1725 по 1743 г. на Северо-Востоке, когда, по меткому выражению выдающегося мореплавателя А. И. Чирикова, «открылось не

Остров Имоклит (Имаглин) и «отпрыдыш Окивахай», или остров Укняк (скала Фэруэй).

на малой части земноводного глобуза много земель и островов, о которых до упомянутого времени было неизвестно, а ныне явственно...», весомые научные результаты принесли, как оказалось, труды геодезиста Гвоздева. Авторитетная комиссия Морской академии по составлению итоговой карты русских географических открытий в Сибири и в северной части Тихого океана после тщательного изучения обобщила многочисленные картографические материалы и создала «Генеральную карту Российской империи северных и восточных сибирских берегов»¹. В легенде к ней перечислены использованные источники картосоставления, из которых отметим лишь относящиеся к работам М. С. Гвоздева: «...а от Охотского острога западный берег Пенжинского моря положен с карт посыланных в ту сторону морем мичманов Ртищева да Шельтинга, а земля, положенная против чюкоцкого Восточного угла к востоку, лежащая от 65° до 68° N ширины, положена с карты геодезиста Гвоздева» (Крашенинников, 1949, с. 795—797; Ефимов, 1950, с. 191; Дивин, 1953, с. 240). Подобные же сведения ранее приводились на первом варианте генеральной карты (в меркаторской проекции), созданной по распоряжению А. И. Чирикова и переданной им летом 1745 г. перед отъездом из Енисейска в Петербург С. Вакселю. Это обстоятельство, кстати, позволяет нам обратить внимание историков камчатских экспедиций на не отмеченный факт проведения Чириковым работы по созданию итоговой карты еще в Сибири (первая половина 1745 г.), а не только в 1746 г. в стенах Морской академии. Таким образом, на генеральной карте 1746 г. участок западного берега Пенжинского моря от Охотска до устья р. Уды и Шантарские острова нанесены по съемкам, проведенным мичманом В. Ртищевым и А. Шельтингом при участии М. С. Гвоздева. Как показало сопоставление, на итоговой карте 1746 г. и карте Шпанберга 1743 г. (производной от карты Гвоздева, Юшина и Родичева) совершенно идентично изображение береговой линии от устья Камчатки до Чукотки, островов в проливе и берегов Аляски. Правда, не обошлось без картографического курьеза. На карте Морской академии острова Диомида показаны дважды — как открытие Беринга и как открытие Гвоздева. В 1728 г. Беринг открыл только один, самый западный из островов в проливе и назвал его именем святого Диомиды. Под тем названием поместили этот остров и составители карты 1746 г. Однако, увидев на карте Шпанберга — Гвоздева с товарищами три остро-

¹ ЦГВИА, ф. ВУА, № 23466, 20227; АЦКП ВМФ, № 82; Экспедиция Беринга, с. 14.

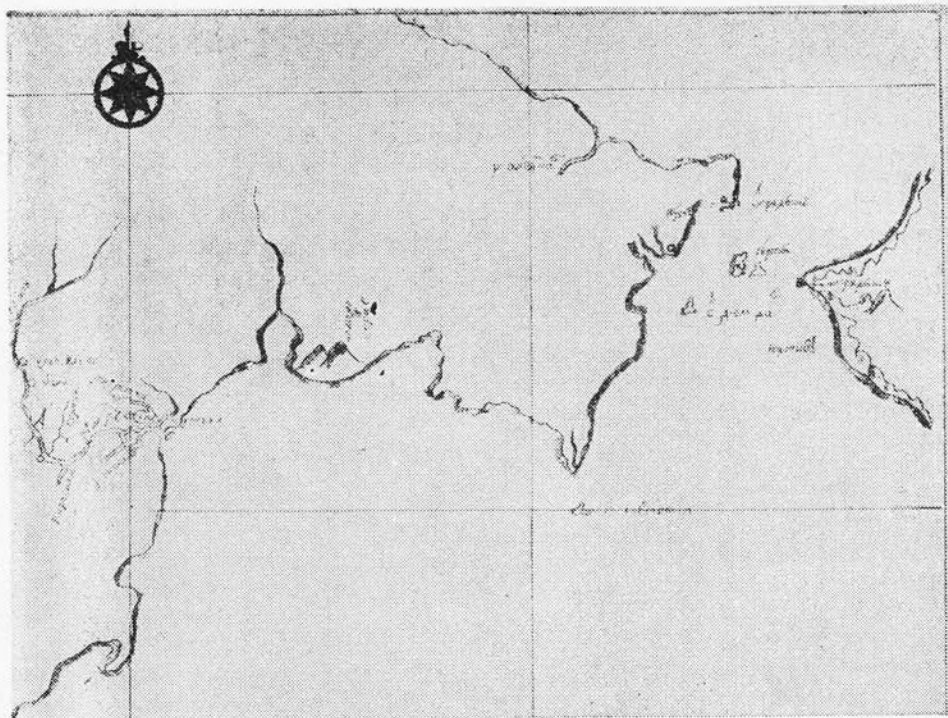
ва (современные Ратманова, Крузенштерна и скала Фэруэй), картографы академии нанесли на свою карту и эти острова, поместив их на широте мыса Принца Уэльского, севернее берингова «Св. Диомида». Тем не менее очертания Чукотки и берегов Аляски, заимствованные с карты Шпанберга — Гвоздева с товарищами 1743 г., на генеральных картах 1746 г. Морской академии были для своего времени наиболее точны и достоверны. К сожалению, научные результаты исследований М. С. Гвоздева и Второй Камчатской экспедиции не получили соответствующего отражения ни в Атласе Академии наук 1745 г., ни на обзорной карте 1754—1758 гг. Географического департамента (Гольденберг, 1976, с. 54).

В отличие от рукописных и строго ограниченных для широкого использования карт Морской академии, печатные карты Миллера 1754—1758 гг. и Миллера — Трускотта 1773 г. получили распространение в России и за рубежом, открыв еще одну, на этот раз ошибочную традицию в изображении Северо-Востока Азии, Северного и Тихого океанов. Появление на миллеровских картах грушевидного Чукотского полуострова, несуществующих архипелагов в Тихом океане и других фантастических построений объясняется тем, что Академии наук и академику Миллеру не удалось получить из Адмиралтейской коллегии новейшие данные.

Ошибочно полагать, что об открытии Гвоздевым островов и американского берега стало известно лишь в середине XIX в. после опубликования статей о походе 1732 г. На самом же деле поступившие в Адмиралтейскую коллегию рапорты геодезиста 1741—1743 гг. и его карта похода в переработке Шпанберга стали объектами пристального изучения со стороны участников почти всех последующих экспедиций на Северо-Восток Азии, в Северный Ледовитый и Тихий океаны. На протяжении почти пятидесяти лет эти материалы стали единственным и надежным источником для суждений о труднодоступном и малоисследованном районе.

При составлении своего обстоятельного проекта освоения Дальнего Востока (июнь 1746 г.) А. И. Чириков особо остановился на фактах обнаружения участниками Второй Камчатской экспедиции в районе острова Беринга и «при других местах» различных животных (Дивин, 1953, с. 219). Он подчеркнул: «а потому уповательно, что и у протчих тамошних островов бобры, нерпы, коты и киты имеются, а та земля, которую показывает, что видел, геодезист Гвоздев, с жителями, находится прямым разстоянием от устья реки Камчатки не меньше как 1700 верст... от Анадырского острога рекою Анадырем и морем более 1100 верст, а от устья Анадыря одним морем больше 600 верст... При Чукотской земле в море имеютца моржи, киты, нерпы и протчее морское, тому чаятельно будет, по недальному разстоянию, и при земле, виденной от геодезиста Гвоздева»¹.

¹ ЦГАВМФ СССР, ф. 230, д. 1, л. 56; для сравнения см.: Соколов, 18516, с. 463—464.

Деталь итоговой карты русских открытий в Северном Ледовитом и Тихом океанах. 1746 г.
ЦГВИА, ф. ВУА, № 23466.

Среди проблем обследования малонизученных земель и островов Чириков выдвинул задачу нового похода к американскому берегу, считая необходимым расширить и углубить сведения, полученные М. С. Гвоздевым. «Когда время допустит, хотя и не скоро,— писал ученый мореплаватель,— и до земли, виденной Гвоздевым, лежащей выше 64 градусов северной ширины, и хотя она от Камчатки далека, да и клемата того места холодная, почему плодов произносить та земля не может, точию слух обносится, будто имеется на ней много соболей и протчих зверей, для подлинного осведомления сходить бы и к той земле»¹.

Остались и другие заметные следы интенсивного и целенаправленного использования материалов Гвоздева. Сохранились многочисленные копии и выписки из рапортов геодезиста с комментариями и пометами заинтересованных лиц, относящиеся к 50—70-м гг. XVIII в. Среди них, например, «выписка из рапорта геодезиста Гвоздева, поданная флота капитану Шпанбергу», изготовленная для анадырского командира Ф. Плениснера, записка для экспедиции Креницына — Левашова — «по рапорту геодезиста Гвоздева капитану от флота Шпанбергу показано...»

¹ ЦГАВМФ СССР, ф. 230, д. 1, л. 61 об.; ф. 216, д. 48, л. 742 и об.; см.: Соколов, 18516, с. 465.

и т. п.¹ На обороте копии П. Фондезина карты Шпанберга 1743 г. помещены две пометы. Первая — не верно раскрывает содержание документа: «NO 1 карта. Плавание от Охотска до Камчатки геодезиста Гвоздева в 1732 году». Вторая запись: «копии с коллекских карт, данных при отправлении в экспедицию, а подлинные копии оставлены в Петропавловской гавани» (АЦКП ВМФ, № 69). Вторая помета убедительно подтверждает, что в Адмиралтейской коллегии сложилась определенная система использования картографических материалов для нужд вновь формирующихся экспедиций. Особо широкий размах приняло копирование документальных материалов при возобновлении камчатской экспедиции в 1754 г. Для В. А. Мятлева и Ф. И. Соймонова Адмиралтейская коллегия организовала снятие многочисленных копий, описи которых имеют большое научное значение. Среди них отметим, например, «Реестр поданным в коллегию от бывших в Камчаткой экспедиции офицеров их журналов, с которых списаны копии», где указан вахтенный журнал «№ 15 штурмана Ртищева и геодезиста Гвоздева 1742 года»; «Реестр камчатских походов нижеписанным картам и планам... и с них срисованы копии», в который под № 5 внесена «Карта Пензенским морем от Большерецка до Курильских островов мичмана Ртищева и геодезиста Михаила Гвоздева. Подклеена холстом»², а № 42 имеют «Два плана удобным к поселению местам при Охоцке геодезиста Гвоздева, на холсте» (с примечанием на полях: «один оставлен в коллегии, один послан к Мятлеву без копий»)³. Сохранилась копия карты Шпанберга 1743 г., изготовленная в 1754 г. Ф. Трапезниковым (АЦКП МФ, № 70).

Карта Шпанберга 1743 г. и гвоздевские описания похода были использованы экспедицией Н. П. Шалаурова. На карте северо-восточной Сибири, составленной «пищиком» экспедиции Филиппом Вертлюговым в 1767 г., очертания берега Большой земли и островов в проливе точно повторяют изображение 1743 г. (Сохе, 1780, с. 322). Кроме того, Вертлюгов, по-видимому, на основании рапортов геодезиста обозначил маршрут похода 1732 г. На карте прямыми пунктирными линиями показан «сих красного виду точек путь Гаврила бота» от устья Камчатки до «Чюкоцкого носа», далее от азиатского мыса мимо островов (с севера) к американскому, а обратно почему-то только до острова Карагинского. Произвольно нанесена трасса и на карте (не ранее 1767 г.) Т. Перевалова. На ней маршрут пролег с юга на север между первым и вторым островами Берингова пролива и окончился у американского мыса⁴. Подобные попытки нанесения примерной трассы плавания судна М. С. Гвоздева предпринимались неоднократно. Из современных вариантов назовем маршруты, показанные, например, на исторических картах «Великие русские географические открытия в Тихом и Северном

¹ ЦГАВМФ СССР, ф. 172, д. 408, ч. 1, л. 46—49а, 413—416 об.; ф. 913, оп. 1, д. 1, л. 84 об.—92.

² Там же, ф. 216, д. 73, л. 111—113, 126—128.

³ Там же, л. 115, 128 об.

⁴ ЦГАДА, ф. 192, Иркутская губ., № 10.

Ледовитом океанах в первой половине XVIII в.» из «Морского атласа» 1958 г. (л. 13) и «Важнейшие походы землепроходцев и научные экспедиции в Сибири конца XVI—XVIII вв.» из «Истории Сибири» (т. 2, 1968).

Письменные и графические свидетельства о плавании, составленные М. С. Гвоздевым, по достоинству оценили и выдающиеся ученые XVIII в. Так, не сомневаясь, что «Северный Сибирский океан с Атлантическим и Тихим непрерывное соединение имеет и что Азия от Северной Америки отделена водами», великий М. В. Ломоносов отметил, «что против Чукотского носу есть земля, острова или матерая, о том уверяют известию геодезиста Гвоздева и объявления тамошних жителей» (Ломоносов, 1952, с. 451). Едва заняв пост сибирского губернатора, Ф. И. Соколов поспешил сообщить Екатерине II свое мнение о существовании Нового Света. Он, ранее встречавшийся в Иркутске с Гвоздевым, писал в рапорте 27 ноября 1757 г.: «...явное доказательство и следующее есть, что... в 1732 году отправлен был из Охотска в бытность Скорнякова-Писарева геодезист Гвоздев, который у той земли был. И хотя никаких других обстоятельств не упомянет, да и журналу его не отыскано, однако он мне словесно объявил, что довольно лесов на той земле видел» (Дивин, 1956, с. 41).

46 лет спустя после плавания М. С. Гвоздева острова Диомиды в августе 1778 г. видела экспедиция английского мореплавателя Дж. Кука. Не дав нового наименования каждому острову в отдельности, Кук назвал их в совокупности островами Диомиды (Cook, 1785, с. 243—244), северо-западную оконечность полуострова на американской земле — «Cap Prince Wales — мыс Принца Уэльского (в транскрипции XVIII—XIX вв. — Принца Валийского), а остров Окибан (Укивок) — King (Кинг). Академик П. С. Паллас, сравнивая результаты плаваний 1732 и 1778 гг., с удовлетворением подчеркнул точность русских картографических произведений. «Достойно замечания, — писал ученый, — что означенный на наших старых картах по открытиям геодезиста Гвоздева берег матерой земли американской против Чукотского носу нарочито сходствует положением длины и ширины с тем, какое определяет капитан Кук» (Паллас, 1781, с. 142). Несколько преувеличивая, морской историк В. Н. Берх считал, что Гвоздев определил «с математической точностью широты трех маленьких островов в Беринговом проливе и противулежащий им мыс Америки» (Берх, 1819, с. 10).

На картах русского картографа конца XVIII в. профессора Горного училища А. Вильбрехта острова Диомиды и Укивок не названы. Ученый пытался сочетать новое западноевропейское наименование западного мыса полуострова Сьюард с историческим чукотским топонимом, введенным в обиход казачьим сотником И. Кобелевым. На карте последнего, опубликованной в 1784 г., была сделана надпись: «Американский нос, виден был геодезистом Гвоздевым в 1732 году и назван Землица Гигмальская». Отметим, что ни в одном из документов М. С. Гвоздева такого названия найти нельзя. «Землица Гигмальская» — это трансформация встречаемого в источниках XVIII в. чукотского обозначения

«кыхмыльцы», «мыс Кынг-Мын», «земля Кыгмын» и т. п. Все эти наименования заимствованы у чукоч: чукотское название Америки — Земля кыхмыльц, то есть эскимосская (Берг, 1920, с. 128). На карте А. Вильбрехта 1787 г., увидевшей свет на русском и французском языках, написано: «м. Принц Вальской», а затем последовало, умышленно или нет, ироническое напоминание, в сущности перечеркивающее введенное Куком название: «Сей нос был еще известен в 1732 году геод. Гвоздевым под названием Землица Кыгмальская». Не лишне заметить, что советские исследователи неоднократно и совершенно справедливо не могли удержаться от упрека Дж. Куку в отношении искусственного присвоения северо-западному мысу северо-американского континента произвольного и исторически необоснованного названия (Svet, Fedotova, 1978, с. 9). Вспомним, как великий мореплаватель В. М. Головнин в свое время язвительно иронизировал над пристрастием иностранцев давать свои названия новым местам. Он писал, что если бы кто-нибудь из них совершил открытия, подобные русским, достигшим в 30—40-е годы XVIII в. Америки, «то не токмо все мысы, острова и заливы американские получили бы фамилии князей и графов, но даже и по голым камням рассадил бы он всех министров и всю знать; и комплименты свои обнародовал бы всему свету» (Головнин, 1864, с. 121). Хотя наименование, предложенное Куком, укрепилось и существует до сих пор, некоторые русские ученые в знак протеста упорно продолжали называть мыс иначе. Так, например, историк В. Н. Берх на своих картах в первой половине XIX в. постоянно называл американский мыс, как «М. Гвоздева» или «мыс, открытый Гвоздевым в 1732 году». Представляется важным восстановление исторической справедливости: мыс должен быть переименован и назван в честь первооткрывателя петровского геодезиста М. С. Гвоздева.

Проблема отражения и закрепления отечественного приоритета открытий в названиях географических объектов давно волновала русских мореплавателей и путешественников. При обследовании островов Диомиды Г. А. Сарычев в 1791 г. переименовал острова, правильно присвоив им название «острова Гвоздевы»¹. Изучение островов Гвоздева в 1816 г. продолжил лейтенант О. Е. Коцебу, который назвал один из островов в честь первого русского кругосветного мореплавателя И. Ф. Крузенштерна. Тогда же в связи с туманами Коцебу «открыл» несуществующий в действительности четвертый остров и присвоил ему имя капитан-лейтенанта М. И. Ратманова. Когда стало ясно, что четвертого острова не существует, его название было перенесено Г. С. Шишмаревым в 1820 г. на самый западный из островов Гвоздева. Наименования, существующие и поныне, вслед за Коцебу и Шишмаревым закрепил в 1826 г. мореплаватель Ф. Бичи. Он довольно точно нанес на карту острова Ратманова и Крузенштерна, а самый маленький восточный ост-

¹ В справке об островах Гвоздева (Диомиды) составители сборника «Русские мореплаватели» (1953) ошибочно указывают, что названы они так в середине XVIII в. Г. Ф. Миллером.

ров назвал Fairway Rock — скала «Добрый путь» (Биркенгоф, 1972, с. 110). Но и при последовательном восстановлении исторически сложившихся обозначений нередко допускались ошибки, как это случилось, например, с знаменитым Ф. П. Литке. В 1828 г. во время обследования островов Гвоздева он вернул каждому из них местное название, а в целом назвал островами Диомиды, полагая, что так их наименовал еще В. Беринг. Но Литке и не подозревал, что капитан-командор и экипаж «Св. Гавриила» в 1728 г. видели только один остров (Ратманова). С тех пор острова, увиденные и впервые описанные М. С. Гвоздевым в 1732 г., на русских и иностранных картах Берингова пролива не имеют устойчивого обозначения. Этот архипелаг чаще всего стали называть островами Диомиды. Однако нередко встречается сарычевское «острова Гвоздева» (французский атлас А. Дюфура 1860 г., шведский атлас Боньера, 1951 г., и др.) или двойное обозначение, как на карте Л. А. Загоскина 1844 г. «острова Гвоздева, или Св. Диомиды», в Морском атласе 1950—1958 гг. — «острова Диомиды (Гвоздева)». Пока еще не осуществлено предложение видных русских географов П. П. Семенова-Тянь-Шаньского и академика Л. С. Берга отметить память Гвоздева, назвав его именем острова Диомиды (Наумов, 1951, с. 37).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Настойчивые усилия в освоении района Северо-Востока и новых земель в Ледовитом и Тихом океанах в первой половине XVIII в. принесли значительные успехи. Дальневосточная экспедиция Шестакова — Павлуцкого в ходе выполнения приказов, инструкций и распоряжений центральных правительственных органов и сибирских властей осуществила важные рекогносцировочные поиски и географические описания. Ее отдельные сухопутные и морские отряды активно участвовали в изучении дальневосточных земель и морей.

Первые гидрографические работы в дельте Лены выполнила группа участников экспедиции во главе с И. Козыревским и матросом М. Турнаевым. Она провела промеры глубин четырех главных устьев, собрала ценную информацию о природных особенностях региона и интересные сведения о плаваниях торговых и промышленных людей по морю для промыслов. Помимо сбора ясака отрядами А. Ф. Шестакова и И. Остафьева проводились различные наблюдения и описания физико-географического, экономического и этнографического характера о Корякской земле, в результате чего все более достоверными становились данные о реках, урочищах, острожках и других географических объектах прибрежной части Ламского моря от Охотска до Пенжинской губы.

Несмотря на отдельные попытки замолчать или исказить значение похода 1732 г. (Hulley, 1953), в целом современной мировой научной (Fisher, 1978) и научно-популярной (Lower, 1978) литературой признана ценность географических открытий Гвоздева в Беринговом проливе и научная значимость достижения русскими мореплавателями берегов Северо-Западной Америки.

Важно отметить совершенствование методов обследований. Во-первых, все без исключения походы, включая и разведывательные, объединенные общим стратегическим планом, получали конкретные программы поиска. Такова, например, программа исследования морских островов и Большой земли «против» устья Колымы, врученная В. Шипицыну при организации похода к Анадырскому острогу. Во-вторых, обязательным элементом экспедиционной деятельности становятся научные изыскания в области географии, картографии, гидрографии, навигации и горнозаводского дела. В 20—30-х гг. XVIII в. к участию в экспедициях кроме мореходов, матросов, солдат, служилых и работных людей привле-

каются высококвалифицированные морские офицеры, хорошо владеющие теорией и практикой морского дела и гидрографии, геодезисты, подготовленные для проведения съемочных и картосоставительских работ на научной основе, опытные горняки, искушенные в поисках полезных ископаемых. Особенно ярко проявила себя наметившаяся тенденция при организации и в ходе работ Второй Камчатской экспедиции, в которой находились тщательно отобранный командный состав, специальный «академический» отряд, группа умелых геодезистов, рудознатцев.

Во время морских путешествий в 1729—1730 гг. на судах «Фортуна» и «Св. Гавриил» под руководством В. А. Шестакова и А. Шергина, И. Г. Шестакова по маршрутам Охотский острог — устье р. Уды — Большерецкий острог — Курильские острова — устье Амура проводилась опись юго-западной части Охотского моря, осмотр и описание флоры и фауны Шантарского и Феоклитова островов, устья Уды, промер глубин в устье Амура.

Большой вклад в историю начального изучения труднодоступного отдаленного и малоисследованного Чукотского полуострова внесла партия Д. И. Павлуцкого. Ею был осуществлен сбор и систематизация обширных сведений, полученных от местных жителей и анадырских служилых людей о Большой земле и островах вблизи «Чюкоцкого носа». Из наиболее существенных географических достижений Анадырской партии отметим детальное исследование прибрежной полосы Чукотского полуострова, береговой линии от Колючинской губы до устья р. Анадыря, открытие системы р. Чаун и Чаунской губы, достоверная характеристика полуострова в целом. Только в результате походов под командованием Д. И. Павлуцкого и обобщения накопленных сведений о рельефе, речной сети, растительности, населении полуострова смогли появиться подробные описания и правдоподобные картографические изображения Чукотки, выполненные Я. И. Линденау и Т. Переваловым.

В 1732 г. экипаж русского судна «Св. Гавриил» под командованием геодезиста М. С. Гвоздева первым из европейцев достиг берегов Северо-Западной Америки. Пионеры в исследовании достижений Берингова пролива и Аляски осуществили важные географические открытия, наметившие начальный этап истории русско-американских отношений, истории социально-экономических, политических и торговых связей разделенных узким проливом двух континентов. Они сделали первые шаги на пути становления России как тихоокеанской державы.

Крупнейшее географическое событие первой половины XVIII в. — экспедиция и открытия М. С. Гвоздева имело выдающееся научно-историческое значение. В результате плавания «Св. Гавриила» в 1732 г. появилось первое в мире правдоподобное картографическое изображение Берингова пролива, островов в проливе, позднее названных именем Гвоздева, участка аляскинского берега и его северо-западного выступа. По сравнению с Первой Камчатской экспедицией В. Беринга был достигнут значительный прогресс в обследовании северной части Тихого океана. Под руководством М. С. Гвоздева морской отряд партии Шестакова — Павлуцкого впервые пересек пролив с запада на восток, тем

самым на основе бесспорных фактических данных доказал раздельность азиатского и американского материков, зафиксировал расположение Большой земли и кратчайший путь к ней от Восточного (Дежнева) мыса через острова (Диомида — Гвоздева).

Отважные мореплаватели, умело преодолев сложные навигационные условия (мели, штормы, неисправности такелажа), побывали на островах Берингова пролива, собрали разнообразные сведения о коренном населении Чукотки, островов и Большой земли, а также о физико-географических и других особенностях района плавания. Несмотря на фрагментарность и лаконичность, полученные данные долгое время служили единственным источником для ориентирования и в целом правильных представлений о северной части Тихого океана.

Ценнейшее научное наследие оставил геодезист М. С. Гвоздев. Его рапорты-описания — первое известное в науке документальное свидетельство достижения русскими северо-западного берега Америки. Научные результаты плавания, обобщенные и показанные на карте 1743 г., оказали самое непосредственное влияние на последующее развитие картографического изображения берегов и островов Берингова пролива в русской и зарубежной картографии второй половины XVIII в. — начала XIX в. Географические открытия Гвоздева с различной степенью подробности нашли отражение на сводных картах Второй Камчатской экспедиции и Морской академии 1745—1746 гг., карте мира Г. М. Ловица 1746 г., картах открытий Ж. Н. Делиля 1752 г., Г. Ф. Миллера 1754—1758 гг., а также Ф. И. Соймонова 1760 г., Т. Перевалова 1767 г., И. Ф. Трускотта — Г. Ф. Миллера 1773 г., И. Кобелева 1779 г., А. Вильбрехта 1787 г., Г. А. Сарычева 1791 г., О. Е. Коцебу 1816 г., В. Н. Берха 1821 г.

Хотя первооткрытия Гвоздева получили всеобщее признание еще у современников, восхищение подвигом геодезиста наиболее удачно выражено много плававшим по морям историком: «имя его пребудет незабвенным до того времени, пока существовать будут описанные им острова» (Берх, 1819, с. 10).

В ходе освоения дальневосточных земель и открытия новых районов положительную роль сыграла и известная историческая преемственность. Практический опыт морского путешествия под руководством М. С. Гвоздева изучался и использовался всеми последующими северо-восточными экспедициями и в особенности Второй Камчатской экспедицией. Многие участники похода 1732 г. стали членами экипажей «Св. Петра» и «Св. Павла», которые под командованием В. Беринга и А. И. Чирикова во время плавания 1741 г. открыли новый участок Северо-Западной Америки и Алеутские острова.

Перешел на службу во Вторую Камчатскую экспедицию и геодезист Гвоздев. С тех пор символическую надпись, нанесенную на различных картах у американского мыса, — «здесь был геодезист Гвоздев» — можно было бы поместить у многих других географических объектов. И среди них прежде всего морской берег на юг от Охотска, описанный Гвоздевым в апреле — июне 1741 г., устье р. Большой, Курильские острова,

восточный берег Сахалина, р. Уда и Шантарские острова, обследованные совместно с А. Шельтингом и В. Ртищевым во время плаваний на дубель-шлюпе «Надежда» в сентябре — октябре 1741 г. и июле — октябре 1742 г. Наконец, это районы Иркутской провинции, картографированием которых Гвоздев занимался до последних дней своей тридцатидвухлетней службы в Сибири.

На географических картах Дальнего Востока и морских картах Северного Ледовитого и Тихого океанов запечатлены выдающиеся заслуги участников экспедиции Шестакова — Павлуцкого и Второй Камчатской экспедиции Беринга — Чирикова в исследовании и освоении Северо-Востока Азии.

Именем петровского геодезиста, выходца из народа, М. С. Гвоздева назван один из мысов острова Сахалина. К югу от Анадырского залива находится губа Гавриила, — названная так в 1828 г. в честь судна камчатских экспедиций и охотской флотилии бота «Св. Гавриил» (Меновщиков, 1972, с. 91). О неутомимой деятельности И. П. Козыревского, составившего первые карты и описания Курильских островов, напоминают залив Козыревского на острове Шумшу, мысы Козыревского на островах Парамушир и Шумшу, населенный пункт Козыревское (остров Шумшу) и гора на острове Парамушир. Речка Козыревка и поселок Козыревский на Камчатке — свидетельство уважения к памяти землепроходца П. Ф. Козыревского.

Отражены на карте памятные места, связанные с деятельностью руководителя Дальневосточной партии, возглавившего поход по Корякской земле к Пенжинскому заливу. В честь А. Ф. Шестакова названы: бухта полуострова Хметевского в Охотском море, мыс Тауйской губы, селение на берегу Пенжинской губы, бывшая речка Эгача (район гибели якутского казачьего головы), остров Шестаковский (Пенжинская губа). В междуречье Пенжины и Оклана существует Шестаковский перевал.

Гора (потухший вулкан) Шестакова на острове Онекотан, поселок Шестаково (остров Шумшу) и пролив Фортуна (между островами Шикотан и Ловушки) своими наименованиями отмечают значительный вклад в изучение Курильских островов, который внес сын казачьего головы Василий Шестаков — командир бота «Фортуна».

Именем непосредственного начальника М. С. Гвоздева — капитана М. П. Шпанберга названы гора и мыс в Анадырском заливе, остров в Карском море, гора на острове Сахалин. Еще в 1796 г. английский мореплаватель Броутон присвоил острову Шикотану имя его первооткрывателя Шпанберга. В 1946 г. было восстановлено айновское название острова, а имя Шпанберга взято в скобки. Отмечены на карте соратники М. С. Гвоздева по плаваниям 1741—1742 гг. — гора и мыс Шельтинга на острове Сахалин, залив Шельтинга в Охотском море, река Ртищева (Южный Сахалин).

В географических названиях карты Советского Союза увековечены и многие другие славные участники великих русских географических открытий. Родина чтит эти имена. С ними связаны героические дела ос-

воения Сибири и Дальнего Востока и ярчайшие примеры проявленного мужества и стойкости, настойчивости и трудолюбия, целеустремленности. Отважных русских первопроходцев, смелых мореходов и мореплавателей, солдат и офицеров, служилых людей объединили прекрасные человеческие качества — любовь к Отчизне и преданность служебному долгу. Их свершения достойны и восхищения и подражания.

Как вещее напоминание современному читателю звучит проникновенное обращение русского поэта XVIII в. И. Дмитриева:

Не забывай, потомок,
Что росс, твой предок, и на Востоке громок.

ЛИТЕРАТУРА

Александров Б. В. Описание рукописных карт XVIII в., хранящихся в отделе рукописной книги Библиотеки Академии наук СССР.— В кн.: В. Ф. Гнучева. Географический департамент Академии наук XVIII в. М.—Л., 1946.

Алексеев А. И. Сыны отважные России. Магадан, 1970.

Алексеев А. И. Братья Шмалевы. Магадан, 1958.

Андреев А. И. Очерки по источниковедению Сибири. Вып. 2. XVIII век (первая половина). М.—Л., 1965.

Андреев А. И. Основание Академии наук в Петербурге.— В кн.: Петр Великий. М.—Л., 1947.

Андреев А. И. Экспедиции В. Беринга.— Изв. ВГО, 1943а, вып. 2.

Андреев А. И. Русские открытия в Тихом океане в первой половине XVIII в.— Изв. ВГО, 1943б, вып. 3.

Андреев А. И. Заметки по исторической географии Сибири XVI—XVIII вв.— Изв. ВГО, 1940, вып. 2.

Атлас географических открытий в Сибири и в Северо-Западной Америке XVII—XVIII вв. /Под ред. А. В. Ефимова. М., 1964.

Баскин С. И. Большой чертеж Камчадальской земли.— Изв. ВГО, 1949, т. 81, вып. 2.

Белов М. И. История открытия и освоения Северного морского пути. М., 1956, т. 1.

Белов М. И. О составлении Генеральной карты Второй Камчатской экспедиции 1746 г.— Географический сборник. М.—Л., 1954, т. 3.

Берг Л. С. Известия о Беринговом проливе и его берегах до Беринга и Кука.— Зап. по гидрографии. Пг., 1920, т. II (43), вып. 2.

Берг Л. С. Открытие Камчатки и экспедиции Беринга. Л., 1935.

Берг Л. С. Первые карты Камчатки.— Изв. ВГО, 1943, вып. 4.

Берг Л. С. Открытие Камчатки и экспедиции Беринга. 1725—1742. 3-е изд. М.—Л., 1946.

Берх В. Н. Разные известия и показания о Чукотской земле.— Северный архив, 1825, ч. 18, № 22.

Берх В. Н. Первое морское путешествие россиян, предпринятое для решения географической задачи: соединяется ли Азия с Америкой? и совершенное в 1727, 28 и 29 годах под начальством флота капитана 1-го ранга Витуса Беринга. СПб., 1823.

Берх В. Н. Путешествие головы Афанасия Шестакова и поход майора Павлутского в 1729 и 1730 годах.— Сын отечества, 1819, № XX.

Биркенгоф А. Л. К истории названий «острова Гвоздева (Диомиды)», «Берингов пролив» и «Берингово море».— В кн.: Страны и народы Востока. М., 1972, вып. XIII.

Вдовин И. С. Очерки истории и этнографии чукчей. М.—Л., 1965.

Вдовин И. С. Чертежи Чукотки 1742 и 1746 гг.— Изв. ВГО, 1943, вып. 4.

Визе В. Ю. Моря Советской Арктики. М.—Л., 1948.

Вилков О. Н. Народные движения в Сибири XVIII в.— В кн.: Бахрушинские чтения 1966 г. Новосибирск, 1968, вып. II.

Воскобойников В. И. Слово на карте: Из истории географических названий Камчатского полуострова. Петропавловск-Камчатский, 1962.

Гнучева В. Ф. Географический департамент Академии наук XVIII века. М.—Л., 1946.

Головин В. М. Сочинения и переводы. СПб., 1864, т. III.

Гольденберг Л. А. «Здесь был геодезист Гвоздев» (картографические тради-

ции XVIII в. в изображении первооткрытий в Беринговом проливе).— Изв. ВГО, 1982, № 6.

Гольденберг Л. А. Тобольская опись В. Шишкина 1738 г. и новые источники о походах на Чукотку, Камчатку и к берегам Америки.— Советские архивы, 1980а, № 3.

Гольденберг Л. А. Карта Шестакова 1724 г.— В кн.: Использование старых карт в географических и исторических исследованиях /Моск. фил. Географ. общ. М., 1980б.

Гольденберг Л. А. Каторжанин — сибирский губернатор: Жизнь и труды Ф. И. Соймонова. Магадан, 1979.

Греков В. И. Очерки из истории русских географических исследований в 1725—1765 гг. М., 1960.

Гурвич И. С. Этническая история северо-восточной Сибири. М., 1966.

Дивин В. А. Русские мореплавания на Тихом океане в XVIII в. М., 1971.

Дивин В. А. К берегам Америки. Плавание и исследования М. С. Гвоздева, первооткрывателя Северо-Западной Америки. М., 1956.

Дивин В. А. Великий русский мореплаватель А. И. Чириков. М., 1953.

Диков Н. Н. Археологические памятники Камчатки, Чукотки и Верхней Колымы: Азия на стыке с Америкой в древности. М., 1977.

Егерман Э. «Путь до Япон».— Записки по гидрографии. СПб., т. 38, вып. 3, 1914.

Ефимов А. В. Из истории великих русских географических открытий. М., 1971.

Ефимов А. В. Из истории картографии Дальнего Востока: Сб. статей по истории Дальнего Востока. М., 1958.

Ефимов А. В. Из истории великих русских географических открытий в Северном Ледовитом и Тихом океанах. XVII—первая половина XVIII в. М., 1950.

Ефимов А. В. О картах, относящихся к великим русским географическим открытиям XVII и первой половины XVIII вв.— В кн.: С. П. Крашенинников. Описание земли Камчатки. М.— Л., 1949.

Ефимов А. В. Из истории русских экспедиций на Тихом океане. Первая половина XVIII века. М., 1948.

Загоскин Л. А. Путешествия и исследования лейтенанта Лаврентия Загоскина в Русской Америке в 1842—1844 гг. М., 1956.

Знаменский С. В. В поисках Японии. Благовещенск, 1929.

Зубов Н. Н. Отечественные мореплаватели — исследователи морей и океанов. М., 1954.

Кирилов И. К. Цветущее состояние Всероссийского государства. М., 1977.

Клепиков С. А. Филигранные и штемпели на бумаге русского и иностранного производства XVII—XX века. М., 1959.

Княжецкая Е. А. История одной географической ошибки петровского времени.— В кн.: Путешествия и географические открытия в XV—XIX веках. М.— Л., 1965.

Колониальная политика царизма на Камчатке и Чукотке в XVIII веке: Сб. архивных материалов. Л., 1935.

Косвен М. О. Этнографические результаты Великой Северной экспедиции 1733—1743 гг.— Сибирский этногр. сборник, т. III. М.— Л., 1961.

Коцебу О. Е. Путешествие в Южный океан и в Берингов пролив для отыскания северо-восточного морского прохода, предпринятое в 1815, 1816, 1817 и 1818 годах на корабле «Рюрик»... СПб., 1821, ч. 1.

Крашенинников С. П. Описание земли Камчатки. М.— Л., 1949.

Кушнарев Е. Г. В поисках пролива. Первая Камчатская экспедиция 1725—1730. Л., 1976.

Лаптев С. Н. О некоторых петровских геодезистах-топографах, участниках Второй Камчатской экспедиции.— Уч. записки Пермского гос. ун-та, Пермь, 1967, № 615.

Лебедев Д. М. География петровского времени. М.— Л., 1950.

Линденау Я. И. Описание народов Сибири (первая половина XVIII века). Магадан, 1983.

Литке Ф. П. Путешествие вокруг света, совершенное на военном шлюпе «Сенявин» в 1826, 1827, 1828 и 1829 годах. СПб., 1835.

Ломоносов М. В. Краткое описание разных путешествий по северным морям

и показание возможного проходу Сибирским океаном в Восточную Индию.— Полн. собр. соч. М.—Л., 1952, т. 6.

Лоция северо-западной части Восточного океана. Ч. 4. Берингово море и пролив Беринга. СПб., 1909.

Материалы для истории русского флота. СПб., 1866, ч. 3; СПб., 1875, ч. 5.

Медушевская О. М. Картографические источники по истории русских географических открытий на Тихом океане во 2-й половине XVIII века.— Труды Моск. гос. историко-архивного ин-та, 1954, т. 7.

Меновщиков Г. А. Местные названия на карте Чукотки. Магадан, 1972.

Миллер Г. Ф. Описание морских путешествий по Ледовитому и по Восточному морю с российской стороны учиненных.— Сочинения и переводы, к пользе и увеселению служащие, т. VII, январь—май; т. VIII, июль—сентябрь, ноябрь, 1758.

Морской атлас. 1950—1958.

Наумов А. В. О карте русских открытий XVIII века в северной части Америки.— Труды Моск. ин-та инженеров геодезии, аэро съемки и картографии, 1951, вып. 13.

Огрызко И. И. Открытие Курильских островов.— Уч. зап. ЛГУ, 1953, № 157, вып. 2.

Описание старинных атласов, карт и планов XVI, XVII, XVIII веков и половины XIX века, хранящихся в Архиве Центрального картографического производства ВМФ. Л., 1958.

Орлова Е. П. Чертежи Чукотки Якова Линденау и Тимофея Перевалова.— Вопросы географии Дальнего Востока, 1957, сб. 3.

Паллас П. О российских открытиях в морях между Азией и Америкой.— Месяцеслов исторический и географический на 1781 г.

Памятники Сибирской истории XVIII века. СПб., 1882—1885, кн. I и II.

Пасецкий В. М. Витус Беринг. М., 1982.

Полевой Б. П. Первооткрыватели Курильских островов. Южно-Сахалинск, 1982.

Полевой Б. П. Первооткрыватели Сахалина. Южно-Сахалинск, 1959.

Полонский А. Поход геодезиста Михаила Гвоздева в Берингов пролив 1732 года.— Морской сборник, 1850, т. IV, № 11.

Пушкин А. С. Заметки при чтении «Описания земли Камчатки» С. П. Крашенинникова.— Полн. собр. соч. М.—Л., 1949, т. 9.

Русская тихоокеанская эпопея. Хабаровск, 1979.

Русские открытия в Тихом океане и Северной Америке в XVIII веке. /Под ред. и со вступ. статьей А. И. Андреева. М., 1948.

Сарычев Г. А. Путешествие флота капитана Сарычева по Северо-восточной части Сибири, Ледовитому морю и Восточному океану, в продолжении осьмью лет, при географической и астрономической морской экспедиции, бывшей под начальством флота капитана Биллингса с 1785 по 1793 год. СПб., 1802, ч. 1—2.

Сафронов Ф. Г. Русские на северо-востоке Азии в XVII—середине XIX в. М., 1978.

Сгибнев А. С. Материалы для истории Камчатки. Экспедиция Шестакова.— Морской сборник, 1869а, т. 100, № 2.

Сгибнев А. С. Исторический очерк главнейших событий в Камчатке.— Морской сборник, 1869б, т. 101, № 4; т. 102, № 6.

Сгибнев А. С. Охотский порт с 1649 по 1852 г.: (Исторический очерк).— Морской сборник, 1869в, т. 105, № 11—12.

Сгибнев А. С. Большой Камчатский наряд: (Экспедиция Елчина).— Морской сборник, 1868, т. 99, № 12.

Сгибнев А. С. Навигацкие школы в Сибири.— Морской сборник, 1866, т. 87, № 11.

Сергеев В. К. Московская математико-навигационная школа.— Вопросы географии, 1954, сб. 34.

Соколов А. П. Первый поход русских к Америке 1732 года.— Записки Гидрографического департамента Морского министерства, СПб., 1851а, ч. 9.

Соколов А. П. Северная экспедиция 1733—43 года.— Записки Гидрографического департамента Морского министерства, СПб., 1851б, ч. 9.

Сопотко А. А. Вахтенные журналы и картографические материалы первой половины XVIII в. как исторические источники (на примере историко-географического моделирования плаваний В. Беринга в 1728—1729 и 1741—1742 гг.). Автореф. канд. дис. Киев, 1978.

Стрелов Е. Д. Акты архивов Якутской области (1650—1800). Якутск, 1916, т. I. Тебеньков М. Д. Гидрографические замечания к атласу северо-западных берегов Америки, островов Алеутских и некоторых мест Северного Тихого океана. СПб., 1852.

Троицкий В. А. О картах Сибири Петра Чичагова.— Изв. ВГО, 1974, № 2.

Троицкий С. М. Сибирская администрация в середине XVIII в.— В кн.: Вопросы истории Сибири досоветского периода. Новосибирск, 1973.

Федорова С. Г. Русское население Аляски и Калифорнии. Конец XVIII века — 1867 г. М., 1971.

Федорова С. Г. К вопросу о ранних русских поселениях на Аляске.— Летопись Севера. М., 1964, т. IV.

Фельс С. Е. Картография России XVIII века. М., 1960.

Черевко К. Е. Игнатий Козыревский — автор описания Апонского государства.— Проблемы Дальнего Востока, 1975, № 2.

Шибанов Ф. А. Геодезическое образование в России в первой половине XVIII века.— Вестник ЛГУ, № 6. Сер. геология, география, 1980, вып. 1.

Шибанов Ф. А. Очерки по истории отечественной картографии. Л., 1971.

Экспедиция Беринга: Сб. документов / Подготовил к печати А. Покровский. М., 1941.

Akizuki T. Kozyrevsky's Expeditions and Maps of the Kurile Islands. «Hoppo Buka Kenkyu» (Bulletin of the Institute for the Study of North Eurasian Cultures Hokkaido University). vol. 3, 1968.

Bagrow L. A. History of Russian cartography up to 1800. Ed. by H. Castner. Ontario, 1975.

Bagrow L. A few remarks on maps of the Amur, the Tartar Strait and Sakhalin. «Imago Mundi», vol. 12, 1955.

Bagrow L. Die Priorität der Entdeckung des Amurs, des Tatarischen Golfs und der Insel Sachalin. «Jamato», H. 2—3, 1931.

Bering Sea and Strait Pilot, N 23. Publ. by the Hydrographer of the Navy. Fourth edition. London, 1966.

Breitfuss L. Early Maps of North-Eastern Asia and of the Lands around the North Pacific. Controversy between G. F. Müller and N. Delisle. «Imago Mundi», vol. 3, 1939.

Cook J. Voyage to the Pacific Ocean in the Years 1776, 1777, 1778, 1779 and 1780, vol. II. London, 1785.

Coxe W. Account of the Russian Discoveries between Asia and America. London, 1780.

Fisher R. Bering's Voyages. Whither and Why. Seattle and London, 1977.

Golder F. Bering's Voyages. vol. I—II. New York, 1922.

Golder F. Russian Expansion on the Pacific. 1641—1850. Cleveland, 1914.

Hulley C. Alaska. 1741—1753. Portland, 1953.

Lower A. Ocean of Destiny: A Concise History of the North Pacific, 1500—1978. Vancouver, 1978.

Pallas P. Geographische Beschreibung des Anadyrflusses. «Neue Nordische Beiträge». Bd. I, St. 2. SPb.—Leipzig, 1781.

Sailing directions (Onroute). For the East coast of the USSR. Hydrographic Center. Pub. N. 155, 1972.

Svet Ya., Fedorova S. Captain Cook and the Russians. «Pacific Studies», vol. II, N 1, 1978.

United States coast pilot. N. 9. Pacific and Arctic coasts of Alaska, Cape Spencer to Beaufort Sea. Seventh Edition. 1964.

ПРИЛОЖЕНИЕ

ДОКУМЕНТЫ УЧАСТНИКОВ ЭКСПЕДИЦИИ ШЕСТАКОВА — ПАВЛУЦКОГО

№ 1

1728 г. января 24. — Контракт с Берг-коллегией рудознатца Симона Гардеболя

По силе присланного из Высокого Сената декабря 24 дня прошлого 1727 года на доношение Берг-коллегии резолюции в государственной Берг-коллегии с галанцом пробирным мастером Симоном Гардеболом следующей кантракт заключен.

1

Понеже по указу из Высокого Сената майя 15 дня 1727 года велено из Якуцка к Камчатке и в другие тамошние места для взыскания новых земель и призыву в подданство немирных иноземцов послать из обер-афицеров по рассмотрению сибирского губернатора и с ним казачья голову Афонася Шестакова с служилыми людьми, а при той партии послать из Берг-коллегии рудознатца и пробовальщика из Санкт-Петербурга или из сибирского обер-берг-амта. И хотя по силе того указа по определению Берг-коллегии и велено пробирера и рудознатца отправить при помянутой партии из сибирского обер-берг-амта, однако ж, как Берг-коллегия уповает, что в пробовальных мастерах и в сибирском обер-берг-амте есть не без нужды, того ради для помянутой посылки оной Гардеболь в службу е. и. в. приемлетца с рангом пробирного мастера.

2

Ехать ему, Гардеболу, с вышеписанною партией, куда оная отправляетца, и смотреть ему в том проезде не точию металлов, но и знатных минералов, как здесь в дорогой цене покупаются, со всякою верностью и прилежностью, как доброму и честному человеку надлежит, и в том с верным радением по данной ему из Берг-коллегии инструкции и впредь присланным от оного указом поступать имеет.

3

С ним же, Гардеболом, по силе вышеписанного сенацкого указа, из сибирского обер-берг-амта отправить из русских одного пробирного ученика и одного рудознатца, дабы оныя во время, ежели какие ему, Гардеболу, притчины случатца, могли в сис-

ками руд и пробах по данной ему, Гардеболу, инструкции сами исправятца, чтоб в таком отдаленном крае по намерению е. и. в. божие благословение в сысканьи руд и минералов туне не осталось.

4

Е. и. в. жалованья для той дальней и многотрудной посылки, покамест он, Гардебол, тамо пробудет по силе указа Высокого Сената, определяетца ему от заключения сего контракта по четыреста рублей в год. И на первой один год имеет оное получить здесь в Берг-коллегии, а на другой год, ежели по прошению ему в Москве не выдают, то выдать ему в Тобольску на счет сибирского обер-берг-амта. А буде в той партии пробудут они более дву лет, то получать ему против других в тое партию отправленных по вышеписанному окладу на сколько времени оным производитца будет из якуцких доходов на счет Берг-коллегии. А по возвращении оттуда, ежели в службе е. и. в. он быть пожелает, тогда по усмотрению дела ево, и ежели ж он Берг-коллегии будет потребен, учинено с ним будет о жалованье определение по примеру протчих пробирных мастеров, в ведении Берг-коллегии обретающихся, по рассмотрению. И для того в сем контракте числа окончания Гардебола службе не упоминается.

5

От Санкт-Питербурха до Москвы и до Тобольска ему, Гардеболу, и под инструменты и материалы определяетца дать три подводы, а от Тобольска до Якуцка для прибылых отголе материалов и инструментов, сколько необходимо будет потребно, за платою за них указных прогонов ис казны е. и. в., а от Якуцка до Камчатки и протчих мест, куда оной партии тракт будет надлежит, на наем подвод и на протчие потребности держать ему собственные свои деньги, а ис казны не требовать, как он о том доношением своим обязался.

6

Належащие ему к тому пробирному делу инструменты и материалы с потребными к ним весками и гирями по объявленной от него росписи купить в Санкт-Питербурхе, а иные за трудностию провоза или которых здесь в Санкт-Питербурхе купить не сыщется, те отправятся из Москвы или из сибирского обер-берг-амта.

7

Ежели божием благословением и счастьем е. и. в., а его, Гардеболовым, трудом и тщанием изыщется в рудах и в минералах, как об оных выше упомянуто, какая прибыль, то ево, Гардебола, Берг-коллегия обладеживает е. и. в. милостию и награждением, смотря по силе учиненной им государственной пользы.

8

Пробирного ученика и рудознатца, которые с ним, Гардеболом, из сибирского обер-берг-амта отправятца на кошт Берг-коллегии, имеет он обучать в пробах металл и минерал нескрытно и со всяким прилежанием, сколько он сам в том искусства имеет.

Покамест же означенная партия в своем действии медлить имеет, до того времени оному Гардеболу быть при ней, не требуя возвращения прежде, как она определенное свое дело исправит или о возвращении указ иметь будет, разве только тогда, ежели егда ево в прииске металлов и минералов за неимением оных к пользе государственной (чего не дай боже) бесплодна покажется, и то в таком засвидетельствовании, чтоб помянутые посланные при той партии голова и афицеры подписались под присягою, а ему, Гардеболу, и посланным с ним пробирщику и рудознатцу подписатца ж в том под смертную казнию.

10

В прочем имеет он, Гардебол, е. и. в. из государственной Берг-коллегии службу свою ревностно и послушно исправлять и во всем помянутой коллегии указом непременно поступать. О произведении ж своего дела, как часто случай допустит, коллегию репортовать, и в том учинить ему присягу по ево закону.

Заключен в Санкт-Петербурге генваря 24 дня 1728 году.

У подлинного приписано тако: Алексей Зыбин, Иоан Мартын Михайлис, Вилим Бланкагаген, Симон Гардебол. Секретарь Михайло Селиверстов.

ЦГАДА, ф. 248, кн. 773, л. 151 об.— 153 об. Копия.

№ 2

1730 г. май — Из челобитной Анне Ивановне монаха И. П. Козыревского о служебных посылках.

...И в прошлом 727-м году отправленной по указу из Санкт-Петербурга в партии на Восточное и Северное море для прииску вновь земель, островов и народов к пользе Российской империи и для прибытку государственного интереса якуцкой казачей голова Афанасей Шестаков предъявлял в Тобольской губернской канцелярии, что я, нижайший, к той партии надобен и паче других о морских островах и народах и о путях известен, чего ради по оным ево, Шестакова, предложениям из оной губернской канцелярии с ним, Шестаковым, и отправлен. И о том моем отправлении, и за вышеписанные мои прежние службы о показании ко мне всякого благодеяния, и о прочем, и о церковном строении, и о богадельне при пустыне на Камчатке, и о том из оной губернской канцелярии послан в Якуцк к воеводе Полуехтову указ, также и в Тобольской архиерейской приказ в 727-м и в 729-м годах промемориями писано, против которых ничего не исполнено, но токмо в Якуцку принял смертное увечье, а не благодеяние, а от кого и о том о всем из Тобольска объявлено в Сенат.

И будучи я, нижайший, в той посланной партии без жалованья, службу свою в монастыре показал, а имянно: по посылке от него, Шестакова, из Якуцка Леною рекою на Северное море водяной путь на своем коште проведаль и на Северном море акиане в 728-м году был (которого пути наперед сего по многим посылкам из Якуцкие канцелярии против указов служилые люди и обыскать не могли и объявили они якобы море и устье оные реки льдом замерзло); и от того я, нижайший, пришел в скудость и в крайнюю нужду и впал в долги, которые имею на себе больши семисот рублей, и о том моем проведывании и награждении за оную мою службу и в выдаче

мне ис казны денег за строение судна Эверса и за купленной карбас всего сто десять рублей тридцать копеек, также и о остановке своей партии за неотправлением из Якуцкие канцелярии против присланных ис Тобольской губернской канцелярии указом морских и шкиперских припасов и протчих инструментов, и что надлежит в морской путь, также и о посылке для возвращения разоренным ясашным иноземцам обидимаго в Якуцку и о присудствии якуцком от русских людей, чтоб кроме воеводы, который бы мог ясашных иноземцов охранить и обидимое им возратить, дабы слышно было оноо возвращение в тамошних дальних краях немирные разные народы по призыву посланной партии доброжелательно в поданство под Российскую державу в ясашной платеж без бою приходили. И послал он, Шестаков, из Якуцка со мною, нижайшим, в Тоболеск пять камней для апробации, и о всем он, Шестаков, в Тобольскую губернскую канцелярию писал доношения. И будучи я, нижайший, в Тобольску о выдаче за оную мою службу и что в том пути и проведывании был без жалованные дачи и назаймовал вышеписанные деньги и за строение помянутого судна Эверса и за купленной карбас никакого награждения не учинено и денег ис казны в. и. в. ничего мне, нижайшему, в Тобольску не выдано, но токмо оная губернская канцелярия паки в посланную партию возвратно без жалованья и награждения и без священника и церковных треб меня ж, нижайшего, отправлять определила. И ведая я, нижайший, тамошнюю смертную нужду и гибель, что за скудостью и нищетою помереть будет мне, нижайшему, в той партии голодною смертию безвременно, понеже в тамошних краях служилые люди, которые скудные и бедные и те с великою нуждою из Якуцка поднимаютца на службу, кроме прожиточных, и оные голодною смертию напрасно умирают и в зимнее время безвременно замерзают до смерти, понеже и в 726-м году от отправленных из Якуцка на Ламу морского флота с капитаном Берингом в работу служилых людей человек с шестьдесят и больши голодною смертию померли и примерзли в том Ламском пути занапрасно. И убоясь я, нижайший, без жалованья дачи и награждения итти и принять такую напрасную смерть, был опасен и чрез письмо от него, Шестакова, о отбытии ево из Якуцка на оную Ламу и дале в путь уведомился в Тобольску...

ЦГАДА, ф. 248, кн. 777, л. 80—80 об.

№ 3

1732 г. мая 1. — Письмо М. С. Гвоздева штурману Я. Я. Генсу с изложением распоряжения Д. И. Павлуцкого о назначении геодезиста главой морского похода к Большой земле.

От посланной партии штурману Якову Генсу

Сего 732 году мая 1 дня в присланном ордере из Анадырского острогу от господина капитана Дмитрея Ивановича Павлутцкого мне, геодезисту Михайлу Гвоздеву, повелено у тебя, штурмана, салдат и служилых людей и коликое число налицо ружья, пороху, свинцу и харчевых всяких припасов и правянту принять, иметь над салдаты и служилыми людьми крепкое смотрение. А тебе, штурману, и подштурману велеть ведать над одними матрозы, а в продчем никакой вам воли не давать и на боте Гаврииле обще с вами, штурманом и подштурманом, буде вы од болезни выздоровели, итти на море, куды по присланным ордерам повелено, которые присланы в 731-м году. А буде ты, штурман, глазами слеп и ногами скорбен, также и подштурман в морской

ход на море вас не брать и оставить в Нижнем остроге, дабы вы од болезней выздоровели. Да мне повелено взять на бот Гавриил в морской ход мореходов, которые были на море с капитаном господином Берингом, и поступать мне во всем как е. и. в. указы повелевают. А как вы за болезнями оставлены будите в Нижнем, то взять мне на бот Гаврил матрозов и иметь над ними всякое смотрение; а взятых аманатов и буде имеетца в зборе у тебя ясачная казна староплатежных повелено отдать комиссаром с роспискою. А которые были иноземцы в ызмене и тех содержать мне до указу е. и. в. в ясачной избе под крепким караулом.

И того ради тебе, штурману, служилых людей и мореходов, салдат и матрозов прислать ко мне в каманду, також и кормовых припасов, правнiantу и масла, бот Гаврил и протчие припасы, свинец и порох отдать к нам с роспискою в неукоснительном времени, как указы е. и. в. и присланной ордер повелевает.

Геодезист *Михайло Гвоздев*

1732 год мая 1 дня

ЦГАВМФ СССР, ф. 216, оп. 1, д. 5, л. 126—127.

№ 4

1732 г. июля 2. — Письмо М. С. Гвоздева штурману Я. Я. Генсу об отправлении в морской поход

От посланной партии штурману Якову Генсу.

Сего 732 году прошедшего мая 1 дня по присланному ко мне ордеру из Анадырского острогу от господина капитана Павлуцкого: ежели ты, штурман, от болезней свободился, то велено вам со мной итти опче в показанной морской тракт на морском судне боте Гавриле, куды нам по присланным ордером итти повелено, иметь вам над матрозы каманду, а буде вы от болезней не выздоровели, то повелено вас в Нижнем оставить, дабы вы от болезней выздоровели. А сего июля 8 дня отправляюсь я в показанной морской путь со служилыми людьми.

И до получении сего письма тебе, штурману, к означенному числу к морскому пути быть в готовности, а буде от болезни своей не выздоровел, то тебе к нам ответить письменно сего ж числа.

Геодезист *Михайло Гвоздев*

1732 году июля 2 дня

ЦГАВМФ СССР, ф. 216, оп. 1, д. 4, л. 61.

№ 5

1743 г. августа 24. — Распоряжение М. П. Шпанберга геодезисту М. С. Гвоздеву представить отчетные документы о морском походе 1732 г.

Ордир геодезисту Михайлу Гвоздеву

Промеморию из Охоцкой канцелярии, писанною к нам сего 743 году апреля от 20 числа, требовано от нас известия: в бытность вашу в морском вояже о островах, которые пошли от реки Камчатки в северную сторону к Большой земли, и о той Боль-

шой земли, сколько оныя от Камчатки или от Чюкоцкого жилища и от Анадырска далеко имеютца и под какими градусами состоят, мы известны ль, и откуда каким благонадежным путем и каким способом со употреблением к нам притить можно, и как расстоянием острова и земля состоят, и какие при том леса и прочие места и угодыя и гавани имеютца и люди жительствоуют, и сколько многолюдны, и кого-нибудь над собою, хотя одного или разных владетелей имеют ли, и те их владетели самовластны ль или кому платят дань и чем, и разговоры, и язык, и грамоту, и деньги, с каким-нибудь народом сходны ль, имеют или особливо во всем оном свою натуру, и чем оные питаютца, и при той же обладаемой ими земли пахотные места имеютца ль или живут кочевьями, питаютца рыбным промыслом, и тот промысел какими заводами имеют, и не имеют ли какова свойства и согласия с чюкчами, и не помогают ли тем чюкчам в походах и в побитии подданных е. и. в. русских людей и ясачных коряк, также и за вышеписанною Большою землею нет ли каких земель и островов з жительствоующими ж на них людьми, о которых донныне здесь неизвестно, и какое ж имянно по вышеозначенному обыкновение и состояние имеют, и под которыми градусами и в которой ширине находятца.

А понеже, как ис той промемории видно и нам небезизвестно, вы в прошлом 1732-м году от реки Камчатки на морском судне боте Гаврииле обще с подштюрманом Федоровым для описания вышеписанных островов и Большой земли были, того ради по получении сего по вышеобъявленному обстоятельству для представления от нас куда надлежит, и сколько вами во означенную вашу в той северной стороне бытность было видно и описано со всякою верностию и обстоятельством без проронки с предложением при том всему оному вами описанию содержанного вами тогда днурнала и карты, ежели оные у вас имеютца (которым и быть надлежит), и нас репортовать обстоятельно.

флота капитан М. Spanberg

ЦГАВМФ СССР, ф. 216, оп. 1, д. 99, л. 238 об.

СЛОВАРЬ

Алтын — денежная единица, равная 6 деньгам, или 3 копейкам.

Аманат — заложник.

Бакан — багряная краска.

Бат — лодка, выдолбленная из целого дерева.

Ведение — сообщение; вид документа в коллежском делопроизводстве.

Виска — ручей, протока, проран, прорва, соединяющая реки и озера.

Вож — проводник.

Выбойка — бумажная или льняная ткань с напечатанным на ней узором.

Гумигут — желтая краска.

Десть — мера счета писчей бумаги, 24 листа.

Жеребей — кусочек, отрезок железа (свинца) вместо пули.

Золотник — мера веса = $\frac{1}{96}$ фунта = 4,266 г.

Извет — донос.

Иордань — место на льду и прорубь для водоосвящения во время церковного праздника (крещения).

Камень — гора, скала, хребет, горный кряж.

Камера-обскура — ящик с системой линз, позволяющих проецировать изображение предметов в уменьшенном виде на бумагу (для рисования).

Камлотовый — сшитый из суровой шерстяной ткани.

Камчатый — сделанный из камки (шелковая ткань с разводами).

Картуз — бумажный мешочек для пороха или табака.

Килеванье — положение судна на боку для ремонта его подводной части.

Констапель, подконстапель — младшие офицерские чины в морской артиллерии, соответствуют чину прапорщика, подпрапорщика.

Корга — взморье, морская отмель.

Корольки — бусы.

Коты — морские котики.

Кошка — коса на взморье; плеть с несколькими концами (хвостами).

Крашенина — крашеный и лошенный холст.

Крутик — синяя краска.

Курантик — пестик для растирания красок.

Курильская земляца — южная часть Камчатского полуострова.

Куяк — доспехи, латы из металлических блях или щитков на сукне.

Лайда — иловатая прибрежная мель, обнажаемая отливом; заболоченные луга на низменных берегах морского побережья; речные поемные берега.

Накипень (наслед) — бугры, замерзлые кочки, лед буграми на родниках.

Напарья — бурав.

Обер-штеркригс-комиссар — заместитель главного интенданта армии (флота).

Ордер — письменный приказ (распоряжение).

Отпрядыш — отдельная крутая скала в море или отдельный камень.

Парка — верхняя зимняя одежда, сшитая из оленьих шкур.

Пель-компас — компас с мишенями для пеленгования.

Пестрядь — пеньковая, грубая ткань.

Плотбище — место сооружения плотов у реки; верфь.

Подбой — подкладка.

Промемория — служебный документ коллежского делопроизводства в переписке между не подчиненными друг другу учреждениями или лицами.

Пря — прения, спор, борьба, состязание.

Равдуга (ровдуга) — выделанная оленья шкура.

Рентерея — казначейство.

Скобель — нож с двумя поперечными ручками по концам для строганья черне.

«Слово и дело государево» — формула, сопровождающая донос на кого-либо с обвинением в государственном преступлении, отмененная Екатериной II в 1762 г.

Стопа — мера счета писчей бумаги в 20 дестей.

Толмач — переводчик.

Тойон (тоён) — старшина, вождь.

Фанзовая — изготовленная из шелковой ткани.

Фузея — мушкет, ружье.

Целовальник — хранитель казенных товаров; сборщик пошлин.

Чащина — своеобразный сверхьясак, сбор в пользу ясачного сборщика, устанавливаемый обычно произвольно.

Шивера — перекат.

Шитики — по объяснению морского офицера В. И. Казанцева (1736 г.), ходили по Пенжинскому морю «...суды плоскодонные шитики... потому

названы, что доску з доскою сшивали прутьями или кореньем, а гвоздями не сколачивали. И те шитики к зимнему времени вытаскивали по следам на сухой берег и тут лежали всю зиму. А весной к походу выконопатят и засмолят и по тем же следам спустят на воду» (ЦГАДА, ф. 248, кн. 7312, л. 41).

Экстракт — вид документа в коллежском делопроизводстве; изложение основного содержания или извлечение наиболее существенных частей документа.

Юкола — сушеная рыба.

Ясырь — пленник.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- ААН — Архив Академии наук.
 АВПР — Архив внешней политики России.
 АЦКП ВМФ — Архив Центрального картографического производства Военно-Морского флота.
 ВГО — Всесоюзное Географическое общество.
 ВУА — Военно-ученый архив.
 д. — дело.
 кн. — книга.
 л. — лист.
 МГАМИД — Московский главный архив Министерства иностранных дел.
 МИРФ — Материалы для истории русского флота.
 об. — оборот.
 оп. — опись.
 ПСЗ — Полное собрание законов Российской империи.
 РТЭ — Русская тихоокеанская эпопея.
 ф. — фонд.
 ф. 3 — Географический департамент Академии наук.
 ф. 7 — Преображенский приказ, Тайная канцелярия и Тайная экспедиция.
 ф. 9 — Кабинет Петра I и его продолжение.
 ф. 21 — Дела Морского ведомства.
 ф. 24 — Сибирский приказ и управление Сибирью.
 ф. 172 — Канцелярия И. Б. Чернышева.
 ф. 176 — Адмиралтейская канцелярия.
 ф. 192 — Картографический отдел библиотеки Московского главного архива Министерства иностранных дел.
 ф. 199 — Г. Ф. Миллер («портфели»).
 ф. 212 — Адмиралтейств-коллегия.
 ф. 214 — Сибирский приказ.
 ф. 216 — В. Беринг.
 ф. 230 — Походная канцелярия адмирала Н. Ф. Головина.
 ф. 233 — Ф. М. Апраксин.
 ф. 248 — Сенат.
 ф. 286 — Герольдмейстерская контора.
 ф. 339 — Российско-Американская компания.
 ф. 913 — Архив гидрографии.
 ф. 1002 — Камчатская геодезическая партия.
 ф. 1331 — Гидрографическое управление.
 ф. 1343 — Департамент герольдии.
 ЦГАВМФ СССР — Центральный государственный архив Военно-Морского флота СССР.
 ЦГАДА — Центральный государственный архив древних актов.
 ЦГВИА — Центральный государственный военно-исторический архив.
 ЦГИА — Центральный государственный исторический архив.
 ч. — часть.

ОГЛАВЛЕНИЕ

От автора	5
Глава 1. Проект якутского казачьего головы А. Ф. Шестакова	8
Глава 2. Подготовка похода на Дальний Восток	30
Глава 3. Экспедиция Шестакова — Павлуцкого	39
Тобольск — Якутск	39
В Якутске	50
Охотск и Корякская земля	65
Анадырская партия на Чукотке	77
На Камчатке	96
Глава 4. Первооткрыватели Аляски со стороны Тихого океана	114
Командир Камчатской партии геодезист М. С. Гвоздев — глава морского похода	114
Плавание бота «Св. Гавриил» к берегам Северо-Западной Америки в 1732 г.	123
Глава 5. Правители Камчатки	139
Глава 6. «...Всегда в великом труде и нужде»	166
Воспитанник Морской академии	166
В команде Охотского порта	169
Геодезист Второй Камчатской экспедиции	178
Томский гарнизон и Нерчинская экспедиция	198
Глава 7. «Здесь был геодезист Гвоздев»	206
Заключение	220
Литература	225
Приложение	229
Словарь	235
Список сокращений	237

ДАЛЬНЕВОСТОЧНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА

Леонид Аркадьевич Гольденберг

МЕЖДУ ДВУМЯ ЭКСПЕДИЦИЯМИ БЕРИНГА

Редактор Л. Н. Ягунова

Художественный редактор Ю. А. Коровкин

Художник Ю. А. Коровкин

Технический редактор К. И. Болдырева

Корректор Г. А. Козеева

ИБ 00529

Сдано в набор 22.08.83. Подписано к печати 27.01.84. АХ—01649. Формат 70×90/16. Бум. типогр. № 2. Гарн. литературная. Печать высокая. Усл. печ. л. 17,55. Усл. кр.-отт. 18,135. Уч.-изд. л. 17,24. Тираж 10 000 экз. Заказ 870. Цена 95 к.

Магаданское книжное издательство, 685000, г. Магадан, пр. Ленина, 2. Магаданская областная типография Управления издательства, полиграфии и книжной торговли Магаданского облисполкома, 685000, г. Магадан, пл. Горького, 9

Гольденберг Л. А.

Г63 Между двумя экспедициями Беринга.— Магадан: Кн. изд-во, 1984.— 239 с., ил.— (Дальневост. ист. б-ка).

95 к. 10 000 экз.

Книга посвящена одному из слабо исследованных этапов освоения Восточной Сибири и Тихого океана первой половины XVIII в. Прослежены ход и результаты изучения Северо-Востока Азии анадырским, камчатским, охотским и морским отрядами Дальневосточной экспедиции якутского казачьего головы А. Ф. Шестакова и капитана Д. И. Павлуцкого. Впервые приведены архивные сведения о проекте экспедиции, ее организации, гидрографическом обследовании дельты Лены первопроходцем И. П. Козыревским, о деятельности рудоизнателя С. Гардеболя, картографировании охотоморского побережья, исследовании в Беринговом проливе и на Камчатке. Раскрывается значение выдающегося подвига петровского геодезиста М. С. Гвоздева, под командованием которого экипаж русского судна «Св. Гавриил» первым из европейцев открыл Аляску со стороны Тихого океана.

Книга рассчитана на широкий круг читателей, интересующихся историей наук о Земле, а также проблемами восстановления русского приоритета в великих географических открытиях на Северо-Востоке Азии.

Г $\frac{0503000000-008}{M-149(03)-084}$ 38-84

26.89(2P55)+26.8г